ЗАГАДКА

ГОДА

НИКОЛАЙ ВЕЛИКАНОВ

ИЗМЕНА МАРШАЛОВ

Загадка

37

года

НИКОЛАЙ ВЕЛИКАНОВ

ИЗМЕНА МАРШАЛОВ

МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2008

УДК 82-94
ББК 63.3(2Рос)-8
В 27

Великанов Н. Т.

В 27 Измена маршалов / Николай Великанов. — М.: Алгоритм, 2008. — 400 с. — (Загадка 37-го года)-

ISBN 978-5-9265-0575-4

Сейчас мало кто сомневается в оздоровительной силе для страны процессов 37-го года, накануне войны с Германией. Тогда произошло очищение Красной Армии, ее командного состава от бездарной троцкистской верхушки. Об этом, кстати, в конце Второй мировой говорили и главари Третьего рейха.

Никто не отрицает, что репрессии были жестокими, даже очень жестокими. Но ведь предательство и измена только так и карались всегда и везде. В этом смысле пример маршала Блюхера показателен. Он умер во внутренней тюрьме НКВД, избежав громкого суда, как это было с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и др.

В книге писателя-историка Николая Великанова правдиво показаны сложный путь В. К. Блюхера к вершине военной славы его драматический конец. Автором использованы документы из архивов ЦК КПСС, КГБ и ФСБ, Министерства обороны СССР и РФ, Фонда Государственного военного-исторического архива.

УДК 82-94
ББК63.3(2Р0С)-8

ISBN 978-5-9265-05754

ОТ АВТОРА

Какие только слухи не ходили в 20-х годах прошлого века о герое Гражданской войны, первом кавалере орденов Красного Знамени и Красной Звезды В.К. Блюхере.

Писатель-эмигрант Роман Гуль еще при жизни назвал Блюхера «генералом Немо». «Ни в СССР, ни за границей, — утверждал он, — никому не известно: кто он на самом деле...»

Французский публицист А. Роллен в статье «Маршал с железной маской Василий Константинович Блюхер»[1], опубликованной 10 августа 1938 года в журнале «Тан», задавался вопросом: «Откуда появился этот маршал?.. Ему приписывали самые странные происхождения. Этим объясняются прозвища, которые часто давались ему: «загадочный капитан», «таинственный маршал», «человек с железной маской»... По мнению некоторых, он человек с плохим прошлым, преступник, освобожденный революцией, возможно даже, человек, руки которого обагрены кровью, и такой кровью, пролитие которой не может быть оправдано никакой теорией...

Всегда казалось, что Блюхер может справиться с любым неожиданным положением. Это человек, созданный для исключительных положений. Он обладает даром импровизаций. В трудные моменты он всегда умел находить решение, а Богу одному известно, сколько авантюр было в его жиз-

[1] См.: Приложение.

ни. Их было столько, что даже самое богатое воображение не могло бы выдумать их».

Парадоксально, но факт: мифы так крепко приросли к этому человеку, что стали непременным атрибутом его биографии и десятилетиями тиражируются в различных публикациях.

И лишь в последнее время «белые пятна» в жизни знаменитого полководца начинают исчезать.

Книга «Маршал в железной маске» — плод скрупулезного исследования архивных документов, глубокого изучения исторических материалов о жизни и деятельности легендарного военачальника, одного из пяти первых Маршалов Советского Союза Василия Константиновича Блюхера.

ПРАВДА И МИФЫ

Родом из деревни Барщинка

Диковинная для ярославской глубинки фамилия Блюхер пошла от клички-прозвища одного из жителей деревни Барщинка — Феклиста. В деревне он ничем особенным не выделялся. Работал на барина, из бедности не вылезал. И тут — Отечественная война 1812 года, куда ушел Феклист рекрутом вместе с другими барщинцами, своими одногодками. Храбрым солдатом оказался он, отчаянно сражался с французами, за что был отмечен многими наградами. Когда вернулся в родные края невредимым, статным, с крестами во всю грудь, односельчане в один голос: ну, чистый генерал! А помещик Кожин, отставной военный в большом чине, как глянул на Феклиста, так тут же заключил: «Истинный фельдмаршал Блюхер». С тех пор и подхватил народ — Блюхер да Блюхер.

Во времена крепостного права крестьяне в России не имели фамилий, все звались по имени или по кличке. Так и носили Феклист и его дети прозвище Блюхеры. Лишь после 1861 года с принятием манифеста о раскрепощении кличка их превратилась в родовую фамилию.

Постепенно, к середине века род Блюхеров разросся, стал одним из коренных в Барщинке. От Леонтия, последыша Феклиста, взяли начало две семейные линии по сыновьям — Павлу и Федору. Отец разделил между ними имевшуюся у него в собственности землю по пять десятин. Но

у старшего сына — восемнадцать детей, в то время как у Федора четверо. Это неравенство и определило раздвоение рода: отпрыски Павла Леонтьевича стали «холодными» Блюхерами, т. е. бедными, а Федора Леонтьевича — «горячими» Блюхерами, богатыми.

Один из «Блюхеров-холодных» — сын Павла, Константин, как цыган, черный, взгляд исподлобья — рано отделился от отца на свои хлеба. Был он с людьми малословный, но на дело хваткий, до хозяйства жадный. Неподалеку от речки Волготни раскорчевал он кусок леса под пашню, огородил двор жердями. Затем всей деревней построили ему пятистенный дом. Оставалось хозяйку привести в него.

Константин давно приглядывался к дочери Василия Григорьевича Медведева из соседней деревни Курганове Зимой решил засватать ее. Анна Медведева — девка хоть куда: веселая, с певучим голосом, плясунья. И статью ладная, ростом высокая и на лицо пригожая, русая коса ниже пояса. Не по ней был приземистый, хмурый Константин Блюхер. Но что поделаешь, без любви, помимо воли отдали Анну за него замуж. Ничего, говорили, стерпится — слюбится.

Через год в семье Константина и Анны появился сын Василий. Он родился, согласно записи в книге актов регистрации населения, в деревне Барщинка Георгиевской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии 18 ноября (1 декабря по новому стилю) 1890 года. Крещен 21 ноября того же года в церкви в. Георгиевском-Раменье. Родители: отец — Блюхер Константин Павлович, мать — Блюхер Анна Васильевна, крестьяне, православные. Восприемники[1] деревни Курганово — крестьянин Василий Медведев, деревни Барщинка — крестьянская девица Александра Павлова. Священник Алексей Лавров. Диакон Николай Володарский.

---

[1] Восприемники — принимающие дитя при крещении в церкви от купели, крестные отец и мать.

Псаломщики — Дмитрий Соболев и Николай Лавров. Таинство крещения отец Алексей совершил по всем правилам, с местным причтом[1].

Документально удостоверенный факт рождения Василия Блюхера в русской крестьянской семье на Ярославщине впоследствии частенько будет подвергаться сомнению. Появятся различные мифы в отношении его происхождения. Что он, мол, из богатой дворянской семьи. Что он еврей, получивший на Западе разностороннее образование. И, наконец, что он французский отставной генерал, принявший русскую революцию. Но самым громким мифом стала германская версия о том, что В.К. Блюхер — ротмистр австро-венгерской армии граф Фердинанд фон Гален, погибший в Первую мировую войну.

Эту версию выдвинул бывший денщик фон Галена. В 1938 году, когда в Европе в широкой печати появились публикации об аресте маршала, он, увидев на фотографии Блюхера, так и ахнул: «Граф Фердинанд фон Гален!» И пошла по Германии гулять легенда, что фон Гален не погиб в 1915 году на русском фронте. Он был взят русскими в плен, переагитирован Советами и по предложению красных комиссаров принял новые имя и фамилию. Немец, естественно, выбрал фамилию героя войн с Наполеоном прусского генерал-фельдмаршала Гебхарда Леберехта Блюхера, отличавшегося энергией и решительностью, храбростью и неутомимостью.

Российский архивист В.Н. Баталии, выступая 4 ноября 2003 года на архивных чтениях, рассказал, что некоторое время назад к нему обратился немецкий продюсер Томас Куфус. Обратился с предложением принять участие в качестве консультанта создаваемого им сенсационного фильма

П р и ч т — штат священнослужителей (священники и дьяконы) и церковнослужителей (пономари, псаломщики, дьячки, чтецы и т. д.) при православной церкви.

об истории превращения ротмистра Фердинанда фон Гале¬на в Василия Константиновича Блюхера, героя Гражданской войны в России и одного из первых маршалов Советского Союза. Финансирование проекта взял на себя родственник Фердинанда фон Галена — Михаэль фон Гален, проживавший в Берлине и сотрудничавший с производственной киностудией «Опал».

Из разговора с Томасом Куфусом Баталин понял: все немцы, работавшие над этим проектом уже несколько лет, абсолютно уверены, что В.К. Блюхер и Фердинанд фон Гален — одно и то же лицо. На чем базировалась подобная уверенность? На трех «китах»: 1) на заявлении (более чем полувековой давности) денщика фон Галена; 2) на том факте, что в период работы в Китае В.К. Блюхер имел паспорт на имя З.В. Галина и 3) на заключении профессора, кандидата медицинских наук Рихарда П. Хелмера из Института судебной медицины Боннского университета, который провел сравнительное фотоисследование изображений ротмистра фон Галена и маршала В.К. Блюхера по заказу Михаэля фон Галена.

Баталин принял предложение Куфуса. Но, параллельно с консультированием «сенсационного» фильма по архивам, он занялся глубоким изучением немецких «трех «китов». Это была огромная поисковая и аналитическая работа. И Баталин на основе подлинных исторических материалов доказал: «киты» создателей фильма — чистейший блеф. Немцы сильно огорчились, но были вынуждены признать правоту архивных изысканий Баталина. Сенсация не состоялась, проект создания фильма о тождественности маршала В.К. Блюхера и графа фон Галена был «похоронен» — документальные факты победили искусно созданную легенду...

После Василия Анна Васильевна родила еще троих детей — дочерей Александру и Елизавету и сына Павла. Однако «не стерпелась — не слюбилась» ее жизнь с Константином. Отношения между ней и мужем сложились непро-

стые, и настоящего бабьего счастья на своем веку Анна не испытала. Вся радость была в детях. Им она всецело отдавала свою невостребованную любовь и ласку.

Василий рос физически крепким, подвижным мальчишкой. И на ум острым: быстро соображал, что к чему. Характером вышел покладистым, приветливым — в мать, видать. Анна не могла нарадоваться на старшенького: бог даст, добрым да счастливым человеком Васенька будет.

В школу пошел переростком, почти двенадцати лет. В своей деревне учиться было негде. Самая близкая церковно-приходская школа — в Середневке, в полутора верстах от Барщинки. Вот туда и записали Василия осенью 1902 года.

Семья жила бедно. Барщинцы кормились в основном от земли, а она, земля ярославская, не очень-то щедро откликалась на труд хлебопашцев. Чтобы вырастить хороший урожай, нужно немало положить сил на ниве. У Блюхеров рабочих рук было только четыре, а ртов целых пять. Поэтому, едва Василий успел проучиться в школе две зимы, отец сказал ему: «Нечего сапоги зря трепать, работать пора, а ты все за партой сидишь».

Многие жители окрестных деревень в нестрадную пору занимались заготовкой дров, древесного угля, ловлей куниц, белок, выдр, других пушных зверьков. Дрова и уголь возили на продажу в Рыбинск и Ярославль. Пушнину собирали в крупные партии и оптом отправляли в столицу. Иные крестьяне на зиму подавались на заработки в крупные города России.

У Константина Павловича Блюхера в Петербурге был знакомый купец Клочков, которому он периодически возил по сходной цене шкурки лесных зверьков. В одну из поездок в столицу (в 1904 году) Константин Павлович взял с собой четырнадцатилетнего Василия. Купцу Клочкову глянулся Блюхер-младший, и он принял его в служение «посыльным мальчиком» при мануфактурном магазине.

Константин Павлович и Анна Васильевна по-разному представляли себе судьбу старшего сына. Мать, записывая Василия в Середневскую церковно-приходскую школу, мечтала о том, чтобы Васенька после ее окончания пошел дальше в науке — выучился бы на священника или на учителя. Отец же видел в сыне будущего коммерсанта, а коль не получится, не худо, чтоб стал рабочим с крепкой профессией...

При мануфактурном магазине Клочкова Василий пробыл почти два года. Многое увидел он за это время в Питере, обвыкся в городской жизни. Он был свидетелем Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, принимал участие в революционных сходках.

Мать беспокоилась, переживала за Васеньку: бросил учебу, останется на всю жизнь неучем. А каково на чужбине без родительского глаза — а ну как собьется парень с пути праведного. День и ночь умоляла она упрямого мужа вернуть сына домой. И Константин Павлович сдался. Весной 1906 года Василий приехал в Барщинку и продолжил учебу в Середневской школе.

О том периоде через пятьдесят с лишним лет Иван Алексеевич Лавров, одноклассник Блюхера, расскажет: «С Васей Блюхером я вместе ходил в Середневскую школу. Он проучился в ней года два, а затем отец отправил его то ли в Питер, то ли в Москву. Жили они очень бедно, и, очевидно, отец хотел, чтобы он пораньше начал работать. Затем Вася снова приехал в деревню и стал снова ходить в Середневскую школу. Я жил не в Барщинке, а в Георгиевском-Раменье, и Вася заходил за мной по пути в школу. Мы вместе с ним и ватагой других ребят из Семенков и Макарова ходили в школу. По дороге, конечно, по-мальчишески резвились, играли в разные игры. Весной по половодью глушили щук... Вася пользовался у нас, у ребят, авторитетом. Он всегда принимал на себя командование, когда надо было отражать по дороге нападения пацанов из других деревень. Учился он легко. Был всесторонне развитым, сведущим. Очень хорошо умел рассказывать...»

Тот, кто вкусил быт большого города, тот потом всегда будет к нему тянуться. Василия Блюхера тяготила жизнь в Барщинке. И как только он окончил школу, так сразу же заявил родителям: «Поеду в Петербург». Отец недовольно бурчал: «Трудиться — кишка тонка. Вольного прохлаждения хочется...». Мать благословила сына: «Поезжай с богом. Теперь ты с образованием, может, в высоком ученье преуспеешь, с божьей помощью в большие люди выбьешься».

И вот опять Василий в Питере. На этот раз он самостоятельно поступил чернорабочим на Франко-русский завод Берда. Но проработал недолго, попал в «черные списки», как неблагонадежный, и вскоре его уволили. Полгода скитался без работы и в мае 1909 года уехал в Москву. Однако и здесь подходящего для себя дела не нашел. Познакомился с «лихими» ребятами, такими же, как он сам, искателями вольницы, и махнул на Волгу. Погуляв лето на реке-матушке, осенью вновь вернулся в Москву. Устроился в слесарную мастерскую на Мещанской. Не понравилось, перешел на вагоностроительный завод в Мытищах, где участвовал в революционных беспорядках, за что был арестован и посажен в тюрьму.

Было жаркое лето 1912 года, когда Василий после долгих скитаний на чужбине объявился в Барщинке. Соскучился по родным и близким, по местам детства.

...Свернув с большого тракта на тропинку, ведущую в деревню, Василий не чувствовал ног под собою. Впереди показалась Волготня, протекавшая напротив двора Блюхеров. Была она быстрая, как настоящая горная речка, но в летнюю пору сильно мельчала; многочисленные валуны на дне русла обнажались над водой и служили своеобразной переправой с одного берега на другой. Прыгая с валуна на валун, Василий не сразу признал сестру свою Шуру, довольно повзрослевшую с тех пор, как он ее в последний раз видел. А она, набиравшая воду из речки, увидела брата, побросала ведра и стремглав кинулась домой, крича матери: «Мама, мама, Вася идет! Наш Вася идет!»

Василий пробыл у родителей всего одну неделю и засобирался в дорогу. Сначала перебрался из Барщинки в Рыбинск, где устроился на работу в москательный магазин. Но вскоре его вновь потянул к себе большой город. Теперь он уехал в Москву, где поступил рабочим-погрузчиком в оптовый мануфактурный магазин. В магазине задержался недолго. Ушел сам или «ушли» его, неизвестно. Потом слесарничал в мастерских Московско-Казанской железной дороги. Одновременно учился на курсах при университете Шанявского.

Осенью 1914 года Василия призвали на военную службу...

Жизнь и мытарства Василия Блюхера с 1904 по 1914 годы, надо признать, слабо подтверждены какими-либо документами. Все вышеописанное исходит в основном из рассказов самого Блюхера. На это ссылаются почти все официальные источники — энциклопедии, словари, авторы различных печатных изданий советского периода и, конечно же, родственники Василия Константиновича. Вот некоторые выдержки из книг, воспоминаний, статей.

«В 1904 году, после окончания сельской церковно-приходской школы, — излагается в книге В.В. Душенькина «От солдата до маршала», — отец (Константин Павлович Блюхер. — *Н.В.)* отвез его (Василия. — *Н.В.)* в Петербург и отдал учеником в мануфактурный магазин купца Клочкова... Блюхер через восемь месяцев сбежал от купца и поступил чернорабочим на Франко-Русский завод, бывший Берда. Здесь, в среде петербургского пролетариата, он получил первую революционную закалку. В декабре 1908 года был уволен с завода. Полгода скитался он без работы.

В мае 1909 года В.К. Блюхер приехал в Москву, но и здесь его ждала неудача. Отчаявшись, он отправился искать счастья на Волгу... Осенью снова вернулся в Москву. Ему удалось устроиться в небольшую слесарную мастерскую на Мещанской улице, откуда вскоре перешел на вагоностроительный завод в Мытищах.

На Мытищинском заводе Блюхер включился в революционную деятельность. Потом, в советские годы, он на-

пишет в своей автобиографии, что «в феврале 1910 года за призыв к забастовке он был арестован и приговорен Московским окружным судом к двум годам и восьми месяцам тюремного заключения...»

Выйдя из заключения, Блюхер вначале работал в Рыбинске, а в августе 1913 года переехал в Москву и поступил в мастерские Московско-Казанской железной дороги».

Примерно так же описывает 1904—1914 годы жизни Блюхера в своих воспоминаниях о муже Г.Л. Безверхова-Блюхер, опираясь, естественно, на рассказы В.К. Блюхера и различные печатные источники, так как свидетелем тех лет она не являлась (Г.Л. Безверхова родилась в 1916 году).

Как видим, все подается без ссылок на какие-либо достоверные исторические документы. Это, безусловно, не может не вызывать некоторого недоверия к подлинности отдельных эпизодов биографии В.К. Блюхера. Тем более что сегодня открываются все новые и новые свидетельства о его жизни и деятельности.

В прошлом (в советское время) я написал немало очерков и статей о Блюхере, в издательстве «Панорама» вышел мой большеформатный альбом «Василий Константинович Блюхер. Фотографии, документы, воспоминания современников». Все публикации основывались, понятно, на тех материалах, которые были доступны тогда. Но в конце «горбачевской перестройки» мне, как журналисту, изучающему военную историю, одному из первых удалось познакомиться с рассекреченными на тот момент госархивами особых фондов: Архив ЦК КПСС, ЦАМГБ СССР[1], ЦГВИА[2], ЦГАСА[3], других архивных учреждений. Они на многое заставили взглянуть совершенно с иных позиций.

---

[1] ЦАМГБ СССР — Центральный архив Министерства государственной безопасности СССР.

[2] ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

[3] ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской армии.

Итак, десятилетний период в биографии Василия Константиновича Блюхера с 1904-го по 1914 год для меня был «белым листом» с точки зрения отражения его документальными свидетельствами. Работая в архивах, я стремился найти там хотя бы какие-нибудь материалы, в той или иной степени подтверждающие биографические данные Блюхера. Но не нашел. Белый лист остался для меня белым: все, что мы знаем нынче о том отрезке его жизни, к сожалению, знаем по-прежнему лишь с чьих-то слов.

Изучая в 1988 году в архивном отделе КГБ СССР дело Блюхера Василия Константиновича Р-23800 Особого фонда Центрального архива МГБ СССР, я обратил внимание на протокол допроса Богуцкой Лидии Фоминичны, жены Павла Константиновича Блюхера, младшего брата В.К. Блюхера. В показаниях Богуцкой меня заинтересовали любопытные факты. «...В последней брошюре о Василии Блюхере, изданной недавно, в биографии его указано, что он работал на заводах и участвовал в нелегальных кружках. Между тем, его брат Павел мне как-то сказал: «Все это враки, он (Василий Блюхер. — *Н.В.)* в этот период был в Москве приказчиком у купчихи Белоусовой, был ее любовником и ни на каких заводах не был и в революционной деятельности участия не принимал»... Василий сам очень неохотно говорил об этом периоде своей жизни. Он любил вспоминать о Гражданской войне и о Китае».

Насколько можно верить Богуцкой, поведавшей это на допросе 25 октября 1938 года работнику НКВД Кащееву? Может быть, чтобы угодить следователю, она просто-напросто наговаривала на Блюхера. А, возможно, опять же, чтобы ему угодить, сказала правду, которая, наверное, витала в их семейном кругу. Словом, вымысел это или правда, сейчас сказать трудно.

И еще есть один документальный факт, который в какой-то мере добавляет каплю масла в тлеющий огонек сомнений в истинности общеизвестной биографии Блюхера (в частности, на отрезке 1904—1914 годов). Во время рабо-

ты в Центральном государственном военно-историческом архиве по изучению материалов об участии Блюхера в боевых действиях в Первую мировую войну меня заинтриговала такая деталь, как получение Блюхером по полевой почте денежных переводов. В Приложениях к приказам по полку, в котором служил Василий Блюхер, в списках денежных переводов значится: 17 ноября 1914 г. — «4-я рота. Зап. рядовой Василий Блюхер — 5 рублей»... 31 декабря 1914 г. — «4-я рота. Зап. рядовой Василий Блюхер — 5 рублей»... Кто бы мог присылать солдату эти немалые по тем временам деньги? Родители? Сомнительно. Они — бедняки, неоткуда им взять таких денег. Товарищи по революционной борьбе? Не верится, что из идейных соображений они стали бы ежемесячно «баловать» его пятью рублями. Вероятнее всего, деньги Василию Блюхеру приходили от кого-то из людей состоятельных. И вполне можно допустить, что это могла быть богатая купчиха, любившая симпатичного, ладно сложенного, разбитного юношу...

Рядовой царской армии

О начале своей службы в царской армии Блюхер писал в анкете 4 мая 1921 года: «В августе 1914 г. взят по мобилизации на военную службу в гор. Москве. Пробыв две недели в 93-м зап. батальоне, с маршевой ротой направлен в 5-ю пех. дивизию, где в ноябре 1914 г. поступил на пополнение 19-го Костромского полка, рядовым, в 3-ю роту. Произведен в младшие унтер-офицеры— 1914 г., ноябрь. Награды: Георгиевская медаль 4 ст., Георгиевский крест 3 и 4 ст. Уволен в первобытное состояние вследствие полученных ранений — 1915 г., сентябрь. В период с 1916 г. по февраль 1917 г. работал на Сормовском судостроительном заводе, а затем на механическом заводе Остермана в гор. Казани, где и принял активное участие в февральской революции. Согласно постановления партийной ячейки поступил добровольцем в 102-й зап. пех. полк в гор. Самаре».

В Советской Военной энциклопедии об этом сказано еще короче. «На военной службе с 1914 года. Участник 1-й мир. войны, мл. унтер-офицер. Награжден 2 Георгиевскими крестами и медалью. В 1916-м из-за ранения освобожден от воен. службы. Но в мае 1917-го поступил добровольцем в 102-й запасный полк, где избран зам. пред. полкового комитета, чл. Самарского Совета солдат. депутатов, зам. пред. воен. секции Совета».

Автор книги «От солдата до маршала» Душенькин значительно расширяет тему службы будущего маршала в царской армии, но при этом опирается на выше названную анкету В.К. Блюхера. «Когда началась Первая мировая война, — читаем в книге, — Блюхера призвали в армию. Вместе с пятьюдесятью другими московскими рабочими его зачислили в запасной батальон, стоявший в Кремле. Значительная часть солдат была настроена революционно, и командир батальона через две недели отправил всех «смутьянов», в том числе и Блюхера, на фронт, в 19-й Костромской стрелковый полк.

Всего четыре месяца провоевал Василий Константинович на Юго-Западном фронте, но и за это короткое время он проявил себя отважным и мужественным солдатом. Увлеченный общим угаром «ура-патриотизма», молодой боец совершил много боевых подвигов. Не раз ходил он в разведку и приносил ценные сведения, приводил «языков». В лихой атаке 8 января 1915 года на реке Дунаец под Тернополем Блюхер был тяжело ранен. В бессознательном состоянии доставили его в армейский полевой госпиталь. Восемь больших осколков было извлечено из его тела. Сильно были повреждены обе ноги. Осмотрев храброго солдата, профессор Пивованский произвел очень сложную операцию и приложил все усилия, чтобы спасти ему жизнь.

Несколько дней Василий Константинович не приходил в сознание. Однажды Пивованский, обходя палаты, увидел, что койка Блюхера свободна. Профессор насупил брови.

— Где Блюхер? — спросил он у лечащего врача.

Врач ответил, что раненый умер и его вынесли в морг. Пивованский не поверил, сам пошел в морг и обнаружил у Блюхера едва заметные признаки жизни.

«Умершего» принесли в палату. А через день все повторилось: его опять отнесли в морг, и профессор снова вернул раненого в палату. На этот раз Пивованский распорядился не трогать больше Блюхера без его ведома. В конце концов смерть отступила. На редкость крепкий организм победил.

Больше года пробыл молодой солдат в госпитале. В марте 1916 года он был уволен врачебной комиссией Главного Московского военного госпиталя имени императора Петра I «в первобытное состояние с пенсией первого разряда».

Как инвалида первой группы, его сняли с воинского учета. Казалось, что военная служба для него окончилась навсегда.

Некоторое время Блюхер прожил в родной деревне, восстанавливая силы, а затем вновь отправился на Среднюю Волгу в поисках работы. В Нижнем Новгороде он временно устроился на Сормовский судостроительный завод, откуда через месяц перевелся на механический завод Остермана в Казани. Василий Константинович знакомится с большевиками, завязывает с ними тесную связь...

Февральскую революцию Блюхер встретил в городе Петровском Казанской губернии, где он работал слесарем-мотористом на маслобойном заводе. В мае 1917 года Василий Константинович переехал в Самару с намерением устроиться на военный завод. Однако, когда он явился в Самарский городской комитет РСДРП(б), то получил там задание поступить добровольцем в 102-й запасной полк и развернуть революционную агитацию среди солдат.

С большим трудом, поскольку он был инвалидом первой группы, благодаря настойчивости и боевым наградам Блюхеру удалось зачислиться в полк»...

Жена В.К. Блюхера Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер в своих воспоминаниях на эту тему пишет еще более подробно и опять же по данным все той же анке-

ты Блюхера. В августе 1914 года Василию Константиновичу Блюхеру пришлось прервать учебу на курсах при университете Шанявского из-за призыва в армию. Его зачислили в 93-й запасный батальон (в Кремле), а через две недели направили в 19-й Костромской стрелковый полк на Юго-Западный фронт вместе с другими пятьюдесятью «смутьянами» — революционно настроенными солдатами. В ноябре он был произведен в младшие унтер-офицеры. За службу в царской армии имел награды: георгиевскую медаль IV степени и Георгиевский крест III и IV степени.

8 января 1915 года В.К. Блюхер был тяжело ранен в разведке, во время боев против австрийских войск на реке Дунаец под Тернополем восемью осколками разорвавшейся гранаты в левое бедро, левое и правое предплечья. Был разбит тазобедренный сустав, из-за чего левая нога стала короче на 1,5 см. Поэтому походка его была как бы вперевалку. Но тем, кто не знал, это было малозаметно или почти незаметно. Сначала Василий Константинович находился в госпитале Тернополя, а затем под Киевом, в Белой Церкви, где пробыл более года. Оперировал Блюхера профессор Пивованский, очень знающий и очень суровый хирург.

Операций было много, тяжелораненые их не выдерживали и нередко оказывались в морге. Блюхера дважды выносили в морг как умершего. Василий Константинович рассказывал позже, что все слышал, чувствовал: как его клали на носилки, как несли в морг, а он не мог подать признаков жизни — состояние было жуткое. При очередном обходе профессор Пивованский, не увидев больного, не поверил в смерть могучего солдата. После обхода он пошел в морг и у «умершего» нащупал пульс. Больного вернули в палату. И снова Блюхеру стало плохо, и снова его вынесли в морг, а профессор Пивованский снова вернул его в палату, сказав, что в смерть Блюхера не поверит, и приказал без его ведома больного не выносить.

Из Белой Церкви Василий Константинович был направлен в Московский военный госпиталь имени императора

Петра I. Вследствие полученных ранений, в марте 1916 года Блюхер был уволен из армии врачебной комиссией главного военного госпиталя с пенсией первого разряда.

Однажды госпиталь посетил царь Николай Романов (Г.Л. Безверхова-Блюхер рассказывает об этом эпизоде со слов Василия Константиновича). Проходя между койками раненых и больных, он здоровался, отводил руку назад за спину (следом шел Бенкендорф, неся подушечку с наградными знаками), брал, что попадет, и награждал больных. Один солдат поднялся с постели, отвечая на приветствие, и тут же упал замертво. Солдаты лежали в чистых рубахах — перед приходом царя в палатах были наведены чистота и порядок.

Иван Лавров, тот самый, что учился в Середневской школе вместе с Василием Блюхером, встретился с ним в 1916 году. Они много говорили о распутинской истории, и обоим было ясно, что война проиграна и что люди гибнут впустую. В конце пятидесятых годов Лавров прислал Г.Л. Безверховой-Блюхер письмо, где писал: «Осенью 1915 года я жил под Киевом и неожиданно получил письмо от матери Васи Блюхера. Его мать просила меня навестить его в госпитале. Вася тяжело ранен, но каково его действительное состояние, она не знала и просила меня узнать.

Придя в госпиталь, я сразу узнал Васю. В большой палате он лежал выше всех. Вид его отличался в худшую сторону от других, желтый цвет лица, осунувшееся лицо с выражением глубокого страдания. Госпиталь этот был одним из лучших по составу врачей. В него направлялись лишь тяжелораненые, главным образом в голову. Вася был ранен осколками снаряда в левую тазобедренную кость спереди. Осколок снаряда и осколки разбитой кости залетели под легкие. Кроме того, один осколок попал в ключицу. Ему сделали две или три операции, повытаскивали осколки, но, как выяснилось, осколки еще остались. Сделана была четвертая операция, а затем и пятая, после которой дело пошло на поправку, и его вскоре отправили в Москву.

В апреле 1916 года я поехал на родину, в Барщинку, снова встретился с Василием. Он был освобожден «по чистой» от службы, поступил на работу в Москве в какой-то оптовый мануфактурный магазин, получил аванс от хозяина и отпуск на какой-то срок, чтобы набраться сил. Он хромал, рана болела, быстро уставал».

Далее Г.Л. Безверхова-Блюхер пишет, что с апреля 1916 года по февраль 1917 года Василий Блюхер работал в Казани — в гранитной мастерской, в Нижнем Новгороде — на Сормовском судостроительном заводе. Затем перевелся на механический завод в Казани, где познакомился с большевиками и получил первое партийное поручение. В июне 1916 года он вступил в ряды Российской социал-демократической рабочей партии большевиков, партбилет № 7834693[1].

Февральскую революцию Блюхер встретил в городе Петровском Казанской губернии, где работал слесарем-мотористом на маслобойном заводе. В мае 1917 года Самарский комитет РСДРП(б) поручил ему поступить добровольцем в 102-й запасный полк и развернуть в нем революционную работу среди солдат...

Еще раз хочу заметить, что в анкетах, заполненных Блюхером, и в Советской энциклопедии, и в различных изданиях, в том числе в книге Душенькина, и в воспоминаниях Г.Л. Безверховой-Блюхер имеется ряд неточностей, расхождений с историческими документами, архивными материалами...

Так когда и где, на самом деле, началась служба в царской армии Василия Блюхера? В каком звании он воевал на русско-германском фронте? При каких обстоятельствах был ранен? Какими боевыми наградами отмечены его подвиги в Первую мировую войну?

---

[1] В анкете, заполненной 4 мая 1921 г. В.К. Блюхером, указывается: «Время вступления в партию — июнь 1916 г., принят на механ. з-де Остермана — Казань». Партийный билет 1916 года (№ 7834693) в архивах не обнаружен.

В конце сентября 1914 года в 56-й кремлевский запасной батальон, которым командовал полковник Гондель, от Московского уездного военного начальника прибыло очередное пополнение новобранцев. В связи с этим был издан по батальону приказ № 78, где в §10 указывалось: «прибывших 30 сентября с/г. от Моск..УВ.Н-ка ратников ополчения в числе 996 челов. зачислить в списки батальона и на провиантское, приварочное и чайное довольствие с 30-го сего сентября. Аттестаты ожидаются»[1]. В прилагаемом к приказу именном списке под 53-м порядковым номером в 3-ю роту поручика Андреева приписывался ратник Василий Блюфер. Неизвестно, случайно ли писарь допустил ошибку в фамилии молодого ратника: вместо буквы «х» написал «ф», или специально, посчитав, может быть, что Блюфер произносится более благозвучно, чем Блюхер. В дальнейшем ошибка будет исправлена.

В кремлевском 56-м запасном батальоне Василий Блюхер пробыл меньше месяца; 27 октября его отправили в составе маршевой роты на фронт. Это документально подтверждено приказом полковника Гонделя за номером 105 от 28 октября 1914 года: «Отправленных 27-го сего октября маршевыми ротами н/чинов вверенного мне батальона в числе 752 человека, поименованных в прилагаемом списке (в этом списке под № 490 — запасный рядовой Василий Блюфер. — *КВ.),* исключить из списков ба-на и рот, с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 28 октября, кормового и денежного с 1-го ноября».

16 ноября 1914 года Василий прибыл на действующий фронт в район местечка Гдув, где стоял биваком 19-й пехотный Костромский полк 5-й пехотной дивизии, которая держала оборону против австро-венгерских войск. Блюхера зачислили в 4-ю роту (командир роты капитан Гузиков)

[1] Все встречающиеся в последующем в этой главе выдержки из документов взяты из ЦГВИА.

1-го батальона (командир батальона подполковник Шумаков). В приказе командующего 19-м полком полковника Никольского № 352, от 18 ноября 1914 г., § 7 отмечено: «Прибывших на укомплектование вверенного мне полка нижних чинов 56 пех. запас, батальона зачислить в списки полка 17 ноября… в 4-ю роту… (86-й по счету.— *Н.В.)* ряд. Блюхер Василий Константинович».

Положение на фронте в этот период характеризовалось переходом от маневренных боевых действий к позиционным. Войска 9-й армии, куда входила 5-я дивизия, успешно завершившие 8 сентября Галицийскую битву и преследовавшие противника в направлении Кракова, не имели достаточных сил для овладения этой мощной австрийской крепостью. 19-й полк и другие части дивизии глубоко вклинились в оборону австро-венгерских войск. В день, когда Блюхер был определен в 4-ю роту 1-го батальона, Костромский полк стоял во втором эшелоне боевой линии юго-восточнее Кракова. 20 ноября 1-й батальон и в его составе 4-я рота переместились от села Гдув в деревню Збышовку, а на другой день 1-й и 2-й батальоны были временно посланы в распоряжение командира 20-го пехотного Галицкого полка. Но уже через четыре часа оба батальона вернулись к месту прежнего расположения. Того же 21-го числа 4-й батальон Костромского полка был выдвинут на передний край и подвергся обстрелу тяжелой артиллерии с фортов Краковской крепости. 22 ноября в 19.00 полк получил приказ отступить к востоку, а в 21.00 1-й, 2-й и 3-й батальоны начали отход на деревню Дзискановице. К часу ночи полк занял позицию на левом берегу ручья Низова...

Эти сведения почерпнуты из журнала военных действий полка. Журнал — достаточно подробный документ, где беспристрастно изо дня в день обстоятельно фиксировалась обстановка на участке полка и наиболее важные события в жизни его батальонов и рот. Из журнала видно, что полк и все его подразделения в течение первых дней пре-

бывания Блюхера на фронте активных боевых действий не вели и в непосредственном соприкосновении с противником не находились.

24 ноября 1-й батальон под командой подполковника Шумакова был вновь отправлен в распоряжение командира 20-го Галицкого полка, в деревню Чизычка на высоту № 364. 1-я и 2-я роты пошли на усиление левого фланга в село Соболюв, а 2-я и 4-я (в 4-й роте находился Василий Блюхер) осталась на высоте. 1-я и 3-я роты на другой день приняли участие в отражении атаки противника, напавшего на сторожевую заставу соседнего полка, причем понесли значительные потери, особенно 3-я рота, которая, расстреляв все патроны, вынуждена была драться с окружившими ее австрийцами, пробивая себе путь штыками. Рота потеряла 70 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 2-я и 4-я роты в этом бою задействованы не были.

26 ноября 1-й батальон был отведен в резерв и расположился при штабе полка у костела в деревне Погвиздов. В это время 2-й и 3-й батальоны вели перестрелку с противником у фольварка Завада. Между ними и 20-м Галицким полком образовался нейтральный промежуток протяженностью в целую версту. Пользуясь лощиной, австрийцы решили занять этот промежуток и охватить правый фланг 3-го батальона. Однако командир 19-го полка разгадал замысел неприятеля и выдвинул в прорыв 1-й батальон. С 9 часов утра 27 ноября батальон весь день вел перестрелку с противником. Вот этот-то день и стал боевым крещением молодого солдата Блюхера.

На следующее утро, в 7.30, командир полка отдал приказ о наступлении, однако противник, упредив русских на полчаса, сам перешел к активным действиям, опять-таки стараясь захватить лощину, но эта атака была отбита. 1-я и 4-я роты получили приказ перейти в наступление. 4-й роте удалось захватить в плен одного австрийского офицера и 64 нижних чина. Среди отличившихся был и Василий Блюхер.

Спустя почти семь с половиной месяцев, приказом по полку от 2 июля 1915 г. № 185 Блюхер был награжден Георгиевской медалью IV степени за номером 313935. В графе «время оказанного подвига» дата стоит — 28 ноября 1914 года.

Из документов видим, что награду — Георгиевскую медаль IV степени — Василий Блюхер действительно заслужил уже на девятый день пребывания на фронте. Что же касается Георгиевских крестов III и IV степени и звания младшего унтер-офицера, в приказах по полку, к сожалению, упоминаний об этом не обнаружено, хотя приказы скрупулезно отмечали все награждения и присвоения воинских званий. Приказы за период пребывания Блюхера в полку сохранились полностью, так же, как и за последующий период, когда он находился на излечении в госпиталях...

Исходя из пометок в журнале боевых действий полка, можно сделать вывод, что боевое столкновение с противником, состоявшееся 28 ноября 1914 года, было, по всей видимости, единственным, в котором Василий Блюхер успел побывать за время своего участия в Первой мировой войне. Вскоре полк был отведен к реке Дунаец, на заранее подготовленные позиции. В это время идет помывка в полевых банях личного состава, ремонтируется обмундирование. Приходят денежные переводы из России, в том числе два перевода по 5 рублей получил и Василий Блюхер.

Значительная часть записей в журнале боевых действий за декабрь сводится к нескольким словам: «На фронте полка без перемен». Нет сведений и о том, что от 4-й роты высылались разведчики, которые проводили поиски и захват языков, хотя сведения о захвате пленных и перебежчиках на участках других рот имеются. Изредка окопы обеих сторон подвергались артобстрелам. Таким образом, и в декабре, и в начале января 1915 г. у Блюхера просто не было возможности отличиться.

Теперь об обстоятельствах ранения Василия Блюхера. Утверждается в различных печатных изданиях, что ранен

он был «в лихой атаке» (в частности, в книге Душенькина «От солдата до маршала»), когда резал проволочные заграждения и выносил из-под пулеметного огня раненого товарища. Блюхер действительно получил тяжелое ранение 8 января 1915 года. В приложении к приказу по полку от 7 февраля 1915 г. № 38, § 5 в списке нижних чинов 19-го пехотного Костромского полка убитых, пропавших без вести, взятых в плен неприятелем, раненых и контуженых с 1 по 31 января включительно находим: «13. Запасный рядовой Василий Константинов Блюхер 8 января исключен из списков полка и довольствия».

Однако, вот что дословно записано в журнале боевых действий: «8 января. Положение на фронте без перемен. Фронт подвергается обстрелу тяжелых орудий. Замечено усиление стрельбы со стороны противника разрывными пулями. Сильнее обстреливается 2-й батальон, где граната попала в окоп — 1 (одного. — *Н.В.*) убила и несколько человек ранила... В 1-м батальоне 5 человек раненых...».

А вот донесение-телефонограмма командира 1-го батальона подполковника Шумакова командиру полка от 8 января 1915 г.: «В $6^1/_2$ часов утра по всему фронту первого батальона неприятель открыл сильный ружейный огонь, одновременно его артиллерия стала засыпать снарядами всю площадь расположения батальона. Было 5 человек раненых, телефонные провода перебиты во многих местах и во многих местах окопы разрушены, противник пытался перейти в наступление».

Из приведенных сведений видно, что никакой лихой атаки проволочных заграждений не было. Василий Блюхер получил ранение, по всей вероятности, находясь в окопе, от попадания в него артиллерийского снаряда или мины...

И, под конец, еще раз о присвоении Блюхеру звания младшего унтер-офицера и награждении его, кроме Георгиевской медали IV степени, Георгиевскими крестами III и IV степени. Как уже говорилось выше, на этот счет в архивах 19-го пехотного Костромского полка нет никаких материа-

лов. Зато есть фотография солдата Блюхера; она публиковалась во многих книгах, брошюрах, журналах, газетах. На фотографии Блюхер — рядовой: на погонах не видно двух лычек, положенных младшему унтер-офицеру, на груди одна Георгиевская медаль и на поясной портупее — сабля. Фотоснимок сделан, скорее всего, в июле 1915 года (ведь Василий Блюхер награжден медалью, согласно приказу № 185, 2 июля 1915 г.). Эта фотография — еще одно неоспоримое подтверждение того, что Блюхер Георгиевскими крестами III и IV степени не награждался и звания «младший унтер-офицер» не имел.

И все-таки по поводу звания есть одна зацепка. Может быть, Блюхер стал младшим унтер-офицером тогда, когда служил в 102-м запасном пехотном полку, куда поступил добровольцем весной 1917 года. Однако зацепка «не срабатывает». В архиве имеется подлинное удостоверение, выданное военной секцией Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 августа 1917 г., где говорится: «Предъявитель сего член Совета солдатских депутатов рядовой 102-го полка Василий Блюхер командирован... для доклада об охране железнодорожных сооружений, в том числе и Александровского моста»... Входящий номер на удостоверении датирован 6 сентября 1917 г. За оставшиеся до революции два месяца солдату-большевику, находящемуся в тылу и активно занимающемуся политической деятельностью, вряд ли стали бы присваивать унтер-офицерское звание...

НАЧАЛО КОМАНДИРСКОЙ КАРЬЕРЫ

Комиссар Блюхер против атамана Дутова

Василий Блюхер с его незаурядной натурой — ярко выраженными качествами лидера, прагматичным умом, нереализованными к двадцати шести годам высокими амбициями — сумел быстро вписаться в бурные Октябрьские события. Такие, как он, нужны революции, в свою очередь, революция нужна им.

Военно-революционная карьера Блюхера складывалась удивительно, и, в то же время, она была типична для многих красных командиров тогдашнего периода борьбы за советскую власть.

Известный советский литератор Константин Паустовский в своем очерке «Маршал Блюхер», вышедшем в свет в мае 1938 года, за четыре месяца до ареста В.К. Блюхера, писал, что стремительный рост Блюхера начался с октября 1917 года. Все предыдущие годы с их упорной, но небольшой по размаху революционной работой, годы войны и медленного трудового воспитания, сразу же отодвинулись в прошлое. Они кажутся только необходимой подготовкой, коротким предисловием к новой жизненной эпохе, отмеченной великими делами, победами и славой.

О начале этой новой для Василия Блюхера «жизненной эпохи, отмеченной великими делами, победами и славой», Василий Константинович, став уже Маршалом Советского Союза, говорил в 35-м году на встрече с писателями: «Февральская революция застала меня в городе Петровском, где я работал слесарем-мотористом на маслобойном заводе. Ок-

рыленный революционными событиями, я поехал в Самару с намерением устроиться на работу по своей специальности на Иващенском трубочном заводе. Но по прибытии в Самару горком РСДРП(б) направил меня на революционную работу в армию. С большим трудом и только благодаря наличию Георгиевских крестов (напомним читателям, о награждении В.К. Блюхера Георгиевскими крестами нет документальных подтверждений. — *Н.В.)* и медалей мне удалось попасть добровольцем в 102-й запасный полк. В этом полку в июне 1917 г. я был избран членом, а в августе — председателем полкового комитета и заместителем председателя военной секции Самарского городского Совета».

В ноябре 17-го Блюхера избирают от гарнизона города членом Самарского военно-революционного комитета. Затем, с установлением в Самаре власти Советов, он становится помощником комиссара Самарского гарнизона и начальником губернской охраны революционного порядка.

Однажды в конце ноября Василия Блюхера пригласил к себе председатель Самарского военно-революционного комитета В.В. Куйбышев. Куйбышев уделял большое внимание организации революционных вооруженных сил, поэтому Василий, являвшийся помощником комиссара гарнизона и начальником губернской охраны, нисколько не удивился этому приглашению. Однако то, о чем заговорил с ним Куйбышев, оказалось для него совершенно неожиданным:

— Товарищ Блюхер! Ревком решил послать вас в качестве комиссара вооруженного отряда для освобождения Челябинска. Мы только что получили задание из ЦК от товарища Ленина и остановили свой выбор на вас. Поручение чрезвычайно ответственное, поэтому я хотел поговорить о нем с вами лично. Дутов, захватив Оренбург, отрезал Среднюю Азию от центра, сейчас дутовские отряды окружили Челябинск и, тем самым, создают угрозу движению продовольственных поездов на запад, к Москве и Петрограду. Центральный Комитет принимает меры к ликвида-

ции челябинской пробки. Посылаются отряды из Петрограда и Урала. Нам поручено выделить не менее 500 человек с артиллерией из революционных полков и вновь созданных рабочих отрядов. Вы в качестве комиссара отряда должны обеспечить эту чрезвычайно важную операцию...

Для Оренбургского казачьего войска, третьего по численности среди казачьих войск России (около 600 тысяч человек), как и для всей страны, 1917-й год стал годом непредвиденных драматических изменений. После Февральской революции в Оренбургской губернии вводится демократическое самоуправление. В середине апреля Войсковой круг избирает атаманом Оренбургского войска генерал-майора Н.П. Мальцева, а через пять месяцев, на втором съезде оренбургского казачества, — полковника А.И. Дутова. .

Командир первого Оренбургского казачьего полка Александр Ильич Дутов в марте 1917-го прибыл с фронта в Петроград на первый общеказачий съезд. Никому не известный окопник вначале становится заместителем председателя временного совета Союза казачьих войск, затем его председателем. На государственном совещании в августе в Москве он избирается заместителем председателя казачьей фракции. Глава Временного правительства России А.Ф. Керенский присваивает Дутову звание полковника и назначает главноуполномоченным Временного правительства по продовольственному делу в Оренбургской губернии и Тургайской области с правами министра.

Сразу же, по свершению в Петрограде большевистского переворота, атаман Дутов поставил большевиков вне закона. 27 ноября 1917 года Оренбургский совет рабочих, солдатских депутатов и представители воинских частей гарнизона создали военно-революционный комитет (ВРК). Однако в течение суток атаман, опираясь на две школы прапорщиков и юнкерское казачье училище, упразднил Совет, арестовав всех его членов, и ликвидировал ВРК.

Одновременно на всей территории бывшего Оренбургского войска началась энергичная вербовка казаков. Развернулось формирование добровольческих отрядов, в состав которых принимались, главным образом, офицеры, зажиточные крестьяне и учащаяся молодежь... Для обороны от местных большевиков в станичных районах создавались дружины. Под руководством Дутова в Оренбурге был образован комитет спасения революции, куда вошли представители различных сословий, народностей, организованных общественных группировок и политических партий.

Оренбургские газеты сообщали: «Полное спокойствие в городе, никаких эксцессов, жизнь идет нормально, все учреждения работают, магазины торгуют, увеселения существуют и мирная покойная жизнь протекает...».

Оренбург бросил вызов Петрограду и Москве. «Мы видим в сумраке очертания царизма Вильгельма и его сторонников, — говорил Дутов на открытии очередного войскового круга Оренбургского казачьего войска. — И ясно, определенно стоит перед нами провокаторская фигура Владимира Ленина. Россия умирает. Мы присутствуем при последнем ее вдохе».

Сводный отряд самарских и уфимских красногвардейцев, которым руководили двое: командир — В.К. Садлуцкий и комиссар — В.К. Блюхер, выступил из Самары в конце ноября и 3 декабря 1917 года прибыл в Челябинск. Совместная служба Садлуцкого и Блюхера началась лишь несколько дней назад. Но они быстро нашли общий язык. Ни по политическим, ни по военным вопросам разногласий у них не было.

Челябинск встретил красногвардейский сводный отряд тишиной и густым снегопадом.

Добровольческие отряды и дружины атамана Дутова чувствовали себя уверенно и несли службу беспечно. Они располагались вокруг города, на его окраинах, и не ожидали движения эшелонов красных. С помощью железнодо-

рожников красногвардейский отряд беспрепятственно прошел все кордоны казаков под видом демобилизованных с фронта солдат.

На вокзале Садлуцкого и Блюхера встречали руководители челябинских большевиков Е.Л. Васенко и С.Я.Елькин. Они сообщили, что деятельность Совета в городе нарушена. Белоказаки предъявили ультиматум: разоружить Красную гвардию, распустить Совет, передать всю власть городской Думе. Пришлось подчиниться.

С прибытием в город Сводного отряда красногвардейцев состоялось открытие объединенного собрания Совета рабочих и солдатских депутатов, полковых и ротных комитетов, фабрично-заводских комитетов, городского бюро профессиональных союзов. Собрание приняло постановление: власть в Челябинске и его окрестностях переходит в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Для осуществления этой власти был избран Военно-революционный комитет. Председателем его стал прибывший из Самары А.П. Галактионов, заместителем — Васенко. В состав комитета вошел и Блюхер.

При активном участии рабочих и солдат гарнизона в городе восстанавливается Советская власть и наводится твердый революционный порядок.

Вскоре для борьбы с атаманом Дутовым в Челябинск прибыли красногвардейские отряды из Екатеринбурга, Златоуста и с ряда заводов Урала. В декабре из Петрограда по личному указанию Ленина прибыли части Северного экспедиционного летучего отряда под общим командованием мичмана С.Д. Панина. В состав этого отряда входил 17-й Сибирский пехотный полк[1] и отряды революционных моря-

---

[1] 17-й Сибирский полк был сформирован задолго до революции из забайкальцев. В конце 1916 года, участвуя в германской войне, он проявил неповиновение высшему командованию — отказался идти в наступление, за что был разоружен и отведен в тыл. 24 младших командира были расстреляны, расправа нависла над солдатами. Февральская революция спасла полк от уничтожения, после Октября 17-й Сибирский встал под знамя Советов. Командиром полка был избран Суворов Я.М.

ков-балтийцев с линкоров «Петропавловск», «Андрей Первозванный» и «Гангут».

В общей сложности в Челябинске к концу декабря сосредоточилось войск около 4 тысяч человек.

Сводный отряд через неделю был отозван в Самару; с ним отбыл и Галактионов. А Блюхер остался в Челябинске. На него было возложено руководство Военно-революционным комитетом, и одновременно он возглавил штаб всех революционных отрядов, собравшихся в городе. Командующим отрядами сначала был избран Садлуцкий, но со своими обязанностями он, к сожалению, не справлялся, и ВРК отстранил его от должности.

Обстановка на Урале к этому времени характеризовалась как крайне сложная. В связи с этим был создан единый политический и военный центр по борьбе с «дутовщиной». Политическое руководство осуществляли чрезвычайный комиссар Средней Азии П.А. Кобозев и председатель Оренбургского ревкома СМ. Цвиллинг, военное — Блюхер.

Блюхеру пришлось приложить немалые усилия для освобождения Оренбургской губернии из-под власти Дутова. Во-первых, необходимо было отбросить казачьи отряды от Самаро-Златоустовской железной дороги и обеспечить бесперебойную доставку продовольствия на запад. Во-вторых, нужно было как можно быстрее ликвидировать формировавшиеся дутовские части в районе Троицка—Челябинска.

На помощь Блюхеру для решения этих задач по распоряжению центральных организаций из Троицка был срочно отряжен Северный летучий отряд. Остальные подразделения оставались в Челябинске для боевого обучения и как резерв, в случае потребности оказания необходимой помощи экспедиционному отряду.

Обе эти задачи, несмотря на трудности, к началу января Блюхером были выполнены. Это позволило сконцентрировать боевые силы в районе Оренбурга. Весьма ощутимую роль в наведении после взятия города железного революционного порядка в нем в интересах трудового народа сыграл

спешно вызванный из Екатеринбурга отряд моряков-балтийцев, который являлся наиболее боевой единицей Северного экспедиционного отряда.

Сегодня, в свете последних исторических исследований, мы можем с определенной достоверностью рассказать о Северном экспедиционном летучем отряде и, особенно, его «наиболее боевой единице» — отряде моряков-балтийцев[1], ставшем для Блюхера важной опорой в борьбе за утверждение советской власти в Оренбуржье.

Действительно, в конце 1917 года по указанию Ленина из Петрограда на восток по железной дороге были направлены части Северного экспедиционного отряда под командованием мичмана Панина, сформированные из моряков-балтийцев и солдат 17-го Сибирского полка. Среди этих частей был и 1-й Северный летучий морской карательный отряд, который возглавляли: командир — помощник секретаря технического отдела Петроградского Военно-революционного комитета (ВРК) Запкус, именовавший себя «комиссаром Северного района Европейской России и Западной Сибири», и комиссары — Журба и Кириллов.

В докладе Вятского губернского Военно-революционного комитета (ВРК) и исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов от 6 декабря 1917 года указывалось: «Сегодня в 10 часов вечера прибыл на станцию Вятка Северный летучий отряд т. Запкуса, который поможет нам навести здесь порядок».

О методах «наведения порядка» летучим Северным морским отрядом повествует протокол общего собрания Вятского губисполкома: «...Утром без суда и следствия представителями летучего отряда были расстреляны вятские граждане — неизвестные лица. Комиссар летучего от-

---

[1] Об истории Северного экспедиционного отряда рассказал в журнале «Родина» за 2003 год заместитель начальника управления ФСБ по Тюменской области А.А. Петрушин.

ряда Кириллов заявил, что расстрелянные были воры и расстрел был произведен по просьбе тысячной толпы. На вопрос: доказано ли, что расстрелянные лица действительно были воры, Кириллов считает достаточным сознание расстрелянных под ударами плетки».

Вскоре Запкус со значительной частью летучего отряда отбыл на Урал, в Екатеринбург, его заместителем в Вятской губернии остался Журба. Разогнав местные Советы, он производил тотальные обыски, аресты и расстрелы. Конфискации, контрибуции и реквизиции в губернии достигли в правление матроса Журбы невиданных размеров.

Из Екатеринбурга отряд Запкуса отправился под Оренбург, в котором находились дутовцы. Когда Оренбург был взят, по приказу Запкуса моряки и красногвардейцы согнали в центральную гостиницу города хорошо одетую публику и предложили... откупиться. Присутствовавший при этом председатель Оренбургского губернского военно-революционного комитета Цвиллинг шутливо бросил: «Смотрика, какой улов-то у нас! Откупаются. Хотя и неохотно. Ну да некуда им деваться, придется потрясти мошной!.. Вот с этого миллиончик возьмем», — показал он глазами на торговца Деева. Состоятельные горожане ждали, когда из дома принесут деньги, вносили их тут же кассиру, получали расписку, а с нею и свободу».

Во второй половине февраля летучий отряд Запкуса был уже в Тюмени. И, как и в Оренбурге, «комиссар Северного района Европейской России и Западной Сибири» железной рукой утверждал здесь твердый, но «справедливый» советский режим.

Начальник Тюменской уголовной милиции Н.Н. Кис¬лицкий успел составить рапорт «Об обстоятельствах захвата власти в Тюмени большевиками 27 февраля нового стиля в 10 часов утра». «Самого Кислицкого, — дописали в рапорте его подчиненные, — сразу же увели на станцию Тюмень в карательный отряд известного палача Запкуса». Приказом № 1 Запкус объявил о введении с 4 часов дня 28 февра-

ля 1918 года военного положения в Тюмени. Пункт десятый приказа гласил: «Все лица, замешанные в подстрекательстве к погромам, в агитации против существующей рабоче-крестьянской власти, будут без дальнейших разговоров и рассуждений в два счета на глазах всех уничтожаться». Приказом № 4 Запкус наложил контрибуцию в размере двух миллионов рублей на капиталистов Тюмени. Причем 1 миллион должен быть внесен 4 марта и 1 миллион — 6 марта. В приказе отмечалось: «Половина контрибуции пойдет на содержание отряда, а другая половина — в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов Тюмени».

Очевидец событий Г.А. Дружинин вспоминал: «Возвращаясь из депо, я увидел на станции около водонапорной башни группу людей. Тут же на запасном пути стоял поезд, состоящий из пассажирских вагонов: это был штаб матросов во главе с Запкусом (видимо, латыш или еврей). Этот отряд занимался сбором контрибуции с купцов Плотникова, Гусевой, Колокольникова и других. При проведении обысков адъютант Запкуса Андреев из квартиры Колокольникова присвоил золотые часы. Запкус узнал об этом от матросов. Вот этот Андреев и стоял у башни, а Запкус докладывал матросам и собравшимся зевакам, вроде меня, о случившемся. Тут же самолично у нас на глазах он расстрелял своего адъютанта. Тогда я сразу поверил в справедливость и вечность этой новой власти».

Финансовая комиссия Тюменского совета рабочих и солдатских депутатов наложила на тюменскую буржуазию еще одну контрибуцию в размере 600 000 рублей, при этом половину взыскала наличными, а другую половину перечислила на текущий счет совдепа. Может, это совпадение, но в протоколе Вятского исполкома от 29 марта 1918 года записано: «Слушали: заявление Летучего отряда о выдаче вознаграждения в сумме 600 000 рублей. Постановили: удовлетворить просьбу Летучего отряда».

Выходит, все эти «летучие», «северные» и «морские» вооруженные отряды устанавливали в Сибири на местах

большевистский режим за деньги по определенной таксе. Фактически они были полностью бесконтрольны, и единственным обоснованием их деятельности была «ненависть к буржуям».

Что касается Запкуса, то его дальнейшая судьба неизвестна. Документы 1-го Северного морского карательного отряда на хранение в Российский государственный военный архив (РГВА) не поступали. Где и как пропала огромная по тем временам тюменская золотая добыча Запкуса — также неизвестно.

В январе 1918 года части Красной Армии серьезно потеснили Дутова. В своих воспоминаниях помощник войскового атамана И.Г. Акулинин писал: «В силу... неблагоприятных обстоятельств натиск большевиков сдержать не удалось, и 31-го января 1918 года Оренбург был сдан».

Атаман и войсковое правительство перебирались в Верхнеуральск — центр 2-го округа области Войска Оренбургского. Многие офицеры в одиночку и небольшими группами укрывались в станицах, хуторах и киргизских аулах. Дутов нервничал. Он трижды пытался снять с себя полномочия войскового атамана, и трижды круг не принял его отставку. Финансовое положение эвакуированного правительства было тяжелым: «С переездом в Верхнеуральск войсковое правительство, — вспоминал Акулинин, — не имело в своем распоряжении никаких денежных средств — ни для своего существования, ни на ведение борьбы с большевиками. Необходимо было изыскать средства... Попытка атамана побудить местных купцов прийти на помощь войсковому правительству успеха не имела: верхнеуральские купцы, как и оренбургские, крепко держались за свои кошельки, совершенно не отдавая себе отчета в том, что с приходом большевиков они потеряют все!»

В первые дни после вхождения в Оренбург Красной гвардии несколько десятков станиц заявили о признании советской власти. Но рассылка по ближайшим станицам

продотрядов привела к возникновению партизанских отрядов «самозащиты». 3 марта Оренбургский военно-революционный комитет (ВРК) пригрозил, что если «какая-нибудь станица окажет содействие контрреволюционным партизанским отрядам приютом, укрывательством, продовольствием и пр., то станица такая будет уничтожаться беспощадно артиллерийским огнем».

Однако антибольшевистское казачество было настроено решительно. Вокруг атамана сплачивались верные ему боевые силы. К началу весны дутовцы окружили Троицк и создали угрозу Самаро-Златоустовской железной дороге. Одновременно в опасном положении находился и Оренбург.

Оренбургский военно-революционный комитет требовал от умеренных казаков выбора, стремясь силой заставить их присоединиться к борьбе против Дутова. «Знайте, кто не с нами, тот против нас. Нам нужно окончательно договориться: или идите вместе с нами, или берите винтовки и сражайтесь против нас», — заявил председатель ВРК Цвиллинг на 1-м губернском съезде Советов 12 марта 1918 года.

Уральский областной военный комиссариат принимает решение направить несколько вооруженных отрядов для освобождения Троицка и всей Оренбургской губернии. Командование этими отрядами возлагалось на Блюхера.

Блюхер начал теснить белоказаков. В марте 1918 года был взят Верхнеуральск. После этого правительство атамана Дутова расположилось в станице Краснинской, где в апреле оно попало в окружение. Единственным выходом из сложившейся ситуации мог быть прорыв окружения и отступление на юг. Атаман так и сделал. Собрав в единый кулак свои оренбургские отряды, он рассек в слабом месте кольцо красных и ушел в Тургайские степи.

Блюхеру удалось изгнать Дутова с территории губернии, но ликвидировать его живую силу полностью он не сумел. Белоказаки организованно отошли в южном направлении. Весенняя распутица не позволила преследовать их, и

они, разбившись на небольшие группы, рассредоточились в Тургайской области. В мае, когда установилась хорошая погода, Дутов вновь стянул свои разрозненные отряды под Оренбург и блокировал его.

«Областной военный комиссар,— вспоминал позже В.К. Блюхер, — приказал мне во главе нескольких красногвардейских отрядов срочно выступить на помощь Оренбургу, который дутовцы окружили и этим прервали связь с Туркестаном. Для борьбы с дутовцами в районе Оренбурга в состав моего отряда вошли: красногвардейский отряд под командованием С.Я. Елькина, Екатеринбургский эскадрон кавалерии, Челябинская батарея, сформированная из железнодорожников Челябинского узла, и вновь сформированный в Екатеринбурге 1-й Уральский пехотный полк, состоящий из рабочих-добровольцев и привлеченных на службу кадровых офицеров старой армии. Одновременно мне было приказано объединить под своим командованием все отряды, действующие в районе Оренбурга».

В Оренбург головной отряд Блюхера двигался по железной дороге через Самару. На станции Кинель к нему присоединились другие отряды, двигавшиеся по заданию центральных организаций также в Оренбург. В чрезвычайно тяжелых условиях почти эшелонной войны отряды продвигались от Бузулука к Оренбургу, так как железная дорога находилась в руках белоказаков.

23 мая подошли к осажденному Оренбургу и установили связь с его гарнизоном. Предстояла большая работа по окончательной ликвидации белоказаков в районе Оренбурга. Методы борьбы, которые выдвигались некоторыми командирами, Блюхером не разделялись. Он был сторонником организации в оренбургских казачьих станицах отрядов из революционных фронтовиков. А противники линии Блюхера смотрели на казаков как на единую контрреволюционную массу, совершенно не дифференцируя ее. Для разгрома контрреволюционных казаков они предлагали провести ряд карательных экспедиций. План Блюхера, основанный на опыте освобождения от дутовского влияния Троицкого

и Верхнеуральского уездов, был отвергнут. В результате несколько предпринятых таких экспедиций ничего не дали, так как белогвардейские конные части обычно уходили из-под удара. Работа среди населения не проводилась, не организовывалась беднота, не вербовались на сторону советской власти революционные фронтовики. Поэтому как только экспедиция, не встретив белых частей, возвращалась обратно в Оренбург, в тех станицах, где они побывали, тотчас же появлялись белые казаки и продолжали свою контрреволюционную работу...

С 26 мая Блюхеру стали поступать сведения, что в Челябинске произошел мятеж пленных австро-венгерской армии (Чехословацкий корпус), временно располагавшихся в городе[1]. Челябинск захвачен мятежниками. Точных данных о целях и задачах взбунтовавшихся белочехов не имелось. Было известно лишь, что одним из организаторов мятежа является некий Радола Гайда.

По свидетельству белогвардейского цолковника Гришина-Алмазова А.Н., члена штаба контрреволюции в Новониколаевске, мятеж готовился давно. Гришин-Алмазов в начале мая связался с чешским командованием, обговорил некоторые детали; взаимопонимание было полное. Командиры чешских полков (капитаны Гайда и Кадлец) вошли в переговоры с некоторыми представителями Новониколаевского военного штаба. По достигнутому соглашению между белогвардейским штабом и чехословацкой группой во главе с Гайдой был отдан приказ о выступлении в Омске, Томске, Барнауле, Семипалатинске, Новониколаевске, Челябинске. «Я решил с Гайдой, — писал в докладе штабу Гришин-Алма-

---

[1] В конце 1917 года в России был сформирован из бывших военнопленных австро-венгерской армии Чехословацкий корпус (около 50 тысяч человек). Корпус готовили к отправке в Западную Европу через Дальний Восток. Погруженный в железнодорожные эшелоны, он растянулся от Пензы до Владивостока. Но в мае корпус взбунтовался. Совместно с белогвардейскими отрядами он захватил ряд городов Урала и Сибири, в том числе Челябинск, Пензу, Томск, Уфу, Симбирск.

зов, — произвести первый взрыв, чтобы показать большевикам нашу силу. Два эшелона во главе с капитаном Клецандой и капитаном Гайдой в ночь на 26 мая (1918 г.) свергли большевиков... Кое-кого отправили на тот свет...»

Что послужило непосредственным поводом к «взрыву» чехословаков? 14 мая чешский караул убил в Челябинске военнопленного австрийца. Челябинский Совет рабочих и солдатских депутатов потребовал от караула выдать убийцу, на что последовал отказ. Тогда Совдеп арестовал весь караул. Чехов возмутило это. Капитан Гайда стал призывать солдат проучить красных. 17 мая группа чехословаков разоружила охрану железнодорожной станции. Одновременно чешские солдаты оцепили советские учреждения города, на улицах появились вооруженные патрули, допускавшие по отношению к населению наглые бесчинства. Командование корпуса в грубой форме выставило Совдепу ультиматум — немедленно освободить караул. Челябинский Совет тут же собрал военный совет, объявил город на военном положении и потребовал от чешского командования убрать свои патрули, вернуть захваченное на железнодорожной станции оружие. Занятая Совдепом твердая позиция возымела действие. Чешское командование заявило: «Мы были и будем друзьями Советской власти и не пойдем против нее». Поверив в искренность заявления, Совет отменил военное положение. Но в ночь с 26 на 27 мая чехи, перейдя вброд реку Миасс, окружили казармы челябинского гарнизона, застав спящих красноармейцев врасплох.

Это было началом войны белочехов против Советской России. Чешский штаб в своих оперсводках начал регулярно сообщать о боевых действиях с красными. Например: «При штурме казарм челябинского гарнизона (27.05.1918 г.) пленено сотни красноармейцев, взято свыше 6 тысяч винтовок, 5 пулеметов, 20 орудий...». «...В кровопролитных боях с красными от Пензы до Самары мы потеряли 80 человек убитыми и 400 ранеными. Потери советских войск в десять раз больше. Одними пленными зарегистрировано

около 2000 красноармейцев. Пензу наши части брали под ураганным огнем красных пулеметов (работало около 400 пулеметов) и артиллерии. Бой продолжался 20 часов и закончился победой наших войск 29 мая».

В штабе Блюхера к этим событиям отнеслись спокойно, наивно полагая, что чехословацкий мятеж всего лишь небольшой местный эпизод, который скоро будет ликвидирован.

В начале июня к Оренбургу стали подходить части Верхнеуральского и Белорецкого отрядов, которые двигались из Верхнеуральска через Магнитную, и Уфимские отряды, наступающие по тракту Уфа — Оренбург. Движение этих отрядов было чрезвычайно важно, так как они проходили по территории, наиболее охваченной белоказачьими выступлениями.

Оренбургский гарнизон, не получая указаний от Самарского штаба, в течение месяца бездействовал. Как потом оказалось, во главе Самарского штаба находился предатель Яковлев...

«В середине июня, — вспоминал Блюхер, — мы еще поддерживали телеграфную связь с Троицком и Верхнеуральском, откуда поступали сведения, что белочехи развивают активные действия на Оренбург по железной дороге от Кинеля. Но вскоре связь с центром была окончательно потеряна.

Командование войсками, сосредоточенными в районе Оренбурга, после моих разногласий с большинством главкомов других отрядов перешло к Г.В. Зиновьеву. Для предотвращения движения белочехов на Оренбург 23 июня товарищ Зиновьев приказал мне начать наступление вдоль железной дороги Оренбург — Бузулук. При выполнении этой задачи мы встретились с большими трудностями. Наше влияние распространилось только на полосу железной дороги, т. е. где продвигались эшелоны, а в тылу действовали белоказаки, которые разрушали пути и прерывали связь с Оренбургом. Казачье население, воодушевленное победами белочехов под Самарой и вдохновляемое контрреволюцион-

ными агитаторами, стало активно помогать дутовцам. Вести в таких условиях борьбу с белочехами, когда тыл стал ненадежным, было невозможно, поэтому я принял решение отвести отряды в Оренбург».

В Оренбурге к этому времени собралось около 20 различных по численности отдельных отрядов.

В то время «расплодилось» большое количество главкомов. Каждая область, каждый район назначали себе главкома.

Блюхер рассказывал, как Кобозев, будучи чрезвычайным комиссаром Средней Азии и членом Реввоенсовета Восточного фронта, настойчиво требовал от него оборонять Оренбург и Туркестан. Но можно ли осуществить успешную оборону с дезорганизованными отдельными отрядами, с таким огромным количеством главкомов? Это была армия совершенно не сколоченная. Кого там только не было: и казаки, и рабочие, и крестьяне, и даже моряки…

В создавшейся обстановке Блюхер потребовал созвать совещание комсостава, на котором обсудить план действий. На совещании большинство командиров отрядов высказалось за то, чтобы оставить Оренбург и отойти в Туркестан.

Блюхер наотрез отказался двигаться в Туркестан, считая это «линией наименьшего сопротивления». Он заявил, что пойдет с Южноуральским, Челябинским и 1-м Уральским полками на север, с тем чтобы пробраться к основным индустриальным центрам уральского пролетариата. Кобозев высказал несогласие с таким решением. Блюхера поддержал Н.Д. Каширин, командир пятисотсабельного Верхнеуральского отряда, недавно прибывшего под Оренбург.

На соединение с Красной Армией

Отряд Блюхера совместно с Южноуральским, Челябинским и 1-м Уральским полками с началом июля выступил в поход по белогвардейской территории на соединение с Красной Армией. И надолго Блюхер канет в безвестность.

О нем пойдут слухи, что он погиб в бою, и отряд его полностью уничтожен белочехами и казаками.

А Блюхер тем временем вклинивался во вражеские тылы. Направление — через Ак-Мечеть, гору Магнитная, Верхнеуральск и дальше, в зависимости от обстановки, — на север или по рабочим районам Урала через Юрюзань, Сим, к Златоусту. Отряды двигались осторожно, ибо не всегда знали, что делается вокруг. Блюхер требовал от командиров вести непрерывную разведку. Параллельно он рассылал в полосе пятидесяти-шестидесяти километров агитаторов, которые привлекали в отряды революционно настроенных рабочих и крестьян, желающих с оружием в руках защищать советскую власть.

При подходе к Авзяно-Петровскому заводу разведка донесла: белые заняли Верхнеуральск, а в Белорецке — красногвардейские отряды, от Стерлитамака двигается Стерлитамакский отряд с богатым обозом, состоящим из промтоваров, присланных Центральным правительством в Уфу для обмена на хлеб, и с небольшим запасом оружия.

16 июля отряд Блюхера вступил в Белорецк, где соединился с Троицким и Верхнеуральским отрядами. (Эти отряды и еще несколько небольших красногвардейских групп в конце июня объединились под единым командованием и имели единый главный штаб. Главкомом у них был Николай Каширин, начальником штаба — Н. Енборисов). В Троицком отряде находился батальон интернационалистов численностью более 300 человек. Большая часть из них — рабочие Будапешта и других промышленных центров Венгрии. Около 70-80 человек — берлинских рабочих социал-демократов, несколько десятков румын, представителей других национальностей из военнопленных австро-венгерской армии.

Блюхер так характеризовал руководство Троицкого и Верхне-Уральского отрядов: «Командир троичан Н.Д. Томин — волевой и талантливый военачальник. Это был человек изумительной честности и беспредельно храбрый. В отряде он пользовался огромным авторитетом...

Среди других командиров отрядов особенно выделялись братья Николай и Иван Каширины».

Иван Каширин был командиром Верхнеуральского отряда, который в основном состоял из казацкой молодежи. В начале августа в этот отряд влился Белорецкий полк, состоящий из рабочих Белорецкого завода. Белорецкий полк стал цементирующей силой отряда и составлял его политическую основу, вокруг которой группировалось революционное казачество. Отряд достиг численности 1300 человек.

Братья Каширины, по характеристике Блюхера, пользовались большой популярностью среди казацкой части отряда. «Я бы не сказал, что они в то время были вполне политически сложившимися и полностью понимали свою роль. Иван Каширин был беспартийный. Одевался он немного помпезно, обычно носил красную рубашку. Николай Каширин представлял собой резкую противоположность своему брату. Он уже в то время был членом партии. Это был скромный, сдержанный и умный командир».

Последними в Белорецк подошли Стерлитамакский и Баимакский отряды. Личный состав их состоял из башкир и татар. В общей сложности здесь собралось около 8 тысяч революционных войск и большое количество беженцев, главным образом членов семей бойцов отрядов.

После сбора всех отрядов в Белорецке состоялось общее совещание командиров, где остро встал вопрос о плане дальнейших действий и о создании единого командования.

«По вопросу дальнейших действий в отрядах отсутствовало единое мнение, — вспоминал Блюхер. — Мой план состоял в том, чтобы двигаться на север в направлении Красноуфимска на соединение с Красной Армией».

План Блюхера поддерживало меньшинство: бойцы из рабочих и несколько командиров отрядов, в их числе Томин. Против этого плана выступали казаки. Выражая их настроение, братья Каширины предлагали маршрут движения через Верхнеуральск — Челябинск к Екатеринбур-

гу. Они считали, что в районах Верхнеуральска отряды могут значительно пополниться за счет казацкой бедноты... Блюхер возражал: ведь нет никакой уверенности в том, что отряды обрастут за счет казачества. Конечно, человеческие чувства здесь играли большую роль: бойцы хотели увидеть своих жен, детей, которые находились от них на расстоянии 25—30 километров.

Блюхер понимал, что противостояние двух точек зрения — «пролетарской» и «казацкой» ни к чему хорошему не приведет. Настаивать на своем и напрочь отказаться от похода на Верхнеуральск — это значит, считал он, расколоть революционные силы. «Я своим предложил присоединиться к предложению братьев Кашириных. Нам казалось, что мы на этом деле значительно выиграем с точки зрения политики. История показала, что этого нельзя было делать. И мы за это тяжело заплатили.

Поскольку был принят план братьев Кашириных, то и главнокомандующим объединенным отрядом стал Николай Каширин».

Вот протокол общего собрания делегатов отрядов, собравшихся в Белорецке 16 июля 1918 года.

«Присутствует 14 человек. Единогласно избран председателем Каширин Николай.

Порядок дня:

— Ознакомление с боевой и политической обстановкой.

— Выяснение своих сил и средств.

— Составление общего плана действий.

— Группировка отрядов и хозяйственные вопросы.

— Выборы главнокомандующего.

1. ОБСТАНОВКА: Каширин Иван докладывает о боевых операциях Верхнеуральского отряда. Для борьбы с контрреволюцией в районе Верхнеуральска было слишком мало советских сил...

О событиях в России ничего не известно, ходят только слухи...

Томин докладывает, что послал для связи с центральной Россией двух членов совета, но данных от них до сих пор нет...

Есть сведения, что мобилизованные солдаты некоторых заводов, выступая против чехословаков, не присоединяются к Красной Армии.

В Верхнеуральске остались из мобилизованных солдат только ярые контрреволюционеры, остальные в Белорецке требуют наступления на Верхнеуральск...

Блюхер докладывает об общем положении в Оренбурге...

2. СИЛЫ И СРЕДСТВА:

Отряд г. Троицка Н.Д. Томина. Пехоты — 700, кавалерии — 300, пулеметов — 16, орудий — 6, патронов не очень много. Отряд крепкий. Просят немедленного похода к центру России.

Отряд г. Верхнеуральска И.Д. Каширина. Пехоты — 800, кавалерии — 900, пулеметов — 13, орудие одно. Оборудована команда связи.

Южный отряд Н.Д. Каширина. Пехоты — 200, кавалерии — 200, пулеметов — 12, орудий — 2. Рота белорецких рабочих. Отряд крепкий. Стремится к Верхнеуральску.

Уральский отряд В.К. Блюхера. Пехоты — 700, кавалерии — 50, пулеметов — 16, орудий — 4. Оборудована команда связи. Отряд крепкий. Стремится к центру России.

Белорецкий отряд Н.В. Баранова. Пехоты — 600, кавалерии — 100, пулеметов — 10. Стремление остаться для защиты завода на месте.

Баймакский отряд. Пехоты — 400, кавалерии — 50, пулеметов — 4. Бойцы плохо обмундированы.

Сборный отряд. Идет сзади, количество точно неизвестно. Предположительно до 700. Находится приблизительно в Кудасове. Всего: пехоты — 3400, кавалерии — 1600, пулеметов — 71, орудий — 13, снарядов, патронов и денег достаточное количество.

3. ПЛАН ДЕЙСТВИЙ: Блюхер заявляет, что его отряд стремится к центру. Томин то же говорит о своем отряде. Каширин Иван говорит, что за железной дорогой нас ждет неизвестность, но, двигаясь по заводам, мы настолько усилимся, что сможем пойти и в хлебородные губернии.

Каширин Николай заявляет, что его отряд желает похода на Верхнеуральск и Троицк, основываясь на том, что, подавляя контрреволюционные силы здесь, мы тем самым приносим пользу общему делу. Кроме того, бороться надо там, где опаснее, чтобы больнее сразить врага.

Учитывает он и настроение отряда, желающего идти к родным местам.

Блюхер возражает, что, двигаясь на Верхнеуральск, мы в нем ослабим свой отряд ушедшими по домам, а продолжая поход на Троицк, сможем растерять весь Верхнеуральский отряд. Возможно, что с оставшимися силами дальнейшие боевые операции станут немыслимы.

4. ГРУППИРОВКА ОТРЯДОВ: Предложено образовать 3 группы — Верхнеуральскую, Троицкую и Уральскую. Все остальные части, что не относились к ним, вливаются в них.

5. ВЫБОРЫ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО: Предложено выбрать только главнокомандующего, предоставив ему право организовать главный штаб по его личному усмотрению.

Кандидатами в главнокомандующие намечены:

т. Блюхер, т. Каширин Николай, т. Каширин Иван, т. Томин.

Баллотировали тайно:

т. Блюхер получил — 5.

т. Каширин Н. — 6.

т. Каширин И. — 4.

т. Томин — 0.

При перебаллотировке Каширин Николай получил 14 голосов, Блюхер — 1 голос. Большинством голосов выбран главнокомандующим Каширин Николай».

В первом своем приказе главком Николай Каширин разбивает все формирования на три отряда: Троицкий — Томина, Верхнеуральский — Пичугина и Уральский — Блюхера. Все вместе они теперь называются Сводным Уральским отрядом. Общим штабом он оставляет бывший штаб Ивана Каширина. Для пополнения этого штаба включает в его состав одного представителя от Уральского отряда — Блюхера.

Во втором приказе, датированном 17 июля 1918 года, Каширин ставит задачу Сводному отряду пробиваться на соединение с красными частями, переходя через железнодорожную линию Челябинск—Уфа. Он приказывает 18 июля выдвинуться в направлении на Тирлян, идти двумя дорогами: по правому и левому берегу реки Белая, и утром 19-го стремительной атакой занять завод Тирлян.

Отряду Блюхера Каширин предписывал оставаться в резерве, сосредоточившись в районе Белорецка.

Блюхер потом вспоминал, что Каширины активно повели наступление на Верхнеуральск. Во всех боях, вплоть до Верхнеуральска, отряды имели успех, но бесцельность движения стала очевидной, как только они достигли Верхнеуральска.

В боях за Верхнеуральск красные отряды встретились с превосходящими и хорошо организованными силами белоказаков. Потеряв более 150 человек убитыми и 300-350 ранеными и израсходовав значительную часть боеприпасов, они вынуждены были после взятия Верхнеуральска отказаться от движения на Екатеринбург. После взятия города часть казаков разошлась по домам, а один из командиров Верхнеуральского отряда Н. Енборисов, хорошо посвященный в планы партизан, перебежал к белым...[1]

---

[1] *Н. Енборисов* — казачий офицер, сын начальника контрразведки атамана Дутова; в начале революции примкнул к красным. У Николая Каширина Енборисов был начальником штаба, затем командиром небольшого отряда. Но это его не устроило, и он сбежал к белым. Прибыв в штаб Дутова, Енборисов умолял отца простить его, но тот приказал расстрелять сына.

25 июля белочехи захватили Екатеринбург.

Еще до взятия Верхнеуральска Николай Каширин понял ошибочность своего плана и в разговоре с Блюхером заявил, что необходимо вернуться к Белорецку. В бою под Верхнеуральском он был ранен, и командование отрядом перешло в руки Ивана Каширина.

После возвращения отрядов в Белорецк было собрано закрытое собрание, на котором выступил Николай Каширин с признанием ошибочности своего плана движения на Верхнеуральск.

2 августа состоялось совещание командиров, на котором Блюхер был единогласно избран главкомом, а начальником штаба Николай Каширин. На этом совещании Блюхер изложил основные положения плана боевых действий объединенного отряда. По плану маршрута отряд должен был двигаться через рабочие районы Южного Урала на соединение с Красной Армией.

После совещания Блюхер, в качестве главнокомандующего, написал свой первый приказ по сводному отряду южноуральских партизан.

«ПРИКАЗ ВОЙСКАМ СВОДНОГО ОТРЯДА ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ПАРТИЗАН О ДВИЖЕНИИ НА СОЕДИНЕНИЕ С ЧАСТЯМИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

2 августа 1918 г.

§ 1

Сегодня высшим командным составом и представителями от отрядов я выбран главнокомандующим всеми отрядами, о чем объявляю во всеобщее сведение.

Баймакскому и Стерлитамакскому отрядам влиться в Троицкий отряд, причем разбивка рот по ротам других отрядов не допускается и батальоны для сформирования пол-

ков могут быть сведены. Сводным отрядом командовать тов. Томину. Белорецкому отряду влиться в Верхнеуральский отряд, к чему и приступить немедленно.

§ 3

Для сконструирования главного штаба каждому отряду выслать по 2 представителя.

§ 4

На должность начальника санитарного отдела вместо тов. Тараненко назначаю тов. Федосеева, которому принять от Тараненко денежные суммы, документы, имущество и медикаменты, о сдаче и приеме донести мне.

Ввиду того, что вверенная мне Красная Армия не имела связи с базой, которая бы питала ее как огнестрельными припасами, так и всем необходимым для армии, на совещании делегатов от всех отрядов решено было пробиться и соединиться с базой.

Для достижения указанной цели необходимо было армии перейти линию Сибирской железной дороги, так как по ту сторону этой дороги находятся наши отряды Красной Армии, имеющие связь с базами и опирающиеся на ряд заводов, производящих военные припасы, к числу таких баз относится г. Екатеринбург. При решении вопроса о выходе к базе представлялось несколько путей. Путь к линии железной дороги через Верхнеуральск был выбран по следующим соображениям: нанеся сильный удар под городом, мы рассеиваем насильно мобилизованных казаков, как уже показали предыдущие опыты, следовательно, открываем себе путь к намеченной цели с наименьшей затратой сил и материальной части, тогда как другие пути этих преимуществ не давали. Наши предположения уже оправдались, в рядах противника началось уже разложение, распад был близок, достаточно еще было сделать один сильный нажим. Сиби-

ряки уже собирались уходить к себе, с уходом сибиряков остальное казачество уплыло бы в свои станицы и поселки, так как сибиряки служат связующим звеном в армии противника. Оставался еще один твердый, по своей несознательности, элемент — это мобилизованные башкиры, но по своей малочисленности они не могли нам оказать серьезного сопротивления. Таким образом, наша задача близилась к благоприятному для нас разрешению.

Но изменческий поступок Енборисова вынудил нас отказаться от дальнейших операций на Верхнеуральск, так как Енборисов, безусловно, раскроет все наши планы и наши средства к дальнейшей борьбе с нашим противником, который, учтя это, будет оказывать упорное сопротивление, с тем чтобы заставить нас израсходоваться, а тогда взять нас голыми руками.

По агентурным сведениям, в районе Самары ведут бой наши значительные силы. Уфа слабо занята противником. По ту сторону Самаро-Златоустовской железной дороги также находятся наши силы. Стерлитамак занят незначительными силами противника, преимущественно из местной буржуазии. Кроме сего, район Белебея до Самаро-Златоустовской железной дороги по своим свойствам представляет большие удобства для действий конницы, противник же таковой не имеет. Отказавшись в силу приведенных причин от первого направления, мы должны выбрать новое направление на присоединение к нашим силам, опирающимся на базы. Оставаться здесь, в Белорецке, мы не можем, так как противник наш отказ сочтет за нашу слабость и, безусловно, поведет против нас активные действия, с тем чтобы нас взять в кольцо, и тогда нам трудно будет прорывать это кольцо.

Может быть, у многих красноармейцев возникнет сомнение в том, стоит ли идти в новом направлении, не лучше ли остаться здесь и где-нибудь укрыться. Товарищи, такое решение будет весьма гибельным, так как легче всего переловить и передушить нас поодиночке, а когда же мы

будем двигаться кулаком, справиться с нами трудно, потому что мы можем бороться и пробивать себе путь сплоченной силой. Итак, вперед! Кто малодушен, оставайся, но помни, что одиночки — не сила и легко могут быть переловлены противником.

Главнокомандующий *БЛЮХЕР*».

Через хребет Ала-Тау

Двуглавый великан Южного Урала хребет Ала-Тау разлегся с юга на север огромным костистым старым медведем. Вершины его, ощетинившись острыми скалами, бесцветны и лысы. Большая седловина, мелкие ложбины, падающие сверху вниз горные разломы поросли густым лесом. На голых макушках хребта громоздятся тучи, в лесных чащобах — темно и хмуро.

В погожие дни с вершин Ала-Тау просматриваются за разновеликими горами и горушками, плато и долинами змеящиеся ленты далеких рек, блестящие блюдца озер, неясная паутина построек — различных населенных пунктов.

«Медведь» Ала-Тау будто в спячке: пустынна и неподвижна спина его. Лишь в подбрюшье — в лесистых седловинах и выемках, на трудных подъемах и опасных спусках ворочается длинная, серая веревка каменистой дороги — Верхнеуральский тракт.

Тракт изощренно режет поперек седой Урал, то прячась в зеленых зарослях горных лугов, то прижимаясь к отвесным каменным ребрам гор, петляя по берегам рек и ручьев, то тяжело вздымаясь на перевалы, норовя обойти гиблые пропасти.

Истоки тракта — в Казани, на стыке полноводной Камы с Волгой. Конец — в западносибирских просторах, в степях, у золотых приисков в Троицке.

На полуторатысячной ленте тракта стоят города: Мензелинск, Уфа, Стерлитамак, Верхнеуральск и другие. В го-

рах тракт сторожат гремящие и полупотухшие заводы Бе-
лорецк и Узян, замершая Кага и упрямый Авзян. В горах на
сотни километров — четыре башкирских деревни: Макаро-
ве Кара-Курттамак, Калгунино, Серменево.

Перейти через Ала-Тау — задача не из легких.

Этот беспримерный поход Уральских красно-партизан-
ских отрядов начался 5 августа. Армия Блюхера двинулась на
Серменево, Узян, Кагу, Авзяно-Петровский завод. Путь пред-
стоял нелегкий: нужно преодолеть горный хребет Ала-Тау.

Армия шла по трудному, вьющемуся по хребтам и пе-
ревалам Верхнеуральскому тракту. В авангарде двигались
кавалерия А.Е. Карташова и Уральский отряд И.С. Павли-
щева, за ними — штаб Блюхера с главными силами. Внут-
ри армии ехали обозы. Замыкал всю эту огромную колон-
ну Верхнеуральский отряд Ивана Каширина.

Участник героического рейда армии Блюхера И.П. Мар-
келов, командовавший в 1918 году отрядом красных парти-
зан, составил о беспримерном рейде красно-партизанской
армии Блюхера хронологические записки. Вот один из об-
разных эпизодов — движение армии Блюхера по Верхне-
уральскому тракту.

...Перевал. Высота две тысячи метров. Опаленные жа-
рой всадники тяжело послезали с коней. Кони жадно, со
свистом и хрипом ловили воздух, взмыленные бока их взды-
мались порывисто...

Кавалерией этот отряд можно было назвать условно.
Двое-трое — в защитном. Вот кто-то в серой потертой пид-
жачной паре. Ситцевые рубахи у двоих. Выцветшая кожан-
ка. У одного медно-красная грудь вырывалась из синей мат-
роски. Картузы штатские, защитные фуражки. Шляпа. Мат-
росская бескозырка с ленточками флота Балтики. Шапка
русых нечесаных кудрей, покрытых ветром.

В деревянной кобуре — маузер. Шашка, за поясом —
гранаты. Револьверы в кобурах и без покрышек. У двоих

винтовки за плечами. У одного дробовик и охотничий нож из обломка штыка...

Впереди толпились горы. Тяжелый путь. Неизвестность. Опасность.

Сзади — горы, далекая дымка равнины, враг. Опасность.

На востоке на вершины гор падали лучи солнца, в долинах поднималась легкая кисея вечернего тумана. Тишина.

По извилистому, каменистому, пыльному шоссе медленно, упрямо, как снежный ком, нарастал шум. Скрип колес, вскрики, топот, ржание коней. Терпкая ругань.

Топает разношерстная кавалерия. Крестьянские «пегашки» и кавалерийские строевые лошади. Башкирские низкорослые рысачки и племенные производители с бывших помещичьих и купеческих конюшен.

Кавалеристы в военном, с винтовками, шашками. Новоиспеченные наездники в пиджаках, косоворотках, в домотканых мужицких рубахах. Трехлинейки, берданки, карабины, американские винчестеры. Пара «луизок» с обоймами, коробочками и блином. Револьверы, бомбы. Кавалерийские седла, башкирские деревянные с пуховыми подушками, прихваченными веревочками и лыком.

Подводы, подводы, подводы...

Скрипучие «расейские» телеги. Горные башкирские двуколки. Городские тарантасы, ямщицкие тройки, пролетки, беговые дрожки, украинский «рыдван».

Солдаты, штатские с винтовками, штатские без оружия.

Женщины, старики. Вот целый букет вихрастых детских голов.

Подводы с людьми вооруженными. Подводы с людьми, вооруженными только кнутом.

На подводах — мука, зерно в мешках, кожа, тюки мануфактуры, сапоги, сбруя, патронные, денежные ящики... Телеграфное оборудование, домашние сундуки, чугуны, самовары, шубы, перины...

За подводами, устало мыча, плетутся коровы. Тарабанят ножками овцы.

Где-то закудахтали куры. Тявкают собаки.

Вот на телегах тупорылые «максимки», голенастые «кольты». Пулеметная команда.

Угрюмо прошагали, проехали штатские под конвоем. Мужчины, одна женщина. Дородные купцы, щеголеватые военные офицеры, оснащенные очками лидеры эсэров и меньшевиков, просто буржуи. Заложники.

Подводы, подводы, подводы...

Тяжело ступают лошади, бредут беженцы, подводчики в пестрядинных штанах и башкирских тюбетейках.

Тяжел и длинен путь через Ала-Тау...

Белоказаки и белочехи неотступно преследовали части сводного отряда красных партизан, время от времени атакуя их на остановках и в пути.

В районе Стерлитамака белогвардейцы и белочехи пытались окружить красно-партизанскую армию и уничтожить ее. С этой целью значительные силы белочехов вышли навстречу колоннам отрядов, а белоказаки наступали с тыла. Блюхер разгромил белочехов под селом Петровским и, быстро совершив фланговый марш вдоль реки Белой, 13 августа вывел отряды в район Богоявленского завода. На этом заводе находились красногвардейский отряд под командованием М.В. Калмыкова, который отошел сюда из-под Оренбурга, и небольшая группа красных войск, отступивших из Уфы. Эти незначительные силы вели тяжелые бои свыше месяца с наступающими на завод белогвардейцами и местными отрядами зажиточных крестьян, организовавшимися в окрестных селениях.

Блюхер вспоминал позже: «Рабочие Богоявленского завода нас встретили с большой радостью. Через час после нашего прибытия — смотрю: стоит огромная очередь перед заводом. Спрашиваю у Калмыкова: в чем дело? Он отвечает: «Рабочие винтовки берут». Через некоторое время он, сильно взволнованный, прибегает ко мне и говорит о том, что рабочие обратно сдают винтовки, что они не хотят от-

ходить вместе с нашим отрядом с завода. Весть о том, что наш отряд, а вместе с ним и Богоявленский вскоре оставят завод, вызвала сильную тревогу населения и особенно членов семей бойцов. Причина — вслед за нашим отрядом двигались белоказаки генерала Ханжина».

Дело в том, что белогвардейские отряды Ханжина карали сочувствовавших партизанам. Нередко расстреливали целые семьи, не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Весть о движении белоказаков взбудоражила население завода, что и сказалось на настроении бойцов. Дети, жены не отпускали бойцов. Ко всему этому белогвардейцы распространили слух о том, что Казань пала, что Москва занята белогвардейцами...

Пришлось Блюхеру в 12 часов ночи назначить собрание рабочих. Была непроглядная темнота. Шел проливной дождь. Калмыков говорил относительно положения на заводах. Блюхер — о пролетарской революции, о новой жизни. Потом выступил старый рабочий. Он стал на бочку, которая служила трибуной, и сказал: «Я люблю детей, но революция мне дороже. Кто за то, чтобы завтра в четыре часа утра создать Богоявленский полк и всем вместе пойти бить белогвардейцев? Голосуйте». Ни одного голоса «против». Прошло полтора часа, пока люди оделись и построились. Вокруг полка тяжелая картина. Жены кричат, дети плачут, все умоляют: «Не уезжайте, на кого вы нас оставляете?» В этой обстановке раздался голос командира: «Полк, слушай команду! Направо — за мной!» На протяжении нескольких километров полк провожали старики, женщины, дети...

После ухода наспех созданного Богоявленского полка завод заняли белоказаки и устроили расправу над членами семей красногвардейцев.

17 августа армия Блюхера сосредоточилась в районе Архангельского завода. Здесь так же, как и в Богоявленске, к ней присоединился вооруженный отряд рабочих Архангельского завода. В результате присоединения двух отрядов об-

щие силы красно-партизанской армии возросли до десяти с половиной тысяч человек.

Из Архангельска армия резко повернула на север, имея первоочередной задачей выйти на Самаро-Златоустовскую железную дорогу, несколько восточнее Уфы. Движение Блюхера в направлении Самаро-Златоустовской железной дороги вызвало сильное беспокойство белогвардейского командования, так как эта дорога была основной магистралью, связывающей штаб белочехов с их частями, действующими на фронте Самара — Симбирск — Казань. Чтобы предотвратить выход красно-партизанских отрядов на железную дорогу, белогвардейцы сосредоточили в районе Уфы значительные силы своих войск.

План белого командования сводился к тому, чтобы загнать армию Блюхера в угол, образующийся слиянием рек Белой и Сим, окружить ее там и уничтожить.

В результате упорных боев, развернувшихся 18 и 19 августа у селений Зилим и Ирныкши, и на самой переправе у селения Бердяниной Поляны белогвардейцы были разбиты и отброшены. Красно-партизанские отряды, успешно форсировав Сим, в конце августа на широком фронте вышли к линии Самаро-Златоустовской железной дороги в двадцати километрах южнее станции Иглино.

Сосредоточив главные силы для наступления на станцию Иглино и одновременно проведя ложную демонстрацию в направлении Уфы, 29 августа части Блюхера с большими потерями овладели станцией. Выход на железную дорогу в непосредственной близости Уфы создал паническое настроение в городе, который до этого считали глубоким тылом белогвардейских армий.

«В Уфу на 1 сентября съезжались на государственное совещание делегаты контрреволюционных партий из Оренбурга, Челябинска, Самары и других городов Урала и Сибири с целью объединения различных группировок востока России на борьбу против советской власти, — вспомина-

ет Блюхер. — Но организаторы этого дела вынуждены были отложить сборище на несколько дней».

Блюхер не предполагал наступать в направлении Уфы и поэтому не стал задерживаться в районе станции Иглино. 30 августа передовые части двинулись на север с целью форсирования реки Уфы и выхода на Красноуфимский тракт. Ориентировочно местом переправы был намечен район деревни Красный Яр, расположенный в 5 километрах от реки. 1 сентября Уральский отряд под командованием Павлищева переправился через Уфу и захватил небольшой плацдарм.

Армии Блюхера предстояло форсировать серьезную водную преграду с боем, в условиях почти полного окружения белыми. Впереди, на правом берегу реки, белогвардейцы срочно сосредоточили из Уфы и Бирска несколько полков; сзади нажимали белоказаки и чехи.

К моменту переправы плацдарм сузился до нескольких десятков квадратных километров. Нужно как можно быстрее начать форсирование, но никаких переправочных средств не было.

Маркелов ярко описал решающий бой красно-партизанской армии Блюхера с казаками и белочехами у реки Уфа перед соединением с регулярными частями Красной Армии.

...На небольшом клочке земли, доступном со всех сторон снаряду обычной полевой пушки, сгрудилась вся армия. Бригады, полки, обозы, лазареты, беженцы. Впереди река. За рекой враг.

Сзади, с флангов, с тыла — кругом враг...

Два дня кипел бой. Два дня надрывались орудия, выводили железные трели пулеметы, галдели винтовки.

Мост решили наводить напротив деревни. Лес от реки в стороне, далеко. Нет времени ни рубить, ни возить. Дорог каждый час. Тогда в штаб явились деревенские мужики и

предложили: на козлы для моста можно использовать срубы амбаров, на слань — слеги, хворост крыш, солому.

Мост наводили под огнем.

Отряд бесстрашного командира Павлищева, перебрав¬шийся через реку, устроил белым заслон перед переправой. Но к врагу на помощь подоспели свежие части: чехи, добровольцы, офицеры. Навалились на заслон. Красные цепи, вдавливаясь в рыхлый песок прибрежных лугов, медленно подаются назад. Все ближе и ближе к реке... Немислярово, Старо-Кулево, Ново-Кулево. Три километра до переправы. Отступать больше некуда.

Если дрогнут цепи, бросятся к реке к недостроенному мосту — катастрофа.

Блюхер слушает, что делается на другом берегу, на флан¬гах, в тылу противника.

Главком бросает на фронт последние резервы. Приказывает усилить огонь артиллерии. Самых стойких бойцов ставит непосредственно у переправы. Здесь лихорадочно достраивают мост.

Белые усиливают напор и с тыла, на арьергард. Однако центр арьергарда уперся крепко. Томин со своим отрядом держится.

Вдруг между берегом и правым флангом арьергарда показались белоказаки. Они рвутся в тыл переправе, в тыл обозной массе, беженцам, лазаретам.

Блюхер знает, что если взбесить это месиво подвод и людей, паника разнесет в щепы недостроенный мост, запрудит реку жертвами. И он гонит всех работников штаба, всех из охраны и связи, успокаивать тревожный клубок обозов и лазаретов.

И тут пошли полки Каширина. Но за мостом развернуться им негде, пулеметы скосят взводы и сотни. Полки взяли в сторону...

Враг наглеет, его нажим набухает свинцом и железом. В штабе Блюхера усиливается тревога. Неужели собьют заслон?..

Медленно тянется время. Но армия переправляется. Три четверти ее уже на правом берегу.

И в этот момент в тылу противника поднялась паника. Главком вздохнул облегченно:

— Каширин ударил.

Полки Каширина, обойдя белых со стороны, стремительно атаковали с севера...

10 сентября партизанские отряды подошли к большому селу Аскино, которое главком Блюхер приказал занять Троицкому отряду, шедшему в авангарде. 11 сентября в Аскино прибыл штаб главкома. Из оперативных сведений стало известно, что части Красной Армии находятся где-то поблизости. Под вечер Блюхер вызвал к себе девятнадцатилетнего заместителя начальника штаба Троицкого отряда Виктора Русяева.

— Мы хотим поручить тебе поехать в соседнюю деревню и установить связь с частями Красной Армии, — сказал Блюхер. — Имей в виду, части Красной Армии о нас ничего не знают, поэтому, появись мы перед ними неожиданно, чего доброго, встретят нас огнем. Надо действовать осторожно, чтобы избежать ненужного кровопролития.

Русяев выполнил поставленную перед ним задачу, и 12 сентября партизанская армия Блюхера вышла в район села Тюйно-Озерское, где встретилась с передовыми частями 3-й армии Восточного фронта — 2-м Бирским полком и 1-й Бирской бригадой.

Как это было? Приведем информационную сводку штаба 3-й армии Восточного фронта за номером 0622 «О выходе из тыла противника Южноуральской армии и ее боевом составе».

«11 сентября 1918 г. из штаба 5-й Уральской дивизии из г. Осы, что на р. Каме, от начдива указанной дивизии Шванского была получена телеграмма: по тракту через с. Аскино, что на дороге между пунктами Кунгур—Уфа, идут

советские отряды из Троицка и Верхнеуральска, командующим которых состоит т. Блюхер.

12 сего сентября указанные данные подтвердились появлением 4-й сотни 1-го Уральского полка (состав частей тов. Блюхера), в районе селения Тюйно-Озерское, штаб же названного полка расположился в с. Аскино. Войдя в связь с указанной сотней, наши отряды 5-й Уральской дивизии выяснили, что во главе командования вновь появившихся частей состоят товарищи Блюхер, Каширин и Томин; т. Кадомцев убит в бою с белыми. Наряду с этим выяснилось, что части т. Блюхера располагают большим количеством артиллерии и пулеметами. Отряды Блюхера пробивались между Уфой и Златоустом через р. Уфу, где произошел жестокий бой с белыми. Части Блюхера вышли победителями из указанного боя, взяв у противника большое количество пулеметов. Дальнейший путь следования Блюхера был по Бир¬скому уезду, через Емашевку, что в 25 верстах на восток от Бирска, на р. Бир.

13 сентября наши части 5.-й Уральской дивизии окончательно установили связь с указанным Уральским полком отряда Блюхера. 14 сентября частями отряда Блюхера уже было занято селение Атерский Ключ, что на большой дороге Кунгур—Уфа, в 60 верстах юго-западнее Красноуфимска.

16 сентября распоряжением командующего Блюхера один полк пехоты, полк кавалерии, настоящее войсковое соединение при двух орудиях под командою т. Дамберга были оставлены для очистки от белых левого берега р. Камы; остальные же отряды частей Блюхера через селение Богородское были двинуты в направлении на Кунгур.

19 сентября, по мере приближения частей Блюхера к Кунгуру, к указанному числу штаб Блюхера находился в селении Медянское, а 1-й Уральский полк в составе тысячи штыков расположился в селении Ордынское, что на большой дороге Кунгур — Уфа, а так называемый Троицкий отряд в составе 1350 человек прибыл в Кунгур.

20 сего сентября при личном свидании командарма-3 Берзина в Кунгуре с Блюхером части последнего, как появившиеся в районе 3-й армии, были включены в состав частей и подчинены командованию 3-й армии. Выяснился в приблизительном численном количестве и состав частей т. Блюхера, данные следующие:

Троицкий отряд (начальник отряда Томин): пехоты — 950, конницы — 400, орудий — 4, всего людей — 1350.

Богоявленский отряд (начальник отряда Калмыков): пехоты — 800, конницы — 2 сотни, орудий — 2 горных.

Уральский отряд (начальник отряда Павлищев): пехоты — 900, конницы — 100, орудий — 4.

Верхнеуральский отряд (начальник отряда Каширин Иван): пехоты — 1700, конницы — 6 сотен, орудий — 6.

Архангельский отряд (начальник отряда Дамберг): пехоты — 700, конницы — 3 сотни, орудий — 2.

И другие части...

Тут же, в Кунгуре, командармом III Берзиным был издан приказ по войскам армии о подчинении частей Блюхера ему, а наряду с этим указанным приказом было проведено в жизнь следующее: 1) тов. Блюхер назначается начальником 4-й Уральской дивизии, в состав которой помимо ее собственных входят все вышеперечисленные отряды Блюхера. 2) вышеупомянутый Архангельский отряд под командованием Дамберга отправлен на усиление 5-й Уральской дивизии (Осинское направление). 3) указанной 4-й Уральской дивизии тов. Блюхера предписано выполнять следующую задачу: занять пункты по линии Богородское, Суксунское, Осиновское и вести наступление на Красноуфимск, Бисертский завод с целью захвата Западно-Уральской железной дороги, ст. Гробово, Шемаха и в то же время ввиду создавшегося неустойчивого положения 3-й Уральской дивизии, действующей на пермском направлении, оказать активную помощь по ликвидации наступления противника по Пермской железнодорожной магистрали и для активного перехода нашими частями в наступление на ст. Кузино. В настоящее

время вновь появившиеся части отряда Блюхера, включенные в состав 4-й Уральской дивизии, имея своим начальником указанного т. Блюхера, прилагают все усилия к выполнению возложенного на них упомянутым приказом активного продвижения вперед.

Начштарм III *Алафузо.*

Начальник оперативного отдела *Герасимов*».

Всем, всем, всем: **беспримерный рейд партизан-южноуральцев успешно завершился!**

3-я армия под давлением превосходящих сил противника отходила к городу Кунгуру, и некоторые ее части были от него уже в 20—30 километрах. Соединение войск Блюхера с Красной Армией пришлось очень вовремя. 3-я армия получила нежданное подкрепление в составе 6 полков пехоты, 3 полков конницы — общей численностью около 10 тысяч штыков и сабель и 18 трехдюймовых орудий.

Генеральный консул Соединенных Штатов Америки в Иркутске Гаррис в это время телеграфировал государственному секретарю США, что положение на фронте обострилось из-за прихода каширинских (непонятно, почему каширинских, когда главкомом был Блюхер) большевистских войск, состоящих из фанатически преданных Советам частей; они хорошо организованы и способны прекрасно маневрировать.

Беспримерный рейд партизан-южноуральцев успешно завершился. Василий Блюхер не скрывал Гордости и радости. Он отправил в Совнарком лично Ленину, в Пермский областной комитет и всем, всем, всем телеграмму: «Приветствую вас от имени южноуральских войск в составе Верхнеуральского, Белорецкого, 1-го Уральского, Архангельского, Богоявленского, 17-го Уральского стрелковых полков, 1-го Оренбургского казачьего Степана Разина, Верхнеуральско-

го казачьего кавалерийских полков, отдельных кавалерийских сотен и артиллерийского дивизиона. В вашем лице приветствую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска. Проделав беспримерный полуторатысячеверстовый переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией в тесном единении с нашими родными уральскими войсками, и твердо верим, что недалек тот день, когда красное знамя социализма снова взовьется над Уралом».

Уральский областной комитет РКП (б) послал донесение Ленину, Свердлову о действиях Южноуральских отрядов под командованием Блюхера в тылу врага, в котором сообщалось, что в пределы Уфимской губернии на линию фронта 3-й армии прорвалась армия во главе с командующим товарищем Блюхером.

В донесении излагалась краткая история похода этой легендарной армии. «Проделав 1500 верст по хребтам Южного Урала, собирая на своем пути небольшие отрядики, отчаявшиеся в торжестве русской революции, они явились, сильные духом и боевым опытом. Окруженные со всех сторон восставшим оренбургским казачеством и присоединившимися к ним паразитами, отрезанные от нашей дорогой рабоче-крестьянской России, без боевых припасов, они отказались от легкого ухода в Ташкент и, несмотря на все трудности предстоящего похода, решили идти к родному старому Уралу. С большим трудом собрались на Белорецком заводе, и, не зная о тяжелом положении Екатеринбурга, они сначала шли через Верхнеуральск, думая соединиться с авангардами наших войск. После 11-дневного кровопролитного боя, имея перед собой до 25 тысяч казачьих и башкирских контрреволюционных войск, они 29 июля заняли Верхнеуральск и с глубокой скорбью узнали о занятии столицы Урала белогвардейцами и их союзниками — чехословаками. В боях за обладание Верхнеуральском, расстреляв последние патро-

ны, они вынуждены были отказаться от намеченного пути соединиться с нами и избрали другой путь — через Уфимскую губернию — и через полтора месяца невероятно трудного похода, выдержав 20 жарких боев, прокладывая себе дорогу почти одними штыками и саблями, разбив противника под Уфой, прорвав его фронт по линии железной дороги на 44-й версте между станцией Мактинра и разъездом Кудеевка, наголову разбив польские легионы, части стерлитамакского гарнизона, 6-й чехословацкий полк, 6-й казачий полк, 1-й башкирский полк, 13-й и 14-й Уфимские полки, разбив, уничтожив, утопив их в р. Уфе, отняв у них имеющуюся артиллерию и пулеметы, они пришли к нам бодрые духом, чтобы совместно с нами вести борьбу за потерянные права трудового народа. Эта сухая передача фактов уже красноречиво говорит, что в лице товарища Блюхера, его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный в истории нашей революции подвиг. Уральский областной Совет рабочих, крестьянских и армейских депутатов и областной комитет Российской коммунистической партии полагают, что эти легендарные герои революционной коммунистической войны должны занять среди наших войск первое место. Беднота казачьих станиц, взявшая оружие для защиты пролетарской революции и вынесшая невероятные тягости похода, чтобы прорваться в рабочий Урал со своей казачьей родины, ставшей добычей контрреволюции, — это незабываемый пример героизма трудового крестьянства. Рабочие Северного и Южного Урала — одна революционная семья уральских рабочих. Вот герои — солдаты отряда. Командир товарищ Блюхер — один из самых отважных солдат революции, талантливый вождь-стратег. Его биография: московский рабочий, раненный на немецком фронте солдат, большевик, председатель Челябинского революционного комитета и Совета, трижды участвовал на дутовском фронте: 1) в первом походе, когда советские войска брали Оренбург, 2) в марте — апреле командовал всеми уральскими войсками, оперировавшими против Дуто-

ва, которого он прогнал из Верхнеуральска, а затем последовал по пятам из Оренбургской губернии в Туркестан; при этом товарищем Блюхером были проявлены большая храбрость и стратегический талант. Наконец, когда в мае было поднято восстание в Оренбурге, областной Совет направил командующим своими частями его же. Наркомвоен назначил его помощником главкома всех сил против Дутова. За этой работой в Оренбурге застала товарища Блюхера чехословацкая кампания.

Голощекин,. Белобородов, Толмачев, Кузьмин, Воробьев».

Весть о героическом рейде по тылам врага армии южноуральских партизан пронеслась по всей стране. Член Уральского Совета и Уральского комитета РКП(б) А.П. Спунде 19 сентября 1918 года говорил по телеграфу с Лениным о героическом походе южноуральцев. Ленин попросил Спунде прислать подробные сведения о главнокомандующем армией Блюхере. В тот же день Спунде написал письмо, в котором высоко оценил боевую деятельность Блюхера как по ликвидации дутовщины, так и в организации и проведении рейда. Спунде просил, чтобы В.К. Блюхер с его отрядами был отмечен самой высшей наградой, какая только существует в Республике. Еще он просил «поручить Блюхеру такой командный пост, который дал бы ему возможность руководить 3-й армией». Спунде указывал конкретно на 3-ю армию, так как Блюхер тесно связан с Уралом, в частности, с казачьей молодежью, и потому здесь он был бы максимально полезен...

Революционный военный совет 3-й армии обратился с ходатайством к Председателю ВЦИК Я.М. Свердлову о награждении Блюхера орденом Красного Знамени, который был только что учрежден[1]. В обращении говорилось: «Без

---

[1] 16 сентября 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принял Декрет об учреждении первого советского ордена — ордена Красного Знамени, как награды за особую храбрость и мужество, проявленные в боевой обстановке.

снарядов, патронов и снаряжения Блюхер ведет своих героев, пролагая свой путь чаще всего штыками. Разбивая отряд за отрядом, он пользуется взятой военной добычей для новых наступлений и новых побед. Он рвет путь между Златоустом и Уфой на 44-й версте и тем облегчает казанскую операцию... Переход войск Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии.

Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горсточки героев, вписавшему новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение.

А поэтому Военный совет ходатайствует о награждении Блюхера революционным орденом Красного Знамени».

30 сентября 1918 года состоялось заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета.

«Председательствует тов. Свердлов.

Присутствуют: Аванесов, Анип, Алферов, Сальва.

...Передо мною телеграмма, которую прислали достаточно известные имена военного Совета одной из армий, действующей там (на Восточном фронте. — *Н.В.),* которая сравнивает этот поход (рейд по тылам врага южноуральских партизан во главе с Блюхером. — *Н.В.)* с походом Суворова через Швейцарию. Я не специалист, но знаю, что никогда еще в мире не было армии, которая шла бы через такие пространства, и никогда не было еще такого отряда и такого полководца...

Мы постараемся выяснить значение и характер этого подвига, но когда у нас вслед за утверждением ордена Красного Знамени стал вопрос, кто должен первым войти в историю гражданской войны как первый рыцарь, как первый, удостоенный этого ордена, то товарищ из Президиума не поколебался сказать, что тов. Блюхер будет первым в этом списке *(аплодисменты).* Поэтому разрешите без лишних слов Центральному Исполнительному комитету единогласно утвердить представление Военного Совета Красной

Армии о том, чтобы первым был награжден этим орденом славного Красного Знамени товарищ Блюхер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Итак, товарищи, позвольте предложить вам первый случай преподнесения ордена Красного Знамени совершить по отношению к тов. Блюхеру. Возражений нет? — Нет.

Председатель ВЦИК *Я. Свердлов.*
Секретарь ВЦИК *В. Аванесов».*

(Из протокола № 5 заседания ВЦИК 5-го созыва от 30.09.1918 г.).

Рейд по вражеским тылам южноуральской армии Блюхера был с точки зрения военного искусства, безусловно, уникальной оперативно-стратегической операцией. Жаль, что в будущем советские военные специалисты не уделят ему такого же внимания, как другим известным боевым операциям Гражданской войны. Хотя по своему размаху этот рейд в три раза превосходил поход Таманской армии на Северном Кавказе, почти в 5 раз — рейд группы Якира от Одессы на север, в 10 раз — отход группы Ворошилова к Царицыну.

К концу сентября ситуация на Восточном фронте терпела крах. 4-я дивизия в районе Красноуфимска разбита. В 3-й, которая должна держать район железной дороги Шамры—Кунгур, полное разложение. В 1-й — после боев под Алапаевском осталось только 3 тысячи штыков. Во 2-й дивизии, что стоит у Тагила, всего — 900 человек...

Переформированная 4-я Уральская дивизия обрела полнокровный боевой состав. По всему Восточному фронту разнеслось имя ее нового начальника, первого советского краснознаменца Блюхера. Большой популярностью в войсках пользовался и командный состав обновленной дивизии — заместитель начдива Николай Каширин, командиры бригад Иван Каширин, Михаил Калмыков, Иван Павлищев, Николай Томин.

4-я Уральская получила приказ занять пункты по линии Богородское—Суксунское—Осиновское и изготовиться для наступления в направлении Красноуфимск—Бисертский завод с целью перехватить Западно-Уральскую железную дорогу у станции Гробово-Шемаха. Белые с яростью набросились на 4-ю Уральскую. Но ее полки успешно отразили многочисленные атаки противника и перешли в наступление. 27 сентября Блюхер доложил командарму Берзину: части дивизии заняли Молебский завод.

Через три дня враг был выбит из Нижнего и Верхнего Иргинских заводов.

БОРЬБА С КОЛЧАКОМ

За Урал и Сибирь

О Гражданской войне в России столько всего написано и переписано, что, пожалуй, никого ничем уже не удивишь. И все-таки мы многого еще не знаем об этой противоестественной кровавой братоубийственной войне. Советская литература дала нам, кажется, полное представление, например, о борьбе за советскую власть на Западе, на Юге, на Урале, в Сибири. Однако сегодня мы понимаем, что это «полное представление» однобоко. Возьмите любую книгу, любую публикацию, увидевшие свет до 1991 года; все они совершенно одинаково, как под копирку, четко красят красных в красный (лучший) цвет, белых — в черный (худший) цвет.

Между тем, к смене царского режима на большевистский не у всех рабочих и крестьян России было однозначное отношение. Из открытых недавно на Урале архивных документов узнаем, что многие уральцы совсем без радости приняли новую власть.

В отличие от пролетариата Москвы, Петрограда, Баку и большинства других — не уральских — промышленных центров России, рабочие Урала были, как правило, потомственными высококвалифицированными, высокооплачиваемыми рабочими, имеющими свои земельные участки. Экономические и политические ошибки большевиков, а также естественное стремление защитить от экспроприации и продразверстки свои дома, огороды, покосы, живность были причиной восстаний рабочих и крестьян по всему Уралу в течение 1918—1919 гг. Самое крупное из них про-

изошло на Ижевском заводе. Восставшие выбрали старый состав Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который большевики до этого разогнали. Восставшие в принципе не были против Советов, они — за Советы, но без большевиков. Красный флаг с Дома Советов повстанцы не сняли, профсоюзы сохранили. Наладили выпуск печатных органов Совета — «Телеграммо-газеты» и «Ижевского защитника».

Однако восставшие встали против Красной Армии. Для борьбы с ней были созданы боеспособные повстанческие отряды. Троцкий бросал на Урал, в том числе и на Ижевск, самые верные свои полки, состоявшие из китайских, латышских и венгерских интернационалистов, чекистов Московской, Тамбовской, Смоленской, Рязанской, Саратовской и Нижегородской губерний, волжскую флотилию Федора Рас¬кольникова, бронепоезда — местные жители были ненадежны и сочувствовали мятежникам.

Когда большевистские части латышей и китайцев приближались на две или три версты к городу, станки заводов останавливались, рабочие брали винтовки и уходили на фронт, отбивали наступление красного противника и опять становились к станкам.

Повстанцы доверяли рабочим оружие (винтовки лежали у станков во время работы), в отличие от большевиков, державших перед мятежом у склада стрелкового вооружения охрану из бывших пленных венгров (кстати, на иностранцев многие смотрели как на интервентов).

За период борьбы ижевцев за свою независимость в три-четыре раза на каждого рабочего выросла производительность труда. Во время обороны Ижевска рабочие оружейного завода трудились без устали. Они собрали 50 000 винтовок для себя, 60 000 передали окрестным крестьянам. Отступая из Ижевска, оставили 100 000 винтовок Колчаку, обеспечив междоусобную войну на Урале и в Сибири на несколько лет.

С тех пор как Блюхер возглавил 4-ю Уральскую дивизию, она непрестанно участвовала в боях и успешно проводила наступательные операции против белогвардейцев и чехов. После ожесточенных сражений были взяты большое село Богородское и город Красноуфимск. 4-я Уральская выбила белых за реки Сылва, Батам, Бисерть, Уфа. Благодаря этому 3-я армия стала постепенно оправляться, хотя ее дивизии по-прежнему остро нуждались в пополнении бойцами и боеприпасами.

Командарм Берзин признал, что новый начдив 4-й — умный и талантливый командир. Поэтому он возлагал на него большие надежды. Пока дивизия Блюхера держит огромный фронт, Берзин надеялся укрепить остальные, истекающие кровью малочисленные дивизии.

Командующий Екатеринбургской группой белых войск Гайда сетовал, что противник, и конкретно части Блюхера, крепко теснят Иркутскую дивизию на Красноуфимско-Кунгурском направлении.

Но Блюхеру каждая победа доставалась тяжелой ценой. Просматривая ежедневно сводки потерь, он видел, сколь велики они для частей. И начдив просит командарма усилить дивизию хотя бы двумя полками. Ответ Берзина: резервов нет.

Положение на фронте ухудшалось. Усугублялось они и приближавшейся зимой с усиливающимися морозами. Блюхер держал совет со своим заместителем Николаем Кашириным и военкомом Оскаром Калниным. Что делать? Белые бешено давят. Не сдержать их обескровленным полкам 4-й Уральской. Было принято решение: сократить линию фронта и занять выгодные оборонительные рубежи. Блюхер приказывает командирам бригад отвести свои части на позиции по реке Сылва.

На новых позициях дивизия в короткий срок привела в боевой порядок потрепанные полки. Вскоре она пополнилась двумя бригадами расформированной 3-й Уральской дивизии. И вновь ее части перешли в наступление. Белогвар-

дейцы были выбиты из села Урминское. В результате двухдневного боя взят Молебский завод. 6-й Чешский, 25-й Екатеринбургский и 27-й Камышловский полки генерала Гайды оставили свои позиции, неся значительные потери...

В начале ноября Блюхер заболел. Открылись старые раны. Медицинская комиссия, обследовавшая начдива, отметила: «В области левого тазобедренного сустава спереди тянется рубец размером 30 см. В отдельных местах повздошная кость раздроблена и части ее удалены при операциях. Движения в области сустава ограничены во все стороны. При непродолжительной ходьбе появляется боль в пораженном месте».

Врачи настаивали на отдыхе и лечении. Василий Блюхер, пролежав в лазарете чуть более суток, написал рапорт командарму с просьбой дать ему краткосрочный отпуск с выездом к родителям. Берзин, несмотря на напряженность боевой обстановки, отпустил Блюхера, и в конце ноября Василий уехал в родную Барщинку.

Возвратившись из отпуска, Блюхер узнает, что за время его пребывания в Барщинке здесь, в Сибири, произошли крупные перемены. Главная из них — появился «верховный правитель» России адмирал Колчак. На красном Восточном фронте проведена реорганизация войск, переформированы некоторые части. 4-я Уральская дивизия переименована (11 ноября 1918 г.) в 30-ю стрелковую.

О бывшем вице-адмирале русского флота Колчаке Блюхер раньше ничего не слышал.

Кто такой? Откуда взялся этот человек — небольшого роста, худощавый, с непропорционально длинными руками, с гладко зачесанными назад черными с сединой волосами, со смуглым лицом, с крупным с горбинкой носом, тонкими губами и острым, внимательным взглядом? Почему именно он был выдвинут контрреволюцией на роль спасителя старого строя?

По мнению Ленина, «меньшевики» и «социалисты-революционеры», сторонники Учредительного собрания, западные радетели «великой России» давно искали среди популярных военачальников (царских генералов и адмиралов) доморощенного Наполеона. Наиболее подходящей кандидатурой им показался адмирал Колчак. Он неоднократно заявлял и вождям внутренней антисоветской коалиции, и западным лидерам: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом...».

«Шанхайская газета» от 11 октября 1919 г. опубликовала статью под названием «Нанятый патриотизм», где говорилось: выбор Колчака — это выбор прежде всего Запада. Совершенно не случайно «господин Колчак иностранным вмешательством произведен из адмиралов в правители России».

Известный американский советолог Р. Пайпс писал о Колчаке, что его политическая и социальная ориентация была глубоко либеральной. Колчак давал торжественные обязательства уважать волю русского народа, выраженную путем свободных выборов. Он также проводил прогрессивную социальную политику и пользовался прочной поддержкой крестьян и рабочих.

Итак, 18 ноября 1918 года в сибирском провинциальном городе Омске свершилось событие, ставшее вехой в истории всероссийской контрреволюции: вице-адмирал Александр Васильевич Колчак, срочно произведенный в полные адмиралы, был провозглашен «временным верховным правителем и верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России».

Опираясь на политическую, финансовую и военную поддержку Антанты[1], а также на местную буржуазию, казачью

---

[1] Антанта (Согласие) — военно-политический блок Англии, Франции и России («Тройственное согласие»). Оформился в 1904—1907 гг. После социалистической революции в России страны Антанты организовали вооруженную интервенцию в Советскую республику с целью поддержать внутреннюю контрреволюцию.

верхушку, офицеров и чиновников, бежавших из центральной России (хотя главной своей опорой адмирал видел трудовое крестьянство), он установил жесткую диктатуру на значительной российской территории от Урала до Приморья.

Колчак хотел вернуть Россию в прежнее русло сначала здесь, на Урале, в Сибири и Приморье, затем постепенно привести «в чувство» остальную часть взбесившейся, как он считал, страны. Он понимал, что придется насильственно проводить искусственное объединение антагонистических сил, раздираемых многочисленными непримиримыми противоречиями. Временное, в силу ряда причин, совпадение интересов известной части этих сил и, прежде всего, основной массы населения — зажиточного крестьянства — против власти Советов казалось ему достаточным для того, чтобы быстро свергнуть Советы и потом уже восстановить в стране разрушенный государственный строй. Но это была ошибочная попытка наладить сотрудничество на почве отрицательного отношения к социалистической революции, так сказать, программа борьбы, построенная на негативной основе. Через какое-то время адмирал поймет это, но будет поздно.

«Верховный правитель» начал крестовый поход против Республики большевиков. Он развернул энергичную подготовку к решительному наступлению на красных. Подчиненные ему вооруженные силы были разделены на три группировки. На северном участке — екатеринбургская группа, состоявшая в основном из Сибирской армии; ею командовал перешедший на русскую службу чех Гайда. В центре — Западная армия под командованием генерала Ханжина. На южном участке — так называемая отдельная Оренбургская армия бывшего атамана Дутова. С ним взаимодействовала «отдельная уральская армия» под командованием генерала Савельева.

Василий Блюхер вступил в командование 30-й дивизией в самый разгар ожесточенных боев за Кунгур и Пермь. Исполнявший обязанности начдива 30-й Николай Каширин

ввел его в курс политических и военных дел на Урале и в Сибири. Колчак объявил поголовную мобилизацию. По его приказу спешно формировались новые части и тут же направлялись на фронт. По некоторым данным у «верховного» под ружьем было уже почти 400 тысяч человек. 3-я армия задыхалась, не успевала отбиваться от белых. Соседняя с 30-й дивизией 29-я потеряла более половины своего состава и беспорядочно отступает. Все фланги открыты. В тяжелейшем состоянии находилась и сама 30-я. Погибших, раненых, обмороженных — не счесть.

Несмотря на сложную ситуацию, штаб 3-й армии планирует наступление на Екатеринбург. Основной ударной силой предполагалось использовать дивизию Блюхера. Но белые сорвали эти планы, атаковав неожиданно Особую бригаду и 29-ю дивизию, которые обороняли Пермь.

У деревни Лая был окружен 1-й Крестьянский коммунистический полк «Красных орлов». Ценой больших потерь полку удалось вырваться из вражеского кольца. А 17-й Петроградский и Камышловский полки 29-й дивизии почти полностью были уничтожены колчаковцами в боях в районе станции Выя.

Терпела поражение и Особая бригада. Блюхер направил на помощь ей 1-й морской Кронштадтский полк и эскадрон 1-го Уральского кавполка. Совместными усилиями белогвардейцы были отброшены.

Но колчаковцы продолжали массированное наступление, целя главный удар на Кунгур. 14 декабря противник атаковал деревни Верхние и Нижние Исады, окружил 1-й морской Кронштадтский полк и разбил его. Не смог сдержать напор белогвардейцев и брошенный Блюхером в бой последний резерв — Белорецкий полк...

19 декабря белые подошли к Кунгуру. Упорные бои за Кунгур длились несколько дней. Блюхеровцы сражались за город с жестоким упорством. На его защите стояли: бригада Павлищева, полки — Уральский бригады Галунова, Богояв-

ленский полк Калмыкова, прибывшая из 5-й Уральской дивизии Архангельская бригада и другие части.

В эти тяжелые дни командование дивизии — сам начдив В.К. Блюхер, комиссары А.Л. Борчанинов и О.Ю. Калнин, зам. начдива Н.Д. Каширин — все время находилось на угрожаемых участках, чтобы не дать противнику взять решающий перевес.

Объективно оценивая ситуацию, Блюхер сознавал: не устоять дивизии против натиска колчаковцев. Все резервы 30-й истощены; как последний козырь на превосходящего по силам противника была брошена 1-я бригада Ивана Грязнова.

В сложившихся условиях пришлось принять горькое решение — оставить Кунгур. Командарм Берзин согласился с решением Блюхера и поставил задачу: как можно быстрее собрать дивизию воедино и перехватить тракт Пермь—Оханск, чтобы приостановить дальнейшее наступление противника.

К вечеру 21 декабря Кунгур был оставлен. Блюхер разделил дивизию на три группы, которые медленно отходили в направлении заводов Юго-Камского, Бымовского, Бизярского и Юговского.

Сразу после занятия Кунгура генерал Гайда устремляется на Пермь. Перми угрожала реальная опасность. Главком Восточного фронта И.И. Вацетис усиливает 3-ю армию стрелковой бригадой. Одновременно он требует развить наступательные действия 2-й и 5-й армий, чтобы отвлечь от Перми часть сил Колчака. Принимаются и другие меры по задержанию наступления белых на Пермь.

Однако все эти меры успеха не принесли. 25 декабря 1918 года город пал...

Зимой 1919 года Урал (особенно, Северный Урал) переживал трудный период. Суровые холода. Ожесточенные схватки между белыми и красными войсками. Колчак, стремясь как можно быстрее соединиться с интервентами на

севере, бросает против армий Восточного фронта все новые и новые, хорошо вооруженные и экипированные дивизии и полки.

В руководстве красных сил были произведены крупные кадровые перестановки. Вместо И.И. Вацетиса главнокомандующим Восточным фронтом стал С.С. Каменев, командующим 3-й армии — С.А. Меженинов. Отзывается с 30-й дивизии и Блюхер (31 января 1919 г.) и назначается помощником командующего 3-й армией; сбывается просьба А.П. Спунде, изложенная им 19 сентября 1918 года в письме к Ленину, о предоставлении Блюхеру командного поста, который бы дал ему возможность руководить 3-й армией...

С болью в сердце расставался Блюхер со ставшей для него родной дивизией, с верными соратниками: с Николаем Кашириным (он возглавил теперь 30-ю), Александром Борчаниновым, Оскаром Калниным, Иваном Кашириным, Михаилом Калмыковым, Иваном Грязновым, Николаем Томиным, Иваном Павлищевым и многими другими боевыми товарищами...

Ранней весной войска Колчака предприняли широкомасштабное наступление против Восточного фронта. Белыми были заняты Оханск, Оса. Встала реальная угроза Глазову и дальше на северо-запад — Вятке. Полки 29-й дивизии, чтобы не попасть в окружение, вынуждены были отступить в район станций. Бородулино — Юлезино на железнодорожной линии Пермь — Глазов.

Штаб красного Восточного фронта, осознавая, какую смертельную опасность для Советской республики таит возможное соединение армий Колчака с северными интервентами, принимает решение о срочном создании в тылу глубокоэшелонированной обороны — системы укрепленных районов. Одним из таких укрепрайонов должна стать Вятка с ее военным гарнизоном. Начальником гарнизона и обороны Вятско-Слободского района был утвержден, Блюхер, который одновременно оставался помощником командующего 3-й армией.

Вятский и Пермский укрепрайоны

Блюхер прибыл в Вятку в апреле 1919 года. О его деятельности на должности руководителя Вятского укрепленного района свидетельствуют многочисленные приказы, изданные им в течение трех месяцев (апрель — июль — время руководства укрепрайоном В.К. Блюхером) и сохранившиеся до наших дней в различных архивах.

Последний приказ по войскам Вятского гарнизона за номером 69 был подписан Губернским военным комиссаром Григорьевым 3 апреля 1919 года. В тот же день вышел приказ № 1, подписанный уже новым начальником гарнизона и обороны Вятско-Слободского района, помощником командарма-3 Блюхером. В нем он объявлял о своем вступлении в должность.

Период становления Вятки центром укрепленного района подробно описан в воспоминаниях члена Военного совета Вятско-Слободского укрепрайона В.Ф. Сивкова.

В Вятке не было никакого порядка. Старые законы отменены, новые никто не знает и не выполняет. Из 4766 сотрудников советских учреждений губернского центра 4467 человек — представители чиновничьего аппарата старого режима. Город забит беженцами, засорен подозрительными лицами. Тут и военные дезертиры, и удравшие из деревень кулаки, и буржуа с многочисленными прихлебателями, не сумевшие вовремя перебраться к белым. Пьянство, азартные игры, проституция, воровство, грабежи... Местным властям ни до чего не было дела.

С приездом Блюхера Вятка, Котельнич, Слободской, Орлов и их окрестности были объявлены укрепленным районом — опорным пунктом 3-й армии. Для его управления был утвержден Военный совет (тройка) в составе В.К. Блюхера, С.А. Новоселова, В.Ф. Сивкова.

«До этого, — пишет Сивков, — лично Василия Константиновича мы не знали, но слышали о его героических де-

лах. На первую встречу с ним я шел с какой-то необъяснимой настороженностью. Думалось: «Заместитель командующего армией, герой... как-то встретит? Как сложатся отношения при совместной работе?» Но через несколько минут от моих тревог не осталось и следа. Мы сидели за чаем и, как давние друзья, вели задушевную беседу. Простота и непринужденность в отношениях сопутствовали нам и в дальнейшем».

Блюхер сосредоточил свое внимание на военных вопросах, а Новоселову и Сивкову поручил налаживание нормальной жизни в губернии.

Все силы и средства — в единый кулак. Была создана система военно-революционных комитетов на местах.

Городской военревком и уездные ревкомы приступили к суровому наведению порядка. Должностных лиц управленческих органов Вятки и Вятской губернии, дискредитировавших советскую власть, в зависимости от степени виновности либо увольняли, либо предавали суду революционных трибуналов. Особенно сурово карались саботаж, пьянство, азартные игры. Уличенные в этом сотрудники учреждений приговаривались к заключению в тюрьму или к расстрелу.

Военно-революционные комитеты не только твердой рукой наводили административный порядок, но и решительно вторгались в другие важные стороны жизни города и губернии. Налаживали работу заводов, фабрик. Например, запуск производства юфти на кожевенных заводах. Очень остро стоял продовольственный вопрос: рабочие получали всего по три четверти фунта хлеба в день, мяса, овощей совсем не было. Принятые срочные меры по улучшению снабжения рабочих продовольствием принесли положительные плоды.

Город церквей и монастырей, кожевников и винокуров трудно было представить центром укрепленного района. Но через полтора месяца неукротимой волей Блюхера он превратится в настоящий военный лагерь.

Перво-наперво Блюхер занялся гарнизоном, собрав в единую военную организацию 1-й рабочий полк тылового ополчения, Вятский отдельный караульный батальон, 1-й Вятский резервный рабочий батальон, 8-й Продовольственный полк, легкий артиллерийский дивизион и броневой взвод.

Особо он заботится о формировании наиболее боеспособной трехполковой 1 -й Вятской крепостной бригады. Он пишет специальный приказ, где указывает: «§ 1. Для скорейшего сформирования и приведения в боевую готовность частей 1-й Вятской крепостной бригады принять немедленно к исполнению следующее: Из 3-го батальона 8-го Продовольственного полка выделить годных к строю красноармейцев и влить их во 2-й Вятский крепостной полк, оставив для 8-го полка необходимый кадр командного состава...»

Блюхер не оставлял без своего внимания и остальные части и подразделения. Он укрепил их новым командным составом из наиболее разбитных и опытных в военном отношении бывших солдат, унтер-офицеров и офицеров, вставших на сторону советской власти. Затем призвал новобранцев, приказав командирам добротно обмундировать, накормить их и разместить в теплых помещениях. Не теряя времени, с новобранцами была организована военно-боевая учеба.

Губернская военная комендатура располагалась в центре города по Орловской улице в большом доме. Раньше она представляла собой тихую «контору», где безмятежно штамповали различные циркуляры чуть более десятка гражданских служащих во главе с воинскими чиновниками — комендантом и его двумя помощниками. После того, как Блюхер возглавил гарнизон, она уже через неделю превратилась в активно действующий штаб по реорганизации старой, совершенно неэффективной, оборонительной системы района.

Генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, бывший в то время новобранцем 1-го рабочего полка тылового ополчения, рас-

сказывал в своих воспоминаниях, что с прибытием Блюхера в Вятку в городе и вокруг него быстро все стало меняться. Развернулось строительство новых фортификационных позиций, началась установка батарей и оборудование пулеметных позиций.

Для удобства управления возведением защитных укреплений район был поделен на участки: Слободской, Вятский, Орловский и Котельнический. Блюхер вместе с работниками комендатуры и специалистами-фортификаторами регулярно объезжал эти участки, контролируя качество и выполнение намеченных сроков строительных работ. А сроки были жесткие — обстановка подстегивала: колчаковцы заняли уже Глазов и неумолимо приближались к Вятке.

Начальник гарнизона редко бывал в своем штабе, все рабочие дни проводил на стройучастках. За месяц пребывания в должности он не успел даже познакомиться со всеми сотрудниками комендатуры.

Однажды, вернувшись в штаб из поездки по району, совершенно разбитый от усталости, Василий опустился на диван. Его взор остановился на сидевшей за пишущей машинкой миловидной девушке. Как это раньше он не замечал ее? Адъютант Никифор Баранов, перехватив взгляд Блюхера, сказал:

— Галя работает у нас регистратором и машинисткой. Характеризуется положительно. Грамотная.

Василий зачарованно смотрел на белокурую девушку со строгим красивым лицом; она ему понравилась. Наконец, спросил:

— А фамилия ваша?..

— Покровская, — ответила девушка.

— Покровская...

Баранов вкратце рассказал о девушке. Окончила гимназию. После гимназии несколько раз записывалась в отряды Красной Армии, но ей, естественно, отказывали.

Галина родилась в 1899 году в селе Шушелово Порховского района недалеко от Петербурга. Родители ее: отец, Павел Петрович Покровский, — военный священник, мать, Людмила Петровна Торопогридская, — дочь священника, домохозяйка.

Имеется и другая версия о месте и дате рождения Галины Покровской. Зоя Васильевна Блюхер, во время нашей встречи с ней в 2006 году, говорила: ее мать родилась не в Шушелово под Петербургом, а в Вятке, и не в 1899 году, а в 1901-м.

...В августе 1919 года Галина станет женой Блюхера.

Следует заметить: ни при первом знакомстве, ни позже Василию Блюхеру никто не сказал, что Галина из религиозной православной семьи. Василий узнает об этом лишь после женитьбы. Потом, в течение многих лет, он будет скрывать от начальства, от подчиненных и просто от знакомых этот штрих биографии своей жены.

С Галиной Покровской Блюхер проживет восемь лет. Это будет, можно с полным основанием сказать, походная, постоянно заполненная тревогами жизнь военной семьи. Галина пройдет с Василием огненными дорогами Каховки и Крыма, потом — Дальний Восток, Забайкалье, в бытность Василия главкомом и военкомом ДВР, затем — Петроградский гарнизон и, наконец, Китай, где Блюхер проработает около трех лет главным военным советником при правительстве Сунь Ятсена.

Галина родит Василию троих детей. Первенец — дочь Зоя — умрет в младенчестве, не дожив до года. В мае 1922 года появится Всеволод, в июле 1923-го — Зоя (имя ей дадут в память первой дочери).

В период гладомора Галина и Василий возьмут девочку-сироту Катю из поезда, который привез в Забайкалье из Поволжья сотни детей, оставшихся без родителей, и удочерят ее. Катя будет жить вместе с детьми Блюхера до 1937 года, затем у нее найдется старшая сестра, и она переедет к ней.

11 мая 1919 года в Вятку неожиданно приехал командующий 3-й армией Сергей Александрович Меженинов. «Решил командарм проверить, как идут у нас дела», — подумал Блюхер. Но Меженинов приехал к начальнику укрепрайона совсем с иной миссией — торжественно вручить ему орден Красного Знамени № 1, которым он был награжден ВЦИКом в сентябре минувшего года.

Сергей Александрович зачитал приказ, специально изданный Военным советом 3-й армии: «Железная сила воли, выдающаяся личная храбрость, военный талант, организаторская способность и обаяние личности — вот элементы, из которых создалась блюхерская слава — блюхерские орлы.

Вручая Вам, Василий Константинович, эту высокую награду, Военный совет 3-й армии, следивший с восхищением за боевой Вашей деятельностью уже в рядах ее, в боях с упорным врагом, видевший Вас в цепи и в штабе, в пороховом дыму и в оперативном кабинете, с глубокой радостью и гордостью поздравляет Вас с заслуженной наградой и крепко верит, что она послужит залогом новых блестящих успехов на мощь и славу родной нам 3-й армии».

После вручения Блюхеру ордена члены Военсовета укрепрайона Новоселов и Сивков зашли к нему в служебный кабинет. Приведу отрывок из воспоминаний Сивкова. «Еще раз поздравив его (В.К. Блюхера. — *Н.В.)* с высокой наградой, мы высказали свою похвальную оценку его военного подвига, а заодно предложили пойти к нам на квартиру (мы с Новоселовым жили вместе и хозяйственно лучше, чем Блюхер) поужинать и «использовать малую толику НЗ». Василий Константинович первые минуты после нашего предложения казался в смущении или в нерешительности, потом покраснел, глаза непривычно стали злыми, и он не совсем приветливо сказал:

— Вот что, друзья-товарищи. Еще раз спасибо вам за поздравления, но на кой черт нужны мне ваши восхваления? Мы ведь не на митинге красноармейцев, которых надо

воодушевить геройством и подвигом... Имейте это в виду! — И уже мягче: — Ваш ужин следовало бы перенести в Пермь или Екатеринбург, да боюсь, что до той поры продукты испортятся. Что ж, пусть будет по-вашему.

И снова перед нами был симпатичный, располагающий к себе человек, с ясными глазами и доброй улыбкой».

А через семнадцать дней, 28 мая, теперь уже действительно с проверкой дел по строительству укреплений прибыл из Москвы представитель ЦК РКП(б) Ю.М. Стеклов. Блюхер выехал вместе с ним в город Слободской с инспекцией одного из ключевых районных участков.

Руководитель участка С.П. Попов с гордостью показывал партийному инспектору сооруженные по всем правилам военной науки заградительные валы, огневые артиллерийские позиции, окопы и т.п. Стеклов с похвалой отозвался о проделанной большой работе.

В середине июня Блюхер доложил реввоенсовету армии, что оборудование Вятско-Слободского укрепленного района закончено. Но к этому времени войска Восточного фронта не только остановили стремительное движение Колчака на север, но и нанесли ему весьма ощутимые удары. Красная Армия уверенно вытесняла колчаковцев из уездов Вятской и Пермской губерний. 17 июня был взят Глазов, началось форсирование Камы. Близилось освобождение Перми и Кунгура. 1 июля они уже были в руках красных войск.

2 июля в Перми установилась советская власть в лице городского Военно-революционного комитета, который возглавил член военного совета Вятского укрепрайона Сивков.

Ленин прислал в штаб 3-й армии телеграмму: «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала! Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца. Крайне необходимо мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов. Надо найти новые революционные способы тотчас включать этих рабочих в войска...»

Василий Блюхер обратился к командарму с просьбой об освобождении от должности начальника гарнизона и обороны Вятско-Слободского укрепрайона и направлении на действующий фронт. Меженинов просьбу Василия не удовлетворил. Блюхер был назначен командующим Пермским укрепленным районом...

Грустная картина предстала перед прибывшим в Пермь Василием Блюхером. Город заволакивал удушливый дым от горевших хлебных полей и нефти, подожженных колчаковцами при отступлении. Огромная мрачная груда ферм взорванного железнодорожного моста через Каму усугубляла картину.

Положение было сложное. Колчаковцы уничтожили склады, баржи и вагоны с продовольствием, все средства передвижения.

В своих воспоминаниях Сивков писал, что наряду с созданием и укреплением советских и партийных органов в Перми, прилагались большие усилия для возрождения хозяйства. Рабочие и железнодорожники, преодолевая невероятные трудности, упорно поднимали из пепла и руин, прежде всего, промышленные предприятия и транспорт. Одновременно в центре внимания была Красная Армия, которая нуждалась в продовольствии, снаряжении, пополнении людских ресурсов.

В день приезда в Пермь Блюхера состоялось большое собрание, на котором присутствовали члены реввоенсовета и ответственные работники органов губернской власти. Обсуждалось два основных вопроса: об укреплении Красной Армии в связи с телеграммой В.И. Ленина и о мерах по ликвидации пьянства в среде руксостава. Было принято решение: немедленно начать всеобщее военное обучение заводских рабочих; развернуть широкую устную и печатную агитацию за революционную мобилизацию рабочих; выделить от каждого полка по одному-два коммуниста и направить их на уральские заводы для проведения мобилизации. По второму вопросу совещание постановило: «Всякий от-

ветственный советский и партийный работник, дискредитирующий советскую власть пьянством и хулиганством, подлежит расстрелу».

Сивков вспоминает: «Здесь я имел возможность еще ближе узнать Блюхера, потому что некоторое время жил вместе с ним в одной квартире. Да и по службе общался теперь чаще, чем в Вятке. Василий Константинович был талантливым организатором, с огромной выдержкой и силой воли, уверенный в себе человек. Трудно было его вывести из равновесия. Полумер он ни в чем не признавал. К нечестным поступкам, тем более вредным нашему делу, относился нетерпимо, беспощадно. В товарищеской среде, в часы досуга умел пошутить к месту, заразительно посмеяться, умел «приворожить к себе».

Красная Армия последовательно нажимала на позиции пятившихся на восток колчаковцев. Но командование фронта и 3-й армии тревожил левый фланг. Он был плохо прикрыт из-за малой обеспеченности частей людским составом. Чтобы уверенно вести дальнейшее наступление на войска Колчака, необходимо надежно укрепить слабый участок 3-й армии. Для этого было принято решение создать здесь полнокровное стрелковое соединение. Сформировать новую дивизию (ей присваивается номер «51») поручается Василию Блюхеру.

С чего начинает Блюхер? С формирования организационного ядра. Он вернулся в Вятку и там стал отбирать сотрудников для штаба создаваемой 51-й дивизии. Много ездил по частям гарнизона, по районам губернии в поисках необходимых специалистов. Тщательно подбирать и проверять нужных людей, заботиться об их материальном обеспечении и бытовом устройстве — работа оказалась непростая; требовались кропотливость и энергия, «дипломатия» и напористость.

Основу 51-й составили части Особой бригады, Северного экспедиционного отряда и Крепостной бригады Вятско-

Слободского укрепленного района. Для полной комплектации личным составом дивизии началась мобилизация мужчин молодых возрастов в освобожденных от колчаковцев районах Урала и Сибири.

Тобольская операция

С началом августа Блюхер, завершив формирование 51-й дивизии, стал ее начальником и комиссаром. Дивизия сразу же включилась в боевые действия.

В летнюю кампанию девятнадцатого года войска 3-й и 5-й армий Восточного фронта провели широкое наступление на многих ключевых участках, перевалили Уральский хребет и овладели важными пунктами Урала, такими как Ирбит, Екатеринбург, Златоуст, Челябинск. Дальше открывалась Сибирь.

Молодая 51-я стрелковая дивизия Блюхера, освободив 6 августа Тюмень, рвалась вперед — за реку Тобол, к городам Тобольску и Ишиму. 151-я ее бригада, в частях которой находился начдив, форсировала Тобол. Двигаясь по нелегким лесным дорогам и таежным топям, она день ото дня настойчиво оттесняла колчаковцев к линии тракта Ишим—Тобольск. 152-я бригада, круто повернув от Тюмени на северо-восток, вела ожесточенные бои с белогвардейцами и к началу сентября овладела Тобольском. 153-я находилась в резерве. Она осталась в Тюмени в распоряжении штаба дивизии.

Адмирал Колчак понимал, что он не только утрачивает инициативу, терпя поражение за поражением, но стоит на грани катастрофы и может потерять все, что имел до этого. Им принимаются энергичные меры для восстановления положения. Собрав воедино все людские и технические ресурсы, имевшиеся восточнее Петропавловска и Ишима, он делает попытку взять реванш за недавние неудачи. Сначала наносит мощный концентрированный удар по 5-й армии. В междуречье Тобола и Ишима завязываются кровопролит-

ные бои. Части Красной Армии не выдерживают натиска белогвардейцев и отступают за реку Тобол.

В середине сентября колчаковцы начали массированное контрнаступление против 3-й армии. В результате прорыва фронта в трудную ситуацию попадает 29-я стрелковая дивизия. Одна из ее бригад была полностью разбита, в результате чего создалась угроза захвата белыми города Ялуторовска. Командарм 3-й армии приказывает Блюхеру срочно перебросить в этот район из Тюмени 153-ю бригаду, передав ее в оперативное подчинение начдива-29.

29-я дивизия все дальше и дальше откатывалась на запад, оставляя своего левого соседа, 51-ю дивизию Блюхера, один на один с отборными, хорошо укомплектованными колчаковскими 7-й и 15-й пехотными дивизиями. Кроме того, против двух измотанных красных бригад были брошены отдельные специальные части, поддерживаемые военной флотилией и авиацией. Колчаковский генерал Франк, погрузив в Томске на пароходы свои ударные батальоны — морскую пехоту, отправил их вверх по реке с тем, чтобы отсечь от основных сил Красной Армии оказавшиеся впереди бригады 51-й дивизии.

К этому времени 151-я бригада подошла к городу Ишиму и сосредоточивала силы к его охвату. И тут Блюхер узнает, что вместе с бригадой он оказался отрезанным от своего штаба. Пришлось отказаться от захвата Ишима и отойти с тракта в леса.

Одновременно белые отсекли от остальных сил 3-й армии 152-ю бригаду. Созданная Колчаком мобильная ударная группа сбила с занятых позиций 454-й и 455-й полки 152-й бригады и 27 сентября захватила Тобольск. Противник рассчитывал вклиниться в глубокий тыл 3-й армии. Вот почему группа Франка, не задерживаясь, стремительно двинулась дальше вверх по реке Тобол. Колчаковское командование ставило перед собой две цели; одну далеко идущую — взять Тюмень и далее нанести серию рассекающих ударов в направлении Екатеринбурга, другую, ближайшую — как

можно быстрее соединиться в районе Ялуторовска со своими войсками, рассеявшими 29-ю дивизию, плотно сомкнуть кольцо вокруг попавших в него двух бригад 51-й дивизии и уничтожить их.

Командующим Восточным фронтом в это время был В.А. Ольдерогге, членом реввоенсовета — Б.П. Позерн. И Ольдерогге, и Позерн и, в целом, все руководство фронта прилагали немалые усилия, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону, но переломить неблагоприятный ход событий не удавалось.

Ленин по этому поводу написал негодующее письмо С.И. Гусеву: «Т. Гусев! Вникая в письмо Склянского (!) (о положении дел 15/IX) и в итоги по сводкам, я убеждаюсь, что наш РВСР работает плохо.

Успокаивать и успокаивать, это — плохая тактика. Выходит «игра в спокойствие». А на деле у нас застой — почти развал. На сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге и бабу Позерна и «успокоились». Прямо позор! А нас начали бить! Мы сделаем за это ответственным РВСР (Революционный военный совет Республики. — *Н.В.),* если не будут приняты *энергичные* (выделено курсивом в письме. — *Н.В.)* меры. Выпускать из рук победу — позор.

Видимо, наш РВСР «командует», не интересуясь или не умея следить за *исполнением.* Если это общий наш грех, то в военном деле это прямо гибель».

Вести о взятии Тобольска и окружении блюхеровских частей вызвали у Колчака прилив оптимизма и укрепили веру в приближающуюся победу. В связи с этим он изъявил желание лично ознакомиться с делами во фронтовой полосе низовья Иртыша, для чего отправился из Омска в Тобольск на пароходе «Товарпор». Штабисты уверяли: успех обеспечен, Блюхер и остатки его бригад либо сдадутся, либо будут разгромлены. Адмирал предвкушал удовольствие от предстоящей блестящей операции...

Зажатые в районе села Ашлык со всех сторон клещами белых части Блюхера (1827 человек и 12 орудий) находились почти в безвыходном положении. Боеприпасы на исходе. Кончилось продовольствие. И, самое главное, — никакой связи ни со штабом армии, ни со штабом своей дивизии.

И вдруг в стане окруженных появляются связные красноармейцы Маландин и Вылегжанин. Каким образом? Что за люди?..

Ответы на эти вопросы мы получили спустя шестьдесят с лишним лет, благодаря историческим расследованиям работников музея «Штаб-квартира В.К. Блюхера» в Тюмени.

...С фотографий смотрят на нас два молодых человека с гладко зачесанными волосами. Строгие, даже суровые лица. На груди у каждого — боевой орден Красного Знамени. Читаем приказ Реввоенсовета Республики от 26 марта 1924 года под № 74 с подписью М. Фрунзе о награждении красноармейцев А. Вылегжанина и Г. Маландина орденами Красного Знамени...

И скупое описание подвига краеведами-исследователями.

Колчак наседал, Красная Армия отчаянно сопротивлялась. Целый месяц шли кровопролитные бои на рубеже реки Тобол. Тяжелее всех приходится 51-й стрелковой дивизии.

Связи с начдивом Блюхером нет. Необходимо передать ему секретное донесение из штаба. Кто это сделает? Вызвались бойцы роты связи второй бригады Александр Вылегжанин и Геннадий Маландин. Откуда эти парни? Родом с Северного Урала. Обоим по семнадцать лет. Добровольцы Красной Армии.

Смельчаки шли от Тобольска в сторону Ашлыка, что в Вагайском районе. Была середина сентября 1919-го. Первые три дня питались сухарями. Затем двое суток — без крошки во рту. Решились заглянуть в одну деревню (знать бы, какую!), занятую белыми. Рисковали, конечно. А что делать: еда кончилась, силы на исходе, но путь еще долгий — через непроходимые леса и болота. Нужно подкрепиться у добрых людей, чтобы идти дальше...

Одетые в крестьянскую одежду, связисты назвались подводчиками, насильно мобилизованными в Красную Армию. Колчаковцы поверили...

29 сентября пакет в целости и сохранности был доставлен Блюхеру. И сразу же Вылегжанин и Маландин двинулись в обратный путь с ответным донесением начдива. Возвращение оказалось не легче — сто с лишним километров по топям, так как кругом белые. 17 суток блуждали красноармейцы без проводника по урману. Мучили холод и голод. Наконец, набрели на деревню, где располагался дивизионный лазарет...

Из секретного донесения штаба, доставленного связистами, Блюхер теперь знал сложившуюся на фронте ситуацию. В донесении предлагались выходы из создавшегося положения осажденных частей.

Как действует и что предпринимает в этих условиях Блюхер? Он ищет нужное, единственно верное решение. Перебирает множество вариантов и -останавливается на одном — весьма неожиданном. Начдив предлагает спутать противнику карты. Он не пойдет на запад, назад к Тюмени, как того рекомендовало командование 3-й армии (это содержалось в донесения штаба); не двинется и на юг, куда откатилась 29-я дивизия. Он избирает путь на север к Тобольску и с тыла нападет на ударную белогвардейскую группу.

Обратимся к истории 51-й дивизии, написанной по горячим следам, всего лишь шесть лет спустя после тех незабываемых драматических событий.

«Общее руководство было утеряно. Обстановка к тому времени (к концу сентября 1919 г. — *Н.В.)* сложилась для частей 151-й бригады, очутившихся в кольце вместе с 456-м полком, 1-м батальоном 454-го полка и 2-м дивизионом ле¬гартдива, довольно скверная, — делятся на страницах истории 51-й дивизии участники Тобольской операции. — Хотя 151-я бригада и находилась в тылу и не имела связи с дивизией, но ситуация все-таки была ясна, и тов. Блюхер принял решение — пожертвовать оставшимися в тылу частями, но

задержать противника и выиграть время. Это геройское решение (вряд ли это решение можно назвать геройским; скорее безвыходным.— *Н.В.)* проводится в жизнь. Составляется группа из 453-го полка и остатков 456-го и 454-го полков с легким дивизионом артиллерии. Двум другим полкам 151-й бригады дается задача выйти к Богалину по Ашлыкским болотам на поддержку своим частям. 30 сентября план боевых действий начинает приводиться в исполнение. Командование группой берет на себя тов. Блюхер».

В архиве имеется листок, на котором Блюхером от руки написан приказ: *«Командование* группой, состоящей из 453-го полка, батальонов 454-го, 456-го полков и 2-го артдивизиона беру на себя с задачей к исходу суток 9 октября выйти в район г. Тобольска и занять последний, чтобы положить конец наступлению противника вдоль по течению р. Тобола. *Требую* от лиц командного состава... напряжения всех сил и энергии и выполнить поставленную задачу, твердо помня, что только быстрое и энергичное выполнение операции обеспечивает успех. *Обращаю внимание* командного состава на бережливое расходование патронов, так как при полной изолированности группы на пополнение ими рассчитывать не приходится. Начдив-51 Блюхер». (Слова выделены Блюхером. — *Н.В.)*.

Обстановка действительно была чрезвычайной. Блюхер знал: его небольшой группе, менее двух тысяч человек, противостояли лучшие дивизии белых — Ижевская, Воткинская и Тобольская. В тот период об этих дивизиях распространялись всякие страшилки. Например, что они сформированы из сыновей уральских фабрикантов и кулаков, что в Ижевской и Воткинской имеются фанатично преданные адмиралу Колчаку особые офицерские полки, жестоко уничтожающие простой народ...

Об Ижевской и Воткинской дивизиях мы имеем сегодня возможность рассказать правду. Они не были сформированы из сыновей богачей — фабрикантов и кулаков, и

в них не было фанатично преданных Колчаку офицерских полков. Ижевская и Воткинская «выросли» из восставших в 1918 году уральцев. Поначалу это были боевые ополчения для защиты от Красной Армии, затем ополчения постепенно преобразовывались в настоящие воинские части, оформившиеся позже в Ижевскую и Воткинскую дивизии. Их возглавляли не генералы и офицеры дворянской крови, а свои, рабочие и крестьяне, которые в большинстве были солдатами, отличившимися на германской войне, награжденные Георгиевскими крестами, заслужившие офицерские чины.

Патронов у первых бойцов созданных дивизий было очень мало. Боеприпасы они добывали в боях. Нередко бойцы Красной Армии с удивлением и ужасом сталкивались со странными белогвардейцами, идущими на них в штыковую атаку почти без выстрелов с пением «Марсельезы». Это поражало красноармейцев. Многие бросали оружие и обращались в бегство. Было немало и таких, кто принимал сторону «странных белогвардейцев». Некоторые красные отряды и даже целые полки, в их числе 1-й Петроградский социалистический полк, присоединялись к ижевцам и воткинцам.

Белые сначала с подозрением относились к ижевцам и воткинцам. У них, например, боевыми знаменами были красные флаги, командиров они выбирали из своей среды и называли их «товарищами». Адмирал Колчак послал к ним с инспекцией генерала Тихмеева, который донес, что части рабочих представляют собой великолепные боевые единицы, высоко организованы и горят желанием драться с красными.

Колчак по отношению к этим частям проводил умную, особую политику, так как они играли важную роль в обработке трудящихся. Ижевцы говорили, что они сражаются за свой завод, после освобождения которого все, кто хочет, смогут вернуться домой и только желающие останутся в рядах дивизии. Также и воткинцы; они дрались с особым упорством, чтобы потом с чистой совестью вернуться к

родным очагам. Форма военной одежды и ижевцев, и вот¬кинцев была одинаковой, погоны и петлицы синего цвета. Отличались лишь буквы на погонах: у ижевцев «И», у вот¬кинцев «В».

Высоким авторитетом пользовались в этих дивизиях командиры всех степеней. Особенно в Ижевской. К комдиву генерал-майору Викторину Михайловичу Молчанову ижев¬цы относились с особым уважением. Он мало отличался от своих подчиненных. Высокий, худой человек с большими усами и горящими глазами, генерал носил серую солдатскую шинель и дешевую гимнастерку с синими погонами с буквой «И» на них и белыми (матерчатыми, а не серебряными) генеральскими зигзагами...

Цитируем далее «Историю 51-й дивизии»: «Первого октября группа, имея во главе 453.- й полк (исполняющий обязанности комполка Ольшевский Ф.И.), двинулась от дер. Багай в северном направлении по левому берегу Иртыша на деревни Лепехино и Старый Погост. Впереди находились конные и пешие разведчики. Расположенные на господствующих высотах, за протекающей по болотистой равнине рекой, деревни представляли прекрасные позиции для обороны.

Эскадрон казачьего полка не ожидал нашего наступления... Заняв деревни, 453-й полк преследовал противника и на плечах его ворвался в с. Кугалевское, где остановился на ночлег. Отсюда предстояло свернуть к проселку, ведущему на тракт Тобольск—Тюмень, пройти по самому берегу Иртыша под угрозой обстрела сторожевым охранением противника.

Узкая дорога под обстрелом в 250 — 300 шагов, болота, не дающие никакой возможности обойти опасный участок, желание скрыть направление и силы отряда вынудили группу принять все меры предосторожности».

Что это за меры? Первое — двинуться из села Кугалев¬ского глубокой ночью. Второе — исключить при движении

любой шум: хорошо смазать дегтем колеса телег и орудий, не разговаривать. Третье — ни одной вспышки огня, никакого курения...

Части с обозами и артиллерией прошли под самым носом белых в абсолютно полной тишине. К рассвету они незаметно сосредоточились в 8 верстах от Иртыша. Когда противник опомнился, было уже поздно. Высадившаяся с пароходов колчаковская морская пехота наткнулась на батальон 454-го полка Ивана Боряева и тут же рассеялась под губительным огнем. Морпехи бежали кто куда. Пулеметная команда попала в плен со всеми своими пулеметами.

2 октября группа Блюхера неожиданно атаковала белых у деревень Бакшеево и Каудабаево. Противник отступил в панике, бросая оружие. Части группы безостановочно пробивались вперед.

В ночь на 4 октября 453-й полк и батальон 456-го полка, возглавляемый Иваном Богдановым, незаметно подошли к деревне Бакетово и окружили ее. Как и в Бакшеево и Каудабаево, противник был застигнут врасплох. В этом бою блюхеровцы захватили 40 пленных, 60 лошадей, несколько пулеметов и много патронов.

Пользуясь темнотой, белые скрылись в окрестных лесах. Из расспросов пленных выяснилось, что деревню занимал дивизион Петропавловского уланского полка, высланный для преследования красных, оставивших Тобольск. Об отряде Блюхера они имели весьма туманные сведения, как об оставшемся в тылу батальоне, чуть более 200 человек, без оружия и патронов.

В 3 часа ночи группа двинулась дальше и к утру подошла к деревне Найденная. Противник, не знал, что за части атакуют деревню; он никак не предполагал, что это блюхеровцы. Пытаясь задержать наступавших, колчаковцы открыли ураганный огонь, однако уже через час они были выбиты из окопов.

По донесениям разведчиков, у деревни Русаново, лежащей на пути движения группы, среди широкой равнины со-

средоточилось до двух полков белогвардейской пехоты, занявших удобные для обороны позиции.

Блюхер, развернув группу в боевую линию и при поддержке артиллеристов 2-го артдивизиона, которым командовал Архангельский, перешел в фронтальное наступление. Бой был напряженным. Две первые атаки красных частей белые отбили...

После небольшой передышки Блюхер выбрасывает в тыл противника резервный батальон 453-го полка под командованием Степана Горшкова, который вынудил белых оставить позиции. Упорный бой продолжался свыше четырех часов. Потери как с одной, так и с другой стороны очень большие. Блюхеровцы захватили много пленных, оружия и патронов. Взяв Русаново, группа Блюхера продвинулась до Юрт-Иртышатских высот и закрепилась вблизи деревни Мамаево...

С Юрт-Иртышатских высот в ясное осеннее утро был хорошо виден расположенный за Иртышом в 11 верстах город Тобольск, блестевший своими белыми зданиями и золочеными куполами церквей.

Окружавшие Мамаево леса дали возможность подойти вплотную к деревне и завязать бой. Артиллерия, ввиду мертвых пространств, была бессильна оказать поддержку частям Блюхера. Противник своими контратаками заставил их немного отойти, но лишь для того, чтобы с новой силой двинуться вперед. Колчаковцы, как ни сопротивлялись,, вынуждены были оставить Мамаево. Блюхер занял тракт и этим отрезал части противника от Тобольска. Но в руках противника оставалась река Тобол с бронепароходами. Легкая артиллерия блюхеровцев не могла соперничать с пароходными тяжелыми орудиями. К тому же, борта судов имели мощную защиту (канонерка «Мария» была, например, покрыта броней в 6 дюймов). Поэтому бронепароходы представляли серьезную угрозу.

Заняв Мамаево, и.о. командира 453-го полка Федор Ольшевский включился в оставленную целой проводную

линию связи противника. Из телефонного разговора командира 27-го колчаковского полка, занимавшего Щукино, с командующим тобольской группой генералом Франком он выяснил: части белых спешно оттягиваются от Богалино и не позже 8 октября будут у деревни Щукино... Тобольск спешно укрепляется, переправа охраняется бронепароходами. Тракт, в направлении Бачалино, занят белогвардейским отрядом Колесникова и 27-м полком. Им ставилась задача задержать группу Блюхера до подхода Воткинской дивизии.

Воспользовавшись перехваченными сведениями, Блюхер наносит белым упреждающий удар. Его группа неожиданно нападает в ночь на 6 октября на Щукино, выбивает оттуда 27-й полк. 7 октября части группы занимают деревню Куримово.

Однако все части с обозами, артиллерией и ранеными, число которых к тому времени дошло до 400 человек, оказываются на трехверстном пространстве, окруженном со всех сторон белыми. Противник пускает в дело два гидроплана. Но разбомбить блюхеровцев им не удается. Огонь артиллерии и пехотинцев заставляет гидропланы держаться на большой высоте. Вместо бомбардировки они разбрасывают листовки с призывом к красноармейцам убить командиров и комиссаров, выдать начдива Блюхера и сдаться.

Несмотря на тяжесть положения, скудный рацион (все время питались одной картошкой), листовки белых на красноармейцев никакого морального воздействия не оказали.

В ночь на 8 октября был собран совет, на котором присутствовали Блюхер, Ольшевский, Боряев, Богданов, Архангельский и комбаты. Было решено утром ударить по противнику, и попытаться выйти из кольца. В ту же ночь в 5 часов утра был слышен шум на реке Иртыш. Как потом оказалось, это высаживались белые части.

Атака на рассвете не получилась. Противник (усиленный выгрузившейся ночью с пароходов Воткинской дивизией), превосходивший в 10 раз численностью и вооруже-

нием, сам атаковал группу Блюхера, заставил оставить Мамаево и сосредоточиться на двухверстном расстоянии. Тыл был прикрыт непроходимыми болотами.

В 9 часов утра белые продолжили наступление, обрушив на блюхеровцев лавину свинца и снарядов. К 12 часам бой достиг необычайного напряжения. Все резервы, исключая две роты 453-го полка, были исчерпаны. Изнемогающие части едва сдерживали натиск колчаковцев. Белые вливали в свои ряды все новые и новые силы. Было отбито шесть атак, когда, не выдержав адского огня и превосходящих сил неприятеля, Блюхер решает использовать две резервные роты...

С наступлением сумерек комбат Горшков получает приказ начдива любой ценой пройти со своими людьми болотами в тыл противника и застать врасплох его резервные части. Это было отчаянным решением Блюхера. Он понимал, что следующий день может стать для группы последним.

Горшков — таежный охотник, привыкший с детства к выслеживанию зверей на родном Урале, благополучно провел по болоту своих бойцов, которые утопали в трясине почти по горло. Выйдя в тыл резервного полка противника, мокрые, замерзшие бойцы Горшкова с дикими криками «ура!» неожиданно ударили в штыки. Это ошеломило противника. Блюхеровцы, услышав крики в тылу врага, поняли: атака Горшкова удалась. Воодушевленные этим, красные части с неведомой доселе яростью атаковали колчаковцев с фронта, заставив их бежать с занятых позиций...

Прорвав кольцо западни «Щукино—Куримово—Мамаево», обессиленная группа Блюхера вышла на село Богоярское. Еще в течение трех дней до соединения с основными силами дивизии группе пришлось отбиваться от нападений противника. Колчаковцы не раз пытались высадить десант в тыл Блюхеру, пользуясь бронепароходами, но все попытки успеха не имели. Красная артиллерия удачно преграждала проход бронепароходов, один из которых был даже подбит.

В белых изданиях «Телеграммо-газета» и «Ижевский защитник», наряду с публикациями о борьбе с торговлей спиртными напитками, о произволе большевистских продотрядов, о смертных казнях в Красной Армии, замелькали сообщения об успехах ижевцев и воткинцев на фронте против войск большевиков. Писалось и о крупном поражении красных полков Блюхера в районе населенных пунктов Щукино и Мамаево, о том, что сам большевистский начдив едва не попал в плен, чудом избежал смерти, спрятавшись с небольшой кучкой красноармейцев в лесу среди болот...

Части, вышедшие из колчаковской западни, залечивали раны, приводили себя в порядок. Вот только октябрьский период года для этого был весьма неподходящим. Октябрь в Сибири — время резкого ухудшения погоды. Ежедневно шел дождь или падал мокрый снег, дули пронизывающие холодные ветры. Главная коммуникационная линия — тракт Тюмень — Тобольск, — по которой производился подвоз продовольствия, обмундирования и боеприпасов, превратилась в сплошное болото. По этой дороге с трудом приходилось перемещаться даже пешком.

И в это трудное время дивизия Блюхера, не успев по-настоящему оправиться от западни «Щукино—Куримово—Мамаево», получает приказ о переходе в наступление. Для дивизии это был убийственный приказ. Начались массовые потери личного состава. Бойцы гибли не только в жестоких боевых схватках, но и от болезней. Особенно выбивал из строя красноармейцев прогрессировавший тиф. И все-таки дивизия теснила врага. После продолжительных тяжелых боев в районе Куймово удается заставить колчаковцев отступить за реку Тобол. В ночь на 22 октября части 153-й бригады — 457-й и 458-й полки, переправившись под покровом темноты на левый берег Тобола, заняли Тобольск...

Дивизия Блюхера участвовала почти во всех завершающих операциях по освобождению Сибири от колчаковцев.

14 ноября ее части одновременно с 5-й армией вышли в район Омска. В конце ноября в связи с реорганизацией Восточного фронта 51-я была передана в состав 5-й армии, а после окончательного поражения колчаковских войск в Сибири ее вывели в резерв главного командования Красной Армии.

В декабре 19-го года она располагалась в районе Ново-Николаевска. В городе и в окружавших его поселках и деревнях буйствовал тиф. Не работали предприятия, не было топлива, продовольствия. Блюхер, будучи начальником гарнизона, прилагал немалые усилия по восстановлению нормальной жизни в губернском центре. Особая забота — борьба с тифозной эпидемией. Но бороться с ней было трудно: не хватало врачей, медикаментов. Тиф буквально косил людей. И все-таки к весне страшная эпидемия была побеждена.

В резерве 51-я дивизия находилась до июля 1920 года. Ее бойцы занимались хозяйственными работами: восстанавливали разрушенную войной Сибирскую железную дорогу, Черемховские каменноугольные копи и т.д.

В мае 1920 года Блюхер был освобожден от командования дивизией и назначен начальником Западно-Сибирского сектора войск внутренней охраны. Но на этой должности он пробыл всего месяц.

ВРАНГЕЛЕВСКИЙ ФРОНТ

С Востока — на Юг России

Июнь, пожалуй, самая прекрасная пора в Сибири. Июнь в Сибири — все равно, что апрель на Юге России; он олицетворяет здесь не начало лета, а середину весны.

Блюхер любил июнь: тепло, промытый частыми дождями воздух, яркая зелень травы и деревьев.

Василий и его молодая жена Галина встретили июнь 20-го года переполненные чувством взаимного счастья. Служебных забот у начальника Западно-Сибирского сектора войск внутренней охраны в этот период было немного, и Василий мог уделять жене больше времени. Они часто гуляли на берегу Ангары, выстраивая радужные планы их дальнейшей семейной жизни.

В самый разгар прелестной июньской поры безмятежная жизнь молодоженов прервалась — Блюхера с сектора войск внутренней охраны неожиданно возвращают на прежнюю должность начальника-военкома 51-й дивизии, которой предстояло в срочном порядке передислоцироваться на Врангелевский фронт...

Будущий командующий войсками Южного фронта Михаил Васильевич Фрунзе так объяснил необходимость срочной переброски дивизии Блюхера на борьбу с Врангелем: на юге России понадобилось создать надежный барьер против новой контрреволюционной волны, хлынувшей на Украину через теснины крымских перешейков. Поэтому командова-

ние было вынуждено снять из Сибири 51-ю стрелковую дивизию и направить ее на этот, ставший важнейшим, участок борьбы за советскую власть.

В 15-ю годовщину разгрома Врангеля В.К. Блюхер в очерке «Победа храбрых», опубликованном в газете «Красная звезда» 14 ноября 1935 года, писал: «Остатки контрреволюционных армий Юга, Дона, Кубани укрылись в Крыму. Отсюда они грозили нашей юной республике... Вооруженная мировой буржуазией, впитавшая десятки тысяч офицеров, насыщенная артиллерией, пулеметами, бронемашинами, танками и авиацией, располагавшая большими массами конницы, в том числе бронированной кавалерией, армия Врангеля в мае 1920 года превратилась в грозную боевую силу...»

Как случилось, что ничем не примечательный среднеразрядный генерал-лейтенант Врангель вдруг встал в один ряд с такими «титанами» антибольшевизма, как Колчак и Деникин? Каким образом Петр Николаевич Врангель сдвинул с «пьедестала» самого Антона Ивановича Деникина и возглавил так называемые вооруженные силы Юга России, сконцентрировавшиеся в середине 20-го года в Крыму?

Первые расхождения Врангеля с Деникиным обнаружились еще в апреле — мае 1919 года. Сначала Врангель робко критиковал стратегические решения главнокомандующего. Затем постепенно перешел к нападкам на все деникинское правление. Он посылал Деникину письма, в которых выражал свое осуждение положения на фронте и в тылу. Содержание этих писем распространялось в офицерской среде, что породило движение «идейных» сторонников Врангеля. Авторитет Врангеля стремительно рос. Его стали сравнивать с Деникиным, и это сравнение было не в пользу последнего. Даже внешность Врангеля способствовала росту его престижа. В отличие от медлительного рыхлого Деникина, всем своим видом напоминавшего купца средней руки, Врангель демонстрировал настоящую солдатскую выправку. Высокого роста, с неестественно вытянутой шеей, на кото-

рой, словно на шесте, сидела голова с лицом, «украшенным» остекленевшими «волчьими» глазами, он всеми силами старался произвести впечатление сильной личности.

В январе 20-го года Деникин откомандировал Врангеля в Крым фактически без всякого назначения. А в феврале совсем «уволил от службы» строптивого генерала, который был вынужден уехать в Константинополь.

В апреле Добровольческая армия[1] под Новороссийском потерпела от красных жестокое поражение. Остатки разбитых войск эвакуировались в Крым. Деникин осознал: карта его бита и ему лучше уйти. По его приказу в Севастополе состоялось совещание высших командных чинов (на которое из Константинополя англичане доставили Врангеля), призванное наметить ему преемника. Совещание под нажимом англичан высказалось за Врангеля, которому Деникин и передал власть.

В первых числах июня Врангель опубликовал «Воззвание к русским людям», в котором объяснял, за что он воюет. Главное: «За то, чтобы русский народ сам выбрал себе хозяина». Позже в газете «Великая Россия» появилось уточнение: «Хозяин — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он пожелает иметь монарха — Россия будет монархией. Если он признает полезной для себя республику — будет республика».

Участник Гражданской войны, живой свидетель борьбы с Врангелем А.В. Благодатов характеризовал положение в Крыму как перспективно крайне опасное. Русская армия,

---

[1] Добровольческая армия — главная ударная сила контрреволюции на Юге России в Гражданскую войну. Начала создаваться в ноябре 1917 года М.В. Алексеевым при помощи Антанты. В первое время комплектовалась из добровольцев-офицеров, юнкеров, зажиточного казачества, впоследствии — путем мобилизации. С осени 1918 г. Добровольческая армия (командующий В.З. Май-Маевский) вошла в состав так называемых «Вооруженных сил Юга России». Разгромлена в ходе наступления Южного и Юго-Восточного красных фронтов (1919-1920). Остатки Добровольческой армии влились в армию Врангеля.

остатки некогда мощных формирований Деникина, сосредоточившись на Крымском полуострове, теперь могла не только обороняться, но и угрожать Советской республике созданием нового фронта. Москва, к сожалению, не придала этому должного значения.

Врангель на первых порах добился многого. Армия под его руководством была выведена из шокового состояния, переформирована, вооружена и сведена в мощные соединения. Союзники признали новое Крымское правительство и принялись оказывать ему всяческое содействие. Белый Севастополь стал магнитом для врагов революции и политических эмигрантов всех мастей.

Готовилась широкая кампания борьбы с Советами с учетом польского наступления и реальной помощи союзников. Белый главком рассчитывал массированным ударом овладеть Северной Таврией с ее богатейшими людскими и материальными ресурсами, затем левым крылом форсировать Днепр и соединиться с белополяками. Правый фланг Русской армии был заострен на Донбасс и земли Войска Донского, куда так рвались побросавшие в Новороссийске коней казаки. Большие надежды возлагались и на кубанские десанты. Врангель, как в свое время Корнилов и Деникин, еще раз нацелился на Кубань и надеялся поднять кубанцев против Советов.

Перед началом кампании Русская армия была разделена на три группы. Корпус генерала Слащева высадился восточнее Перекопа, у деревни Кирилловка. Через Чонгарские переправы, ближе к перекопской группе, двигался корпус генерала Писарева. Непосредственно на перекопском направлении атаковал ударный кулак Врангеля — кутеповский корпус и приданная ему 2-я кавалерийская дивизия генерала Морозова.

Боевой состав войск белых определялся в двадцать пять тысяч штыков, до десяти тысяч сабель и поддерживался большим количеством, по нормам Гражданской войны, танков, бронеавтомобилей, аэропланов и бронепоездов.

51-я дивизия Блюхера двинулась с Востока на Юг России в начале июля 1920 года. А 2 августа начдив, уже с Украины, докладывал главкому Вооруженных сил РСФСР С.С. Каменеву о боевом и численном составе прибывающей на станцию Апостолово вверенной ему дивизии: «51-я стрелковая дивизия в представленных ей 93 эшелонах 1 июля сего года начала переброску со ст. Ангара на запад по трем направлениям (Екатеринбург—Симбирск—Самара) и головными эшелонами 21 июля приступила к разгрузке на ст. Апостолово. Общее сосредоточение дивизии закончится в последних числах августа».

На 15 июля дивизия имела в наличии: комсостава и лиц административнотхозяйственной службы — 1276, бойцов пехоты — 10 596, бойцов вообще— 1044. Из вооружения: винтовок — 12 139, сабель — 1179, пулеметов — 201, бомбометов — 6, орудий 3-дюймовых — 24, тяжелых — 8, автоматических ружей Люиса, Шоша и других — 41; на подвижных складах артснабдива: винтовок 3-линейных пехотного образца — 1582, то же драгунского образца — 281, пулеметов — 2, автоматических ружей — 3, шашек — 31.

Блюхер оценивал дивизию как достаточно организованное соединение Красной Армии и с точки зрения боеспособности как выше средней.

Дивизия разгружалась на станции Апостолово в нервной обстановке. Войска Врангеля уже вовсю рвали фронт, наносили опасные удары по обескровленным красным частям.

Южный фронт на то время (накануне он был переименован в Юго-Западный) являлся одним из «больных» для Советской республики. Врангель держал в своих руках значительную часть юга Украины и в начале августа контролировал весь левый берег Днепра от устья до Каховки, а на северо-востоке угрожал Александровску (Запорожье).

Основные силы Красной Армии к тому моменту находились на белопольском фронте, и активно противостоять Врангелю было некому. Огромный по протяженности фронт

с трудом сдерживала небольшая по численности 13-я армия, разделенная на две группы войск: одна располагалась на правом берегу Днепра, в районе Бериславля, другая — на левом, в районе Александров—Орехов.

Боевой инициативой владели белогвардейцы. Дальнейшие успехи их создавали серьезную угрозу Донбассу и всему тылу фронта.

«Стратегическая обстановка на Крымском фронте, — писал впоследствии командующий Юго-Западным фронтом А.И. Егоров, — становилась все более грозной и требовала принятия самых решительных мер, чтобы повернуть ход событий на этом участке».

Меры принимались. Командование укрепляло 13-ю армию, пополняя ее личным составом и вооружением. Командующим 13-й армией стал И.П. Уборевич. Правобережную группу возглавил Р.П. Эйдеман. По рекомендации члена РВС Юго-Западного фронта И.В. Сталина комиссаром группы был назначен Л.З. Мехлис.

В ночь на 7 августа, когда дивизия Блюхера только на треть разгрузилась с железнодорожных эшелонов на станцию Апостолово, Правобережная группа начала форсирование Днепра. 52-й и Латышской стрелковым дивизиям была поставлена задача захватить плацдарм, с которого впоследствии развить наступление на Перекоп. По общему плану замышлялось ударами по сходящимся направлениям силами Правобережной группы из района Бериславля и Левобережной группы из района Александрова охватить живую силу противника в Северной Таврии[1] и разгромить ее между Днепром и Крымским перешейком.

Форсирование прошло нормально, 52-я и Латышская дивизии, овладев Каховкой и Алеши, начали продвигаться к Мелитополю. 51-я дивизия Блюхера, двинувшаяся вслед

Северная Таврия — район севернее крымских перешейков, ограниченный с запада низовьем р. Днепр и с востока условной линией Александровск (Запорожье) — Бердянск.

за ними на левый берег Днепра, сосредоточилась во втором эшелоне и приступила к созданию обороны в районе Каховки.

К сожалению, передовые красные части развить успех не смогли. Вскоре противник оттеснил их к Каховке. Ценой больших потерь они отбивались в течение нескольких дней от наседавших белогвардейцев. 52-я и Латышская дивизии отступили за позиции 51-й. Как ни пытались врангелевцы сбросить в Днепр бригады дивизии Блюхера, сделать им это было не под силу.

Блюхер неудовлетворительно оценил операцию по наступлению с 6 на 7 августа. Он считал ее преждевременной и плохо подготовленной. В докладной записке командующему армией И.П. Уборевичу он выражал свое недовольство тем, что наступление началось, не дождавшись полного позиционного сосредоточения 51-й дивизии, равнявшейся по численности почти всей наступавшей группе. Неоправданная поспешность с открытием боевых действий не позволила достичь решающего превосходства в силах над врагом. «...Моя дивизия, находясь в процессе сосредоточения,— писал Блюхер в докладной, — не могла принять в начальном форсировании Днепра участия, а если бы и приняла, то, будучи без тылов, принесла бы малую пользу и в худшем случае подверглась бы частичному поражению».

Критическое замечание начдива 51-й не понравилось командарму, и это, по-видимому, сказалось на последующих отношениях Уборевича с Блюхером. Где бы они в будущем ни пересекались по службе, всегда проявляли друг к другу сухую сдержанность.

51-я прочно закрепилась на Каховском плацдарме. В период второго наступления войск 13-й армии, в конце августа, ее части вышли в район Серогозы. Здесь они столкнулись с очень боеспособным врангелевским конным корпусом Барбовича. В упорных и кровопролитных боях, развернувшихся в районе Серогозы, полки 51-й дивизии нанесли конни-

кам Барбовича значительные потери и организованно отошли на исходное положение Каховского плацдарма.

Военная ситуация на фронте на сентябрь — начало октября 20-го года характеризовалась следующим образом. Части 13-й армии, составлявшие так называемую Левобережную группу, вместе со 2-й Конной армией должны были нанести удар от Александровска на Мелитополь, но с задачей не справились. А Правобережная группа держала район Каховки. Каховка, находящаяся на кратчайшем пути к Крыму, не только сдерживала прорыв Врангеля к Криворожью и Донбассу, но и мешала соединению с войсками Польши. Эту «занозу на своем теле» Врангель болезненно чувствовал и не раз пытался ее вырвать, периодически атакуя Каховский плацдарм. Все эти атаки успешно отбивались ка¬ховско-бериславской группой, командование которой было возложено на Блюхера.

В первой половине октября Врангель решает покончить с «занозой» раз и навсегда. Части его армии переправляются у Кичкаса с задачей захватить Апостолово — базу красного фронта, а также атаковать по правому берегу Днепра тыл Каховки. Одновременно вторым корпусом Витковского, насыщенным лучшей техникой интервентов, нанести удар по Каховскому плацдарму со стороны Дмитровка — Черненько.

По свидетельствам командования 13-й армии, попытка Врангеля с 8 по 14 октября нанести решающий удар по Красной Армии в районе Кичкаса и Каховского плацдарма закончилась полным провалом. Во время атаки плацдарма белые потеряли все свои танки — они были либо уничтожены, либо захвачены частями 51-й дивизии.

Бывший помощник начальника штаба 51-й дивизии А. Макаров рассказывал: «Дивизия занимала ответственный участок — Каховский плацдарм. Штаб находился в Бе¬риславле.

Помню, когда начались упорные бои,, в штабе кипела напряженная работа. Ежеминутно звенели телефоны, непрерывно стучали аппараты Морзе. К штабу то и дело подъ-

езжали мотоциклисты, конные посыльные. Принимались сводки, отдавались приказания.

Наштадив т. Датюк теребил своих помощников, особенно по разведке, добиваясь нужных сведений о противнике для доклада тов. Блюхеру...» 14 октября Врангель применил против частей дивизии танки «Рено» французского производства. Но штаб и, естественно, Блюхер благодаря усилиям наших разведчиков о них знали заранее. Танки, выгрузившись в Севастопольском порту, двигались к фронту несколько дней через Симферополь, Юшунь, Перекоп, Чаплинку. Не выпуская их из своего поля зрения, разведке удалось фиксировать время пребывания их в каждом из этих пунктов. Одновременно был установлен приблизительный организационный состав танкового отряда. Экипажи танков состояли исключительно из офицеров.

Блюхер приказал тщательно готовить бойцов и артиллерию к борьбе с бронированными чудищами. Несколько раз сам лично выступал перед красноармейцами, разъясняя, как следует поражать танки. «Дело не хитрое, только не трусить,— учил Блюхер.— Кидай гранату в гусеницу и падай лицом вниз. Как прогремит взрыв и танк остановится, влезай к нему наверх и затыкай чем попало его глазницы...»

Другой участник тех событий, Д. Федоров, так описывал бой 14 октября. 2-й армейский корпус генерала Витковского врангелевцев третьи сутки вел наступление против основных, сил 6-й армии на Каховском плацдарме. Противник имел не только численное превосходство перед частями 51-й дивизии Блюхера, но и широко использовал мощную технику. Под селом Бербеевка вражеская пехота пошла в атаку под прикрытием тяжелых французских танков и бронемашин. Наши командиры и красноармейцы впервые столкнулись лицом к лицу со стальными чудовищами. Но бойцы не дрогнули. На пути движения танков и бронемашин они рыли ямы, набрасывали бревна, камни — все, что находили под рукой. Многие смельчаки вскакивали на броню, стреляли из винтовок в смотровые щели, бросали в бойницы гра-

наты. В тот день врангелевцы потерпели серьезное поражение на большом протяжении линии фронта и вынуждены были в беспорядке отступить, оставив на поле боя почти все танки и несколько бронемашин. Сотни солдат и офицеров были захвачены в плен.

Надо сказать, что здесь, на Каховском плацдарме, Блюхер показал себя творческим фортификатором и искусным военным тактиком.

Опираясь на опыт создания Вятского укрепрайона, он вместе с военным инженером Д.М. Карбышевым разрабатывает план по устройству глубоко эшелонированных оборонительных участков плацдарма. За короткий срок были оборудованы три линии проволочных заграждений, которые имели между собой ходы сообщений, несколько опорных пунктов, вырыты противотанковые рвы. Незащищенные открытые участки минировались.

Располагая данными о том, что Врангель имеет броневики и танки, Блюхер организует мощную артиллерийскую и противотанковую оборону. Он приказывает на наиболее опасных направлениях установить специальные орудия, которые должны бить прямой наводкой в упор по атакующим бронемашинам и танкам.

Это, по тому времени, было совершенно новым словом в военном искусстве.

На фронте проводились реорганизация и кадровые перестановки. Вместо Эйдемана командующим Правобережной группой был назначен Блюхер. В этот период на Каховском плацдарме побывал член РВС Юго-Западного фронта Сталин. Пребывание на плацдарме Сталина описал в своей книге С. Голубов «Когда крепости не сдаются», вышедшей в 1954 году. Фамилия «врага народа» Блюхера здесь, естественно, не называется, есть лишь какой-то безымянный, «морально угнетенный» командующий Правобережной группой, ставящий под сомнение реальность тех темпов

работ, которые задал Сталин. А вот комиссар группы Мехлис Лев Захарович подан автором во всех красках. Именно он, боевой, инициативный комиссар, четко докладывал члену РВС фронта о положении дел на плацдарме при безмолвствующем, по сути, командующем группы...

Образовался новый Южный фронт во главе с Фрунзе. Была создана 6-я армия под командованием К.А. Авксентьевского. Началась широкомасштабная подготовка к решающим боям за Крым.

На крымском направлении военное положение постепенно стабилизировалось. Перед 51-й дивизий по-прежнему главной задачей оставалось прочно держать Каховский плацдарм, с которого намечалось нанести решающие удары по врангелевской армии. Дивизия получила подкрепление: из Казани прибыла вновь сформированная Огневая бригада, которой командовал высоко подготовленный по тому времени артиллерист Ринк. Это была мощная часть, у которой на вооружении имелось в достаточном количестве пушек, минометов, огнеметов и пулеметов. И Василий Блюхер всеми силами старался создать непреодолимую оборону на прибрежной полосе левого берега Днепра.

В конце октября дивизию посетила авторитетная делегация из Москвы. В ознаменование победоносных боев на Каховском плацдарме Московский Совет принял шефство над 51-й. В торжественной обстановке в присутствии командующего Южфронтом Фрунзе, нового командарма-6 Корка депутаты Моссовета вручили блюхеровцам Красное знамя Москвы, на котором было написано: «Уничтожь Врангеля!» Дивизии присваивалось почетное наименование «Московская». Все красноармейцы получили подарки от своих новых шефов — табак, кисеты, носовые платки, белье, мыло, бритвы, кружки, конфеты, печенье...

27 октября 1920 года по частям дивизии был объявлен приказ о наступлении на Перекоп. Завязались упорные бои с белыми в Натальино, Чаплинке, Преображенке...

Штурм Перекопа

К своим воспоминаниям о перекопских боях Василий Константинович Блюхер взял эпиграфом стихи Э. Багрицкого «И, разогнав густые волны дыма, забрызганные кровью и в пыли, по берегам широкошумным Крыма мы красные знамена пронесли...». Как никакие другие, эти стихи очень образно и в то же время емко отразили те огненные дни и месяцы, которые провел в Крыму Блюхер с боевыми товарищами...

Фронт готовился к наступлению на Перекоп. Была специально создана Перекопская группа во главе с Блюхером. В нее включены 51-я дивизия, Огневая бригада Ринка и эскадроны Отдельной кавалерийской части под командование ем Козленкова. Фрунзе поставил Блюхеру труднейшую задачу — атаковать перекопские укрепления в лоб.

Близились, — как писал Блюхер, — заключительные аккорды беспощадной битвы с Врангелем.

План взятия Перекопа был составлен заранее. Но накануне боев Блюхер еще раз тщательно продумывал непосредственно схему наступательных действий. Стержень плана ясен: фронтальный удар по Перекопу и удары с флангов. Основной удар — в лоб противника. А как наносить его? Одним кулаком сразу или по частям? Блюхер решил, что атаковать вал нужно волнами. Задача первой волны — расчистить проходы в обороне противника. Вторая волна — непосредственно штурмовики. Надо иметь не менее шести батальонов, развернутых на фронте прорыва. Они должны пробиться к Турецкому валу. Для третьей волны главное — любой ценой зацепиться на занятых позициях противника. И, наконец, четвертая и, может быть, пятая волны — резервные части, которые будут развивать добытый боевой успех...

К полудню 29 октября полки 152-й бригады вышли на исходные позиции в 8—6 километрах от Турецкого вала.

Что из себя представлял Перекоп? Это — семикилометровый старинный Турецкий вал высотой до восьми метров,

превращенный врангелевцами в грозную крепость. По его вершине тянулась линия окопов, блиндажей, убежищ. Склоны вала опутаны четырьмя рядами колючей проволоки. На перешейке белые установили свыше 70 орудий и 150 пулеметов. А перед валом вырыт ров глубиной до десяти и шириной сорок метров. Обойти Перекоп нельзя — справа морской залив, слева воды неглубокого, но топкого Сиваша.

И вот эту неприступную крепость предстояло брать штурмом.

Для преодоления проволочных заграждений технических средств имелось очень мало: ножницы и ручные гранаты в небольшом количестве. Зато соломенные маты и собственные шинели, чтобы набрасывать их на колючую проволоку, — у каждого бойца.

Это — хроникальные записки героического штурма Перекопа.

...В темень уходили полки, дивизии, шаг за шагом приближаясь к Турецкому валу. Холодный, промозглый рассвет 30 октября застал красные части на небольшом «прыщике», именуемом на картах «высота 9,3».

В тумане, заволакивающем подход к Турецкому валу, все клокотало и ревело. Прорываются сквозь туман огненные языки, сигнализирующие о залпах белых орудий, несущих тонны смертоносного металла...

Степь напротив Турецкого вала заполнена войсками Перекопской группы. Это роты, батальоны полков 152-й бригады Боряева, Огневой ударной группы Ринка и кавалерийские эскадроны Козленкова. За ночь группа захватила две линии укреплений и в бурном натиске докатилась почти до самого рва перед Турецким валом. Тяжелые 8-дюймовые снаряды ложатся вокруг «9,3», поднимая высокие фонтаны земли, засыпающие людей и лошадей. Каждую минуту проносятся запыханные ординарцы, беспрерывно звонит телефон. Один сообщил радостную весть: «Шестая рота 456-го полка Рязанова ворвалась через Рогатки на вал. Другие полки переходят в новую атаку».

Но вскоре неудача постигла безумно смелую шестую роту. Броневики белых отбросили ее от вала. Белые переходят в контратаки. 456-й полк, неся потери, дерется за каждый выступ, за каждое укрытие.... 1-й ударный полк, находившийся левее тракта, переходит в атаку на помощь 456-му полку и вместе с ним загоняет белых на вал.

...Утро 31 октября застало бойцов 152-й бригады в 250—300 метрах от вала. Холодно. Бойцы вдавились в старые, оставшиеся от апрельских боев окопы...

Огневая бригада при поддержке 152-й бригады атакует восточную часть вала, но под сильным огнем противника залегает перед проволочным заграждением. Было ясно, что усилиями только Перекопской группы, без согласованного наступления других частей 6-й армии через Сиваш взять Перекоп не удастся.

Поэтому в ночь на 2 ноября части группы были отведены на 7—8 километров к северо-западу от вала, и лишь охранение, менявшееся каждую ночь, наблюдало за противником, мешая ему восстанавливать разрушенные заграждения. Группа вместе с другими частями 6-й армии вела деятельную подготовку к решительному штурму крымских перешейков. Разведка искала броды через «гнилое море».

Холода усиливались. Ударили морозы. Раздетые, разутые красноармейцы кутались во что попало. Сведения о наличии бродов на Сиваше подтверждались. Проверили — действительно Сиваш пройти кое-где можно.

...К полю сражения подтянулись 15-я и 52-я дивизии. Вместе со 153-й бригадой и Отдельной кавалерийской бригадой Перекопской группы они намечались для нанесения удара через Сиваш на Литовский полуостров, во фланг и тыл перекопской позиции. 152-я бригада и Огневая ударная 51-й дивизии готовились для лобовой атаки Турецкого вала.

В Чаплинку, где располагался штаб 51-й дивизии, для личного руководства операциями приехал Фрунзе. Он сутки находился рядом с Блюхером.

...В ночь с 7 на 8 ноября 15-я, 52-я дивизии, 153-я и Отдельная бригады 51-й дивизии на пронизывающем морозе, утопая в болотах Сиваша, расстреливаемые артиллерийским и пулеметным огнем, таща на себе орудия и пулеметы, двинулись в атаку Литовского полуострова.

Раненые падали в воду, многие тонули. Красноармейцы, обморозившие руки, ноги, уши, легко раненные, редко уходили в тыл. Утром 8 ноября они добрались до окопов белых и, порвав проволоку, штыками выбили войска генерала Фостикова.

Под Турецким валом на артиллерийских позициях царило молчание. Напряжение нарастало. Почему молчит артиллерия? И лишь в девятом часу, когда туман рассеялся, все 65 орудий 51-й дивизии открыли беглый огонь. И тут же в ответ с Турецкого вала шквал огня белых. Семикилометровое пространство под валом и на валу превратилось в сплошное море воронок.

В 12 часов в бой пошла первая волна. Полки Огневой и 152-й бригад с 453-м полком ринулись на штурм. Неся огромные потери, они все ближе и ближе подходили к Турецкому валу.

Через час пошла вторая волна наступающих.

На Литовском полуострове белые бросают в контратаку 13-ю и 34-ю дивизии.

Третья волна. Цепи Огневой ударной, 152-й бригад и 453-го полка вновь атакуют Турецкий вал. Блюхер, с передовой командой, выдвинулся ближе к атакующим. Он приказывает пустить перед пехотой броневики. Продвижение ускорилось. Но у самого рва путь наступающим преградили проволочные заграждения. Пехота начинает рвать их щипцами, рубить тесаками... Цепи остановились.

...Блюхера вызвал к телеграфному аппарату Фрунзе: «Сиваш заливает водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало».

И Блюхер бросает на помощь третьей волне четвертую. Вперед, вперед! Изнуренные части, собрав последние силы, с криком «ура!» кидаются на последний штурм…

В 3 часа ночи 9 ноября неприступный Перекоп пал.

Анализируя ход штурма перекопских укреплений, думается, необходимо снова особо выделить творческое начало в полководческом таланте Блюхера. Как и при обороне Каховского плацдарма, он и здесь проявил нестандартные подходы. Командуя ударной группой прорыва сильно укрепленных позиций белогвардейских войск, Блюхер умело применил сочетание фронтального удара с обходом позиций врага с флангов. И, самое главное, принял рисковое решение бить в лоб неприступной врангелевской обороны четырьмя людскими волнами до полной победы.

…На рассвете 9 ноября штаб 51-й передислоцировался в Армянский Базар. Бой постепенно уходит к югу и разгорается на юшуньских позициях. Командиры и бойцы дивизии без пищи и воды, с ограниченным запасом боеприпасов снова бросаются на прорыв 3-й и 4-й линий юшуньских позиций, оплетенных густыми сетями из колючей проволоки. На каждый километр самой узкой части фронта там приходилось до 40 орудий разных калибров и около сотни пулеметов белогвардейцев.

...В ночь на 11 ноября 151-я бригада захватывает почтовую станцию. Все резервы 51-й дивизии брошены к Юшуни. Между тем, белые потеснили 15-ю и 52-ю дивизии и создали угрозу Армянску. 151-я бригада 51-й дивизии, отбив контратаку марковцев, при поддержке Латышской дивизии в 9 часов захватывает железнодорожную станцию Юшунь.

...В 12 часов в штаб армии пришло радиосообщение: «Части 51-й дивизии прорвали последние позиции белых и твердой ногой вступили в чистое Поле Крыма. Противник в панике бежит».

...15 ноября 51-я дивизия заняла Севастополь, на следующий день — Ялту.

Блюхер доложил во все инстанции — командарму, комфронта, Ревоенсовету Республики, Московскому Совету, председателю Совета труда и обороны Ленину о том, что его доблестная 51-я дивизия прорвала Перекопские укрепления, пробила дорогу в Крым; враг разгромлен окончательно.

В ответ — высокие оценки начдиву, его героической дивизии, всем бойцам фронта.

Реввоенсовет 1-й Конной армии приветствовал Блюхера как «красного вождя и победителя на Перекопе и Юшу¬не» и преподнес ему золотые часы.

М.В. Фрунзе: «51-я дивизия в последних боях против Врангеля покрыла себя неувядаемой славой. Невзирая на тяжелые жертвы, в обстановке невероятных лишений она до конца выполнила свой долг перед Республикой и, потеряв 75% состава, штурмом овладела всеми линиями обороны противника, пробив своей грудью дорогу в Крым».

Московский Совет: «Моссовет с гордостью и революционным воодушевлением узнал, что железные полки славной 51-й Московской дивизии одними из первых вошли в Севастополь. Ее боевые подвиги составляют славнейшую страницу в борьбе пролетариата за свое полное освобождение».

В.И. Ленин: «Бойцам Южного фронта товарищеский привет и благодарность за проявленную ими беззаветную храбрость, исключительную энергию и политическую сознательность...».

Это была оглушительная победа. О Блюхере вновь заговорили как о выдающемся пролетарском полководце. Он был награжден вторым орденом Красного Знамени. Орденом Красного Знамени была отмечена и 51-я дивизия, ей присвоено почетное наименование Перекопская.

Однако, победа над Врангелем была омрачена тем, что она стоила огромных людских жертв: погибли и были искалечены сотни, тысячи бойцов и командиров.

Из всех соединений и частей, участвовавших в боях за Крым, дивизия Блюхера понесла самые большие потери.

Можно ли было избежать такого урона? Войны выигрываются либо числом, либо умением. Все зависит от руководства войсками, от уровня подготовленности командно-штабных кадров, от их умения правильно планировать и искусно проводить боевые операции.

Вину за большие людские потери 51-й дивизии в перекопской операции, естественно, в известной степени несет лично Блюхер как начдив. Вместе с тем, у него ведь не было выбора: выполнять или не выполнять приказы высших военных инстанций.

Официально, на людях, Блюхер никогда не высказывал критики в адрес командования армии и фронта по поводу разработки операций и руководства боевыми действиями против Врангеля (кроме как в августе 1920 года в докладной записке командующему 13-й армией Уборевичу). Но в узком кругу родных и близких он нередко, мягко говоря, намекал на бездарность некоторых «стратегов». Дочь Блюхера Зоя Васильевна в беседе со мной однажды сказала: мать ее — Галина Павловна — говорила, что отец очень раздражался, когда читал в газетах, слышал по радио чрезмерное прославление Фрунзе, Мехлиса, других военачальников, проявивших якобы исключительный талант и замечательные организаторские способности при разгроме Врангеля. В то же время роль его, Блюхера, непосредственно возглавлявшего красные войска на полях сражений, проведшего блестящие боевые операции на Каховском плацдарме и при штурме Перекопа, постоянно умаляют.

Галина Покровская-Блюхер в октябре 1938 года на следствии рассказывала: после завершения Крымской кампании Василий Блюхер сетовал на недооценку Москвой его, как

военного самородка, осуществившего в тяжелейших условиях взятие неприступных Перекопских укреплений. Под его непосредственным командованием героическая 51-я дивизия сломала хребет Врангелю, но лавры победителя приписали Михаилу Фрунзе, который во время жестокого штурма Турецкого вала находился в тылу.

По завершении боевых действий 51-я дивизия расположилась на отдых и пополнение в районе Симферополя. До крайности измотанный в период непрерывных боев, и испытывая невероятное морально-психологическое и физическое напряжение, Василий Блюхер чувствовал себя совершенно неработоспособным. Давало знать о себе и ранение, полученное им в германскую войну. Командующий фронтом предоставил ему для восстановления сил длительный отпуск.

Полмесяца валялся в постели, потом предложил жене поехать на его родину в Барщинку. Галина боялась за малютку-ребенка (у них с Василием к тому времени была уже дочь Зоя), но все же согласилась.

На службу Василий вернулся в феврале 1921 года. Дивизия дислоцировалась в Одесской губернии, и Блюхер был назначен начальником гарнизона Одессы и начальником войск Одесской губернии. Посвежевший за отпуск, он с присущей ему энергией приступил к исполнению новых для него обязанностей. Наряду с налаживанием боевой учебы молодого пополнения частей и подразделений дивизии пришлось заниматься и помощью местным органам власти в восстановлении разрушенного народного хозяйства. Красноармейцы участвовали в ремонте дорог, мостов, в весенних полевых работах.

Наступил май, и Блюхеру пришлось покидать Одессу, навсегда прощаться с ставшей родной ему 51-й стрелковой дивизией. Как в начале июля 20-го года, когда он с Востока был направлен на Юг России, так теперь ему предстояло совершить обратный путь с Юга на Восток России. Револю-

ционный военный совет Советской республики командировал его в Дальневосточную республику (ДВР)[1].

Переезд из Одессы в Читу для семьи Блюхера был длительным, трудным и трагическим. Накануне заболела маленькая Зоя, и врачи рекомендовали отложить отъезд в Читу до выздоровления девочки. Но Василий не мог нарушить приказ. А Галина не хотела оставаться в Одессе без мужа. Решили ехать с больной малюткой; в дороге за Зоей будет смотреть гостившая в это время у Блюхеров сестра Галины Варвара Павловна, медсестра по образованию. В пути состояние девочки резко ухудшилось, и она умерла прямо в поезде. Для молодой семьи это был тяжелейший удар. Василий перенес его мужественно, Галину постигшее горе буквально раздавило, она надолго впала в депрессию.

Дальневосточная республика (по форме буржуазно-демократическая) была создана в качестве буферного государства между Советской Россией и Японией 6 апреля 1920 года. Столица сначала — Верхнеудинск (Улан-Удэ), а с октября 1920 г. — Чита. Главой ДВР были А.М. Краснощекое, с января 1922 г. — Н.М. Матвеев, председателем Совета министров — П.М. Никифоров. После разгрома белогвардейцев и японских интервентов территория республики вошла в состав РСФСР. 15 ноября 1922 года ДВР перестала существовать.

ДВР. ЛЕНИНГРАД

Председатель Военного совета, главком и военный министр

После поражения армии Колчака уцелевшие ее соединения и части (прежде всего, 1-й, 2-й и 3-й корпуса Сибирской армии генерала Каппеля) покатились к Тихому океану, стремясь зацепиться в Забайкалье, Приамурье и Приморье. На Дальнем Востоке сложилась запутанная обстановка. В Западном Забайкалье утвердилось земское правительство, в котором превалирующее положение занимали большевики. В Амурской области и во многих местах Восточного Забайкалья была установлена советская власть. Но Амурская область и часть Восточного Забайкалья не были территориально связаны с Западным Забайкальем. Их разъединяла территория, занятая каппелевцами, белоказаками атамана Семенова и японскими войсками. Эта зона клином врезалась в центр Забайкалья, образуя так называемую «читинскую пробку». Надо было найти гибкие формы борьбы, которые позволили бы избежать открытых военных столкновений с Японией.

Руководство РСФСР решает создать Дальневосточную республику (ДВР), которая стала бы своеобразным заслоном, буфером Советской республики от ударов Японии.

28 марта 1920 года состоялся съезд трудящихся Забайкалья, провозгласивший рождение на территории Дальнего Востока — от Байкала до Тихого океана — самостоятельной Дальневосточной республики. При этом, политическое управление республикой, говорилось в постановлении съезда, будет осуществлять Дальбюро ЦК РКП(б).

С образованием ДВР забайкальские партизанские отряды превратились в Народно-революционную армию (НРА). Главнокомандующим НРА правительство ДВР назначило Г.Х. Эйхе. В ноябре «читинская пробка» ликвидируется, Народно-революционная армия освобождает Забайкалье от белогвардейцев и иностранных интервентов.

Несмотря на успехи в центральной части Забайкалья, ситуация на Дальнем Востоке по-прежнему оставалась сложной. Японцы, хотя на словах признавали ДВР, продолжали оккупировать значительное пространство ее территории.

26 мая во Владивостоке белогвардейцы при явной помощи японских войск совершили контрреволюционный переворот. В Приморском крае к власти пришло марионеточное правительство во главе с фабрикантами братьями Меркуловыми. Началось опасное противостояние между Приморской республикой Меркуловых, поддерживаемой японскими интервентами, и ДВР.

В это трудное для Советской России время Москва направляет на Дальний Восток свои лучшие политические и военные кадры. Для укрепления руководства Вооруженными силами ДВР в середине июня в Читу прибыл Василий Блюхер.

По приезде в ДВР Блюхер узнает, что приказом Реввоенсовета Советской республики № 197 от 14 июня 1921 года он награжден третьим орденом Красного Знамени с формулировкой «За выдающуюся храбрость, военный талант и организаторские способности, проявленные в борьбе с Дутовым и другими белогвардейцами в 1918 году». Он с головой погружается в работу в войсках. Знакомясь с Народно-революционной армией, Блюхер видел, какое тяжелое ему досталось наследие. В частях царила анархия, не хватало оружия, боеприпасов, снаряжения, обмундирования. Предстояла нелегкая борьба по искоренению «партизанщины» в сознании народоармейцев, повышению уровня военного умения личного состава.

Яркой иллюстрацией воинского «порядка», царившего в то время в частях НРА, является рассказ Блюхера на собрании командного и политического состава ОКДВА и участников Гражданской войны на Дальнем Востоке в феврале 1937 года: «Вот возьмемте командира Забайкальской кавалерийской дивизии тов. Коротаева. Я его люблю, он человек заслуженный. Сейчас он закончил три академии. В 1921 году приезжаю к нему и говорю: «Постройте для смотра дивизию», а он отвечает: «Это невозможно». Я приказываю: «Выстраивайте на парад!» А он говорит: «Не послушаюсь: бойцы в бой пойдут, а на парад не выйдут». Я говорю: «Какая это армия, которая на парад не идет, ведь парад — это демонстрация наших сил, она вселяет в нас уверенность. На параде мы видим, что представляем крупную силу». Говорю ему: «Дайте мне строевую записку». А он отвечает: «Какую записку?» Я говорю: «Строевую, в которой должно быть сказано: сколько в дивизии людей, лошадей, повозок; сколько людей в строю, в госпитале и просто нахлебников». Я должен вам сказать, что в дивизии числилось 4800 человек, а в строю — 920 человек... Такое же положение было и в других частях...»

На 1 июля 1921 года численность Народно-революционной армии по штатам определялась в 198 тысяч человек. В действительности же в армейских частях было только 76 тысяч. Республика не располагала ни финансовыми, ни материально-техническими средствами для содержания не только штатного, но и наличного состава армии...

Изучив состояние дел, Блюхер предлагает правительству, в целях упрочения армии, учредить при военном министре Республики Военный совет. Предложение Блюхера принимается. 27 июня 1921 года он назначается председателем Военного совета, главнокомандующим всеми вооруженными силами и военным министром ДВР. Членами Военного совета стали М.И. Губельман и В.И. Буров. Позже Бурова сменил С.М. Серышев.

Блюхер отправляет в ЦК РКП(б) доклад с анализом военно-политической ситуации как внутри вооруженных сил

ДВР, так и вокруг них. Блюхер информирует ЦК: «Существующие отношения правительства и Совмина к армии можно определенно отметить, как индифферентные. Жизнью армии, ее нуждами ни правительство, ни Совет министров, по-видимому, не интересовались, было стремление ничего не отпускать, урезывать и за счет армии содержать в продовольственном и вещевом отношениях гражданские учреждения».

Блюхер считает порядок расходования золотой валюты, высылаемой для нужд НРА, ненормальным. Для того чтобы его нормализовать, он просить вмешательства Москвы.

Каково отношение к «буферу» народоармейцев? При наличии вышеизложенных условий, с одной стороны, непонимание задач его создания, а с другой — недоверие, рассеять которое можно, только если повернуться лицом к нуждам армии.

Снабжение армии находится в руках большинства нечестных работников, ненавидящих правопорядки ДВР и настроенных контрреволюционно.

Исключительно плохо решаются продовольственный и вещевой вопросы. Жалкие подачки из центральных органов убили всякую веру в войсках в возможность планомерного получения необходимых видов довольствия и заставили части искать средства на. жизнь не свойственным для них путем. Многие занялись производственно-коммерческой деятельностью — заготовкой дров, обжиганием извести, гонкой смолы и рядом других промыслов. Реализуя на рынках полученные продукты производства, они за вырученные деньги приобретают обмундирование, питание и т.д. В итоге строевые части превратились в трудчасти, где личный состав не имеет возможности заниматься главным своим делом — боевой подготовкой.

Такое же отвратительное обеспечение войск холодным, стрелковым оружием, артиллерией, лошадьми...

Блюхер приводит красноречивые примеры. Пехотные части вооружены на 50—70%. Оружие — винтовки, караби-

ны, дробовики; наполовину это русские, на одну треть японские, остальные французские, английские и другие системы… В кавалерии НРА конники имеют лишь 10 процентов шашек... В артиллерийских подразделениях тягловых лошадей практически нет...

Блюхер подробно излагает выявленные серьезные недостатки в бронечастях (бронепоезда), авиачастях, в автотранспортных, инженерных и связных подразделениях.

Не лучшее положение с командным и рядовым составом армии. 80% бойцов НРА подлежат по возрасту демобилизации. Но демобилизация не проводится, отсюда рост дезертирства.

Младших командиров никто не готовит, они ничем не отличаются от рядовых народоармейцев.

Начальствующий командный состав, от взвода и выше, Блюхер разделил на три группы. К первой он отнес тех, кто происходит из местных партизан, как правило, безграмотные или малограмотные, но отлично разбирающиеся в боевой обстановке, имеющие навыки ведения войны в местных условиях. Однако слабое место этих командиров в том, то многие их них не могут отвыкнуть от старых принципов партизанской самостоятельности, они зачастую не считаются с указаниями высшего командования.

Вторая группа — ранее присланные в НРА командиры Красной Армии из Советской России. Пользуясь правами советских работников, они занимают ответственные должности, хотя в большинстве случаев по уровню военных и технических знаний не отвечают своему назначению.

Третья группа — бывшие офицеры каппелевских и семеновских частей — «спецы». В армию они пошли ввиду безвыходного материального положения. Идеи НРА им чужды; многие из них с ненавистью относятся к насаждающимся новым порядкам в Дальневосточной республике. «Спецы» являются богатым материалом для бело-японского шпионажа.

В конце доклада Блюхер заключает: «...Должен констатировать безотрадную картину состояния армии. Необходимы срочные меры улучшения снабжения всем необходимым, чтобы армия не развалилась и могла бы оказаться боеспособной, тем более что тучи реакции на Дальнем Востоке сгущаются и, возможно, армии придется грудью встретить врага для защиты интересов трудящихся не только ДВР, но и Советской России... Верю, что Советская Россия придет на помощь в деле улучшения состояния армии во всех отношениях и даст то, в чем она терпит недостаток, и этим самым предотвратит надвигающуюся катастрофу».

Уже в первые месяцы пребывания на посту председателя Военного совета, главкома вооруженными силами и военного, министра ДВР Блюхер проявляет себя не только как грамотный, целеустремленный военачальник, но и как крепкий хозяйственник, зрелый политик.

Блюхер остро ставит перед правительством ДВР вопрос о кардинальной реорганизации армии со значительным сокращением ее численности. Он добивается от Москвы перечисления на нужды вооруженных сил полутора миллионов рублей золотом.

Предложенная Блюхером схема «оздоровления» вооруженных сил республики начала работать. Активно проводились демобилизация старших возрастов и призыв молодежи. Боевые части сокращались на треть, а штабы, различные тыловые учреждения в два, нередко и в три раза. К ноябрю в НРА под ружьем осталось 38 тысяч человек. Но это уже была совсем другая армия, в которой «дух партизанщины» постепенно уходил в прошлое; она обретала черты регулярного войска.

«В ходе реорганизации, — указывал в одном из своих приказов Блюхер, — надо сделать армию однородной по возрасту и по физической выносливости. Сокращая НРА, мы еще преследуем цель усилить ее обеспечение продовольствием, вещевым имуществом, вооружением. Лучше иметь меньше полков и дивизий, но зато укомплектованных до

полного штата, снабженных всем необходимым, чем множество малочисленных и, значит, малобоеспособных частей... Надо также поставить во главу угла политическое воспитание и обучение личного состава военному мастерству. Только хорошо обученные и идейно воспитанные бойцы могут составить крепкие, надежные боевые ряды, способные на выполнение ответственных задач».

В этот период, наряду с организационными мероприятиями по укреплению вооруженных сил республики, Блюхеру нужно было решать и другие, не менее, а, скорее, более сложные, ответственные задачи на дипломатическом и боевом фронтах.

В конце лета перед Блюхером на одно из первых мест встала борьба с Унгерном.

Роман Федорович Унгерн-Штернберг, потомок рыцарей времен Крестовых походов, родился в 1885 году в австрийском городе Граце. Затем вместе с родителями переехал в Россию. Роман закончил в Санкт-Петербурге Морской кадетский корпус. Участвовал в войне с Японией. В 1908 году стал офицером Забайкальского казачьего войска и снова отправился на Дальний Восток. Там он зарекомендовал себя выносливым воином и лихим наездником. А еще, по словам людей, знавших Унгерна лично, прослыл человеком настойчивым и жестоким.

В Первую мировую войну есаул Унгерн получил за храбрость пять орденов, в том числе офицерский Георгиевский крест. В 1917-м он принял участие к корниловском мятеже. После его подавления отправился в Маньчжурию, примкнув к своему фронтовому другу есаулу Григорию Семенову, ставшему правителем восточных окраин России.

В сентябре 1918-го, после того как белые взяли столицу Забайкалья Читу, Унгерн на два года осел в Даурии. Здесь он сформировал знаменитую конную Азиатскую дивизию из казаков, бурят, монголов, корейцев и других народов Востока. Произведенный Семеновым в генерал-майоры, барон установил в Даурии суровый режим личной власти.

С поражением каппелевских и семеновских войск в Забайкалье и их уходом на монгольскую территорию дивизия Унгерна была с помощью Японии переформирована, оснащена в полном объеме оружием, боеприпасами, различным снаряжением. Она представляла собой хорошо организованную, мощную боевую силу в 12 тысяч штыков и сабель. Барон повел ее в глубь Внешней Монголии, в направлении столицы — Урги. 4 февраля 1921 года Унгерн выбил из Урги китайские войска и занял ее. Укрепившись там, собрал разбросанные по монгольской территории белогвардейские отряды и, увеличив дивизию до 14 тысяч, с середины весны начал осуществлять периодические вторжения в пределы Дальневосточной республики.

Японцы, воспользовавшись этим, приступили к подготовке наступления на Хабаровск: обустраивали так называемую «нейтральную зону», откуда планировалось нанесение удара по красным; переправляли из Маньчжурии по КВЖД в Приморскую область каппелевские корпуса (сам генерал Каппель умер к этому времени). Они считали, что боевые акции Унгерна должны отвлечь военные силы ДВР в Забайкалье и тем облегчить прорыв белогвардейцев на север Приморья и захват Хабаровска.

В последнее время Азиатская дивизия Унгерна заметно активизировала налеты на ДВР, неся погромы и смерть в мирные приграничные города, деревни и поселки. За эти «успехи» Семенов повышает барона в звании, присваивает ему звание генерал-лейтенанта.

Разрозненные, слабо обученные отряды Народно-революционной армии молодой Дальневосточной республики вначале не могли давать достойный отпор Унгерну. Однако, по мере того, как усилиями нового военного министра ДВР эти отряды превращались в организованную боеспособную силу, действия барона становились все менее успешными.

В одно из нападений Унгерну удалось вклиниться довольно далеко в глубь территории Забайкалья и подойти

вплотную к реке Чикой. Его части заняли несколько населенных пунктов в 10—20 километрах от Троицко-Савска, также проникли в районы Ван-Курена и Селенгинска, угрожали Верхнеудинску. Блюхер немедленно принимает ответные меры. Он сносится с командованием 5-й армии, дислоцированной в Иркутской области, и договаривается о скоординированных шагах против Унгерна.

В этой напряженной обстановке Блюхер по телеграфу непосредственно руководит действиями начальников гарнизонов, командиров частей. Вот фрагмент его разговора по прямому проводу с начальником гарнизона Верхнеудинска Головачевым 2 августа 1921 года:

«— У аппарата начальник гарнизона Верхнеудинска Головачев.

— У аппарата Блюхер. Здравствуйте, товарищ Головачев! Сообщите последние сведения о противнике.

Головачев: Противник занимает Селенгинскую Думу, Гусино-Озерский дацан, Верхне-Убукун. Селенгинск еще не занят. Численность противника от 4000 до 5000 сабель. Командующим группой войск 5-й армии приняты меры к недопущению переправы унгернского отряда, 800 штыков и 270 сабель, на правый берег реки Селенги.

Блюхер: Мне передали, что из Верхнеудинска Правительство ДВР и отдельные министерства забрасываются телеграммами, чрезвычайно нервными по содержанию, если не сказать больше.

Головачев: Нервность телеграмм вызвана серьезным положением, которое для Верхнеудинска действительно таково...

Блюхер: Прошу передать ответственным работникам, что за посылку таких телеграмм буду требовать суда... Вам даны необходимые распоряжения для приведения запасного полка в порядок, а начальнику Всевобуча об организации территориальных частей и коммунистических отрядов, а равно и отрядов из революционно настроенного населения для борьбы с Унгерном. Завтра выясню, какие распоряжения были отданы начальником Всевобуча... Вследствие

недостаточной энергии, проявляемой начальником Всевобуча, приказываю вам совместно с обкомом партии приступить к формированию территориального полка. Нужное количество винтовок и боеприпасов срочно затребуйте от начальника снабжения НРА, которому прикажу незамедлительно их выслать. Средства связи в возможном количестве по выяснении наших запасов вам будут высланы, за исключением мотоциклетов, которых у нас нет. Аэропланов послать вам не могу за отсутствием исправных аппаратов... В случае движения противника на Верхнеудинск вам будет переброшен бронепоезд. Принимайте меры, как начгар, к проведению необходимых мер по обороне города. Формируйте территориальный полк и отряды, как я указывал уже выше, требуйте оказания содействия партийных организаций и используйте для этого все силы и средства города. Для обозов и прибывающей артиллерии завтра же мобилизуйте лошадей в гражданских учреждениях, а в случае необходимости, у граждан города. О ходе событий на фронте и принимаемых мерах доносите мне.

Из моего разговора с командующим 5-й армией выяснилось: части Унгерна перешли с юга в решительное наступление по правому и левому берегу Селенги. Не исключен захват Унгерном Верхнеудинска. Вы должны готовиться... Все ли вам понятно?

Головачев: Все понятно, товарищ главком, и меры, диктуемые вами, будут приняты».

Совместными усилиями НРА и Красной Армии Советской России наступавшие части Унгерна были изрядно побиты, они вынуждены были отступить в Монголию. По просьбе временного монгольского правительства войска ДВР пересекли монгольскую границу и помогли монгольской Народно-революционной армии освободить Ургу.

Унгерн уже не мог противостоять хорошо обученным и достаточно вооруженным войскам ДВР. С остатками своих войск он отошел на север в безводные степные районы. НРА плотно блокировала участки, где располагались потре-

панные полки Унгерна, и после решающего сражения у Гуси¬ноозерского дацана (крупнейшего ламаистского монастыря в Бурятии) барон понял, что попал в смертельное кольцо.

Бывшая гроза юга Забайкалья — Азиатская дивизия — металась в агонии, ища спасительный выход. «Нас обложили, как волков. Мы уже не думали о сопротивлении, все мысли лишь о том, как выскользнуть из расставленных нам капканов», — рассказывал потом один из плененных сподвижников Унгерна.

В начале августа барон с горсткой всадников вырвался из кольца и растворился в северомонгольских степях. Однако в ночь на 22 августа «верные» подчиненные генерала-кумира предательски арестовали его и выдали командованию одной их частей Народно-революционной армии.

15 сентября 1921 года в Новониколаевске, ныне Новосибирск, белый генерал-лейтенант Р.Ф. Унгерн-Штернберг был расстрелян по приговору чрезвычайного трибунала.

В августе 1921 года в Китае, в городе Дайрене (в поздние годы — Дальний), открылась русско-японская конференция (закрылась в апреле 1922 г.), где шли переговоры между Дальневосточной республикой и Японией об эвакуации японских войск с Северного Сахалина, из Приморья и Николаевска-на-Амуре. Делегацию ДВР возглавлял заместитель председателя Совета министров Ф.Н. Петров.

Японскую сторону представлял опытный работник министерства иностранных дел Мацушима. Хитрый дипломат вел переговоры вязко, всячески затягивая их. Мацушима пытался обходить обсуждение главного вопроса — об эвакуации японских войск с территории ДВР. Он мотивировал это тем, что слабо компетентен в военных делах и ждет приезда профессионалов. Да и в русской делегации нет военных специалистов.

Федор Николаевич Петров обратился к главе ДВР Крас¬нощекову с просьбой дополнить делегацию военными представителями. И вскоре в Дайрен прибыл главком Блюхер с группой советников. Несколько позднее приехали и японские генералы во главе с Танакой.

Генералы повели себя совсем не так, как дипломат Мацушима. Они сразу же заявили о «кровных интересах японской нации на Дальнем Востоке», о «законных притязаниях Японии на территории Приамурья, Приморья и часть острова Сахалин». Все предложения Блюхера и его советников генералы безапелляционно отклоняли и диктовали свои, явно неприемлемые условия.

Как позже рассказывал Блюхер, представители Японии предъявили Дальневосточной республике так называемые 17 требований, основные из которых сводились к следующему:

1. Сделать Владивосток вольным городом, поставив его под иностранный контроль.

2. Пересмотреть рыболовную конвенцию, расширив права японских рыбопромышленников.

3. Не вводить на территории ДВР коммунистического режима и сохранить принцип частной собственности не только для японских, но и для русских граждан (понимай — белогвардейцев).

4. Отменить на территории ДВР ограничения японским подданным в горной и лесной промышленности, торговле, земледелии, предоставив японцам право собственности на землю.

5. Предоставить свободное каботажное плавание и плавание по внутренним рекам ДВР судам под японским флагом.

6. Срыть и взорвать все наши укрепления по морскому побережью Владивостока и по границе с Кореей, в будущем же никогда их не восстанавливать.

7. Признать свободное официальное пребывание и путешествие японских миссий и отдельных японских чинов по всей территории ДВР.

8. Никогда не держать военного флота в водах Тихого океана и уничтожить существующий.

9. Передать японскому правительству северную часть острова Сахалин на 80 лет.

Взамен же этого японское правительство эвакуирует свои войска из Приморской области по собственному ус-

мотрению и в срок, который оно найдет нужным и удобным для себя.

Эти наглые требования делегация Дальневосточной республики, естественно, отвергла. В ответ японцы заявляли, что они найдут другое русское правительство, которое подпишет этот договор (имея в виду, конечно, владивостокское белогвардейское)...

5 декабря Блюхер получил шифрованную телеграмму от своего зама Трифонова, в которой сообщалось, что так называемая белоповстанческая армия генерала Молчанова перешла в наступление на станцию Уссури и, смяв немногочисленные части народоармейцев, заняла ее. Противник повел широкое наступление на всем фронте, отбросив наши части на линию Муравьеве—Амурский—Рождественка. Белые рвутся к Хабаровску. Участие в боях японцев не отмечается.

Блюхер сразу же оценил всю глубину опасности наступления Молчанова. Если белогвардейские части так легко и быстро продвигаются к Хабаровску, значит, на их пути нет достаточных сил Народно-революционной армии. Поэтому он остро поставил перед Петровым вопрос о своем отъезде с конференции. «Мне нужно на фронт. Необходимо остановить Молчанова. Чем быстрее мы разобьем белогвардейцев, тем быстрее японцы примут наши предложения о выводе своих войск», — убеждал он Федора Николаевича Петрова...

Во второй половине декабря Блюхер убыл из Китая в Читу. Убыл вместе с женой.

Каким образом Галина Покровская оказалась с Василием Блюхером в Дайрене? Дело в том, что по предложению Блюхера она была официально включена в состав дополнительной делегации. При формировании в середине сентября группы военного министра ДВР на переговоры между Дальневосточной республикой и Японией потребовалась машинистка; ею стала Галина.

О пребывании ее с мужем в Дайрене во время работы русско-японской конференции она, арестованная в октябре 1938 года, на допросе даст показания. Галина расскажет, что в группе Блюхера находились в качестве военных советников лично доверенные ему люди, в частности, его старый и верный соратник по боевым делам на Урале, в Сибири и Крыму Русяев Виктор Сергеевич и новый сподвижник, бывший барон, Розен Георгий Николаевич. До работы в аппарате военного министра ДВР этот Розен проживал с семьей в японской столице, затем уехал в Читу, оставив жену в Японии. И дальше — чудовищное: «В Дайрене Блюхер занимался шпионской деятельностью в пользу Японии. Активную помощь в этом ему оказывали Русяев и Розен. Помогала и я; муж дважды поручал мне передавать пакеты представителям японской разведки».

Волочаевские дни

Когда Василий Блюхер приехал из Китая в Читу, ужаснулся — насколько катастрофическим было положение на фронте.

Генерал Молчанов «сработал» расчетливо, умело и в то же время решительно. Его белоповстанческие войска были хорошо организованы и вооружены. Они атаковали позиции частей НРА с выгодного плацдарма, из «нейтральной зоны», охранявшейся японскими дивизиями. Белогвардейцы двумя колоннами ринулись вдоль железной дороги и в обход ее на север от Спасска по реке Уссури. Малочисленные части Народно-революционной армии пытались оказать им сопротивление под Иманом, Бикином и Казакевичевом, но быстро были сломлены. После ожесточенных боев в районе Новотроицкого они, неся большие потери, отошли к Хабаровску.

Блюхер анализировал. Успеху наступления белогвардейцев способствовали многие факторы. Во-первых, генерал

Молчанов выбрал удачный момент, когда шла реорганизация партизанских отрядов в регулярные части Народно-революционной армии. Из отрядов, переформировываемых в регулярные войска, увольнялись старшие возраста, составлявшие основную массу бойцов, а новые еще не призвались. Поэтому полки по своему составу были малочисленны. Во-вторых, дальневосточная Народно-революционная армия переживала огромные затруднения в продовольствии и вооружении.

Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР категорически потребовали от Блюхера любой ценой задержать дальнейшее продвижение противника, а затем и разгромить его.

Блюхер начал действовать. Для оперативного руководства борьбой с белоповстанческой армией генерала Молчанова был создан штаб и военный совет Восточного фронта во главе с командующим СМ. Серышевым и членами военного совета П.П. Постышевым и Б.Н. Мельниковым. На фронт спешно перебрасывались из Забайкалья 1-я отдельная Читинская стрелковая трехполковая бригада и Троицко-Савский кавполк. Все имевшиеся в республике запасы теплого обмундирования, продовольствия, боеприпасов были направлены в сражающиеся с белогвардейцами части.

Положение на фронте не улучшалось. Полки Народно-революционной армии беспорядочно отступали. Серышев отдал приказ оставить Хабаровск, и в ночь на 22 декабря весь правый берег Амура был уже в руках белых.

Легкие победы поднимали воинственный дух войск генерала Молчанова, белоповстанческие полки в стремительном темпе двигались на запад. Они захватили Волочаевку, на очереди была железнодорожная станция Ин.

Василий Блюхер был недоволен действиями штаба Восточного фронта, да и лично командующего. Когда он ознакомился с содержанием приказа Серышева об отступлении частей НРА и карательных мерах против народоармейцев, то понял, что командование фронта излишне нервничает.

В результате оно не смогло глубоко осмыслить причины неудач на фронте и свело их в основном к преступной беспечности и халатности многих командиров и комиссаров и трусости рядовых бойцов.

Приказ Серышева был вреден для войск фронта, его нужно аннулировать. Но как? Отменить решением главкома, значит подорвать авторитет комфронта. И Блюхер убеждает Степана Серышева сделать это ему самому.

Сложившаяся накануне нового, 1922 года обстановка удручала. Давили лютые морозы. Собравшиеся в небольшом поселке Ин части Народно-революционной армии — плохо одетые, голодные — пытались привести себя после панического отступления в порядок, подготовиться к отпору врагу.

Был получен приказ: любыми средствами остановить фронт под Ином. К Ину подходили эшелоны с частями группы Н.Д. Томина, подразделениями, сформированными из коммунистов Забайкалья и Приамурья, курсантов Центральных читинских курсов. Шли вагоны с собранной населением теплой одеждой — полушубками, валенками, шапками, рукавицами и продовольствием.

Блюхер работал дни и ночи. Он бился над задачей: как задержать продвижение противника, а затем разгромить его.

В ночь на 28 декабря белоповстанческие части Поволжской бригады под командованием генерала Сахарова неожиданно начали наступление на станцию Ин с целью окружить и уничтожить гарнизон красных. Камский стрелковый полк обошел с севера правый фланг народоармейцев. Уфимский кавалерийский совершил стремительный рейд с юга. Основные силы бригады — Уфимский и Волжский пехотные полки ударили в лоб по станции, вдоль линии железной дороги. Первым в жестокий бой с белогвардейцами вступил резервный полк, и новобранцы не выдержали бешеного натиска противника, дрогнули, стали отходить. Но командир и комиссар полка все же сумели развернуть бой-

цов и бросить их в контратаку. На помощь пехотинцам подошел Отдельный пластунский отряд Ф.М. Петрова-Тетерина. Пластуны подняли в ружье команду бронепоезда № 8 под командованием Ивана Дробышевского. Губительный огонь пушек и пулеметов бронепоезда решил исход боя.

В бою за Ин потерпели поражения и Камский стрелковый, и Уфимский кавалерийский полки. Стрелковый полк был взят подразделениями народоармейцев в кольцо и едва не уничтожен полностью; его командир полковник Сотников был убит. Понесли большие потери всадников и лошадей уфимские кавалеристы. Урон Поволжской бригады составил в целом около 300 убитых и раненых, 50 белогвардейцев попали в плен.

Наступление Сахарова захлебнулось.

Этот Инский бой имел большое значение для народоармейцев. Была одержана первая победа над молчановскими войсками, весть о которой тут же разнеслась по всему Восточному фронту. У бойцов и командиров укрепилась вера в свои силы.

Блюхер радовался: наконец-то пришел успех. В телеграмме командующему фронтом Серышеву он просил «передать всему личному составу, принимавшему участие в Инском бою, глубокую благодарность Военного Совета и Правительства ДВР, выделить отличившихся и представить их к награде».

Белые отступили к станции Ольгохта и спешно стали укреплять свои позиции в районе Волочаевки. Инская группа попыталась на плечах белоповстанческих войск занять Ольгохту, но из этого ничего не вышло.

Окрыленные успехом под Ином, штаб и командующий фронтом Серышев намечали в первой декаде января 1922 года осуществить масштабное наступление в районе Волочаевки с перспективой освободить Хабаровск. Блюхер был против этой идеи. Он считал, что до полного сосредоточения на фронте всей Забайкальской группы и прове-

дения тщательной подготовки наступление начинать нельзя; иначе оно будет безуспешным. Главком предложил свой план операции в районе Волочаевки.

О несогласии с «сырой» идеей командования Восточного фронта и предложении Блюхером своего плана по разгрому белогвардейской армии в районе Волочаевки свидетельствует его разговор по прямому проводу с Серышевым 10 января:

«— У аппарата Серышев.

Блюхер: Здравствуйте, Степан Михайлович!.. Решил вас вызвать к аппарату, с тем, чтобы выяснить задачу ваших войск на ближайшие дни. Прошу сообщить, прежде чем перейти к этим разговорам, обстановку на фронте и ваши предположения.

Серышев: Здравствуйте, товарищ Главком! Вчера в разговоре с вами я уже напоминал о накапливании в Ольгохте, Волочаевке частей 2-го каппелевского корпуса... Всю ночь противник проявлял большую активность и продвижение своих разведпартий к ст. Ин, зажег мост между 2-й и 3-й казармами западнее Ольгохты. Я решил, что дальше мы задыхаться на проклятом участке ст. Ин — Ольгохта не можем, ввиду неимения на этом участке возможности вести какую-нибудь сторожевую службу. Получив от начальника Инской группы удовлетворительные сведения о состоянии наших войск, выявивших большой подъем идти вперед, я дал приказ ликвидировать группу противника на Ольгохте, развивая успех до Волочаевки включительно, ибо считаю нужным надломить 2-й корпус каппелевских войск, чтобы иметь возможность выиграть пространство и время для развертывания благоприятных условий подходящим подкреплениям. Мое мнение: эта операция достигнет успеха. Мосты все исправлены, выезжал на боеучасток с товарищем Томиным. Мой план — захватывать с собой части, по № 31/оп[1], только изменяю путь следования Троицко-Савского кавалерий-

---

[1] № 31/оп — оперативный план Военного совета Восточного фронта по разгрому противника в районе Волочаевки.

ского полка и место его сосредоточения. Полк должен был идти — ст. Ин, Луговская, Забелевский, теперь — Ольгохта, Волочаевка, Самарка, Орловка. Его задача — уничтожить перед собой противника и облегчить нашим пехотным частям овладение Волочаевкой...

Блюхер: Товарищ Серышев, вчера, прося оставить Троицко-Савский полк на ст. Ин, вы мотивировали это тем, что не имеется полной уверенности в удержании ст. Ин в случае перехода противника в наступление... Сегодня вы от вчерашней неуверенности перешли к убеждению, что сможете не только отбросить наступающего противника, но и занять ст. Волочаевку. Свое решение перейти в наступление вы мотивируете тем, что задыхаетесь на проклятом участке ст. Ин — Ольгохта и что не можете на этом участке вести какую-нибудь сторожевую службу. Эти противоречия мне непонятны. Поэтому я вынужден потребовать от вас выполнения следующего плана: перешедшего в наступление противника разбить и отбросить к Волочаевке, не переходя своими частями в решительное наступление до полного сосредоточения кавалерийского дивизиона Читинской бригады в районе ст. Ин. Этот дивизион сменить на ст. Тихонькая сводным отрядом, сформировать который вам надлежит из частей тыла в районе ст. Вира. Второй этап операции должен состоять в следующем: 5-й, 6-й и Особый Амурский полки составляют сводную стрелковую бригаду, которая переходит в наступление по линии железной дороги на Волочаевку. 4-й кавалерийский полк, Троицко-Савский полк, кавалерийский дивизион Читинской бригады составляют сводную кавалерийскую бригаду, обеспечивая успех наступления сводной стрелковой бригады, наносят удар по непосредственному тылу волочаевской группы противника. Отряд Шевчука с этой же целью с севера наступает на Дежневку. Второй этап имеет задачей овладение районом Волочаевки. На выполнение этой задачи мною своевременно будет отдан вам приказ. Без приказа и моего распоряжения наступать не разрешаю. И, наконец, третий этап — овладение Хабаровском

и уничтожение противника в районе его — должен начаться только после занятия Волочаевки и проводиться следующим образом: Особый Амурский пехотный полк, 6-й пехотный полк и вся сводная кавалерийская бригада, объединенная командованием Томина, составляют ударную группу и направляются через Новгородское — Ново-Троицкое, захватывая Казакевичево, на ст. Корфовская, разъезд Красная Речка с задачей отрезать пути отступления противника на юг и уничтожить его живую силу. Отряд Шевчука и 5-й пехотный полк составляют группу, задача которой — наступление на Хабаровск по железной дороге. Вот идея занятия Хабаровска и уничтожения в его районе живой силы противника. Она для успешного завершения требует не поспешного и случайного решения, а строгой предусмотрительности и соответствующей подготовки.

Теперь же, т. е. в ближайшие дни, к ней следует подготовляться... Не подготовившись, к решительному наступлению не переходить. Ваш план «31/оп» значительно в деталях расходится с намеченным мной планом, поэтому должен быть отменен, так как намеченная в нем разбросанность частей и отсутствие концентрированного удара по противнику может вызвать неуспех...»

28 января для непосредственного руководства боевыми операциями на станцию Ин прибыл Блюхер вместе с полевым штабом. Впоследствии он вспоминал, что по приезду в Ин сразу же дал задание в 6 часов выстроить войска для осмотра. Комиссар фронта П.П. Постышев возразил ему: «Зачем парад, когда надо воевать? Зря поморозим людей». Блюхер ответил: парад нужен для того, чтобы люди видели, что войск много, чтобы бойцы поняли, что наступило время дисциплины и порядка, без которых ничего нельзя сделать. Во имя этого можно померзнуть на параде. «Проехались по фронту, устроили митинг, и впервые армия прошла церемониальным маршем, — вспоминает Блюхер. — Я сказал Постышеву: «Теперь будем наступать на Волочаевку. Почувствовали регулярную армию?..»

Блюхер с головой ушел в подготовку операции. Фактическое командование фронтов в это время перешло в его руки. Серышев, формально числясь командующим, на практике стал помощником главкома.

Командир Сводной стрелковой бригады, участвовавшей в боях за Волочаевский узел, Я.З. Покус, говорил о Блюхере, что тот поражал его своим трудолюбием и трудоспособностью. Почти ежедневно заканчивал работу в четыре часа утра. Вел беспрерывно переговоры, давал приказания, составлял планы, вникал в самые, казалось бы, мелкие дела. Когда кончался его трудовой день, он любил в кругу друзей за чашкой чая вспоминать эпизоды перекопских боев, уральского похода, задавался планами, делился своими думами. Невзирая на жестокие морозы, главком торопился с завершением подготовки к наступлению. К выполнению этой задачи он подходил не только как военный специалист, но и как государственный деятель — затягивание операции грозило серьезными осложнениями как международного, так и внутреннего порядка.

Датой начала наступления намечалось 10 февраля. Штаб готовил, по плану Блюхера, выдвижение двух групп. Одна группа — Инская (Сводная стрелковая бригада Покуса и партизанские отряды) — наносила удар по Волочаевке по правому флангу и в случае успеха должна была преследовать противника до Хабаровска. Другая — Забайкальская (ею руководил Томин) в составе 1-го и 2-го Читинских пехотных полков, Троицко-Савского кавдивизиона, легкого артиллерийского дивизиона и 1-й Отдельной читинской бригады — действовала по левому флангу в направлении на Верхне-Спасскую и Нижне-Спасскую и в последующем на поселок Казакевичево.

Надо сказать, подготовку наступления осложняло отсутствие у командования НРА точных данных о противнике; разведка, как ни старалась, добыть их не сумела. Было лишь известно, что главные силы белоповстанческой армии расположены в районе Волочаевки, Дежневой, Даниловки.

Что касается белых, то они определенно знали количественный и качественный состав красных войск, места их сосредоточения и намерение в ближайшее время перейти в наступление. Поэтому всеми силами укрепляли оборону и, прежде всего, Волочаевку, стремясь превратить ее в настоящую крепость.

Генерал Молчанов рассчитывал прочно закрепиться в Волочаевке. Она становилась главным стратегическим узлом как для Народно-революционной армии, так и для белоповстанческой. Для НРА она была ключом к Приморью, для белогвардейцев — к Забайкалью и Восточной Сибири.

Волочаевский узел имел выгодную для оборонительных позиций местность. Линия фронта здесь тянулась с севера на юг и пролегала через ряд сопок с господствующей возвышенностью Июнь-Карань, деревню Волочаевку и далее вплоть до реки Амур, заканчиваясь в деревне Нижне-Спасской. Общая протяженность фронта — около 20 километров.

Противник стянул сюда свои лучшие части. Оборонительный рубеж состоял из железной изгороди с восемью рядами колючей проволоки. Брустверы из мешков с землей были засыпаны снегом и политы водой; на морозе они сделались скользкими ледяными горками. Пулеметные и артиллерийские площадки располагались на выгодных позициях, подходы к ним были тщательно пристреляны.

Молчанов считал сооруженный рубеж непреодолимым для армии Блюхера. Он говорил: красные расшибут здесь свой лоб; для того, чтобы взять Волочаевку, им надо иметь не менее десяти тысяч бойцов, а у НРА столько войск не имеется.

У Народно-революционной армии действительно столько бойцов не имелось. В 1936 году заместитель командующего войсками ОКДВА комкор М.В. Сангурский опубликовал в «Тихоокеанской звезде» статью к пятнадцатилетию боев под Волочаевкой (он участвовал в этих боях), где указывал, что правительство ДВР из-за отсутствия средств было вы-

нуждено в очень неподходящий момент пойти на сокращение Народно-революционной армии. Это сокращение непосредственно отразилось на боевом составе войск Восточного фронта. К 10 февраля 1922 года против войск Молчанова сосредоточилось 6200 штыков, 1400 сабель. Кроме того, народоармейцы несравнимо уступали противнику в боевой выучке. И по технической оснащенности НРА была крайне слаба.

Соотношение сил народоармейцев и укрепившихся в Волочаевке белогвардейцев было не в пользу НРА. А, как известно, по теории военного искусства части, ведущие наступление, должны обязательно значительно превосходить обороняющегося противника как численно, так и по своей технической оснащенности. Такого превосходства тут и в помине не было.

9 февраля Блюхер отдал приказ Покусу и Томину быть готовыми в ночь на 10-е начать наступление.

Накануне он направил с парламентером П. Подеревянским письмо командующему белоповстанческими войсками генералу Молчанову, в котором писал: «Какое же солнце предпочитаете вы видеть на Дальнем Востоке? То, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после дней очищающей революционной грозы? Какая участь вам более нравится — участь Колчака, Врангеля или Унгерна или жребий честного гражданина своей революционной Родины?.. Я — солдат революции и хочу говорить с вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек... Именем русского революционного народа в последний раз гарантирую вашим солдатам, офицерам и вам сохранение жизни в случае, если вы добровольно прекратите сопротивление и сложите оружие...».

Генерал Молчанов на обращение Блюхера не ответил...

В ночь на 10 февраля войска НРА начали развертываться, а утром — жестокие, полные драматизма и героизма бои.

По воспоминаниям Покуса, Инская группа начала сражение с восходом солнца при трескучем морозе. 5-й пехотный и 4-й кавалерийский полки сравнительно благополучно обошли Волочаевку с севера и достигли проволочных заграждений. Батальон Особого амурского полка атаковал в центре. Одновременно 6-й пехотный полк вышел на противника с юга.

Бой, завязавшийся по всему фронту, стал затягиваться. Артиллерия сильно отстала от пехоты и заняла неудачную диспозицию, наблюдательных пунктов не было. Бойцы изматывались в глубоком снегу. Приданный группе 4-й кавалерийский полк действовать в конном строю не мог. Спешившись, конники прикрывали левый фланг 5-го полка.

Белые оборонялись стойко, умело используя преимущества своей укрепленной позиции. Когда народоармейцы стали преодолевать проволочные заграждения, они обрушили на них ливень ружейного и пулеметного огня. Огонь велся организованно, прицельно, на заранее пристрелянной дистанции. Бойцы десятками падали в снег, скошенные пулями, не успев даже подойти к проволоке.

К 17 часам все атаки частей Инской группы белые отбили. Потери были большие: 428 человек убитыми, ранеными и замерзшими.

В ночь подразделения народоармейцев, участвовавшие в дневном бою, отошли от линии проволочных заграждений на 600—500 метров. Мороз достигал 42 градусов по Цельсию — начались обморожения.

Противник отводил в течение ночи свои войска греться в деревню, у народоармейцев такой возможности не было. Пользовались примитивными укрытиями. В одно из отапливаемых помещений размером не более в 25 квадратных метров свезли до 400 человек раненых и обмороженных. Здесь же проводили ночь главком Блюхер, комиссар Постышев и комфронтом Серышев...

А Забайкальская группа войск Томина, выдвинувшаяся с Ольгохты, заняла поселок Забеловский, выбила против-

ника с разъезда Поперечная. В течение дня она вела упорные бои за овладение селениями Верхне-Спасское и Нижне-Спасское; к вечеру они были взяты.

Инская группа 11 февраля наступление не возобновила. Вели себя пассивно и белые. Блюхер приказал привести в порядок потрепанные части, пополнить их свежими силами, починить железнодорожные мосты, чтобы можно было пустить в дело бронепоезда.

Временное затишье активно использовалось для сбора сведений о противнике. В деревне Архангельское были захвачены оперативные документы, из которых следовало, что командование белоповстанческой армии главный удар красных ожидает не в центре обороны, а на правом фланге фронта. Это подтверждала начавшаяся переброска туда некоторых частей.

К вечеру все мосты, лежащие на пути к Волочаевке, саперы НРА привели в исправность, и к исходным пунктам подтянулись бронепоезда № 8 и 9. Блюхер и штаб фронта принимают решение: с рассветом 12 февраля нанести основной удар по противнику в центре волочаевских позиций и одновременно дополнительный — с юга.

По рассказу одного из участников волочаевских боев В. Голионко, на рассвете 12 февраля по полкам пролетел приказ главкома: «Взять Волочаевку во что бы то ни стало!»

По орудийным сигналам поддерживающих наступление бронепоездов пехота, утопая по пояс в сугробах, двинулась на врага. Скаты господствующей высоты Июнь-Карань с сетью вырытых ям и канав, покрыты снегом; так что все эти рытвины для бойцов были незаметны. Преодолеть такие ловушки под силу не каждому. Когда народоармейцы достигли проволочных заграждений, противник открыл огонь из всех видов оружия. Но остановить их было уже нельзя. Они ломали рогатки, рубили колючую проволоку лопатами, топорами, рвали прикладами, руками...

Массированный огонь скосил первые цепи атакующих. На смену им накатывались новые; пехотинцы рвались вперед, падали, вставали, ползли на четвереньках. Ободряющий

клич командиров то затихал, то вновь раздавался, переходя в ревущее «ура» бойцов.

Наконец, красные артиллеристы меткими залпами подавили наиболее опасные огневые точки врага, пробили несколько брешей в заградительных проволочных рядах, куда тут же устремились атакующие. Белые дрогнули. Их бронепоезд, обстреливавший наступавших с фланга, начал отходить. Покидали окопы и стрелки переднего края обороны. Сопротивление белоповстанцев было сломлено. Командная высота Июнь-Карань пала.

Войска Молчанова оставили станцию и поселок Волочаевку, спешно проскочили Хабаровск, боясь быть отрезанными от спасительной для них «нейтральной зоны», контролируемой японцами. Обходная колонна Забайкальской группы Томина, преодолевая тяжелые условия местности и бездорожья, нанесла ощутимый удар по левому флангу белоповстанцев, и теперь угрожала закрыть им путь в Приморье. Молчановские части задержались у станций Розенгартовка и Бикин. Здесь они оказали народоармейцам упорное сопротивление.

Блюхер, чтобы избежать бессмысленных новых потерь, послал генералу Молчанову второе письмо[1], где снова призвал «сложить братоубийственное оружие и закончить последнюю вспышку гражданской войны». И вновь генерал не отреагировал на миролюбивые предложения Блюхера...

И тогда войска НРА всей своей мощью обрушились на закрепившихся под Розенгартовкой и Бикином молчановцев. Потерпев разгромное поражение, белоповстанческие части покатились дальше на юг, под защиту интервентов...

Это была победа. Нелегко она досталась, за нее заплачена дорогая цена. Но, может быть, иначе достичь ее было нельзя.

Блюхер, осознавая вину за непомерно большие потери, приказал собрать тела всех погибших и похоронить в брат-

---

[1] См.: Приложение.

ской могиле на вершине сопки Июнь-Карань. Над могилой поставить памятник, достойный их славы.

Доблесть, стойкость и отвага многих народоармейцев была отмечена высокими наградами. За особо проявленные мужество и героизм 6-й стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени и переименован впоследствии в 4-й ордена Красного Знамени Волочаевский полк. Орденом Красного Знамени был также награжден бронепоезд № 8.

Бои под Волочаевкой многие современники сравнивали с перекопскими боями и называли Волочаевку дальневосточным Перекопом. Как на юге России со взятием Перекопа был нанесен сокрушительный удар врангелевщине, так теперь на Дальнем Востоке под Волочаевкой нанесен окончательный удар белогвардейщине и интервенции.

Василий Блюхер так определил историческое значение этих боев: «Значение Волочаевки заключается в политическом понимании событий. Тогда решался вопрос о судьбе Дальнего Востока, окончательной ликвидации интервенции против нашей страны. Японцы при помощи марионеточного белогвардейского правительства (во Владивостоке) рассчитывали превратить Дальневосточный край в свою колонию. В целях укрепления его позиции, поднятия международного престижа они накануне Вашингтонской конференции бросили белогвардейскую армию в наступление. В случае успеха они заявили бы на конференции о том, что на Дальнем Востоке есть русское правительство, которое просит их остаться...

Разбив белогвардейскую армию и прогнав ее обратно под защиту японских штыков, мы перед всем миром показали, что на русском Дальнем Востоке нет иного правительства, кроме правительства Читы, то есть Дальневосточной республики. Этим самым мы вырвали у империалистов и белогвардейцев повод для того, чтобы просить японцев «сохранить порядок» на Дальнем Востоке.

Второе значение Волочаевки заключается в том, что в ходе подготовки к этому решающему бою мы по-настоящему поставили вопрос об организации кадровой армии. Волочаевка была рубиконом между недостаточно организованной партизанской борьбой за советский Дальний Восток и зарождением регулярной армии».

После боев под Волочаевкой и освобождения Хабаровска война на Дальнем Востоке не закончилась. Предстояло освободить Южное Приморье. Но эту задачу Блюхеру решать не пришлось, в июле 1922 года он был отозван Реввоенсоветом Республики в Москву. Вскоре вместо него в ДВР прибыл Уборевич.

Дальний Восток Блюхер покидал со щемящим сердцем. Прощаясь с бойцами и командирами НРА, он говорил: «С любовью и преклонением вспоминаю и буду вспоминать всегда боевые страницы истории нашей геройской армии, покрывшей в зимнем амурском походе 1921—1922 годов боевые знамена революции новою славой... Расставаясь с вами, родные красные орлы, я уношу в своем сердце горделивую радость достигнутых вами побед...»

В связи с отъездом Блюхера из ДВР газеты отводили целые страницы рассказам о нем. Правительство ДВР на специальном заседании устроило торжественное чествование Блюхера. За огромный вклад в создание регулярной Народно-революционной армии, за умелое руководство войсками при разгроме белоповстанцев Совет министров Дальневосточной республики зачислил В.К. Блюхера навсегда почетным бойцом Народно-революционной армии, с занесением в списки 1-й роты 4-го Волочаевского ордена Красного Знамени стрелкового полка.

Секретариат Дальбюро ЦК РКП(б) на своем также специальном заседании принял постановление № 47 от 11.07.1922 г. об отъезде В.К. Блюхера — Главкома и Военмина ДВР в Советскую Россию: «Ввиду отъезда т. Блюхера Секретариат Дальбюро считает необходимым констатировать,

что военная работа в ДВР т. Блюхера в продолжение года была основана на твердых принципах создания регулярной боеспособной дисциплинированной армии и направлена к планомерному изживанию партизанства в армии.

В тяжелых экономических условиях при сохранившемся в 1921 г. глубоком партизанском настроении в Народно-революционной армии т. Блюхеру вместе с Военсоветом НРА удалось достигнуть решительного перелома в настроении народноармейских масс и вести упорную борьбу с регулярными белогвардейскими войсками в Приморье, нанеся им крупные поражения.

Работу по организации Народно-революционной армии ДВР, которая прошла под руководством т. Блюхера, Секретариат Дальбюро считает первой правильной и планомерной работой, которая была проделана за время существования ДВР.

Это постановление внести на утверждение Дальбюро и сообщить в ЦК РКП и в копии Реввоенсовету РСФСР».

Уезжал Блюхер из ДВР с семьей, которая за год жизни здесь увеличилась вдвое.

Как мы знаем, дочь Блюхеров Зоя умерла по пути из Одессы в Читу. Смерть малютки не выходила из головы Галины. Она так хотела ребенка, и когда он появился — счастье продлилось всего десять месяцев... Летом в Забайкалье из голодающего Поволжья пришел состав с детьми-сиротами. Изможденных ребятишек распределяли по приютам, многие местные жители брали их в свои семьи. Василий предложил жене взять ребенка. Галина с сестрой Варварой поехали на вокзал. Вскоре они привезли в дом худенькую девочку. «Это Катя, — сказала Галина. Глаза ее впервые за долгое время улыбались. — Она круглая сирота. Будем растить ее, как родную дочку».

А весной 1922 года Галина родила сына. Радости не было границ. Мальчику дали имя Всеволод.

Командир 1-го стрелкового корпуса

Из Дальневосточной республики Блюхер был переведен в Петроград. Как ни просил он руководство Реввоенсовета Республики командировать его на учебу в Академию Генерального штаба или назначить на небольшую должность, с тем, чтобы иметь возможность учиться, просьбу его не удовлетворили. Красной Армии, объясняли ему, сейчас нужны опытные, преданные советской власти командиры. Он был назначен командиром-комиссаром 1-го стрелкового корпуса, который только начинал формироваться из дивизий, оказавшихся после Гражданской войны на территории Петроградского военного округа.

Об этом своем назначении Блюхер позже писал в служебной анкете:

«— Назначен комкором 1 стр. корпуса, приказ РВСР № 181 от 26/08 — 1922 г. и вступил в командование корпусом 30/09-1922 г. по август 1923 г.

— Назначен ВРИД начальника гарнизона гор. Петрограда с исполнением обязанностей командира 1-го стр. корпуса — 1923 г., 27 апреля.

— Убыл в гор. Москву в распоряжение нач. воен. морской инспекции т. Гусева для работ по заданиям инспекции — 1923 г., 6 сентября.

— Вступил в командование 1-м стрелковым корпусом по возвращении из командировки в гор. Москву. Назначен комендантом Ленинградского укрепрайона— 1924 г., февраль — апрель».

Части будущего стрелкового корпуса были расквартированы в Петрограде и его окрестностях. Между собой никак не контактировали и подчинялись напрямую штабу округа. Предстояла большая организаторская работа, которая с первых дней всецело поглотила Блюхера.

Вместе со своим заместителем — Я.Ф. Фабрициусом — он занялся сплочением частей, наведением в них воинско-

го порядка. На первом плане стояла задача всемерного повышения боевой готовности и боеспособности войск корпуса, строительства новых укреппозиций.

Кроме этого, Блюхер исполнял возложенные на него хлопотные обязанности начальника гарнизона Петрограда. Это было серьезная дополнительная ответственность, которую он нес на своих плечах.

Новая служба требовала не только больших физических и моральных сил, но и соответствующих новому времени знаний. Сказывалось то, что у Блюхера нет академической военной подготовки. Да и вообще за годы, которые прошли для него в напряженной боевой обстановке, он крепко отстал. У него, конечно, грамотешка не ахти какая: за плечами всего четыре класса церковно-приходской школы и годичные курсы в университете Шинявского. Но даже из того, что имел, подрастерял немало. Необходимо основательно заняться повышением общеобразовательного уровня. Здесь, в Петрограде, для этого имелись прекрасные возможности: библиотека Главного штаба, Публичная библиотека. Блюхер поставил цель: заниматься пополнением знаний по жесткому графику — по часу, по два часа в день. Составил специальное расписание занятий по русскому языку, математике, физике, географии, истории, философии и строго ему следовал. Одновременно постоянно штудировал вопросы военного дела.

Василий Константинович редко бывал дома с семьей; больше находился в дивизиях, полках, ротах.

Однажды, вспоминал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, в полку, которым командовал он в 1923 году, совершенно неожиданно появился комкор Блюхер. «Я очень много о нем слышал, но встретился с ним впервые. Встреча с В.К. Блюхером была большим событием для всех бойцов и командиров полка. К нам его пригласил посмотреть учебно-воспитательную работу комдив Г.Д. Гай...

Прежде всего, В.К. Блюхер тщательно ознакомился с организацией питания личного состава и остался доволен

приготовлением пищи. Уходя из кухни, он крепко пожал руки всем поварам. Надо было видеть их лица! Потом обошел все общежития и культурно-просветительные учреждения полка и в заключение осмотра спросил:

— Как у вас обстоит дело с боевой готовностью? Ведь вы стоите недалеко от границы.

Я ответил, что личный состав полка хорошо понимает свою задачу и всегда готов выполнить воинский долг перед Родиной.

— Ну что ж, это похвально. Дайте полку сигнал «тревоги».

Этого я, откровенно говоря, не ожидал, но не растерялся. Обращаясь к дежурному по полку, приказал:

— Подайте сигнал «боевой тревоги».

Через час полк был собран в районе расположения. В.К. Блюхер очень внимательно проверил вьюки всадников, их вооружение, снаряжение и общую боевую готовность. Особенно тщательно он осмотрел пулеметный эскадрон и сделал довольно суровое замечание одному пулеметному расчету, у которого не была, как положено по тревоге, залита вода в пулемет и не имелось никакого ее запаса.

— Вы знаете, к чему эта оплошность приводит на войне? — спросил В.К. Блюхер.

Бойцы молчали и порядком краснели...

После отбоя В.К. Блюхер обратился к полку:

— Спасибо вам, товарищи бойцы и командиры, за честный солдатский труд... Будьте всегда готовы выполнить боевой приказ нашей великой Родины!

В ответ раздалось «ура!». Было видно, что бойцов тронули и взволновали теплые слова В.К. Блюхера.

Я был очарован душевностью этого человека. Бесстрашный боец с врагами Советской республики, легендарный герой, В.К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного большевика, чудесного товарища и талантливого полководца...»

И все-таки Блюхер находил время, в основном в выходные и вечерние дни, чтобы вместе с женой гулять по городу, в котором он жил и работал более полутора десятка лет назад в годы своей юности. Они регулярно посещали с Галиной театры, кино, музеи. Дети оставались дома с домработницей Нюрой...

С бывшей домработницей Блюхеров Нюрой я по счастливой случайности встретился в 1988 году, будучи в Ленинграде в гостях у Зои Васильевны Блюхер. Узнал о ней не от дочери Василия Константиновича, а от знакомого журналиста. В Кронштадте, в местной газете «Рабочий Кронштадта» была опубликована одна историческая фотография семьи Блюхера и любопытная история о ней.

Итак, скорее — в Кронштадт. Через пару часов я был уже в редакции и держал в руках номер газеты с любопытным фотоснимком и небольшой заметкой под ним. Автор заметки корреспондент «Рабочего Кронштадта» Е. Пантелеева, рассказывала, как недавно появилась в редакции пожилая женщина, Анна Дмитриевна Городишина. Опираясь на палочку, она преодолела порог и не спеша стала развязывать перехваченный веревочкой бумажный сверток. В свертке оказалась слегка поблекшая фотография. Снимок был сделан в 1924 году, в фотосалоне П. Жукова на углу Невского проспекта и Морской улицы, о чем говорила фигурная виньетка владельца салона. Фотография пошла по рукам журналистов редакции. Вдруг кто-то произнес удивленно: «Да ведь это же Блюхер!»

— Блюхер, он самый, Василь Константиныч, — спокойно подтвердила гостья, как само собой разумеющееся.

— Откуда у вас эта фотография?

И Анна Дмитриевна поведала, что в двадцатые годы она была домработницей у Блюхеров, когда те жили в Петрограде. Это подтверждала и надпись на обратной стороне снимка: «Нюре — в память прожитых дней вместе. Г. Блюхер. 12/02-24 г. Петроград». Анна Дмитриевна с гордостью ска-

зала, что карточку ей подарила и подписала сама Галина, жена «Василя Константиныча».

Позже мы вместе с корреспондентом «Рабочего Кронштадта» побывали дома у Анны Дмитриевны. Жила она в центре Кронштадта в небольшой, скромно обставленной квартире. Несмотря на свой восьмидесятисемилетний возраст старушка была бодра. Усадила за стол, угостила чаем. За чаем разговорилась. Как попала она в семью Блюхера? В Гражданскую войну Анна осталась без родителей. И брата с сестрами раскидало по свету. В 1923 году она узнала от односельчан — в деревне (названия Анна Дмитриевна не помнила) под Петроградом брат объявился, и отправилась его разыскивать. Приехала туда, но брата там не нашла. В той деревне как раз гостила у своих родственников Галина Павловна Блюхер. Она и предложила девушке-сироте Анюте поехать с ней в город.

На расспросы мои, как жили Блюхеры в Петрограде, Анна Дмитриевна рассказывала: «Квартира у них, конечно, хорошая, просторная. Василий Константинович был важным военным начальником. Все время пропадал на службе. Поэтому я редко его видела в доме. Все больше с Галиной Павловной по хозяйству, на кухне да за детьми глядела. У Блюхеров ведь было сначала двое детей: сын Всеволод и приемная — Катя. Позже, при мне уже, родилась дочка Зоя.

Анна Дмитриевна призналась: «Мало уж что помню, придумывать не стану. Только одно скажу — семья была славная. Галя уважала своего мужа, заботилась о нем. А Василь Константиныч, помнится, много смеялся; больно веселый был человек да ватрушки любил очень. Как праздник какой подходил или гостей ждали, так мне Галина и говорит: «Ну, Нюра, пора ватрушки ставить».

Из рассказа Анны Дмитриевны Городишиной выходило, что у Василия Константиновича и Галины Павловны были безоблачные отношения. Однако это не совсем так. В петроградский период супружества между Блюхером и Галиной были довольно частые ссоры, которые в конечном итоге привели к разрыву их брака.

В 1988-м и в 2006-м годах я встречался с дочерью Блюхера Зоей Васильевной. Она рассказывала: «Отец относился к моей маме с большой нежностью. Вместе с тем, он был человек настроения. При плохом настроении к нему не подходи. Но мама этой особенностью его характера порой пренебрегала, в результате вспыхивали острые конфликты, которые день ото дня накапливали между ними неприязнь». И еще одно качество натуры отца выделила Зоя Васильевна — его пылкая влюбчивость в молодых красивых женщин. Все это, по мнению Зои Васильевны, и приводило к крупным размолвкам Василия с Галиной Покровской.

Просим Анну Дмитриевну подробнее рассказать о фотографии.

— Это ведь под праздник Красной Армии было. Решили они на карточку сняться все вместе. Поехали на Невский, нарядные такие!.. Вот на диване сидят сам Василь Константиныч и рядом Галя. На руках у них дети — Зоя и Всеволод. Катенька справа стоит. А это Павел, брат родной Василя Константиныча; он как раз приехал из Сибири к ним в гости.

— А девушка симпатичная, что слева?

— Это ж я!..— смеется Анна Дмитриевна.— Мне тут двадцать три года...

После отъезда Блюхера в Китай Анна вышла замуж за кронштадтского парня Петра Городишина. Поселились они с мужем и со свекровью в домике на окраине города. Анна устроилась работать в морской госпиталь...

Задаем Анне Дмитриевне неожиданный вопрос: не помнит она, как в 38-м году Блюхера объявили врагом народа?

— Помню. Сначала по радио услышала, а потом люди в госпитале шептались. Я плакала, не поверила: какие же Василь Константиныч и Галя враги народа, если самые что ни на есть наши советские люди! Но сама-то бояться стала. На всякий случай взяла да и спрятала эту фотографию. И как в воду глядела — обыск у меня был. Все в бумагах

рылись, вещи перетряхивали, да только плохо искали, ничего не нашли...

Почти всю жизнь проработала Анна Дмитриевна санитаркой в госпитале. Муж Петр погиб в Великую Отечественную. Она замуж больше не выходила. Все эти годы бережно хранила фотографию с Блюхерами, как дорогую реликвию...

Помимо службы и учебы значительное место в петроградской жизни Блюхера занимала общественная деятельность. Он был избран членом Петросовета и членом Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Участвуя в работе сессий ВЦИК, Блюхер знакомился с интересными людьми — партийными и государственными деятелями страны. С Орджоникидзе, Каменевым, Троцким, Гусевым, Енукидзе. Памятной для него была IV сессия ВЦИК девятого созыва, проходившая в Москве в конце октября 1922 года. Сессия приняла важные законоположения: кодекс законов о труде, кодекс законов о земле, гражданский кодекс, проект положения о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах, положение о всероссийской сельскохозяйственной выставке. Здесь Василий Блюхер впервые увидел Ленина.

После IV сессии ВЦИК Блюхер обратился к Сергею Сергеевичу Каменеву, бывшему в тот период главнокомандующим Вооруженными Силами Республики и членом РВС Республики, с просьбой предоставить ему возможность учиться на Высших военных академических курсах (ВВАК). РВСР удовлетворил его ходатайство, и он был зачислен на ВВАК на сентябрь 1923 года. Однако учеба на курсах откладывалась. РВС привлек его к работе в Высшей военно-морской инспекции. 6 сентября 1923 года он убыл в Москву в распоряжение начальника этой инспекции С.И. Гусева, где пробыл до февраля 1924 года.

К этому времени отношения Василия с женой Галиной разладились окончательно, и он ушел из семьи. В июле

1924 года состоялось официальное расторжение брака,[1] но Василий, как и прежде, продолжал материально обеспечивать жену и детей.

В августе произошло событие, которое круто изменило всю его жизнь. В Китае началась народно-освободительная война. Глава китайского Национально-революционного правительства доктор Сунь Ятсен обратился к советскому руководству за поддержкой и помощью. СССР тотчас откликнулся на просьбу Сунь Ятсена. В Китай срочно поставляется техника и вооружение, направляются советские специалисты. В этой связи неожиданно прерывается и мирная военно-организаторская служба Блюхера в Петрограде. Он получает приказ отбыть в Китай в качестве главного военного советника.

Блюхер уезжал во Владивосток в спешном порядке. Но не проститься с семьей он не мог. Галина встретила его со слезами в глазах: «Это все... Навсегда расстаемся?..» Дрогнула душа у Василия: «Я за вами приеду... Как только представится возможность...»

Командование 1-м стрелковым корпусом он передал бывшему своему сослуживцу по ДВР М.В. Сангурскому. Потом, почти через десять лет, судьба вновь сведет их вместе, и опять на Дальнем Востоке — в Особой Дальневосточной армии.

---

[1] В Тюменском музее «Штаб-квартира В.К. Блюхера» имеется копия справки Ленинградского ЗАГСа о расторжении брака между Блюхер В.К. и Покровской-Блюхер Г.П.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК КИТАЯ

По просьбе Сунь Ятсена

Стояла осень 1924 года. Блюхер прибыл из Ленинграда во Владивосток, чтобы с группой военных специалистов отправиться морем в командировку в Китай.

Для военного человека сборы в путь недолги: все вещи уложены в чемодан и — полевая сумка через плечо. Осталось получить паспорт на имя Уральского В.В.[1], как сказал руководитель загранслужбы, «на всякий случай»[2].

Переименование Блюхера в Уральского имело свой смысл. Он ехал в Китай не в поисках острых ощущений и даже не в туристическую поездку, а на ответственную работу в качестве официального главного военного советника Национально-революционного правительства.

По дороге от Петрограда до Владивостока Блюхер старательно знакомился с китайской историей. Особенно с начала XX столетия. Хотя, конечно, понимал: этого для полного представления о Китае было недостаточно, но общее познание получил.

Китай на рубеже XIX—XX веков являл собой район, вокруг которого роились богатые западные державы, стремившиеся разорвать его на части. В 1911 году произошла рево-

---

[1] *Уральский* — первый псевдоним Блюхера при его въезде в Китай.

[2] В Китае в те годы — период колониального унижения страны — паспорт вообще не требовался. Достаточно было быть белолицым, чтобы никто не посмел спрашивать ваши документы. Для иностранцев не существовало никаких прописок или регистрации.

люция, низложившая императора. И сразу же страну разделили меж собой различные военно-феодальные корыстные группы. Министры, генералы, маршалы, а потом и генералиссимусы вцепились друг в друга мертвой хваткой. В своей борьбе они пытались заручиться поддержкой богатых империалистических государств Запада, чьи интересы были весьма далеки от интересов китайского народа.

На этом фоне в стране нарастала национально-освободительная борьба, ширилось движение за проведение демократических преобразований.

Власть в Китае (даже номинальная) непрерывно переходила из одних рук в другие. Некоторое время всекитайское пекинское правительство возглавлял ставленник аньхуэйских[1] милитаристов Дуань Цижуй. Он контролировал Северный Китай, в том числе и столицу. Чжилийская группировка во главе с У Пейфу захватила бассейн реки Янцзы. На юге власть принадлежала гуанси-гуандунской группе, руководимой генералом Чэнь Цзюнмином. В Северо-Восточном Китае воцарился мукденский лидер, бывший хунхуз Чжан Цзолин. Вокруг этих группировок, а часто и внутри них, бушевало мутное море мелких милитаристов, власть которых нередко распространялась всего лишь на одну провинцию.

К середине 20-го года чжилийцы разгромили войска аньхуэйской группировки и заняли Пекин. Прошло совсем немного времени, и между недавними союзниками — чжилийцами и мукденцами вспыхнула война. В борьбе за власть решающую роль сыграли американские доллары. Подкупленный парламент избрал президентом прямого ставленника североамериканских монополий Цао Куня.

А на юге страны против чжилийской группировки выступил Чэнь Цзюнмин. Стремясь использовать авторитет и популярность в народе руководителя националистической партии (Гоминьдана) Сунь Ятсена, Чэнь Цзюнмин обратился

---

[1] Названия влиятельным военно-феодальным группам часто давались по названиям провинций, откуда происходили их лидеры.

к нему с предложением организовать новое китайское правительство в Гуанчжоу (Кантоне[1]). В апреле 1921 года Сунь Ятсен был провозглашен президентом Китая. Однако власть нового правительства распространялась лишь на несколько южных провинций. Кроме того, использовав в демагогических целях лозунг защиты республики и имя Сунь Ятсена, Чэнь Цзюнмин позже порвал и с республикой, и с вождем гоминьдана, совершив вооруженный переворот. Сунь Ятсен был вынужден перебраться из Гуанчжоу в Шанхай. Более чем через полгода, когда генерал Чэнь Цзюнмин потерпел поражение в одном из конфликтов с соседями-милитаристами, Сунь Ятсен вновь сформировал в Гуанчжоу свое правительство.

С этого времени Гуанчжоу превращается в опорный центр освободительной борьбы в Китае. Здесь открывается 1-й съезд Гоминьдана. Съезд принимает специальный манифест, где провозглашается политическая платформа гоминьдана. Она состояла из «трех народных принципов» Сунь Ятсена — «национализм», «демократизм» и «народное благоденствие». «Национализм» предполагал движение китайского народа за освобождение от империалистического гнета, «демократизм» — предоставление народу широких политических прав. Принцип «народного благоденствия» предусматривал проведение земельной реформы и ограничение капитала. Для осуществления этой программы Сунь Ятсен выдвинул «три основные установки»: «союз с Россией», «союз с компартией», «поддержка крестьян и рабочих»...

Блюхер прибыл в китайский порт Гуанчжоу в октябре 1924 года на советском военном корабле «Боровский». И сразу же, прямо на борту «Воровского», он встретился с Сунь Ятсеном. Беседа проходила в дружеской обстановке и длилась весьма долго — не один и не два часа. Сунь Ятсен остался доволен новым советским главным военным совет-

---

[1] Кантон — второе название города Гуанчжоу.

ником.[1] Разговор подытожил словами: «Оставайтесь с нами и помогайте своим опытом нашему делу. Я верю вам, цзянцзюнь[2] Уральский...» Потом были встречи в советской политической миссии, которую возглавлял М.М. Бородин, и, конечно, в колонии военных советников. Посольство Советского Союза в Китае во главе с чрезвычайным и полномочным послом Л.М. Караханом он посетить не мог; оно находилось в Пекине...

Приезд Блюхера совпал с завершением первого периода китайской революции — периода собирания и расстановки революционных сил, рождения Национально-революционной армии (НРА). Молодой армии Китая многого недоставало. В первую очередь, вооружения, боеприпасов. И, безусловно, современного, по тогдашнему времени, военного умения. Испытывала она и острую нехватку преданных новому Китаю, хорошо подготовленных командных кадров.

Основой строительства, созидательной базой НРА в то время была специальная военная школа, недавно открывшаяся на острове Вампу[3]. Поэтому по прибытии в Гуанчжоу, Блюхер в первую очередь обратил внимание на эту школу. Уже через неделю он пригласил к себе всех советских советников, работавших в школе Вампу.

«До приезда в Китай никто из нас, — вспоминает Александр Иванович Черепанов, бывший в то время старшим военным советником в школе, — с ним (Блюхером. — *Н.В.)* не встречался. Известно лишь было, что Василий Константинович в работе требователен, любит строгий порядок...»

---

[1] В разное время в Китае находились военные советники В.К. Путна, А.Я. Лапин, Т.А. Бесчастнов, Е.А. Яковлев, Н.И. Конниц, Е.В. Тесленко, Н.В. Куйбышев и другие советские командиры. Периодически происходила их ротация. До Блюхера группу военных советников возглавлял П.А. Павлов, один из известных командиров Красной Армии. В середине 1924 года он трагически погиб, утонув в реке Дунцзян.

[2] Цзянцзюнь — генерал *(по-китайски).*

[3] Остров Вампу (Хуанпу) расположен на р. Чжуцзян в 25 км от Гуанчжоу. Выбор островного расположения военной школы давал возможность хотя бы на первых порах скрыть ее от глаз ненужных наблюдателей.

К назначенному времени все советники были в сборе. Через минуту вошел Блюхер. Он остановился около дверей, как бы желая рассмотреть всех со стороны. Они, в свою очередь, по-солдатски вытянувшись, внимательно разглядывали среднего роста, плотного, одетого в серый костюм человека. Всех поразил пристальный взгляд серых глаз под густыми мохнатыми бровями.

После того, как советники представились, Блюхер поделился с ними наблюдениями, сделанными им за первые дни пребывания на китайской земле. Время от времени он задавал самые разнообразные вопросы, как бы желая проверить правильность своих выводов. Характер беседы всех слегка удивил: советники не могли понять, почему Блюхер предварительно не выслушал подготовленный ими доклад о школе. Лишь потом сообразили, что нужные фактические сведения он уже получил в аппарате главного советника в Гуанчжоу.

«Позднее, — вспоминает далее Черепанов, — мы оценили метод работы Блюхера. Перед тем, как принимать решение о той или иной операции, он никогда не выслушивал наших общих соображений. Вместо этого он заранее давал каждому отработать для него отдельный вопрос. По конкретным вопросам Блюхер обращался к китайским деятелям. Собрав все данные, Блюхер внимательно изучал их, потом принимал решение и объявлял его нам для выполнения».

«Война в целом и каждая операция, — любил подчеркивать Блюхер, — прежде всего математика, расчет». В последующем советники убедятся, что рассчитывать, взвешивать все «за» и «против» Блюхер умел мастерски.

В эту первую беседу с советниками Блюхер, неожиданно для всех, спросил:

— Сколько стоит содержание одного курсанта?

Никто из присутствующих не смог ответить, сославшись на то, что его предшественник на посту главного советника запретил вникать в эти вопросы.

— Но вы же прекрасно знаете, — возразил Блюхер, — что при организации школы Вампу доктор Сунь Ятсен не располагал ни денежными средствами, ни оружием. Сейчас поставлен вопрос о расширении школы. При определении необходимых для этого дополнительных средств я должен верить на слово китайским генералам, а мне нужно принять участие в расчетах. Так что вы обязаны во всех деталях знать экономику школы, полка или соединения, при котором состоите советниками. Иначе наши советы не будут полноценными.

С этой первой встречи Блюхер взял школу Вампу под личное попечение. Он внимательно следил за совершенствованием в ней учебного процесса, форм и методов воспитательной работы с курсантами и, вообще, в целом за ее развитием. При его содействии из СССР в Кантон прибыл пароход с оборудованием для школы. Началось поступление и первого советского оружия: винтовок, пулеметов, орудий и т.д.

Надо подчеркнуть, оснащение китайской армии советским вооружением стало одной из важнейших забот Блюхера. За небольшой промежуток времени правительство Сунь Ятсена получило 40 тысяч винтовок, около 42 миллионов патронов, 48 орудий, 12 горных пушек, более 10 тысяч ручных гранат, 230 пулеметов, 18 бомбометов, 3 самолета и другое вооружение.

Первое знакомство Блюхера с местными генералами состоялось на официальном приеме у Сунь Ятсена. Блюхер был одет в китайскую военную форму без знаков различия, обут в высокие сапоги. Генералам запомнилась одна интересная черта: главный военный советник умел внимательно выслушивать своих собеседников и вызывать их на откровенность. Речь его текла неторопливо и уверенно.

Новый главный военный советник сравнительно быстро вписался в китайскую атмосферу. Блюхер глубоко изучил военно-политическую обстановку, сложившуюся к концу 24-го года вокруг территории, контролируемой правитель-

ством Сунь Ятсена. Несмотря на то, что она была весьма
сложной, запутанной и постоянно меняющейся, он все же
выделил главные направления решения не терпящих отла-
гательства задач. Революционная провинция Гуандун была
зажата четырьмя фронтами: Восточным, Северным, Запад-
ным и Юго-Западным.

На этих фронтах положение пока было более-менее ста-
бильным. Правитель крупнейшей фынтяньской (мукден¬
ской) группировки Чэнь Цзюнмин испытывал материаль-
ные затруднения и пытался разнять своих передравшихся
генералов. Это вынуждало его до поры до времени оста-
ваться пассивным.

Восточный фронт удерживался юньнаньскими, гуансий¬
скими и частично гуанчжоускими частями общей числен-
ностью около 20 тысяч солдат.

Юго-западный фронт по линии Лодин—Эньпин оборо-
няли части 3-й дивизии гуанчжоуской армии (численно-
стью около 3 тысяч человек). Против них сосредоточились
8-тысячные войска генерала Дэн Бэньина, сторонника Чэнь
Цзюнмина.

Западная часть провинции находилась в руках генерала
Линь Цинтина, ориентировавшегося на гуанчжоуское пра-
вительство.

И вдруг в январе на севере произошло открытое столк-
новение между группировками милитаристов, которое при-
вело к окончательному разрыву между чжилийской и фын-
тяньской кликами. Маньчжурский диктатор Чжан Цзо¬
линь — глава фынтяньцев, официально объявил войну
пекинскому правительству.

К этому времени резко ухудшилась обстановка в Гуан-
чжоу. Чэнь Цзюнмину удалось ослабить разногласия меж-
ду подчиненными ему генералами. Он открыто поставил
вопрос о нападении на революционный Гуандун. Гуанчжоу-
ское купечество послало к нему ходоков с просьбой об ос-
вобождении города от «красного большевизма», обещало
ему поддержку и денежную помощь.

Над суньятсеновским руководством нависли сразу две угрозы — с севера и с востока. Встала дилемма: принять решение о военном выступлении против чжилийцев или нанести удар на Восточном фронте.

Блюхер настаивал на том, чтобы упредить Чэнь Цзюнминя, первыми ударить по его армии. Он требовал срочно готовиться к восточному походу. По его настоянию было проведено совещание членов своеобразного президиума правительства, на котором присутствовали: он сам, Ху Ханьминь, замещавший в то время Сунь Ятсена (он находился в поездке в Шанхай и затем в Японию), генерал Сюй Чунчжи — командующий Гуанчжоуской армией и командующий Юньнаньской армией Ян Симинь. Обсуждалось положение на Восточном фронте. Участники совещания соглашались в принципе с необходимостью Восточного похода, однако посчитали, что уход на восток верных правительству частей создаст угрозу захвата Гуанчжоу войсками Фань Шишэня.[1] Подстрекаемый англичанами и компрадорами,[2] Фань Шишэнь мог в случае нажима Чэнь Цзюнмина сразу же перебросить свои части в район Гуанчжоу. Было решено следить за частями Фань Шишэня и в случае необходимости быть готовыми к их разоружению.

Таким образом, предложение Блюхера о наступлении на Восточном фронте было отклонено...

Аппарат военных советников во главе с Блюхером усиленно занимался строительством новой армии Китая. Развернулась коренная реорганизация старых войск. Армия

---

[1] Фань Шишэнь — командир 2-го корпуса Юньнаньской армии, симпатизировавший Чэнь Цзюнмину. Его корпус был сосредоточен в тылу Гуанчжоуской армии, оборонявшей Восточный фронт. Поэтому суньятсеновское правительство с недоверием относилось к Фань Шишэню.

[2] К о м п р а д о р — посредник. Китайские компрадоры — это деловые люди, которые стояли между иностранцами и бизнесом в Китае. Они ручались за каждую сделку, были гарантами торговли, и за это получали часть прибыли, считаясь своего рода компаньонами иностранного капитала.

пополнялась тысячами добровольцев, в основном, из числа революционно настроенных молодых рабочих. Проводилась напряженная тактическая подготовка новобранцев и одновременно их политическое воспитание. Этим занимались как советские военные советники, так и первые выпускники школы Вампу.

Здесь следует сказать об исключительных трудностях, с которыми столкнулись наши специалисты, приехав работать в Китай. Они ведь попали в среду очень и очень далекую от российских условий, столкнулись с людьми, чей язык, психология, мировоззрение, нравы и обычаи казались для них непостижимыми. Надо было приспособиться к незнакомой среде и одновременно суметь повлиять на нее, изменить ее в интересах революции, в интересах китайского народа.

И еще одна особенность. Хотя партия Гоминьдан и имела революционную направленность, она не была народной партией. Как ни старался Сунь Ятсен при помощи Коминтерна и китайских коммунистов в начале 1924 года реорганизовать ее, придать ей классовый характер, она продолжала оставаться выразителем и защитником интересов всей китайской нации. Причем, преобладающим влиянием в ней пользовались представители помещичье-буржуазных кругов и военные. Рабочих и крестьян в партии представляли коммунисты, вошедшие в Гоминьдан с согласия Сунь Ятсена. Но коммунисты еще не располагали прочной социальной опорой, не имели поддержки массовых организаций, и это впоследствии, в конечном счете, и определило поражение революции.

Нужно признать: советские советники далеко не сразу нашли общий язык с китайскими революционерами, а с некоторыми из гоминьдановских деятелей у них вообще не установилось товарищеских взаимоотношений. Например, сложно складывались отношения Блюхера с китайским генералитетом. Несмотря на великое уважение и доверие Блюхера к Сунь Ятсену и Сунь Ятсена к нему, предложения советских военных советников не всегда воспринимались.

Черепанов пишет, что Сунь Ятсен хорошо знал своих генералов, присягавших ему в верности, провозглашавших его генералиссимусом, а на деле стремившихся сделать его своей марионеткой. Естественно, поэтому он соразмерял формы, методы и темпы претворения в жизнь своих идей и планов с конкретными условиями.

Пределы своих возможностей Сунь Ятсен оценивал реалистично. Он видел, в каких делах он может надеяться и рассчитывать на понимание и поддержку товарищей по партии, а в каких делах они не пойдут за ним, а если и пойдут, то до полпути. Не заблуждался он и в политических союзниках, на которых полагаться можно было с большой опаской.

Поэтому вряд ли можно оценивать действия Сунь Ятсена в тот период как непоследовательные, хотя часто они таковыми выглядели. Но эти действия соответствовали тем целям, которые он ставил перед самим собой и возглавляемой им партией, тем методам, которые вытекали из его политических убеждений и взглядов. Различного рода маневры, к которым прибегал Сунь Ятсен, диктовались не в последнюю очередь его неослабным стремлением сохранить мир и согласие в той разношерстной массе политических и военных деятелей, которые группировались вокруг него. Сунь Ятсену были чужды и правые гоминьдановцы с их тупым консерватизмом, доходившим до мракобесия; в то же время его волновала и тревожила чересчур энергичная деятельность коммунистов.

И все же, вопреки всему, Национально-революционная армия нового Китая, благодаря неустанному труду советских военных советников, постепенно превращалась в организованную, боеспособную силу. В ней воцарялся дух революционной героики и стремления к решительной борьбе за новую счастливую жизнь народа.

По инициативе Блюхера был создан Военный совет при ЦИК Гоминьдана в составе: Ляо Чжункая, Ху Ханьминя, генералов Сюй Чунчжи, Чан Кайши, Ян Симиня и, в качест-

ве советника, В.В. Уральского (Блюхера). В середине декабря он добивается объединения командования в руках Военного совета. По его настоянию 22 декабря состоялась военная конференция генералов и командиров дивизий.

Под непосредственным руководством Блюхера началась разработка стратегических планов Восточного и Северного походов.

Между тем, военная активность милитаристов все более и более нарастала. Враги Сунь Ятсена стремились лишить его влияния на дальнейший ход событий в стране, а для этого необходимо было ликвидировать его опору в Гуанчжоу. Вся китайская реакция объединялась для борьбы против Кантонского правительства.

Верхушка Гоминьдана волновалась: сможет ли при таком положении правительство удержать в своих руках Гуанчжоу? Блюхер отвечал на этот вопрос совершенно твердо: «Сможет». И хотя Сунь Ятсен был в отъезде, главный военный советник уверил правительство, что Гуанчжоу устоит. Но его беспокоила несогласованность действий отдельных «союзнических» соединений правительственной армии. Пользуясь этим, Чэнь Цзюнмин мог разгромить «союзников» по отдельности или нанести им большой урон. Поэтому главный военный советник возлагал большую надежду на твердость недавно избранного Главнокомандующим Восточным фронтом юньнаньского командарма генерала Ян Симиня.

На очередном военном совете Блюхер изложил свой план Восточного похода. Суть его заключалась в немедленной организации контррнаступления лучших соединений Национально-революционной армии против генерала Чэнь Цзюнмина. Два корпуса юньнаньцев двинутся по долине реки Дунцзян на Боло — Хэюань — Ухуа — Синин. Гуан¬сийские войска под командованием генерала Лю Чжэньхуа¬на должна овладеть крепостью Вэйчжоу.

Ударной, наиболее сильной будет группа правительственных войск в составе пехотной дивизии и пехотной от-

дельной бригады, а также отдельного полка Гуанчжоуской армии и двух пехотных полков Вампу...

У генералов возникли вопросы и сомнения: «Кто будет защищать Гуанчжоу?», «Советский цзян-цзюнь считает, что величайшей крепостью Вэйчжоу, которую за две тысячи лет никто не смог взять, можно овладеть штурмом?»

Блюхер ответил на эти вопросы спокойно: «Во время похода Гуанчжоу прикроет с севера Хунаньская армия генерала Тань Янкая, а с юго-запада — Гуанчжоуский корпус генерала Ляо Хэнкая... А крепость Вэйчжоу мы штурмовать не будем. Мы ее обойдем и блокируем одним полком».

План похода был принят.

Восточный поход начался 2 февраля и закончился 21 марта 1925 года. В этом походе Национально-революционная армия впервые одержала крупную победу в борьбе с милитаристами. НРА освободила обширный район на побережье Южно-Китайского моря. Более семи тысяч солдат неприятеля было взято в плен. Захвачено 13 тысяч винтовок разных систем, ПО пулеметов, 36 орудий, свыше 8 миллионов патронов разных калибров, почти 2000 снарядов.

Блюхер, непосредственно участвовавший в осуществлении всех крупных сражений, был доволен итогами Восточного похода. Удалось разбить численно превосходящего противника. Значительно окрепло положение революционного правительства Сунь Ятсена. Жаль, что вождь Гоминьдана не дожил до этой первой большой победы — он умер в Пекине от рака печени 12 марта 1925 года.

Глубоко проанализировав боевой опыт первого Восточного похода, Блюхер уже в начале апреля стал детально разрабатывать план полного освобождения провинции Гуандун. Но принять участие в его реализации ему не пришлось.

В Китае Блюхер часто болел; его беспокоило ранение, полученное на германском фронте, и прицепившийся к нему уже здесь фотодерматит. К лету 1925 года болезни окончательно скрутили его. Врачи настаивали на отъезде

в Советский Союз. Посол СССР в Китае Карахан сообщал в Народный комиссариат иностранных дел: «К большому сожалению, Блюхеру приходится уезжать из Кантона, ибо он совершенно разболелся и его дальнейшее пребывание там абсолютно невозможно. Упускать его из Китая было бы очень жаль, ибо он соединяет в себе, как никто из других работников, качества военного и политика. Он очень хорошо приспособился и ориентируется в китайской обстановке, у него поразительное чутье, которое в самые трудные моменты давало возможность ему нащупать правильное решение».

Действительно, советский главный военный советник пользовался в Китае всеобщим уважением. Тот же Карахан докладывал в Москву: «На имя гоминьдановского ЦИК поступают телеграммы, где все кантонские генералы выражают свое восхищение нашим комсоставом и в особенности тов. Блюхером... Наши товарищи обыкновенно идут впереди всех, и тов. Блюхер, против китайского обыкновения, по которому генералу полагается сидеть по крайней мере за сто верст от военных действий, сам присутствует постоянно на фронте. В один из критических моментов он даже взялся командовать бронепоездом. Это очень сильно поднимает настроение у китайцев».

23 июля Блюхер убыл в Советский Союз на лечение. А с началом октября Народно-революционная армия начала наступление. Ожесточенные бои разгорелись вокруг знаменитой крепости Вэйчжоу. Командующий Чан Кайши не верил, что крепость будет взята. 13 октября 1925 года, впервые за многовековую историю, крепость Вэйчжоу пала.

К концу года на всей территории провинций Гуандун была установлена власть Национально-революционного правительства Китая.

Первый и второй Восточные походы явились первой реальной пробой сил между войсками милитаристов и революционными частями, они упрочили молодую власть в

Гуандуне. У политических и военных деятелей гоминьдана окрепла уверенность в своих силах. Восточные походы помогли создать на юге, Китая прочный плацдарм и базу для дальнейшего развертывания революции.

Все понимали: зарождавшаяся Национально-революционная армия должна стать главным фактором в дальнейшем развитии китайской революции. Поэтому деятельность наших политических и военных советников сосредоточивалась в основном на подготовке и организации революционных войск. Однако это было не так-то просто. Дело в том, что новая армия и ее командный состав, даже пройдя соответствующую политическую школу и, усвоив основное содержание «трех народных принципов» Сунь Ятсена, сохраняли многие черты, присущие солдатам и офицерам наемных войск, о чем с достаточной очевидностью свидетельствовали военные кампании в Гуандуне. Мало чем отличались от своих врагов, коллег по военному ремеслу, и генералы Национально-революционной армии, старавшиеся использовать любой случай для усиления своей власти, для удовлетворения своих амбиций, для своего возвышения. Они охотно произносили революционные лозунги в духе идей Сунь Ятсена, уверяли в преданности революционному делу, но при этом не забывали о личных выгодах. Типичным представителем таких генералов был Чан Кайши. Он оказался умнее, хитрее других, сумев к марту 1926 года сконцентрировать в своих руках военную и политическую власть в лагере революции.

Упрочение на территории провинций Гуандун власти Национально-революционного правительства вызвало у великих держав, в первую очередь у Великобритании и Японии, большое раздражение. В феврале 1926 года английская эскадра предприняла попытку блокировать с моря Кантон. Спустя полмесяца японские корабли обрушили шквал огня на сосредоточение национальных войск близ Тяньцзиня. 17 марта правительства США, Англии, Франции, Италии и Японии в ультимативной форме потребовали прекращения

боевых действий в районе Пекина. Получив мощную поддержку западных стран, армии маньчжурского правителя генерала Чжан Цзолина и главы чжилийской группировки У Пейфу незамедлительно двинулись на Пекин. На севере Китая вновь воцарялся режим милитаристов.

Революция терпела поражение. Этим воспользовались правые Гоминьдана и прежде всего Чан Кайши. В ночь на 20 марта 1926 года он ввел в Гуанчжоу военное положение. Началась охота за коммунистами и руководителями революционных профсоюзов. Но народ не поддержал контрреволюционный путч. Чан был вынужден отступить. Через два месяца он будет клясться в верности делу революции...

После отъезда Блюхера в СССР в Гуандуне произошли серьезные перемены. В начале марта в связи со смертью Сунь Ятсена обострилась обстановка внутри гоминьдана. Правое крыло требовало разрыва отношений с коммунистами, растущее влияние которых вызывало тревогу в помещичье-буржуазных кругах страны. Правые опасались, что рабочее и крестьянское движение развернет против них борьбу, поэтому 20 марта и пошли на контрреволюционный переворот.

Начальник Политуправления РККА А.С. Бубнов, находясь в это время в Китае во главе советской военной делегации (под псевдонимом Ивановский), писал: «Мы получили возможность ознакомиться с внутренними противоречиями, действующими в Кантоне и нашедшими себе выражение в событиях 20 марта». Анализируя произошедшие события, Бубнов пришел к выводу: мартовское выступление Чан Кайши, приведшее к отстранению от руководства Гоминьданом и Национальным правительством левых и коммунистов, представляет собой не результат случайных верхушечных комбинаций или некоторых частных ошибок, а является политическим результатом серьезного обострения социальных конфликтов внутри самого Гуандуна.

Исходя из учета обстановки, которая сложилась после 20 марта, он принял решение освободить начальника южнокитайской группы русских военных советников Н.В. Куйбышева[1] и начальника его штаба В.П. Рогачева от занимаемых ими должностей. Бубнов направил в правительство СССР письмо со своим анализом политического и военного положения в Китае, где подчеркивал, что несмотря на осложнение обстановки в Гуандуне и негативные изменения в партии Гоминьдан, вопрос о Северном походе с повестки дня не снят. Но для успешного осуществления похода необходимо на пост главного военного советника назначить авторитетного военного и политического деятеля. По его мнению, самым подходящим кандидатом здесь мог бы быть В.К. Блюхер.

Цзян-цзюнь Галин

После 20 марта китайская революция оказалась в серьезной опасности. Многотысячные армии Чжан Цзолина и У Пейфу начали окружение Пекина. Создалась реальная угроза его захвата. В этих условиях аппарат советских советников, находившихся в Пекине, вынужден был покинуть столицу и отбыть экспедицией сложным путем через пустыню Гоби, Ургу (Улан-Батор), Верхнеудинск (Улан-Удэ), Владивосток и морем — в Гуанчжоу.

Александр Иванович Черепанов, назначенный Бородиным руководителем переезда аппарата советников, рассказывал, с какими большими трудностями добрались они до Владивостока. Во Владивостоке он усадил членов экспедиции на пароход, идущий в Гуанчжоу, а сам задержался для того, чтобы подобрать для Бородина ряд работников...

По прошествии нескольких дней, Черепанов, сделав все свои дела, собрался ехать в Гуанчжоу и неожиданно ветре-

---

[1] Н.В. Куйбышев (псевдоним Кисанька) замещал Блюхера во время его отъезда на родину.

тился с Блюхером. Он также направлялся в Гуанчжоу, чтобы после лечения в СССР вновь занять пост главного военного советника Национального правительства Китая.

Блюхер за год разлуки «забыл» все ссоры с женой и сдержал данное Галине слово; он вез в Китай семью.

Работники загранслужбы спросили у Блюхера, какую фамилию поставить в загранпаспорте. Тот улыбнулся: «Пишите «Галин» — жена у меня Галина». А имя и отчество? «Дети у меня Зоя и Всеволод, давайте «Зой Всеволодович». «Зой?.. — Работники загранслужбы смеются. — Имени-то такого нет». «А что, имена, это только те, что в святцах?» — парировал Блюхер...

«Василий Константинович, — вспоминает Черепанов, — сердечно меня обнял, а затем познакомил с супругой Галиной Павловной и детьми: Севой и Зоей.

На пароходе он все время штудировал какую-то литературу; выяснилось, что он изучает материалы разгоревшейся тогда в партии дискуссии.

Чтобы скоротать нудно тянущееся в море время, мы часто играли в карты, особенно в «шестьдесят шесть». Сознаюсь, что мы с Галиной Павловной, которая была моим партнером, действовали нечисто, жульничали. Мы заранее сговорились о системе сигнализации, с помощью которой подсказывали друг другу очередные ходы. Таким путем мы Василию Константиновичу и его «соратнику» одну за другой «накладывали шубы». Блюхер явно злился. Он очень не любил проигрывать. Я и ранее замечал, что, попав в шахматной партии в невыгодное положение, он делал вид, что ему что-то неотложно нужно сделать по службе, и выходил. Вернувшись, он говорил: «Я что-то все свои замыслы позабыл, давайте начнем сначала!» — и смешивал фигуры. Так и в «шестьдесят шесть» он готов был сражаться без конца, лишь бы отыграться, в итоге обед и ужин задерживались на час-два. Мы с Галиной Павловной решили, что плутовать себе дороже. Так Блюхер вынудил нас играть честно».

В середине мая 1926 года Блюхер, теперь под псевдонимом «Галин З.В.», вновь приступил к исполнению обязанностей главного военного советника в Китае. К этому времени шла активная работа по подготовке Северной экспедиции, о которой он говорил еще в сентябре минувшего года в своей директивной статье «Перспективы дальнейшей работы на юге, или Большой план военной работы Гоминьдана на 1926 г.». В проекте плана Северного похода, разработанном под руководством Чан Кайши в отсутствие Блюхера, предусматривалось одновременное выступление против двух крупных группировок войск милитаристов Чжан Цзолина и У Пейфу. Блюхер имел свое мнение по поводу ведения наступательных действий сразу на двух направлениях. Он считал: нужно противника бить поодиночке.

Блюхер докладывал в июле в Москву, что с первых дней после его приезда в Китай и все последующее время он борется за изменение проекта плана Северного похода, разработанного в его отсутствие китайскими военными специалистами. Этот проект непригоден. Необходимо ограничить операцию «Северный поход» пределами провинции Хунань. Но Чан Кайши и поддерживающие его военспецы стоят на своем. Из Наркоминдела Блюхеру посоветовали не обострять отношения.

Гоминьдановские генералы упорно сопротивлялись мнению Блюхера-Галина. Однако, железная логика главного советского советника все же взяла верх. 23 июня на очередном заседании Военного совета они согласились на изменение проекта плана Северного похода и отказались от немедленного движения в Цзянси. В новом плане в качестве основной задачи первого этапа похода определялось нанесение удара по армии У Пейфу. Конечная цель этого этапа военных действий — взятие Ухани[1] — «осиного гнезда» главы чжилийской клики.

---

[1] Ухань — экономический и политический центр бассейна реки Янцзы, связывающей девять провинций. Ухань — это общее название трех городов: Ханькоу, Ханьян и Учан.

К началу Северной экспедиции по предложению Блюхера-Галина Национально-революционная армия была реформирована и состояла из семи добротно отмобилизованных корпусов. Общая численность войск НРА перед походом составила почти 100 тысяч человек. Этой силой цзян-цзюнь Галин намеревался разбить 270 тысяч хорошо вооруженных и обученных солдат противника. Главнокомандующий НРА Чан Кайши с трудом верил в это. Ведь Национально-революционной армии противостояли две самые мощные армии милитаристов, возглавляемые опытными генералами У Пейфу и Сунь Чуаньфаном[1]. А Блюхер-Галин верил: рабоче-крестьянская армия молодого Китая победит. На что он рассчитывал? На высокий дух бойцов и командиров, а также на избранные им стратегию и тактику. Войска НРА будут громить милитаристов в два этапа — это раз. Умелое использование разрозненности и отсутствия единого командования в лагере противника — это два.

Было решено сначала разбить чжилийскую военную группировку У Пейфу и освободить провинции Хунань и Хубей. Затем ударить на восток, нанести поражение армии Сунь Чуаньфана и присоединить к Национально-революционному фронту провинции Цзянси, Фудзянь, Аньхой, Цзянсу и другие.

Перед Северным походом все семьи советских военных специалистов в целях их безопасности были отправлены в СССР. Позаботился о своевременном отъезде из Китая жены с детьми и Блюхер. Галина отбыла на пароходе во Владивосток и поселилась в гостинице «Золотой Рог», в ожидании сигнала мужа на возвращение ее в Гуанчжоу...

Наступление началось в октябре. Корпуса НРА стремительно атаковали Чжучжоу и Лилин, и вскоре овладели ими. Отступая, генерал У Пейфу сосредоточивал главные силы у станции Денсичао. Это был выгодный для обороны рубеж,

---

[1] *Сунь Чуаньфан* — хозяин провинции Цзянси; он так же контролировал еще несколько провинций Центрального Китая.

на котором генерал рассчитывал не только остановить войска НРА, но и нанести им поражение.

Бдюхер-Галин по данным разведки знал, что у Денсичао противник имеет до двенадцати полков пехоты. У НРА же на этом направлении — только шесть. Несмотря на двойной перевес сил в пользу У Пейфу, цзян-цзюнь Галин принял решение атаковать. Главком Чан Кайши запротестовал: «Не взять нам Денсичао». «Всю ответственность беру на себя», — сказал Галин.

В результате почти суточного жестокого сражения станция Денсичао пала. Так же была взята Чанша. У Пейфу с остатками уцелевшей армии откатился к озерам Лянцзи и Ху¬антин...

Предстояло выбить войска У Пейфу из междуозерья, где были построены прочные оборонительные укрепления. И с этой сложной задачей НРА справилась блестяще. Вопреки китайскому обычаю воевать днем, Блюхер-Галин выдвинул идею: «Наступать ночью. Внезапными атаками. Без единого выстрела». И это сработало. В ночь на 30 августа части НРА атаковали позиции противника на всех участках фронта и прорвали все линии вражеской обороны. Утром они захватили Ханьян и Ханькоу.

Но в руках У Пейфу оставался очень сильный опорный пункт — первоклассная крепость Учан. Больше месяца бомбардировали кантонцы осажденную крепость. В конце концов, в начале октября 1926 года, неприступный Учан сдался.

С овладением городов Ханькоу, Ханьяна и Учана была решена участь Уханя — важнейшего экономического и политического центра бассейна реки Янцзы.

Провинции Хунань и Хубэй освобождены. Дальше — все силы на борьбу с армией Сун Чуаньфана.

Второй этап Северного похода начался в последних числах октября. Он был назван третьей Цзянсийской операцией, план которой с особой тщательностью разработал Блюхер-Галин. Накануне, в середине сентября, Народно-революционная армия предпринимала по амбиционному ве-

лению Чан Кайши (не согласованному с Галиным) наступление на Цзянси и потерпела поражение. Блюхер учел горький опыт бездарного главкома. Он составил приказ о новом наступлении, где подробно ставились задачи корпусам, дивизиям, рекомендовалось избегать направления больших сил в лоб укрепленных позиций, искать решения в обходе их и фланговых ударах.

С первых же боев стало ясно, что с армией Сунь Чуаньфана справиться будет нелегко. «Войска Сунь Чуаньфана дерутся отлично, — писал Блюхер. — Они отличаются от нас внешним видом, рослостью, хорошо снабжены, имеют много пулеметов и орудий. Несмотря на огромное техническое и численное превосходство противника, наша южная мелкота ведет себя в бою выше всяких похвал... Победу покупаем исключительно упорством, штыком и ночными атаками...».

Неудачное сентябрьское наступление на Цзянси войсками НРА под личным руководством Чан Кайши остудило пыл главкома. Теперь Чан руководство войсками всецело отдал на откуп цзян-цзюню Галину. И Блюхер показал высочайшее искусство управления боевыми действиями. Пример тому — так называемая наньчанская операция. В ходе ее корпуса НРА нанесли сокрушительные удары по району Дэань-Махуйлин, по городам Цзюцзян, Туцзян и железнодорожному узлу Наньчан.

Цзянсийские войска были разбиты окончательно в первой декаде ноября. В плен взято около 40 тысяч солдат, захвачено огромное количество винтовок, пулеметов, несколько десятков орудий и другого вооружения. После освобождения провинции Цзянси НРА вступила в провинцию Аньхуэй и к концу ноября заняла ее столицу — Аньцин. Сунь Чуаньфан с остатками своей армии отступил к Шанхаю и Нанкину.

Овладев четырьмя важнейшими провинциями на Янцзы, гуанчжоуское правительство сразу же поставило вопрос о новой столице революционного Китая. Перемещение ру-

ководства в Центральный Китай было необходимо потому, что правительство рисковало превратиться в провинциальный гуандунский орган, не оказывающий серьезного влияния на ход революции. Новым центром со всех точек зрения целесообразнее всего было бы сделать освобожденный Ухань; там поднималась мощная борьба народа с компрадорской буржуазией. Но Чан Кайши высказался за Наньчан. Во-первых, Ухань был взят военными силами, которые Чаном не контролировались. Во-вторых, как лидер «правых», он был заинтересован в изоляции правительства от влияния широко развертывающихся массовых выступлений. Чан Кайши хотел добиться от ЦИК Гоминьдана форсирования продвижения армии на Нанкин и Шанхай. По взятии Шанхая он рассчитывал установить контакт с империалистическими силами и заручиться их поддержкой, чтобы окончательно расправиться с компартией и народным движением.

Между «правыми» и «левыми» гоминьдановцами началась борьба: «левые» — за Ханькоу, «правые», во главе с Чан Кайши, — за Наньчан. Для Чана Наньчан был наиболее желанной столицей, так как он мог служить приманкой для отдельных милитаристов. В те времена этот тихий город торговцев, ремесленников и мелкой бюрократии называли «теплым местом настоящих, бывших и будущих чиновников». Когда в Цзянси развернулось народное движение, то многие богатеи из провинциальных местечек сбежали в Наньчан.

И все-таки на заседании Политбюро ЦИК Гоминьдана было принято решение о переносе столицы в Ухань, и первая группа большинства гуанчжоуского правительства переехала в Ханькоу. Вместе с ней сюда перебазировались из Кантона и советские представительства, а также политические и военные советники.

Оставшаяся группа членов правительства и Чан Кайши сосредоточились в Наньчане. Бородин и Блюхер предостерегали «левых» гоминьдановцев: этот раскол — опасный предвестник трагического завтрашнего дня революции.

Первая группа правительственного большинства, переехав в Ханькоу, тут же объявила себя высшей властью. «Уханьцы» приняли постановление: всем членам и кандидатам в члены ЦИК Гоминьдана необходимо немедленно прибыть в Ухань на пленум. Чан Кайши, в свою очередь, в срочном порядке созвал в Наньчане политбюро ЦИК Гоминьдана. Его не смущало, что заседание не было достаточно представительным, главное — разорвать ЦИК и склонить на свою сторону как можно больше колеблющихся «левых»...

Блюхер-Галин вместе со своими помощниками продолжал работать в частях Национально-революционной армии, недавно победившей отборные силы северных милитаристов. Но он видел, «левые» все больше и больше проявляют колебания: они то принимали чрезвычайно революционные решения, то неоправданно сдавали противникам свои позиции совершенно без боя. В противовес им Чан Кайши твердо держал курс на сосредоточение всей власти в своих руках, на подавление левых сил и проводил его весьма последовательно, искусно ведя при этом демагогическую маскировку. До победы в Северном походе Чан был более зависим от революционных сил, теперь же он мог вновь выступить активным проводником идей «20 марта». Его позиция отражала настроения и намерения всей китайской реакции, напуганной подъемом масс.

В Ханькоу, в условиях усиливающейся нестабильности в Гоминьдане и, соответственно, в НРА, Блюхер почувствовал необходимость более плотного сотрудничества его аппарата военных советников с работниками политического аппарата Бородина. Бородин и Блюхер служили одному делу, однако, их миссии — политическая и военная — функционировали раздельно и взаимной ответственности не несли.

Частые в последнее время встречи Бородина и Блюхера посвящались, в основном, обсуждению обстановки в Китае. Из этих обсуждений они делали важные для себя выводы. Главным и весьма неутешительным был вывод: «левые» в Ухане с каждым днем становились все ненадежнее. Среди

них наметилось расслоение. Набирала силу часть гоминьда¬новцев, которая рассуждала так: «Нам мешают работать в массах коммунисты, значит, мы должны выбить коммунистов с их позиций в массах». Эти «левые» все более и более сближались с центристами и правыми. В экономической и социальной политике они пытались во имя единства национально-революционного фронта сглаживать острые углы, избегать, по возможности, решительных действий даже тогда, когда к ним явно вынуждали обстоятельства.

Другая часть, наоборот, становилась на крайне революционные, даже экстремистские позиции. Эта часть, по характеристике Бородина, «бряцала оружием только на словах, на самом же деле она к решительной схватке не готовилась».

Чан Кайши умело использовал складывающуюся ситуацию в свою пользу. Он понимал, что для подавления масс надо в первую очередь лишить их руководства, и поэтому стремился ликвидировать гоминьдановские комитеты, где преобладали коммунисты и «левые». Главной силой, при помощи которой Чан хотел решить свои антинародные замыслы, была военщина. А она охотно сплачивалась вокруг Чана, ибо осознала: с революцией крестьян и рабочих ей не по пути.

Уже в ноябре — декабре 1926 года военщина стала самовольно подавлять революционное движение на местах. Некоторые командиры производили налеты на крестьянские и рабочие союзы. Вожаков народных объединений объявляли бандитами и жестоко избивали. Развертывающееся широкое революционное движение очень напугало многих офицеров и генералов — вчерашних горячих сторонников угнетенного народа — и бросило в стан самых ярых контрреволюционеров...

Как-то в военную миссию Блюхера по служебным делам зашел советник ПУРа Национально-революционной ар-

мии Китая[1] Теруни — худощавый, небольшого роста армянин (настоящее его имя Тьер Таиров). С ним была девушка: притягательное молодое лицо, острые карие глаза.

— Галина... — представилась она, играя улыбкой.

Блюхер вздрогнул. «Галина — это ведь имя его жены».

Спутница Теруни сделала паузу, добавила с подчеркнутой интонацией:

— Галина Александровна Кольчугина. Служу в консульстве, секретарем-переводчиком Пличе[2].

В ответ Блюхер назвал себя просто:

— Галин.

— Я много о вас слышала...

С того дня, как Блюхер «положил глаз» на смазливую сотрудницу консульства, Галина Кольчугина стала частенько появляться в военной миссии...

Перед новым, 1927-м годом Блюхер послал во Владивосток письмо, в котором признался жене, что встретил женщину, которую полюбил всем сердцем, и она его искренне любит. Затем через пару дней послал второе, где назвал имя этой женщины — Галина Кольчугина и сообщил: он на ней женится.

Это был окончательный разрыв Василия Блюхера со своей первой женой — Галиной Покровской...

Бывший старший переводчик Блюхера М.И. Казанин в своей книге «В штабе Блюхера» Кольчугиной и Блюхеру посвятил несколько страниц. Он не знает, каким образом договорились между собой Блюхер и консул Пличе, только через некоторое время после знакомства Василия Константиновича с Кольчугиной она перешла из консульства на постоянную работу в аппарат военной миссии.

---

[1] В июле 1925 г. было создано Политическое управление (ПУР) Национально-революционной армии. Во все дивизии были назначены начальники политотделов. Из СССР прибыли 250 политработников, которые стали советниками как самого Политического управления, так и политотделов дивизий.

[2] В Ханькоу располагалось советское консульство, которым руководил латыш Пличе.

О том, что Кольчугина работает в военной миссии и что она жена Блюхера, Казанин услышал от своего друга Миши Мазурина (его настоящее имя — Эммануил Моисеевич Абрамсон), однажды упомянувшего в разговоре уехавшую во Владивосток «первую жену Блюхера».

— Ты говоришь, «первая жена», а что, у него теперь вторая?

— Да, и тоже Галина, и твоя приятельница. Училась с тобой.

Казанин широко раскрыл глаза.

— Училась со мной?

— Галину Кольчугину помнишь?..

Кто такая Галина Кольчугина? В 1938 году, когда она будет арестована, в протоколе допроса ее от 24 октября в анкетной его части написано: Кольчугина-Блюхер Галина Александровна, 1899 года рождения, уроженка г. Харькова, русская, беспартийная, служащая, до ареста слушательница военного факультета Академии связи им. Подбельского.

О себе Галина рассказывала: родилась она в Харькове, выросла в Харбине. В Харбин ее ребенком вывезла мать, которая работала акушеркой на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Отца своего Галина не помнит.

В 1906 году мать отдала девочку в русскую школу (тогда же в ту школу пошел в первый класс и Миша Казанин, живший с родителями в Харбине.). Окончив школу, Галина поступила в коммерческое училище.[1] После училища пыталась устроиться в Харбине по торговой линии, но не получилось, и тогда она отправилась искать счастье в Петроград. Там счастье ей улыбнулось: она становится студенткой историко-филологического факультета женских Бестужев-

---

[1] В Харбине, кроме работников КВЖД, жило большое количество эмигрантов из России. Поэтому здесь были русские школы, гимназии и даже специальные училища.

ских курсов. В мае 1917 года, завершив второй курс, она уехала на летние каникулы в Харбин к матери. Вернуться в Петроград, чтобы продолжить учебу, уже не смогла. В стране началась смута, Дальний Восток был отрезан от Центральной России выступлениями белогвардейцев и самых разных банд.

Жизнь в Харбине требовала немалых денег (материной заплаты было недостаточно), и Галина стала работать в частной гимназии Генерозовой преподавателем русского языка. Одновременно давала уроки на дому детям состоятельных родителей.

Через одну из своих учениц — Кауфман Филю — познакомилась с ее братом Львом Григорьевичем, который после, развала русско-германского фронта бежал из России в Харбин. Между Галиной и Львом завязалась дружба. Лев переехал в Пекин, где стал работать литературным сотрудником в городской газете. Связь друг с другом они не прервали, регулярно обмениваясь письмами. В 1921 году Кауфман покинул Пекин. Спустя некоторое время Галина получила от него весточку из советского Приморья. Лев сообщал, что сотрудничает с владивостокской газетой «Красное знамя» и своим положением очень доволен. В следующих письмах он настойчиво приглашал ее приехать к нему, предлагая руку и сердце. В феврале 1923-го они поженились.

Во Владивостоке Галина поступила делопроизводителем-машинисткой в Приморское Управление уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел (НКИД). Через год Кауфмана перевели в Москву на работу в Восточный отдел Коминтерна, а жену его трудоустроили в журнале «Коминтерн» на должность технического секретаря.

В апреле 1925 года Галина рассталась со Львом и уехала в Харбин к больной матери. Вслед из Народного комиссариата иностранных дел ее известили телеграммой, что ей предлагается работа в советском консульстве в Шанхае, а оттуда она была перенаправлена в консульство в Ханькоу.

Михаил Казанин встретил Кольчугину на улице. Со. школьной поры она мало изменилась. Все то же живое лицо, лукавые глаза и та же легкая, дразнящая манера разговора.

Она пригласила Михаила прийти к ним (к ней и Василию Константиновичу) и вспомнить старую дружбу. Но Казанин в гости не пошел. Ему, рядовому работнику, казалось неуместным становиться на короткую ногу с прославленным героем Гражданской войны только потому, что тот женился на его школьной подруге...

Блюхер занимал особняк на набережной Янцзы, на самом краю одной из бывших английских концессий. Он и Галина жили наверху. На нижнем этаже располагалось Информбюро, место работы и обитания Казанина.

Однажды утром вниз сошла Галина и сообщила Каза¬нину, что начальство направляет ее в его распоряжение. Ее задача: печатать на машинке и вообще делать все, что он потребует. Но буквально через два дня она с извинением сказала: больше приходить не сможет. Значит, шеф-муж приревновал ее к школьному приятелю.

Так прекратилось их кратковременное сотрудничество, но друзьями они остались...

В феврале 1927 года Галин-Блюхер и весь его штаб переехали из Ханькоу в Наньчан, где со своими главными силами, своего рода преторианской гвардией, располагался Чан Кайши. Ханькоу в это время представлял собой оплот демократии. Здесь были промышленность, рабочие союзы, боевое студенчество и, наконец, ЦК китайской компартии. Такое средоточие «левых» — явно неподходящее место для Чана. Он предпочитал отсиживаться в тихом, провинциальном Наньчане, вдали от студентов и рабочих. Там же находился и его штаб. Чтобы не выпускать Чан Кайши из поля зрения и не допустить открытого с ним разрыва, и было принято решение перебазировать в Наньчан военную миссию Блюхера...

С началом 1927 года партия Гоминьдан, первую скрипку в которой теперь играли не столько политики, сколько

военные, уже открыто стояла на защите интересов буржуазии и помещиков. Генералитет, одержав решающие победы в Северном походе, высказывался против проведения даже самых куцых социальных реформ, категорически выступал против удовлетворения как политических, так и экономических требований рабочих и крестьян.

В ответ на давление компрадоров и репрессии военщины революционное движение в полуколониальном Китае к этому периоду достигло невиданного размаха. Докатилось оно и до Шанхая. Весной там произошло восстание рабочих. 22 марта войска НРА пришли им на помощь: были освобождены Шанхай и Нанкин. Но эта победа революционных сил была для них последней.

Советские политические и военные советники прилагали немалые усилия, чтобы закрепить завоевания революции в интересах трудящихся масс, но объективные возможности для этого отсутствовали. Наши советники слишком уповали на коммунистов, однако те не оправдали их надежд. Разрыв Гоминьдана с коммунистами был во многом обусловлен ультралевацкими замашками последних. А самостоятельно гоминьдановцы не могли, да и не хотели спасти дело ими же начатой в Китае революции.

Вступление Национально-революционной армии в Шанхай, оплот иностранного капитала, вначале вызвало сильный испуг у внутренних и внешних реакционеров. Но страх их был напрасным. Меньше, чем через полмесяца после появления в Шанхае НРА, ее главком Чан Кайши со своими «мартовцами»[1] осуществил давно готовившийся им контрреволюционный переворот. Улицы Шанхая были залиты кровью рабочих. 11 апреля 1927 года бойня достигла апогея. По приказу Чана была жестоко подавлена мирная демонстрация трудящихся у его штаб-квартиры. Солдаты грузовиками вывозили с улиц убитых демонстрантов. Шанхайский кровавый разгул «мартовцев» дал старт путчам

---

[1] «Мартовцами» называли сподвижников Чан Кайши, принявших участие в контрреволюционном путче 20 марта 1926 года.

в других провинциях. В середине апреля в Гуанчжоу путчисты расстреляли свыше двух тысяч человек. По стране гулял лозунг «Убей коммуниста!». Коммунисты повсеместно подвергались пыткам и уничтожению. Чан Кайши буквально топил в крови суньятсеновскую революцию.

Чан сформировал в Нанкине новое, «свое» правительство. Была запрещена компартия. Профсоюзы и другие демократические организации ставились вне закона, к ним применялся жестокий террор. С середины 1927 года Гоминьдан, начинавший как партия национального освобождения, окончательно превратился в партию национального предательства. Уханьское правительство, как ни старалось, совладать с Чан Кайши оказалось не в силах.

В этих условиях наши советники не могли больше оставаться в Китае. Как ни тяжело, но пришлось признать, что достигнутые завоевания китайского народа, его успехи в борьбе за национальную свободу и независимость в результате предательства кучки руководителей Гоминьдана сведены на нет.

Блюхер уезжал из Китая морально разбитый и истощенный физически. Опять разболелись старые раны. Пуще прежнего одолевал фотодерматит, перешедший в себоррей¬ную экзему, которая покрыла его голову и лицо розово-желтыми нестерпимо свербящими пятнами.

Но, вопреки всему, пребывание в Китае и его самого, и возглавляемых им военных советников в течение почти трех лет, он считал, сыграло важнейшую роль в китайской революции. Вклад в создание Национально-революционной армии и в достижение этой армией блестящих побед, особенно в Великом Северном походе против китайских милитаристов, никому не отнять, и он еще отзовется добрым знаком в будущей истории Китая.

Действительно, успехи НРА напрямую связывали, прежде всего, с именем Блюхера-Галина не только в самом Китае, но и далеко за его пределами.

К.А. Мерецков, работавший в 1926—1927 годах в Китае, вспоминал: «Помню, как всполошились французские журналисты, обнаружив, что у Сунь Ятсена основным советником по военным вопросам является некий человек плотного телосложения, с постоянной улыбкой на явно европейском лице. Кто этот иностранец, дающий чрезвычайно квалифицированные рекомендации? Распространился слух, что он, будто, — отставной французский генерал Гален. Сотрудники Генштаба Франции тщетно искали в своем военно-учетном столе личного состава такую фамилию и в ответ на вопросы журналистов лишь пожимали плечами. Тогда дотошные газетчики приступили к поискам с другого конца и докопались, что мифический француз — это не кто иной, как герой Гражданской войны в Советской России, приехавший в Китай по приглашению доктора Сунь Ятсена... Блюхер».

Народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин, находясь в Китае, в сентябре 1927 года писал Сталину: «...С величайшим восторгом Евг. Чен[1] отзывался о Галине, причем он сказал, что Чан Кайши и другие связанные с ним генералы, несмотря на все случившееся, относятся с величайшим уважением к т. Галину. Все признают, что именно он был главным инициатором превращения Южной армии из средневековой в модернизированную, он же был автором совершенно новой для Китая тактики южных армий, которая должна признаться образцовой.

Громадные успехи южных армий и их блестящая тактика, сначала при завоевании Гуандуня, а затем при движении на Янцзы, были совершенной неожиданностью для всех и для иностранцев, а это заслуга т. Галина.

С коммунистическим приветом *Чичерин*.

9.09.1927 г.».

---

[1] Евгений Чен (родом из Тринидада, получил образование в Англии, переехал на постоянное жительство в Китай, женился на китаянке) занимал пост министра иностранных дел в национальном правительстве Китая.

Люди, хорошо знавшие Блюхера по совместной работе в Китае, в своих воспоминаниях создали яркий, впечатляющий его образ.

М. Казанин: «Первое, что бросилось в глаза при встрече с Блюхером и осталось навсегда в сознании, — это, я бы сказал, его счастливая внешность и счастливая манера: перед вами стоял и с вами общался красивый, привлекательный, очень простой и в то же время очень сильный и сдержанный человек... Запоминался открытый взор серых глаз под темными густыми бровями. Были в нем крестьянская основательность и рабочая гордость... и те черты, что он перенял от лучшей части военной среды, — мужество, немногословие, быстрота суждения, неограниченное доверие к боевым товарищам, высокое представление о долге, чести, слове».

А. Хмелев: «Галину буквально нельзя никуда выйти на улицу без того, чтобы его движение не встречалось овациями населения... Для китайского населения имя Галина стало нарицательным, теперь уже всех русских советников зовут Галиными».

Е. Аверин: «Авторитет себе Галин создал невероятно высокий. Наши советники говорят, что не проходит того дня, чтобы кто-либо из китайцев не спросил, где находится Галин, скоро ли он приедет... Верили Галину китайцы абсолютно. Каждое его заявление по вопросам, касающимся военных действий, считается законом. Курьезно, что Галин умел выставить на фронт таких генералов, которые в течение всей жизни не вылезали из кабинета. К примеру, Тань Янькай никогда не бывал на фронте. Стоило только Галину сказать, что Тань Янькаю надо бы быть на фронте, как старик немедленно выехал».

Но было бы неверным считать, что Блюхеру в Китае работалось легко. Он постоянно пребывал в напряжении. Его окружала непростая среда: с одной стороны, неприязнь многих честолюбивых местных генералов, с другой — недоброжелатели, завистники, которых было немало среди советских советников, особенно в политическом аппарате Бородина.

В 90-х годах минувшего столетия в Центральном государственном архиве Советской Армии были обнаружены ранее неизвестные материалы о китайском периоде деятельности Блюхера-Галина. Приведу отрывок из письма М.Г. Ефремова (бывшего военного советника в Китае, заместителя Блюхера; псевдоним Ефремова — Арнольд) наркому обороны Ворошилову:

«...Часто при таком весьма прочно организованном аппарате из своих людей Бородин[1] крутит нами, как хочет, несмотря на то, что мы — военнополитические работники — тянем самую тяжелую работу под ежеминутной опасностью. Вся эта публика — Теруни, Калачев, Синани, Тарханов[2] — лакейничают перед Бородиным и ведут разведку среди нас, военных, а потом шепчут ему все, что захочется...

Тов. Сергеев, наш лучший герой-летчик, по-товарищески возмущаясь, передает, что т. Галин, будучи занятым, везет всю тяжесть на себе всего этого великого похода, сам не замечает, как к нему подсовывается вся вредная для нас бражка, которая часто роняет авторитет Блюхера... Все лавры побед приписывает Бородин себе и своим сотрудникам, и, конечно, Вы в Москве знаете, как о главном двигателе — Бородине, тогда как главным двигающим действующим лицом является Блюхер с военными работниками, который каждую свою каплю сил и знаний, будучи не совсем здоровым (измотался на фронте), отдает победе НРА.

Фактически командует НРА ум Блюхера, а не главком Чан Кайши, каждый раз теряющийся в серьезной обстановке, как военной, так и политической.

Это голая правда, Климент Ефремович, когда-нибудь из других источников узнаете. А может, уже знаете от Карахана и др.

Арнольд (зам. Галина), 4.03.1927г.».

---

[1] Речь идет о главе советской политической миссии в Китае М.М. Бородине.

[2] Теруни (Таиров), Калачев, Синани, Тарханов (Эрберг) находились в Китае в качестве политработников и постоянно были в тесном контакте с М.М. Бородиным.

Деятельность Блюхера в Китае была отмечена четвертым орденом Красного Знамени.

Но есть основание предполагать: Блюхер за работу в Китае награжден не одним, а двумя орденами. Пребывание в те годы в Китае советских работников было под большим секретом. Поэтому даже в приказах Реввоенсовета Республики формулировки настолько вуалировались, что совершенно невозможно понять, за какие заслуги отмечен человек. К периоду работы Блюхера в Китае относятся приказы РВСР № 664 и № 25/2 — 1927/28 гг. о награждении его орденом Красного Знамени. Два приказа, значит, и две награды. Однако Блюхер получил только один орден. Как вспоминала Г.Л. Безверхова-Блюхер, ее муж говорил, что за Китай у него два «Красного Знамени», но один орден «где-то заплутал».

В Центральном государственном архиве Советской армии имеется протокол Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) за номером 7 от 15.12.1926 г. о представлении Блюхера В.К. к ордену Красного Знамени, а также секретная поздравительная телеграмма наркома обороны Ворошилова: «Ханькоу. Бородину. Галину. 24 декабря 1926 г. Инстанция наградила Вас, Галина и Бородина, орденом Красного Знамени, сердечно поздравляю. Прошу предоставить список инструкторов, советников, заслуживающих награждения орденом Красного Знамени или другими наградами. Награждении орденами в прессе не сообщать. Мезенцев[1]».

Возвращение в СССР

Советские советники жили в Китае с конца июля и до середины августа 1927 года на чемоданах. Все знали: вот-вот поступит приказ покинуть страну.

---

[1] *Мезенцев* — псевдоним К.Е. Ворошилова.

По свидетельству Казанина, Блюхер и Галина Кольчугина выехали из Китая в числе самых последних сотрудников военной миссии.

В день перед отъездом Казанин зашел к Блюхеру попрощаться. Галина угощала чаем. Сидели в небольшой гостиной наверху. Дверь на веранду была открыта. Было много света и воздуха, гибкая плетеная мебель усиливала впечатление легкости, даже невесомости. Блюхер был в белом костюме, мог показаться совершенно светским человеком, до тех пор, пока взгляд не падал случайно на его крепкие рабочие руки. А она — сама женственность, глядела на мужа глазами откровенно влюбленной женщины...

Казанин обратился к Василию Константиновичу с просьбой разрешить поехать в Советский Союз не через Владивосток или Монголию, как ехали многие, а через Харбин. Там жили его родные, должен подъехать брат, и будет нечто вроде семейного сбора. «Какие могут быть возражения?!» — удивился Блюхер. Потом он поинтересовался у Казанина, доволен ли тот расчетом? Хватит ли ему денег на поездку? Казанин заверил: получил все, как положено, и денег хватит. Блюхер задержал его руку в своей, сказал: «Если вам нужно что-нибудь, пожалуйста, скажите, не стесняйтесь».

Больше Блюхера в Китае Казанин не видел. Позже он узнал, что 11 августа Блюхер со своей новой семьей отбыл в Москву. Его сопровождал тот самый старый царский генерал Шалавин, которого он встретил в приемной в Наньчане[1]; генерал буквально прикрывал собой Блюхера в ки-

---

[1] Казанин впервые встретился с Шалавиным в приемной штаба В.К. Блюхера в Наньчане. Там стоял длинный стол, накрытый к завтраку. За столом сидел подтянутый седеющий военный и с аппетитом ел из полной тарелки овсяную кашу. В такой духоте есть горячую кашу было подвигом. А он, не довольствуясь этим, взял из миски три яйца всмятку и выпустил их на кашу. Затем все это полил консервированным молоком и густо посыпал сахаром. Казанин был загипнотизирован завидным аппетитом старого военного. Вскоре он узнал, что этот «оригинал» — бывший царский генерал Шалавин, перешедший на советскую службу. Он возглавлял в Китае охрану Блюхера-Галина.

шевшем белогвардейцами городе; нельзя было найти более верного и преданного человека.

По приезде в Москву Блюхер сразу попал в руки врачей. Тут же был поставлен диагноз: себорейная экзема, остро выраженная неврастения и гипертонический криз. Блюхер не соглашался на госпитализацию и просил оставить его на домашнем режиме. Просьбу удовлетворили.

Семейная чета Василий — Галина обосновалась в столице в двухкомнатном номере гостиницы «Метрополь». Почти каждый день у них бывали гости — сослуживцы по китайской миссии.

Михаил Иванович Казанин вспоминал: уже живя в Москве, он в один из зимних дней повстречался со своим другом Абрамсоном-Мазуриным, который работал ученым секретарем НИИ имени Сунь Ятсена, и тот поинтересовался у него, был ли он у Блюхера. Казанин ответил, что не был. «Зайди, — посоветовал Абрамсон, — мы все уже навещали его».

Как-то вечером они с женой Отправились к Блюхеру. Галина была одна, обрадовалась Казаниным. Через несколько минут пришел Блюхер с судками — он ходил за обедом. Разговорились. Из беседы выяснилось, что нового назначения Василий Константинович еще не получил. Но в «верхах» якобы поговаривают о возможном назначении его помощником или заместителем к кому-то из крупных военачальников. Блюхер ни к кому в заместители идти не хочет и просит направить его в Ленинград на 1-й стрелковый корпус, который он возглавлял до поездки в Китай. Наркомат обороны пока никакого решения не принял. Михаил Иванович Казанин, в свою очередь, рассказал, кто куда устроился на работу из бывших работников аппарата военных советников.

Блюхер посещал наркомат обороны каждую неделю. При очередном разговоре с наркомом о предстоящей службе Блюхера Ворошилов сказал: «Отдыхай, Василий, служба

от тебя никуда не денется. А пока зайди в лечотдел, там путевка тебе приготовлена».

В лечотделе предложили поехать продолжить лечение и одновременно отдохнуть на Кавказские Минеральные Воды, конкретно — в Железноводск. Блюхер не возражал, тем более, что это было полезно и для Галины, ждавшей ребенка.

Из Железноводска они вернулись в Москву с родившимся сыном Василием...

После Минеральных Вод еще более полугода проходил Блюхер реабилитационный курс в домашних условиях. Постепенно отступила себорея, притихла неврастения. Но от бесполезного времяпрепровождения он стал «закисать»; беспокойная натура его жаждала деятельности.

Наконец, приказ состоялся: Блюхер, вопреки его желанию, получил назначение помощником командующего войсками Украинского военного округа.

Без энтузиазма уехал он в Киев. Галина с маленьким Василием осталась в Москве. Поступила слушательницей на военный факультет Академии связи, параллельно преподавала китайский язык.

Перед отъездом к новому месту службы Блюхер получил квартиру на Чистых Прудах, в которой теперь жила Галина с сыном. Ее опекали, о ней заботились сослуживцы Василия Константиновича, а также ее подруги — Зоя Сергеевна Дубасова, сблизившаяся с Галиной во время работы в Китае, Лидия Фоминична Богуцкая, Екатерина Петровна Бакулина и многие другие.

В Киеве Блюхер пробыл меньше года, и в начале августа 1929 года ему было предложено возглавить организовывавшуюся на Дальнем Востоке Особую Дальневосточную армию.

Из-за загруженности по службе Блюхер редко приезжал из Киева в Москву, а теперь, с переводом его на Дальний Восток, приезды к семье стали еще реже.

Долгие разлуки не могли не сказаться на семейных отношениях Василия с Галиной. В 31-м году и в начале 32-го Га-

лина с сыном периодически приезжала в Хабаровск к мужу, но со временем она поняла: их чувства охладели.

Галина Кольчугина была жизнерадостной, общительной женщиной. Поэтому в ее квартире на Чистых Прудах частыми гостями были писатели, поэты, дипломаты, сотрудники Коминтерна, военные. Хотя между Галиной и Блюхером супружеская связь была разорвана, Василий продолжал навещать бывшую жену. Кроме него, в квартире на Чистых Прудах по приезду в Москву всегда останавливались сослуживцы — Фельдман, Гулин, Слинкин, Крутов и младший брат Блюхера Павел со своей женой Лидией Багуцкой. Багуцкая была ближайшей подругой Галины; в свое время Кольчугина познакомила Лидию с Павлом.

Блюхера тянуло на Чистые Пруды. Тянуло потому, что там жил его сын. И, кроме этого, общаться с Галиной ему по-прежнему было интересно. Ушла любовь, но осталась привязанность.

ОСОБАЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ

Конфликт на КВЖД

В 1929 году дальневосточные рубежи СССР оказались в большой опасности. Китай, подогреваемый влиятельными силами США, Англии и других западных государств, враждебно настроенных к Советскому Союзу, развернул ожесточенную борьбу против Страны Советов.

11 июля радио и газеты Советского Союза обнародовали тревожные вести: 10 июля китайские войска захватили Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД)[1] по всей линии. Телеграфное сообщение с СССР прервано, торговое представительство СССР, отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгфлота закрыты и опечатаны. Управляющему КВЖД Емшанову поставлен ультиматум — передать управление дорогой назначенному китайскими властями лицу. Когда, ссылаясь на договорные обязательства, управляющий отказался выполнить это наглое требование, он и его помощник были отстранены от исполнения своих обязанностей. В должность вступили китайские ставленники. Начальники служб тяги, движения и другие советские служащие изгнаны. Их места заняли бе-

---

[1] КВЖД была построена в 1904 году. Общая протяженность главных путей — 1727 километров. На 1 января 1928 года на дороге насчитывалось 513 паровозов, 11 259 товарных и 714 пассажирских вагонов. На КВЖД работало более 30 тысяч человек. В 1927 году по дороге было перевезено 4882 тысячи тонн грузов; в 1928 году только транзитных пассажиров свыше 6 тысяч.

логвардейцы. Профсоюзы и кооперативы служащих ликвидированы. Арестовано несколько сот человек. Вдоль советской границы наблюдается сосредоточение маньчжурских войск.

Начались провокации на границе.

Так, 18 и 19 июля у поселка Турий Рог китайские солдаты перешли границу на реке Беленхэ, а в районе села Иман обстреляли дозоры пограничной охраны. 24 июля в районе Зарубино китайские солдаты открыли огонь по советскому торговому пароходу «Брянта». В тот же день канонерская лодка «Беднота», находившаяся у устья реки Сунгари, подверглась пулеметному обстрелу с китайской стороны.

Советское правительство заявляло решительные протесты, однако Китай на них не реагировал. Китайские власти надеялись на поддержку Запада, которая резко возросла после захвата КВЖД.

В течение лета северные провинции Китая были превращены в огромный плацдарм для нападения на Советский Союз. Правящая маньчжурская клика милитаристов развернула разнузданную антикоммунистическую кампанию. Маршал Чжан Сюэлян со своими подручными в Мукдене угрожал нападением на СССР и обещал в пух и прах разбить Красную Армию.

Угрозы для нашей страны существовали и на западных границах, но Советское правительство видело: на Дальнем Востоке белокитайская военщина может развязать серьезный широкомасштабный вооруженный конфликт в самое ближайшее время. Поэтому нужно было срочно принять необходимые меры.

6 августа 1929 года был издан приказ РВС СССР, в котором говорилось: «1. Объединить все вооруженные силы, ныне расположенные на территории Дальнего Востока, в армию, присвоив ей наименование «Особая Дальневосточная армия». 2. Командующим Особой Дальневосточной армией назначить товарища Блюхера. 3. Товарищу Блюхеру немедленно вступить в исполнение своих обязанностей».

Выбор командующего советскими вооруженными силами в этом отдаленном от центра России районе ни в наркомате обороны, ни в дальневосточных войсках в тогдашних условиях не вызывал сомнения. Кому, как не Блюхеру — краснознаменцу № 1, герою Перекопа и Волочаевки, «китайскому» генералу Галину, доверить руководство ОДВА.

За рубежом появление Блюхера на Дальнем Востоке вызвало напряжение. Английский журнал «Чайна ревью» писал, что одним из наиболее резких контрастов в нынешнем китайско-русском конфликте является возвращение на Дальний Восток генерала Блюхера, известного в Китае под именем Галина. Создается положение, которое может оказаться небывалым в истории. В случае войны Россия будет иметь командующим ее военными силами, действующими против Китая, человека, бывшего руководящим деятелем в армии враждебного государства и с безукоризненным, из первоисточников, знанием о силах противника.

К границам Советского Союза из глубины Китая непрерывно шли подкрепления. Зашевелились белогвардейцы — семеновцы, хорватовцы, калмыковцы и прочие другие, которые в свое время бежали из Советской России; они хотели взять реванш за прошлое, приняв участие в новом походе на Советы.

Китайская сторона располагала почти трехсоттысячной армией и еще белогвардейскими формированиями в семьдесят тысяч человек. Вся эта армада была сосредоточена на важных стратегических направлениях: в районах станций Маньчжурия, Чжайланор, Хайлар, Цицикар; на благовещенской линии — в устье реки Сунгари (Лахасусу, Фугдин) и в Приморье.

В сентябре провокации на границе усилились, стали носить более агрессивный характер. Блюхер ежедневно докладывал о них в центр. 9 сентября Наркомат иностранных дел СССР послал ноту Китаю, где вновь обратил самое серьезное внимание нанкинского и мукденского правительств на

тяжелые последствия, которые могут иметь место в случае новых провокационных нападений со стороны китайских войск и поддерживаемых ими белогвардейцев.

И на этот раз заявление советского правительства китайские власти не приняли во внимание.

Небольшой китайский город Лахасусу (он стоит на слиянии Сунгари с Амуром) белокитайцы превратили в базу для систематических нападений на советскую территорию. Двадцатидвухтысячный гарнизон Лахасусу имел на вооружении артиллерию, бомбометы, пулеметы и, главное, поддерживался базировавшейся у городского берега Сунгарийской флотилией. Флотилия состояла из трех канонерских лодок, легкого крейсера, четырех вооруженных пароходов и нескольких железных барж с пушками и пулеметами. Благодаря флотилии китайцы могли быстро перебрасывать войска от Харбина к устью Сунгари, а также, в случае необходимости, обеспечивать мощную артиллерийскую поддержку наземным частям гарнизона.

В устье Сунгари ставились мины, их нередко срывало с якорей ветром, и они дрейфовали в Амур. Кроме того, с базы специально запускались плавучие мины, которые создавали громадную опасность для советского судоходства по Амуру.

С Лахасусу постоянно совершались враждебные вылазки. 10 октября, например, в районе Полынь — Масляный Завод китайцы захватили плоты с лесом, предназначавшимся для строительства красноармейских казарм. Вечером того же дня советский катер «Пика» подвергся нападению со стороны китайской канонерской лодки. А 11 октября вдруг вся Сунгарийская флотилия неожиданно приняла боевой порядок против наших военных судов, стоящих на Амуре. Советские корабли, не оказав сопротивления, отошли.

Руководство СССР все время заявляло, что конфликт с Китаем оно будет решать только мирным путем. Командирам и бойцам ОДВА давались строжайшие указания ни

в коем случае не отвечать огнем на провокации. Выдержка и еще раз выдержка, неоднократно подчеркивал Блюхер, выступая перед красноармейцами. В одном из приказов по войскам армии он писал: «Враждебные действия противной стороны нельзя рассматривать иначе, как сознательную провокацию. По-видимому, они (китайцы. — *Н.В.)* замышляют нечто большее, чем творимое на КВЖД и налеты на границу... Я призываю всех к величайшей бдительности. Еще раз заявляю, что наше правительство в данном конфликте придерживается неизменной политики мира и принимает все зависящие от него меры к разрешению его мирным путем.

На провокацию необходимо отвечать нашей выдержкой и спокойствием, допуская впредь, как и раньше, применение оружия исключительно только в целях собственной самообороны от налетчиков».

Видимо, захват китайцами плотов с лесом и нападение Сунгарийской флотилии на советские военные суда на Амуре, по мнению Блюхера, стали тем исключительным случаем, когда можно в полной мере применить оружие в целях собственной самообороны. Командарм отдал приказ: 12 октября уничтожить китайскую Сунгарийскую флотилию и разрушить оборонительные сооружения в районе города Лахасусу.

Сунгарийская операция была разработана не за один день, она готовилась заранее. Главным автором ее был Блюхер, соавторами начальник штаба ОДВА А.Я. Лапин (Лапиньш), командующий Амурской флотилией Я.И. Озолин (Озолинь), командир 2-й Приамурской стрелковой дивизии И.А. Онуфриев и авиатор Э.П. Карклин.

Общая численность привлекаемых к операции сил составляла 1117 человек пехоты. Авиация имела 15 бомбардировщиков и 6 гидросамолетов. Амурская флотилия располагала 8 боевыми кораблями.

Что касается белокитайских сил, то по людскому составу они превосходили наши войска почти в двадцать раз.

Общее руководство операцией возлагалось на Лапина.

На рассвете 12 октября корабли Амурской речной флотилии с десантными полками 2-й Приамурской дивизии направились к устью Сунгари. При подходе к устью корабельная артиллерия открыла по противнику шквальный огонь. Затем самолеты 40-й бомбардировочной эскадрильи и 68-й гидроэскадрильи под командованием Карклина провели бомбометание по китайским судам и Лахасусу. Удары были внезапными и сокрушительными. Комендоры флотилии и летчики потопили четыре боевых корабля и четыре баржи с военным имуществом противника, подавили береговые огневые точки. Канонерская лодка «Красный бурят» и минный заградитель «Сильный» высадили 5-й и 6-й стрелковые полки. Красноармейцы стремительно атаковали город...

К полудню Лапин донес Блюхеру: Лахасусу взят, остатки разбитых белокитайских частей во главе с адмиралом Шеном бежали в Фугдин. Укреппозиции противника разрушены. Трофеи — 5 барж, 10 орудий, 13 бомбометов, 10 пулеметов. Китайцы потеряли убитыми 200 солдат и офицеров, 150 попали в плен. Наши потери — 5 человек.

Через три дня войска ОДВА, принимавшие участие в операции, погрузились на корабли и вернулись на свою территорию.

Укрывшийся в Фугдине адмирал Шен не успокоился. Обстрелы и нападения на советскую территорию продолжались. Из Харбина в Фугдин прибывали подкрепления, город серьезно укреплялся. Разгромленная база Лахасусу была вновь занята китайцами. И Блюхер решает провести вторую операцию по разгрому гарнизонов противника вдоль Сунгари от Лахасусу до Фугдина и уничтожению остатков Сунгарийской флотилии.

Руководить операцией Блюхер поручил командующему Амурской флотилией Озолину.

29 октября десантные отряды 2-й Приамурской дивизии погрузились на суда, и двинулись к Сунгари. На рейд Лахасусу вошли без боя, белокитайцы бежали в сопки. Десант продолжил движение вверх по Сунгари. Сутки спустя

корабли Амурской флотилии были у Фугдина. Противник, подготовившийся к обороне, открыл сильный огонь, однако канониры корабельных пушек быстро заставили китайцев замолчать. Подоспела авиация и потопила все суда Сунгарийской флотилии.

Штурмовать город в лоб красноармейцы не стали, иначе это привело бы к большим потерям. Были проведены стремительные обходные маневры. В результате трехчасового, губительного для китайцев боя части гарнизона отступили, оставив Фугдин.

2 ноября Амурская военная флотилия вернулась в Хабаровск.

Озолин доложил Блюхеру: «В ходе операции разгромлено осиное гнездо приамурской контрреволюции, уничтожены береговые укрепления противника, полностью разбита и потоплена Сунгарийская флотилия».

Американский посланник в Китае 4 ноября отправил в Вашингтон донесение, в котором указывал, что рейд Советов на Фугдин произвел удручающее впечатление на местные китайские круги, вызвал панические настроения в Харбине. По его мнению, русские, когда встанет Амур, предпримут новое, «более грандиозное наступление».

Разгром белокитайцев под Лахасусу и Фугдином обеспечил спокойствие на Амуре. А вот на границах Приморья и Забайкалья китайские происки не только не прекращались, наоборот, усиливались.

Операции под Лахасусу и Фугдином были проведены безупречно; они продемонстрировали великолепные боевые качества недавно созданной Блюхером армии. Китайцы были шокированы военной мощью красных. Превентивные ответные удары ОДВА на их систематические провокации они восприняли как начало войны Советского Союза против Китая.

Намерения начать большую войну с Китаем советское правительство не имело. Но преподать суровый урок зарвавшимся милитаристам было необходимо, чтобы надолго отбить у них желание посягать на границы СССР.

В ноябре устами ТАСС советское правительство всецело оправдало решительные жесткие действия командования Особой Дальневосточной армии. Оно подчеркнуло, что в создавшейся на Дальнем Востоке обстановке нужно было поступить так, как оно поступило. Китай принудил ОДВА принять контрмеры по защите наших границ и для обеспечения охраны пограничного населения и нашего тыла.

Блюхер, безусловно, действовал не сам по себе. Он поступал в соответствии с директивами, которые ему спускались сверху.

Пришли морозы, лед сковывал приграничные реки, естественные преграды исчезали, и белокитайцы резко активизировались. Блюхер имел достоверные данные о готовившемся большом наступлении белокитайцев. За сунгарийские поражения они жаждали поквитаться с Красной Армией. Командование мукденских войск спланировало предпринять две крупные операции: в Приморье — в районе Мишань-фу и в Забайкалье.

Штаб ОДВА по приказу Блюхера срочно разрабатывает предупредительные ответные меры. У приморской границы сосредоточивается сводная группа войск (1-я Тихоокеанская дивизия А.И. Черепанова, 9-я Отдельная кавалерийская бригада Д.А. Вайнерха, другие части и подразделения) под началом Лапина.

Одновременно в Забайкалье приводится в боевую готовность Забайкальская группа под командованием комкора С.С. Вострецова.

Чжалайнор-Маньчжурское направление к началу ноября стало наиболее опасным. Сюда белокитайская военщина стянула шесть большой численности пехотных бригад, кавдивизию, два бронепоезда, саперные и другие технические подразделения, а также несколько отрядов, сформированных из русских белогвардейцев. В целом эта группировка, возглавляемая генерал-лейтенантом Лян Чжуцзяном, насчитывала около 60 000 штыков и сабель. Лян хвастливо заяв-

лял: он не сомневается в том, что разобьет войска цзян-цзю¬ня Галина и дойдет до Читы...

Войскам Лян Чжуцзяна противостояли две стрелковые дивизии, кавбригада, кавдивизион, артиллерийский дивизион, саперный батальон, танковая рота, железнодорожная рота, три бронепоезда и легкобомбардировочная эскадрилья. И еще в резерве, в читинском лагере, находилась 21-я Пермская стрелковая дивизия. Но она не была отмобилизована и содержалась по штатам (в большинстве сокращенным) мирного времени

Части Забайкальской группы к этому времени располагались в районе станиц Даурия, Борзя, поселка Абагай¬туевский и отслеживали все перемещения китайцев вдоль нашей границы.

Все говорило о том, что китайцы вот-вот совершат нападение.

В середине ноября в Забайкалье прибыли командарм Блюхер и член РВС Н.Е. Доненко с готовым планом нанесения упреждающего удара по группировке Лян Чжуцзяна. Он сводился к следующему: надежно прикрывая главными силами Читу, предпринять глубокий обходный маневр, прорваться севернее Маньчжурии к городу Чжалайнор, рассечь, таким образом, войска противника и уничтожить их по частям,

Обходной маневр, по замыслу Блюхера, призваны совершить мобильные силы: 35-я Сибирская стрелковая дивизия, 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада К.К. Рокоссовского и Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион. В центре фронта держать противника должны 36-я Забайкальская и 21-я Пермская стрелковые дивизии.

16 ноября китайские войска при поддержке артиллерии попытались напасть на станицу Абагайтуевскую и разъезд № 86. Это стало официальным поводом для ответных боевых действий советской стороны.

Операция началась в ночь на 17 ноября 1929 года. Как это было? Участник Чжалайнор-Маньчжурской операции

командир артиллерийской батареи 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады Г.И. Хетагуров рассказывал в своих воспоминаниях: их бригада под покровом темноты вышла из станицы Абагайтуевская и двинулась вдоль восточного берега Аргуни в тыл Чжалайнорской группировке противника. Стоял крепкий мороз. Дул сильный встречный ветер. Даже полушубки не согревали людей.

Километрах в семи от Абагайтуевской бригада остановилась; необходимо еще раз проверить, как подготовлены кубанцы к бесшумной переправе по льду через Аргунь. Перед операцией войскам мобильной группы был доведен приказ командарма о соблюдении величайшей скрытности сосредоточения и выдвижения на исходные позиции. Красноармейцам предписывалось подогнать снаряжение, не допускать шума, категорически запрещалось курение на марше. Для уменьшения стука все колеса повозок и орудий рекомендовалось обмотать матерчатыми жгутами, дно и бока зарядных ящиков и патронных двуколок выложить войлоком, все железные соединения конской сбруи обернуть тряпками.

С восходом солнца передовые эскадроны бригады достигли железной дороги Чжалайнор — Харбин. Со стороны Чжалайнора появился поезд. Артиллеристы Хетагурова подбили паровоз, поезд остановился, из вагонов в панике высыпали солдаты и офицеры. Беспорядочно стреляя, они бросились в разные стороны. Их настигали конники, рубили саблями; лишь несколько человек сдались в плен. В числе сдавшихся оказался и генерал, судорожно прижимавший к груди пухлый портфель. Генерала привели к Рокоссовскому, допросили. В процессе допроса и из документов, извлеченных из портфеля, были получены весьма ценные данные о противнике.

Перевалив через железную дорогу, части кавбригады атаковали тылы 17-й пехотной бригады противника, оборонявшей Чжалайнорский узел. Пехотинцы не выдержали натиска кубанцев, побежали. Им на выручку поспеши-

ла китайская и белогвардейская кавалерия. В кровавой рубке схлестнулись красные и белые конники. Большие потери несли обе сражавшиеся стороны. И все-таки кубанцы выиграли бой.

5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада со своей задачей справилась: обойдя Чжалайнор, она отрезала китайские войска от Хайлара.

Перед 36-й Сибирской дивизией стояла задача овладеть Чжалайнором с фронта. Подступы к Чжалайнорскому укрепрайону были непростыми. Перед наступающими лежала сложная местность. Между реками Аргунь и Мутная Протока долины залиты осенними дождями, и теперь, когда ударили морозы, превратились в ледяные поля. Все это, несомненно, благоприятствовало обороняющимся, а тем, кто наступал, естественно, создавало большие трудности.

Уже с первых часов завязавшиеся бои обрели ожесточенный характер. Цепи полков 36-й дивизии, несмотря на упорное сопротивление противника, неотвратимо давили на его позиции. Укрывшись в блиндажах, белокитайцы сражались отчаянно, и даже после занятия красноармейцами окопов продолжали драться.

К исходу 17 ноября дивизия, почти целиком уничтожив 14-й китайский полк, вплотную приблизилась к Чжалайнору, но овладеть городом не смогла.

Ранним утром авиаразведка обнаружила крупные силы белокитайских войск, двигавшиеся от станции Цаган к осажденному Чжалайнорскому гарнизону. Блюхер реагирует на это быстро и жестко: он приказывает Вострецову поставить плотный огневой заслон подкреплению из Цагана и к 12 часам дня во что бы то ни стало взять Чжалайнор.

Приказ командарма Забайкальская группа выполнила точно и в срок. Мощной артподготовкой цаганская «помощь» была остановлена. Одновременным штурмом 36-й стрелковой дивизии и подошедшими полками 35-й Чжалайнор к середине дня был захвачен. Остатки гарнизона попытались вырваться, но за городской чертой попали под клинки Кубанской кавбригады.

Захват Чжалайнора был первым этапом операции. Второй этап — Маньчжурия.

36-я дивизия вышла на южный участок Маньчжурского узла и соединилась с частями 21-й Пермской дивизии, блокировавшими укрепрайон с запада. Чжалайнор-Маньчжурская группировка оказалась в окружении войск ОДВА, ей окончательно были отрезаны все пути для отхода. Чтобы избежать напрасного кровопролития комкор Вострецов предъявил окруженным ультиматум о безоговорочной капитуляции. Командующий белокитайскими войсками Лян Чжуцзян капитулировать отказался.

На следующий день бои вспыхнули с новой силой. На передовые линии наступающих войск выехали Блюхер и член РВС Доненко. Слух об этом моментально разнесся по фронту. Позже командир 35-й дивизии П.С. Иванов вспоминал о том, какое огромное влияние оказало на красноармейцев присутствие на поле боя командарма и члена РВС. Находясь в наиболее ответственных местах развертывающихся под Маньчжурией сражений, они нередко брали на себя руководство конкретным боем. Непосредственная живая связь с бойцами в значительной мере усиливала боевой порыв подразделений и содействовала успеху.

Красные полки вновь штурмовали сильно укрепленные позиции. Здесь по рекомендации командарма, как и под Перекопом, Волочаевкой, успешно применялся блюхеровский метод прорыва обороны противника волнообразными атаками. Первый эшелон атакующих занимал окопы переднего края, забрасывал гранатами блиндажи и, не задерживаясь, шел вперед в глубь обороны. Очистка блиндажей от вражеских солдат, подавление локальных очагов сопротивления производилась вторым и третьим эшелонами.

108-й Белорецкий полк 36-й дивизии преодолевал наиболее укрепленную полосу китайской обороны. Неся большие потери, батальоны никак не могли пробить эту «проклятую полосу»: сказывалось пятикратное превосходство обороняющихся. И тогда на этот участок была направлена

единственная в Забайкальской группе рота танков МС-1. Появление на поле боя танков вызвало у противника замешательство. Командир 108-го полка отмечал потом, что танки оказали бойцам неоценимую боевую и, особенно, моральную поддержку. Своим появлением и огнем они вносили деморализацию в ряды противника. С помощью танков полк, наконец, опрокинул врага и ворвался на окраину станции Маньчжурия.

Утром многочисленные отряды китайской конницы и пехоты хлынули из города Маньчжурия на юг. Они шли напролом, не считаясь с потерями. Кубанская кавалерийская бригада и Бурят-Монгольский кавдивизион с шашками наголо кинулись на прорывающихся. Поле покрылось множеством убитых и раненых...

Части 36-й Сибирской и 21-й Пермской дивизий вошли в город. Гарнизон сдался. В плен попал весь штаб Чжалайнор-Маньчжурской группировки во главе с Лян Чжуцзяном.

К исходу 20 ноября Блюхер телеграфировал в Реввоенсовет Республики: «Чжалайнор занят 18 ноября, Маньчжурия — 20-го... Противник упорно сопротивлялся... Разгромлены полностью 15-я и 17-я смешанные бригады противника. В результате боев взято свыше 8 тысяч пленных... Захвачен командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжуцзян со своим штабом и около 250 офицеров. Противник потерял убитыми около полутора тысяч.

Нами взята почти вся имеющаяся артиллерия, два бронепоезда, большое число военного имущества, снаряжение и прочее.

Наши потери: убитых— 123, раненых—605 человек...

Наши войска дрались отлично, проявляя высокую доблесть и героизм».

Войска Забайкальской группы ОДВА в последующие дни овладели станцией Цаган и городом Хайлар.

К этому времени сводная группа Лапина разгромила в Приморье гарнизон Мишань-фу. Были захвачены штабы 1-й

Мукденской кавалерийской дивизии и 1-й стрелковой бригады. В боях там было уничтожено более тысячи белокитайцев.

Бесславный финал враждебных происков, проводимых правящими кругами Китая против СССР, заставил мукденское и нанкинское правительства пойти в конфликте с КВЖД на попятную.

Маньчжурский правитель маршал Чжан Сюэлян обратился к советским властям с предложением срочно начать переговоры об урегулировании советско-китайского конфликта. 22 декабря в Хабаровске состоялось подписание советско-китайского протокола о восстановлении положения на КВЖД. Согласно протоколу все без исключения советские граждане, арестованные китайскими властями после 1 мая 1929 года и в связи с конфликтом, немедленно освобождались. Рабочим и служащим, уволенным с дороги, предоставлялось право вернуться на занимаемые ими до увольнения должности. Советское правительство соглашалось, в свою очередь, освободить арестованных в связи с конфликтом китайских граждан и интернированных китайских солдат и офицеров. Возобновлялись консульские отношения. На границах Китая и СССР восстанавливалось мирное положение. Китайские власти дали обязательство разоружить русские белогвардейские отряды. Войска обеих сторон отзывались на свои обычные места дислокации.

Боевые успехи молодой Особой Дальневосточной армии были по достоинству отмечены высокими наградами страны. ОДВА за доблестные действия по защите Родины была награждена орденом Красного Знамени и отныне именовалась Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. Ордена Красного Знамени удостоились свыше 500 командиров и красноармейцев, участвовавших в боях против белокитайцев. Блюхер получил пятый орден Красного Знамени.

Орденом Красного Знамени награждены Н.Е. Доненко и А.Я. Лапин.

Командующий Забайкальской группой войск С.С. Вострецов был отмечен Почетным революционным оружием.

В это время был учрежден новый знак государственного отличия — орден Красной Звезды. Революционный Военный Совет Союза ССР вошел во ВЦИК СССР с обращением: «Боевые успехи Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в защите наших границ от белокитайских наймитов и международного империализма были достигнуты под выдающимся и искусным руководством командующего этой армией товарища Блюхера Василия Константиновича, — говорилось в нем, — РВС СССР ходатайствует о награждении Блюхера орденом Красной Звезды».

В мае 1930 года Блюхер стал первым в Советском Союзе кавалером ордена Красной Звезды.

На мирные рельсы

Отгремели в долинах и на сопках Маньчжурии артиллерийские залпы и пулеметные очереди. Не слышно боевого клича дальневосточных красноармейцев «Даешь!». Но в войсках еще свежи воспоминания о минувших сражениях: бойцы и командиры обсуждали бои с белокитайцами во время конфликта на КВЖД.

Блюхер в конце 1929 года провел большой сбор командно-политического состава армии, где были подведены итоги советско-китайского вооруженного столкновения. Командарм выступил на нем с обстоятельным докладом. Он проанализировал действия каждой дивизии, бригады, отдельной части, конкретно отметил их удачи и промахи. Блюхер был строг и справедлив в оперативно-тактических оценках.

Затем он остановился на поучительном опыте действий объединенных сил во время операций на реке Сунгари и в Забайкалье. Блестящий успех Сунгарийской операции, считал Блюхер, — это результат слаженности и четкости взаимодействия флота, пехоты и авиации. Те же четкость, слаженность и абсолютное понимание общих целей пред-

ставителей всех родов войск принесли победу и в Чжалайнор-Маньчжурской операции. Особо он выделил умелое маневрирование на поле боя кавалерии и пехоты. Глубокий обход конницей укрепленных позиций позволял при согласованных усилиях со стрелками брать в кольцо и пленить крупные войсковые соединения противника.

Блюхер был прекрасным аналитиком. Он мастерски разбирал по косточкам любую проведенную операцию и извлекал из нее емкий и, главное, поучительный урок. При этом обязательно расставлял оценки сделанному: это — «хорошо», вот это — «очень хорошо», это — «отлично», а вот это сработано на «плохо» и «очень плохо». То, что «хорошо», «очень хорошо» и «отлично», нужно взять на вооружение. Что же касается «плохо», «очень плохо», необходимо забыть, как страшный сон, чтобы никогда не повторить в будущем.

В заключение сбора Блюхер произнес "короткую, зажигательную речь: «Родина дала высшую оценку нашей боевой работы — Особая Дальневосточная армия награждена орденом Красного Знамени... Так не пожалеем сил, приумножая боевое могущество Страны Советов. Будем всегда помнить: мы краснознаменцы, мы на границе, мы на линии огня. Лозунг «Даешь отпор!» не снимайте с повестки дня. Отпор беспощадный, сокрушающий, на каждое нарушение наших рубежей, на каждую вражескую вылазку. Да здравствует отпор!».

Блюхер был отменным оратором, умел зажечь публику. И на этот раз он попал в точку. Буквально на следующий день его речь участники сбора разнесли по войскам. Не исключено, что под ее влиянием Александр Поморский написал песню, в которой были такие слова:

...И слушает страна настороженным ухом:
Враг точит нож и лезет на рожон.
И слушает страна — приказывает Блюхер:
Дивизия, в охрану, на кордон!

Стоим на страже
Всегда, всегда.
Но если скажет страна труда,
Винтовку в руки!
В карьер! В упор!
Товарищ Блюхер,
Даешь отпор!

Эту маршевую песню в 30-е годы пела вся страна.

ОКДВА (Особая Краснознаменная Дальневосточная армия — таково теперь было официальное название) вставала на рельсы мирной учебы. Получив на старте своего формирования боевое крещение, она в организационном отношении еще оставалась «сырой» военной организацией. Блюхер убедился в этом, когда в начале 1930 года совершил объезд войск армии, ознакомился с состоянием казарм, парков техники, проверил боеготовность. Соединения, отдельные части нуждались в упорядочении их структур, в обустройстве мест постоянного базирования, в укреплении грамотными, высококвалифицированными командными кадрами. Но первоочередной была, конечно, задача по совершенствованию боевой выучки. Блюхер потребовал от командиров всех степеней резко усилить тактическую подготовку войск, больше проводить выходов в поле — совершать длительные марши в условиях горно-таежной местности, форсировать водные преграды, отрабатывать боевое взаимодействие.

В июне 30-го года открылся XVI съезд ВКП(б), делегатом которого большевики Дальневосточного края избрали Блюхера. Участником партийных съездов он никогда еще не был, и это было для него событием. В Москве он впервые близко увидел всех высших руководителей страны. И, конечно же, Сталина. Блюхер встречался с ним десять лет назад на Каховском плацдарме. Тогда Сталин был членом РВС Юго-Западного фронта, а теперь он — вождь: генеральный секретарь ЦК партии, руководитель Советского Союза.

На съезде Блюхер оказался в центре внимания всех делегатов. От имени РККА[1] ему было поручено приветствовать партийный форум.

На сцену Большого театра он поднялся с развернутым Знаменем ОКДВА, со своими соратниками — героями недавних боев на КВЖД. Президиум и зал встали.

Председательствующий Калинин предоставил Блюхеру слово, всех попросил занять свои места, но делегаты не сели, стоя слушали речь командующего ОКДВА.

Блюхер говорил:

— Особая Дальневосточная армия, один из отрядов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, была вынуждена показать: на страну строящегося социализма мировая буржуазия безнаказанно нападать не может...

Съезд аплодировал.

— Особая Дальневосточная армия не является по своим техническим качествам лучшей частью нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И пример Особой Дальневосточной армии, свидетелями которого мы были, говорит о том, что, если бы нам навязали войну на других фронтах, мы противнику сумели бы показать, что мы умеем защищать диктатуру рабочего класса и пролетарскую революцию с не меньшей настойчивостью, чем это сделала Особая Дальневосточная армия...

Гром аплодисментов.

— Позвольте заверить вас, что, если в будущем повторится новая попытка помешать нашему социалистическому строительству, попытка напасть на наши границы, Красная Армия сможет с еще большей решительностью, с еще большим энтузиазмом, с полной готовностью умереть за дело пролетариата, защищая наши границы.

И снова гром аплодисментов...

В перерыве Сталин подошел к Блюхеру.

---

[1] РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

— Хорошо выступили, товарищ Блюхер, — сказал он, пожимая ему руку. Добавил: — Вы искренний человек, я верю вам. — Предложил: — Где ваша делегация, давайте вместе на память сфотографируемся.

Блюхер всегда считал: чтобы работать слаженно, эффективно — нужно иметь сплоченную команду единомышленников, которой всецело доверяешь. И раньше, где бы он ни находился, какую бы командную должность ни занимал, и теперь, являясь командармом, он собирал вокруг себя, прежде всего, преданных друзей. Бывший соратник Блюхера по Гражданской войне М.Д. Голубых говорил о нем: «Величие Василия Константиновича заключается не только в том, что он сам был способным человеком, но и в том, что своими способностями он не подавлял своих товарищей, а ценил их мнение, уважительно относился к ним, не сковывал их инициативу. Этим он покорял сердца... Судите сами: я работал с Василием Константиновичем в 1917 году в Челябинске, работал в его штабе в партизанском отряде, в штабе 30-й дивизии, в штабе 51-й дивизии. Никакой отдел кадров меня не перебрасывал, никто не переводил... Переводил меня Василий Константинович...»

В разное время на различные командные должности в ОКДВА по просьбе Блюхера были назначены его старые сослуживцы: Я.К. Берзин, И.К. Грязнов, М.Г. Ефремов, М.В. Калмыков, Б.К. Колчигин, А.Я. Лапин. Я.З. Покус, М.В. Сангурский, Г.Д. Хаханьян и многие другие.

Расставляя на ключевые посты в армии надежных людей, Блюхер начал реорганизацию частей и соединений. Он обратился к наркому обороны с предложением изменить структуру и состав Забайкальской группы войск с целью ее усиления.

В 1931 году Япония вторглась в Маньчжурию, создав серьезную угрозу советским дальневосточным границам. Самурайская военщина готовилась к войне против Советского Союза. Сооружались аэродромы, строились военные

городки, создавались укрепленные районы. Японцы нарушали границу, стремясь забросить в наш тыл шпионов и диверсантов; проводили многочисленные провокации на КВЖД. В японской печати раздавались призывы к нападению на СССР, военное ведомство издало специальные карты «великой Японской империи».

После Второй мировой войны были опубликованы секретные документы из архивов высших ведомств Токио. Японский военный атташе в Москве Касахара писал в 1931 году Генеральному штабу в Токио: «Если Япония намеревается существовать в качестве Великой Японии, ей нельзя будет избежать — рано или поздно — столкновения с СССР...» И далее: «Нам нужно будет осуществить продвижение, по меньшей мере, до Байкала. В том случае, если мы остановимся на байкальской линии, Япония должна будет рассматривать оккупированный Дальневосточный край как часть владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, то есть на долгие времена».

В этих условиях укрепление ОКДВА на забайкальском военном театре было совершенно оправданным. К апрелю 1932 года Забайкальская группа войск возросла почти втрое. В нее вошли 9-й стрелковый корпус, 57-я и 36-я Забайкальская стрелковые дивизии, 15-я кавалерийская дивизия (бывшая 5-я Кубанская бригада), 22-я кавалерийская дивизия, Бурят-Монгольская кавалерийская бригада (бывший Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион), танковая бригада, авиационные и другие части. Командующим группой стал комкор Б.С. Горбачев, затем И.К. Грязнов.

Укреплялось и приморское направление. В Приморской группе войск, которой командовал И.Ф. Федько, формировались территориальные части вдоль линии границы.

Весной 1932 года газета ОКДВА «Тревога» опубликовала приказ командарма Блюхера, где были поставлены задачи боевой и политической подготовки на предстоящее лето.

«Обостренная международная обстановка и явная подготовка империалистов к войне против СССР, — говорилось в нем, — требуют от нас неослабной бдительности и постоянной боевой готовности. Поэтому задача подготовки к летнему периоду должна быть нами выполнена организованно и в максимально короткий срок.

Сейчас же необходимо подвести итоги большой проделанной нами работы, отметить достижения, выявить недочеты, которые еще имеют место в боевой подготовке, всеми мероприятиями добиться полной ликвидации этих недочетов, в первую очередь в стрелковой подготовке начсостава, чтобы зимнюю учебу закончить с полным успехом и подготовленными вступить в летний период обучения.

Опыт показывает, что своевременно и успешно начинают летнюю учебу те части, которые хорошо продумали, материально своевременно обеспечили и выполнили план подготовки к летнему периоду.

А там, где все это не додумано до конца и до мелочей, где господствует расчет на самотек, — там мы наблюдаем опоздание в выполнении плана подготовки материальной части, большое отвлечение бойцов на оборудование лагерей и на другие работы; в результате — запоздание, неорганизованное начало летней учебы».

В качестве первой задачи Блюхер требует в совершенстве овладеть техникой. Овладеть этой техникой для общевойскового командира — значит достигнуть высокого умения в организации взаимодействия войск, насыщенных новыми техническими средствами. Этого можно добиться только на основе практического освоения расчетных данных, определяющих тактические возможности технических средств.

К этим требованиям необходимо прибавить безукоризненное овладение техникой штабной службы, навыками организации и руководства боевой подготовкой войск. Эта задача должна пронизывать все тактические учения, всю тренировку частей во взаимодействии разных родов войск.

Вторая задача — отрядные учения. Эти учения, особенно летом, для начальствующего состава имеют своим главным назначением приобретение практических навыков применения технических средств борьбы. Поэтому командование должно принять все меры к тому, чтобы использование дорогостоящей материальной части было проведено на отрядных учениях с наибольшей эффективностью с точки зрения освоения ее начальствующим составом.

Одновременно, от всего личного состава и особенно технических частей, подчеркивается в приказе командарма, нужно добиваться отличного сбережения и знания новой материальной части, полного овладения искусством безаварийного вождения боевых машин в условиях сложных форм боя, трудной, лесисто-гористой, с ограниченной сетью дорог местности и при предельном отрыве от базы.

Третья задача — управление боем. Непременным условием полного выполнения центральной, решающей задачи — управление боем соединенных родов войск — является такая подготовка штабов, которая превратила бы их в действительные аппараты управления командования, четко, безотказно работающие и во всех отношениях в процессе всего боя обеспечивающие принятие и проведение в жизнь решения командира.

Важно, чтобы каждый командир и боец проникся серьезным отношением к выполнению своих служебных обязанностей. Необходимо изжить совершенно нетерпимое, наблюдающееся кое-где положение, когда на отрядных учениях целые группы людей слоняются без работы.

Четвертая задача — растить искусного стрелка. В летний период необходимо дать законченного самостоятельного волевого стрелка, умеющего вести меткий прицельный огонь в разнообразных условиях боевой обстановки по движущимся и появляющимся на короткий срок целям.

Весь комплекс боевой подготовки должен выковать из начальствующего состава высококвалифицированного огневого начальника, грамотно и четко руководящего огнем

своего подразделения, по-ворошиловски владеющего личным оружием и с требуемой полнотой освоившего сложные формы стрельб, массированных огневых средств...

Поставленные в этом приказе задачи в последующем решались неукоснительно; Блюхер вел жесткий контроль как через своих помощников, так и сам лично.

Дважды Герой Советского Союза маршал Н.И. Крылов (в 30-е годы он был командиром стрелкового полка 1-й Тихоокеанской дивизии) вспоминал: «...Мы находились на тактических маневрах. Они проходили в Приморье, в трудных условиях (горно-лесистая местность, частые дожди). К нам прибыл В.К. Блюхер. Он интересовался нашим лагерным бытом, настроением командиров и бойцов, а затем неожиданно объявил тревогу. Под его руководством полк совершил 110-километровый марш и с ходу вступил в бой с «противником»... С поставленной задачей мы справились успешно. Подводя итоги, командарм сказал: «Вижу, что приказ мой по боевой и политической подготовке на лето выполняете»... Годы службы на Дальнем Востоке памятны для меня тем, что редкий день проходил у нас без тревог. Повышенная боевая готовность, подобная той, к которой привыкли пограничники, постепенно становилась в гарнизонах обычным состоянием».

И это — правда. Воины-дальневосточники настойчиво и упорно овладевали воинским мастерством. Различные комиссии из центра отмечали, как значительно за два-три года после конфликта на КВЖД вырос уровень выучки и дисциплины войск ОКДВА. Заслуга Блюхера в этом была несомненна.

Будущий Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, служивший в ОКДВА начальником штаба, писал о нем, что как военачальник Блюхер во многом напоминал ему Уборевича. Он пользовался примерно теми же методами и приемами организации обучения войск, часто проводил оперативно-тактические учения и делал поучительные разборы. Практиковал проведение военных игр в масштабе армии и соеди-

нений и нередко сам являлся их участником. Старался использовать любой повод, чтобы учить части и соединения, причем отдавал предпочтение не теории в кабинете или на плацу, а практике, приближенной к боевой обстановке.

Как личность, он несколько отличался от Уборевича. Менее сухой, не столь резкий, чаще шутивший, Блюхер казался более доступным. Однако при близком знакомстве с ним оказывалось: эти отличия носили чисто внешний характер, а с деловой точки зрения они оба были высочайшими профессионалами. В целом Уборевич был чуть собраннее, пожалуй, чуть организованнее; Блюхер — человек более размашистый, более открытый. Но им обоим было присуще такое важнейшее качество полководца, как широта мышления.

По приезде на Дальний Восток Блюхер стремился наладить тесные, не только рабочие, но и товарищеские связи с руководителями органов местной власти. В 1929-30 годы первым секретарем Далькрайкома был Иван Николаевич Перепечко, из черниговских крестьян. Настоящей дружбы с ним у Блюхера не сложилось, но совместная административно-политическая работа была плодотворной.

Доверительные отношения установились у него с председателем крайисполкома Г.М. Крутовым, полномочным представителем ОГПУ по Дальневосточному краю Т.Д. Дерибасом, его заместителем С.И. Западным. Крутов и Западный новые для Блюхера люди, а с Терентием Дмитриевичем Дерибасом он был знаком давно, еще по совместной борьбе на Урале с колчаковцами. Дерибас получил назначение на ДВК почти одновременно со вступлением Блюхера в должность командующего ОДВА.

Через восемь лет — 6 ноября 1938 года Блюхер, находясь во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, в собственных показаниях писал: «По возвращению на ДВосток со мной пытался установить дружбу, связь Перепечко, бывший первым секретарем ДВкрайкома, сначала сам, потом

через свою жену Монастырскую. Но эту дружбу-связь я отклонял, т. к. он (Перепечко И.Н. — *Н.В.)* был в рядах рабочей оппозиции[1], и эта связь поэтому меня могла скомпрометировать... В том же году, с приездом Дерибаса на ДВосток в качестве начальника управления ОГПУ по ДВостоку, я вскоре сдружился с ним, поделился с ним своими настроениями, также с Западным, который всегда присутствовал на пьяных вечерах. Постепенно связь эта расширялась: сначала с Крутовым, председателем крайисполкома, потом в 1931 году с приехавшим на ДВосток Бергавиновым, с которым у меня установились особенно тесные связи, которые продолжались и после его отзыва с ДВостока. После отзыва Бергави¬нова, на ДВосток первым секретарем приезжает Лаврентьев, с которым у меня сразу же восстанавливается завязавшаяся дружба еще на Украине в 1929 году, когда он был членом РВС округа и начальником политического управления округа (Блюхер в то время был помощником командующего войсками Украинского военного округа. — *Н.В.)...* Эти — Дерибас, Крутов, Бергавинов, Лаврентьев... — привязывали меня к себе еще и тем, что широко использовали мое честолюбие, подчеркивая всюду (на заседаниях, конференциях, съездах) мою исключительную роль на ДВостоке и в Гражданской войне, создавая этим мне широкий авторитет в рабоче-крестьянских массах и в армии».

Здесь, на Дальнем Востоке, Василий Блюхер повстречал свою последнюю любовь — Глафиру Безверхову, которая станет его женой на оставшиеся шесть лет жизни.

«Как я встретилась с Блюхером? Вообще-то, все произошло случайно. Хотя, кто знает, может, это — судьба...

---

[1] «Рабочая оппозиция» — группа в РКП(б), возникшая в 1921 году в ходе профсоюзной дискуссии. На X съезде РКП(б) программа «Рабочей оппозиции» была признана теоретически несостоятельной и политически вредной. Тем не менее, по предложению Ленина ее лидеры были избраны в состав ЦК РКП (б)и долго оставались на политической арене.

Мы жили в Хабаровске. Жили очень бедно. Семья сравнительно большая: четверо детей — два мальчика и две девочки; я самая младшая. Отец, Лука Трифонович Безверхов, инвалид Русско-японской войны, мама, Прасковья Григорьевна, домашняя хозяйка, неграмотная.

По улице Артиллерийской, где мы жили, по соседству с нами стоял двухэтажный особняк из красного кирпича, в котором до 1929 года находилось китайское консульство. Но в 29-м году произошел конфликт на КВЖД, и сотрудники консульства срочно выехали из особняка, в нем вскоре разместилась штаб-квартира командующего Особой Дальневосточной армией Блюхера.

Блюхера я в глаза никогда не видела и не могла представить его себе в образе обыкновенного человека. После того, как конфликт на КВЖД разрешился полным разгромом китайских войск, слава командарма Блюхера разнеслась на весь Дальний Восток. О нем говорили с большой любовью, и у нас в семье — тоже.

Как-то в майский день мама послала меня по домашним делам к нашим знакомым Ждановым (Василий Жданов был шофером Блюхера), которые жили во дворе штаб-квартиры командующего ОДВА. Помню, стою я в маленькой кухне, у круглой, обитой железом печи, вдруг открывается дверь и входит мужчина. Он сдержанно поздоровался, спросил, не знаю ли я, где Вася, и, не дождавшись моего ответа, попросил передать ему, что машина будет нужна к двенадцати часам...

Вот с той майской встречи с Блюхером все и началось...»

Этот рассказ Глафиры Лукиничны Безверховой-Блюхер (семидесятидвухлетней вдовы маршала Блюхера) я записал на диктофон в ее квартире в Москве (Измайловский проезд, 16) в июле 1988 года. Она попросила, чтобы я дал ей текстовую копию беседы. Я просьбу исполнил... В следующем году она опубликовала воспоминания «С Василием Константиновичем Блюхером— шесть лет», где почти слово в слово повторила то, что мне рассказывала.

Глафира стала женой сорокадвухлетнего командарма Василия Константиновича Блюхера, когда ей шел семнадцатый год. Позже жена начальника политуправления ОДВА Хаханьяна Г.Д., Эмма, увидев как-то летом 1937 года на даче маршала веселую гурьбу детей Блюхера, которыми верховодила Глафира, сказала ей: «Василий Константинович, может быть, потому и женился на тебе, такой молодой, что хотел иметь дом, в котором царили бы молодость, радость, детский гул...»

Глафира и Василий Константинович прожили вместе (не регистрируя брак) всего шесть лет. У них родилось двое детей: дочь Ваира в 1933 году и сын Василин в 1938-м. Интересна история имени дочери. Как рассказывала Глафира Лукинична, они с мужем договорились заранее, что если будет дочь, то имя ей даст он, а если сын — она. И вот появилась дочь. Блюхер перебрал множество имен и ни на одном не остановился. Он поделился своими «мучениями» с первым секретарем крайкома Л.И. Лаврентьевым (он по национальности грузин, настоящая его фамилия Картвелишвили), с семьей которого они с Глафирой были очень дружны. На что тот с готовностью предложил: «Назовите Джаваирой, по-кавказски значит: «самая дорогая, самая любимая». «А что, так и назовем, только без первых трех букв, — принял Василий Константинович его предложение. — Пусть наша самая дорогая, самая любимая дочь будет Ваирой — от наших имен: ВАсилий и ГлафИРА»...

«Главный Хозяин мне верит»

Осенью 1932 года Блюхер почувствовал себя плохо: снова обострение старых болезней. По настоянию доктора Ф.С. Малышева в конце октября он уехал в Москву на лечение в Кремлевскую больницу.

В этот период произошло печальное событие — ушла из жизни жена Сталина Надежда Аллилуева.

10 ноября Блюхер увидел в «Правде» помещенный на первой странице портрет Аллилуевой в траурной рамке и сообщение от ЦК ВКП(б), которое кончалось следующими словами: «...в ночь на 9 ноября внезапно скончалась активный и преданный член партии тов. Надежда Сергеевна Аллилуева». Помещено также письмо ЦК ВКП(б) — членов Политбюро, секретарей ЦК и их жен. В нем говорилось: «Память о Надежде Сергеевне, как о преданнейшей большевичке, жене, близком друге и верной помощнице товарища Сталина, будет всегда нам дорога». Подписи: Екатерина Ворошилова, Полина Жемчужина (жена В.М. Молотова.— *Н.В.),* Зинаида Орджоникидзе, Дора Хазан (Сермус) — жена А.А. Андреева. — *Н.В.),* Мария Каганович, Татьяна Постышева, Ашхен Микоян, Ворошилов, Молотов, Орджоникидзе, Куйбышев, Калинин, Каганович, Постышев, Андреев, Киров, Микоян, Енукидзе.

Блюхер совсем недавно познакомился с женой Сталина в Кремлевской больнице. В архиве нашлась фотография, где Василий Константинович запечатлен в больничном халате, рядом — Аллилуева и ее дочь Светлана. Надежда Сергеевна показалась Блюхеру женщиной тихой и скромной, никак не проявлявшей себя внешне.

Некролог в «Правде» о внезапной кончине Надежды Сергеевны потряс его. Как это случилось?..

С некоторыми из подписавших письмо ЦК Блюхер находился в дружеских отношениях. Он связался с Павлом Петровичем Постышевым, но тот о причине смерти Аллилуевой толком сказать ничего не смог. Сообщил лишь, что Хозяин (так в начале 30-х стали заглазно называть Сталина) в связи со смертью Аллилуевой «страшно растерялся». Причиной растерянности была, естественно, неожиданная потеря жены и, главное — Аллилуева своей смертью посеяла определенные предположения насчет Сталина. Уж больно загадочным был ее уход из жизни. Что будут думать и говорить о нем в стране и за рубежом?..

Сталин-человек боролся со Сталиным-вождем.

Вскоре в кремлевском окружении стало известно, что вождь остро поставил вопрос: «Могу ли я оставаться на своем посту? Как отнесутся к этой семейной драме люди, товарищи?» Блюхеру рассказал Авель Сафронович Енукидзе: Политбюро рассмотрело эту ситуацию и решило просить Сталина не уходить в отставку. Но Хозяин продолжал настаивать на своем. Сергею Мироновичу Кирову пришлось долго уговаривать генсека не уходить со своего поста. В конце концов, Сталин согласился, но поставил условие — не нужно сообщать народу истинную причину смерти Аллилуевой. И тогда из Кремля «выпустили» информацию, что жена Хозяина скончалась от приступа острого аппендицита...

Но в это поверили немногие. Как ни «утаивай шило в мешке», большинство народа считало: Аллилуева застрелилась. Ходили слухи, что она не поддерживает политику мужа по проведению в стране насильственной коллективизации, в ходе которой допускалась жестокость. Она не раз укоряла его за то, что из-за коллективизации в деревнях царит голод, недовольные крестьяне восстают против советской власти. 8 ноября в доме Ворошилова было торжество. И вот будто там, на глазах большой компании, Надежда Сергеевна завела с мужем спор на больную тему. Сталин осыпал ее грубой бранью. Она в слезах убежала к себе на квартиру и там покончила с собой.

Пребывание на лечении Блюхер активно использовал для деловых и товарищеских встреч. Встречи были разные, с разными людьми: с чиновниками из Наркомата обороны, с друзьями, с которыми когда-то вместе работал.

Важной была для него встреча с Серго Орджоникидзе, с которым сблизился еще в 1930 году через кавказских товарищей, в частности, Бесо Ламинадзе и Авеля Енукидзе. Гри-

горий Константинович рассказывал о Кобе[1]. Блюхер впервые услышал от Серго историю происхождения партийной клички Сталина. Будучи учеником Горийского духовного училища, Сосо Джугашвили запоем читал книги. Однажды ему попался роман Александра Казбеги «Отцеубийца». Мальчик буквально проглотил его за три дня. Бесстрашный герой романа, немногословный Коба, стал кумиром Сосо. С той поры он поклялся, что будет во всем следовать Кобе: приходить в трудную минуту на помощь друзьям, бороться с несправедливостью. Сосо стал называть себя Кобой и требовал от одноклассников, чтобы и они его так звали.

Рассказывая о Сталине, Орджоникидзе говорил:

— Человек сложный, с контрастными чертами характера. Обладая железной волей, он в то же время может поддаваться почти детским слабостям. К поставленной цели идет, ни перед чем и ни перед кем не останавливаясь. Кого возненавидит — раздавит, кого полюбит — многое может простить… Вы, Василий Константинович, я думаю, ему приглянулись.

Несколько встреч было у Блюхера с наркомом обороны К.Е. Ворошиловым, начальником Главного политического управления Красной Армии Я.Б. Гамарником, другими работниками военного ведомства.

Перед наркомом Блюхер ставил вопросы оборонительного строительства на ДВК, создания новых формирований, прежде всего, полнокровных частей укрепленных районов. Особой темой был колхозный корпус[2]. Ворошилов держал

---

[1] *Коба* — грузинское имя, в переводе на русский — «несгибаемый». С 1901 по 1913 год это имя было партийной кличкой революционера Иосифа Джугашвили. В январе 1913 года Джугашвили поместил в газете «Социал-демократ» статью против Троцкого, подписавшись псевдонимом «Сталин». С того момента он всю жизнь носил фамилию Сталин.

[2] Постановлением Совета народных комиссаров СССР в марте 1932 года в составе ОКДВА появился Особый стрелковый колхозный корпус (ОСКК). Постановление поясняло, что ОСКК создается для того, «...чтобы укрепить безопасность советских дальневосточных границ, освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население

на контроле становление первого в Советском Союзе и РККА стрелкового колхозного корпуса. Корпус, наряду с боевой службой и учебой, занимался и сельским хозяйством, снабжая армию и край основными продуктами питания, и, вместе с тем, способствовал оседанию в ДВК многих увольняемых в запас красноармейцев и младших командиров с семьями, что было крайне важно для дальнейшего развития всей экономики края, для создания столь остро нужных ОКДВА собственных мобилизационных ресурсов.

В конце одной из бесед Ворошилов коснулся личной жизни Блюхера:

— Мне доложили, что ты, Василий, вроде в третий раз подженился. На совсем зеленой, несовершеннолетке?..

В последние годы соратники, коллеги по работе, местные партийные и советские руководители, столичные начальники, члены правительства и ЦК обращались к Блюхеру на «вы», по имени-отчеству или по фамилии. Соответственно и он им отвечал тем же. И только один человек — Ворошилов — говорил ему «ты» и называл Василием. То ли это было знаком особого к нему расположения, то ли — высокомерия..

На поддевку наркома Блюхер отреагировал спокойно:

— Сердцу, Климент Ефремович, вы же знаете, не прикажешь.

— А как же Кольчугина? У нее ведь сын от тебя.

— С нею мы расстались. От сына я не отказываюсь.

— Смотри, как бы не сломал себе шею ты своим влюбчивым сердцем.

С Гамарником беседы проходили в более мягком тоне. Блюхер близко узнал Яна Борисовича в начале года, когда он

Дальнего Востока и армию продовольствием, значительно сократить ввоз хлеба и мяса из Сибири на Дальний Восток, развивать экономику Дальнего Востока». Структура корпуса — управление, три стрелковые и одна кавалерийская дивизии общей численностью 60 тысяч человек. Командиром-комиссаром нового соединения специального назначения был утвержден Калмыков М.В.

приезжал на Дальний Восток для изучения положения дел в ОКДВА. Тогда они нашли общий язык, проникшись друг к другу доверием. И в ту, их первую встречу, и теперь Блюхер и Гамарник говорили об угрозе Советскому Союзу со стороны японцев, захвативших Северный Китай, о необходимости укрепления границы. Начальник Главпура пообещал значительно пополнить этой осенью политорганы Дальневосточной армии молодыми, образованными кадрами.

Как и Ворошилов, Гамарник не обошел стороной отношения Блюхера с Глафирой Безверховой. Он не одобрил «связь прославленного военачальника с молодой девчонкой-простушкой» и предостерег от возможных негативных последствий.

«Негативным последствиям» отношений Блюхера с молодой простушкой, чуть было не ставших для Василия Константиновича и Глафиры трагедией, в книге «Воспоминания о муже — Маршале В.К. Блюхере» ее автор, Глафира Лукинична Блюхер, посвятила несколько строк.

Летом 1936 года для инспектирования ОКДВА приехал в Хабаровск Гамарник. Встреча его с Блюхером носила официальный характер. Василий Константинович пришел домой из штаба хмурым, очень озабоченным. Гамарник провел в Хабаровске совсем немного времени и вскоре уехал в Москву. Провожать высокого московского гостя, как это было принято, Блюхер не пошел, сказавшись больным. Но потом все же решил догнать его, чтобы, видимо, объясниться. Вернулся сумрачным. Долго молчал, затем не выдержал, рассказал жене, что у него с Гамарником состоялся тяжелый разговор. Глафира Лукинична пишет: «Гамарник предложил Василию Константиновичу убрать меня как лицо подставное («Объявим ее замешанной в шпионаже, тем самым обелим вас...»). На это Василий Константинович ответил: «Она не только моя жена, но и мать моего ребенка, и, пока я жив, ни один волос не упадет с ее головы».

Надо сказать, после этого неприятного разговора Гамарника с Блюхером, к счастью, никаких серьезных выводов не

наступило. Может, потому, что в наркоматовских верхах знали: Блюхер из тех, кто приглянулся Главному Хозяину...

Из столицы Блюхер часто посылал письма Глафире. В одном из первых он писал: «...В этот приезд в Москву, как никогда раньше, я убедился, что друзей настоящих у меня куда меньше, чем я думал, а врагов оказалось неизмеримо больше, чем я считал. Неприятностей мне Москва наделала много и служебно-деловых, и личных, в последних не последнюю роль играла и ты (женитьбу Блюхера на молодой девчонке отрицательно восприняли как официальные высокопоставленные должностные лица в Наркомате обороны, так и многие его сослуживцы. — *Н.В.)*. Каждый из моих больших и малых врагишков внес свою лепту, чтобы брызнуть и свою каплю грязи, а в результате получился довольно вонючий букет. Непонятно, зачем это нужно кой-каким людишкам. Что это: непонимание или зависть? Видимо, то и другое.

Не пойми эти строки за упадок, нет, грязные лужи я обхожу и плюю на них, в серьезных вопросах даю отпор, но обволакивающая клевета, жалобы и, прости за резкость, вонь все же дают себя чувствовать на каждом шагу. Ну, черт с ними... Мои силы укрепляет мысль, что Главный Хозяин верит мне...» Трагическая ошибка Блюхера, как потом он поймет, состояла в том, что он поверил в искренность отношения к себе вождя.

В следующем письме Глафире Блюхер сообщал: «24-го вечером был консилиум... Нервная система найдена в исключительно расшатанном состоянии с последствиями на зрение. Гемоглобин в крови 90 проц. — показатель хороший. Основной мой недуг — высыпание на теле и лице — приписывают кишечнику, который дает постоянное отравление организму, т. е. то же, что было и пять лет назад... Намечен сложный курс месячного лечения, требующий моего пребывания в больнице, на что я и дал свое согласие. За границу не поеду, нет ни желания, ни настроения. Самочувствие и настроение у меня отвратительное, ибо почти убежден, что мои «друзья» готовят мне еще какую-то крупную гадость».

Кто были эти «врагишки», «людишки», «друзья», брызгавшие в Блюхера грязью и готовившие ему крупную гадость? Ни в архивных материалах, ни в воспоминаниях его современников ни одно конкретное имя не называется.

24 ноября умерла мать Блюхера — Анна Васильевна. Для него это был тяжелый удар. Поехать в Хабаровск (Анна Васильевна уже два года жила у сына) на похороны не было никакой возможности. В письме Глафире он писал: «...Я остро почувствовал ту большую утрату, которая принесла мне смерть матери... Отношения между людьми иногда складываются странно. Живет рядом близкий человек, а ты ходишь мимо и не замечаешь его, и боль утраты почувствуешь лишь тогда, когда этого человека вдруг не станет. Так произошло и со мной...»

Ровно через три месяца, 24 февраля 1933 года, умрет Константин Павлович — отец Василия Константиновича. Он не захотел переезжать к сыну, и все эти годы жил в Барщинке. Похоронили его на Георгиевском кладбище дочь Александра Пятибратова и младший сын Павел.

9 декабря Блюхера под псевдонимом Всеволод Васильевич Сибирцев направили в Германию для более глубокого медицинского обследования. Но заметных результатов поездка в берлинский госпиталь не принесла — точного диагноза там не установили, и поэтому лечение в основном было таким же, что и в Кремлевской больнице.

Вернулся он в Хабаровск в январе 1933 года.

Убийство Кирова

1 декабря 1934 года страну всколыхнуло убийство первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии, члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК партии Сергея Мироновича Кирова.

По радио и в газетах сообщалось об обстоятельствах смерти Кирова. Он готовился к докладу по итогам ноябрь-

ского Пленума ЦК ВКП(б), который должен был в этот же день сделать на собрании партийного актива Ленинградской области. В приемной в это время находился некий Леонид Николаев, бывший служащий РКИ[1]. Когда Киров выходил из кабинета, Николаев выстрелил ему в голову из револьвера. Убийца был задержан. Смертельно раненного Кирова в бессознательном состоянии перенесли в кабинет, где ему была оказана первая медицинская помощь. Прибывшие профессора Добротворский, Джанелидзе, Гесс и другие застали Кирова без пульса и дыхания. Несмотря на предпринятые меры (впрыскивание адреналина, эфира, камфары и кофеина, а также применение искусственного дыхания), вернуть Кирова к жизни не удалось...

Весть об убийстве Кирова застала Блюхера в поезде. В конце ноября он по вызову Наркомата обороны выехал в Москву. Василий Константинович, по обыкновению, взял с собой в столицу жену Глафиру; дети остались в Хабаровске с бабушкой Анной (матерью Глафиры) и няней Гашей. По рассказу Глафиры Лукиничны, за сутки до Москвы, в ночь на 2 декабря, порученец Блюхера Василий Некрасов вдруг открыл дверь в купе своим ключом и взволнованно, громко сказал: «Товарищ командующий, товарища Кирова убили!» — «Что ты несешь?! Что говоришь?!» — вскинулся Блюхер.

Личное знакомство Блюхера с Кировым произошло в 30-м году на XVI съезде. В один из перерывов между заседаниями Блюхер оказался в кругу разговаривавших между собой Рыкова, Косиора, Енукидзе, Ворошилова и Кирова. Сергей Миронович выделялся среди них своей простотой, умением слушать собеседника и вовремя, не перебивая других, вступить в разговор. Руководитель ленинградских большевиков покорил Василия Константиновича доброжелательностью и обаянием.

Потом Блюхер виделся с Кировым в каждый очередной приезд в Москву на пленумах ЦК, заседаниях Верховного

---

[1] РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция.

Совета СССР. Они вели искренние, заинтересованные обсуждения ситуации в партии— о «правых», «левых» уклонах, о положении дел в Красной Армии и в целом в стране. В начале тридцатых годов такие обсуждения среди партийных руководителей, правительственных чиновников, военачальников были еще возможны.

В начале года Блюхер приезжал в Москву на XVII съезд. Они встретились, как добрые старые приятели. И, как прежде, вели доверительные разговоры.

Блюхер тогда поехал в Москву всей семьей. Остановились в гостинице «Националь», в двух номерах: в одном Василий Константинович с женой, в другом, напротив, няня с детьми. Приходя с заседаний, Блюхер рассказывал Глафире о том, что происходит на съезде, о докладах, о выступлениях делегатов. Однажды сказал, что намечается рассредоточение власти из одних рук. Возможно, Главному Хозяину придется потесниться. В генсеки, по всей видимости, будет выдвинут Сергей Миронович Киров. Поделившись своими предположениями, он предупредил жену, чтобы она, как всегда, об этом — никому ни слова.

В кулуарах съезда витали суждения, что в последние годы положение Сталина, как генерального секретаря партии, слишком возвысилось и достигло опасного уровня. В его характере все чаще брали верх отрицательные, вождистские черты. Работники аппарата ЦК и даже ближайшие сподвижники генсека, особенно из числа старой партийной гвардии, с трудом скрывали свое недовольство от нередко грубых его окриков, резких выпадов, насмешливой иронии. В Сталине наметились растущая нерасположенность к людям, неадекватность в симпатиях и антипатиях к ним. Он все более становился замкнутым, все реже выезжал куда-либо, сторонился выступлений перед массами, почти не общался с народом...

Одновременно с ростом вождизма Сталина поднимался авторитет Кирова. С 1926-го по 1934-й год Киров превратился в одну из центральных фигур в партии и государстве. В Политбюро все более повышается его активность. Его

горячо поддерживают Серго Орджоникидзе, Валерьян Куйбышев и другие. С ним вынуждены считаться Молотов, Каганович, Ворошилов, хотя они всегда являлись главной опорой Хозяина. К началу 1934 года в Политбюро сложилась устойчивая группа: Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Косиор, которая составляла здоровое ядро партийной верхушки. Сталин не мог уже безраздельно доминировать. Но он, как умный, властолюбивый руководитель, продолжал умело держать в своих руках все нити управления партией и страной.

Как теперь мы знаем, после XVII съезда ВКП(б) многие его делегаты, прежде всего те из них, кто был знаком с «завещанием» Ленина[1], считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу. Удачным вариантом замены его вполне мог быть Киров и из-за его огромной популярности, и в связи с его триумфом на самом съезде. В ходе выборов нового состава Центрального Комитета против Сталина голосовало около трехсот делегатов, тогда как против Кирова всего четыре человека. Съезд тем самым отчетливо выразил свое отношение к «вождю». Тем не менее, генеральным секретарем вновь был избран Сталин. Однако последствия голосования нового состава ЦК для большинства участников съезда оказались трагическими. Из 1966 делегатов с решающим и совещательным голосом (около 80 процентов из них вступи-

---

[1] Речь идет о памятной записке, которую Ленин продиктовал своему секретарю 24 декабря 1922 года, где высказал сомнение в доверии Сталину. «С тех пор, как товарищ Сталин стал генеральным секретарем, он объединяет в своих руках огромную власть, и я не уверен в том, что он всегда сумеет употребить эту власть с необходимой осторожностью». 4 января 1923 года Ленин внес в свое «завещание» дополнение, в котором, указывая на «резкость» Сталина, рекомендовал во избежание раскола партии удалить его с поста генерального секретаря. «Завещание» было оглашено в мае 1924 года на заседании ЦК, где большинством голосов было принято решение не обнародовать его содержание на предстоящем XIII съезде партии. Зиновьев и Каменев убедили членов ЦК, что Сталина опасаться не стоит.

ли в партию до 1921 года) 1108 человек были арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности. Около 70 процентов членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на съезде, подверглись репрессиям.

Хозяин после съезда сделал неприятное для себя заключение: в партии зреют серьезные силы, несогласные с его курсом и пытающиеся оказать ему решительное противодействие... Отсюда вывод — эти силы необходимо постепенно, без малейшего колебания раздавить.

Блюхер не верил, что убийство Кирова совершил террорист-одиночка. За спиной Николаева стоял кто-то очень всесильный, Николаев — только орудие в руках могучей организации. В беседах с товарищами проскальзывали догадки, что к покушению причастны ответственные работники органов государственной безопасности и, в первую очередь, заместитель наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды Я.С. Агранов и его ближайший человек И.В. Запорожец. Говорили: при выборе исполнителя злодейского убийства организаторы остановились на Николаеве не случайно. Он работал в свое время в органах НКВД, затем в РКИ и отовсюду был изгнан. Ему внушалось, что в неустройстве его судьбы виноваты руководители Ленинграда, и, прежде всего, Киров. М.В. Росляков, в то время член Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), рассказывал: была подброшена и грязная сплетня о близости Кирова и Мильды Драуле, жены Николаева. Тем самым подогревались в Николаеве чувство ревности, желание рассчитаться с «соперником». С апреля 1934 года до дня убийства Николаев всячески отлынивал от предлагаемой ему работы, но, очевидно, получил те 30 сребреников, которыми с древних времен оплачивают вероломство и предательство. В течение последних 6—7 месяцев Николаев дважды подбирался к Кирову, и органы НКВД дважды его отпускали безнаказанным.

Так кто же этот «очень всесильный», которому подчинены и могучая организация, и ответственные работники

органов государственной безопасности, и террорист-«одиночка» Николаев?..

Блюхер, оставаясь наедине с самим собой, размышлял: «А Сталин? Знал ли он о готовившемся покушении на Кирова? Может, знал, а, может, догадывался. Организаторы убийства, видимо, хорошо понимали, что вождь видит в Кирове опасного соперника, что растущий авторитет «Мироныча», как называли в народе Кирова, начинает ставить под сомнение монополию руководства Сталина. И они ударили по Кирову. Ударили без промаха, будучи уверенными, что тяжелых последствий для них не наступит. Сталин не случайно с первого часа после убийства взял под свой пристальный контроль ведение разбирательства случившегося, подобрал верного человека — Ежова, которому вместе с Аграновым поручил провести «тщательное следствие»...

Блюхеру вспомнилось, как этим летом в один из выходных дней собрались он, Лаврентьев, Крутов, Дерибас, Западный на берегу Амура на даче УНКВД по ДВК. Изрядно выпили и, как водится в таких случаях, повели беседы на «горячие» темы: о высших руководителях страны, о закулисной жизни партии. Терентий Дмитриевич Дерибас привез свежий номер журнала «Большевик», где была опубликована статья Лаврентия Берии, воспевавшая Сталина. Дерибас смеялся: «Представляете, какую реакцию эта статья вызвала у многих... Особенно у кавказских товарищей. Надо было видеть бурное возмущение Берией Авеля Сафроновича Енукидзе[1]». А Лаврентьев поведал об одном случае, рассказанном Кировым в кругу своих друзей: «Иду я со Сталиным по Кремлю, нам навстречу Иванов-Кавказский, улыбаясь, приветствует нас и в адрес Сталина бросает: «Здорово, хозяин!» Сталин ему не ответил, лишь ожег его злым взглядом. А мне сказал раздраженно: «Хозяин — это что-то байское. Дурак!»

---

[1] Для Енукидзе это возмущение в будущем обернулось трагедией. Немногим более двух лет спустя, в начале 1937 года, его арестовали, как «врага народа».

Не поздоровится теперь бедному Иванову-Кавказскому...». Лаврентьев воспроизводил рассказ Кирова, подражая сталинскому акценту и изображая его раздраженность...

Эти откровенные намеки в отношении Главного Хозяина Блюхер тогда не разделял и не скрывал своей позиции. Дерибас с улыбкой, и в то же время с нотками ехидства, говорил: «У вас, Василий Константинович, мы знаем, трепетные чувства к Иосифу Виссарионовичу, а мы зубоскалим. Простите уж нас».

Сейчас к Хозяину Блюхер относился уже несколько иначе. Он видел, восхваление вождя вышло за рамки разумного, оно обретало уродливые формы, и вождь, кажется, принимает это как должное. Более того, Сталин безжалостно расправляться с теми, чьи популярность и авторитет приближались, как ему казалось, к его уровню, кто отказывался поддерживать его культ (например, жестоким репрессиям подверглись делегаты XVII съезда, проголосовавшие против Сталина).

На прощании с Кировым Блюхер был в почетном траурном карауле. Он сменял у гроба Сталина, Молотова, Калинина, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Микояна, Кагановича. Ему запомнился Главный Хозяин, первым стоявший у изголовья Сергея Мироновича. Лицо генсека было спокойно и непроницаемо. Казалось, он не на скорбной церемонии, а на заседании ЦК или партийного съезда и погружен в свои повседневные государственные думы...

На следующий день, после кремации тела Кирова, в газетах появилась директива Президиума ЦИК СССР, в которой предлагалось следственным властям вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. Судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению. Органам Наркомвнутдела — приводить в исполнение

приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесению судебных приговоров.

После прочтения этой директивы Блюхеру подумалось: «А почему Президиум ЦИК не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению?..». То, что директива предлагала «вести дела ускоренным порядком... не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания», — на этом сознание Василия Константиновича не сфокусировалось. Оно отпечатало в мозгу Блюхера лишь странную причину ускорения расследования дел и исполнения приговоров — Президиум не считает возможным принимать ходатайства о помиловании. Почему?..

Маршальство

Сталин изучал список возможных претендентов на присвоение маршальского звания: Буденный, Ворошилов, Егоров, Тухачевский, Уборевич, Якир. Раздумывал... Наконец, видимо, сделав выбор, взял карандаш и вычеркнул две последние фамилии. Вместо них вписал: «Блюхер».

Мысль о необходимости учреждения нового воинского звания для военачальников, внесших наибольший вклад в защиту советской страны, появилась у членов Политбюро ЦК в начале 1935 года. Постепенно она вышла за кремлевские стены. Об этом заговорили в коридорах ЦИКа, Совнаркома и, естественно, в среде военной верхушки.

20 сентября 1935 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление о введении персонального воинского звания командному и начальствующему составу РККА — Маршал Советского Союза. В постановлении указывалось, что это звание присваивается «выдающимся и особо отличившимся лицам высшего командного состава».

В ноябре Блюхер с женой отдыхали в санатории «Барвиха» под Москвой. В это время отмечалось шестидесятилетие

всесоюзного старосты М.И. Калинина. Василию Константиновичу позвонил комендант Кремля: Михаил Иванович приглашает Блюхера, вместе с «половиной» на празднование своего юбилея.

На чествование Калинина съехалось большое число знатных гостей — весь цвет партийной и правительственной элиты. Вначале было очень торжественно, много говорилось тостов, добрых слов в адрес юбиляра. После застолья торжественность сменилась на веселье с песнями, танцами. Бурно проявляли свои эмоции военные: в воздухе «носилось» маршальство. Особенно в ударе были Буденный и Егоров. Семен Михайлович виртуозно резал на гармошке казачка, а Александр Ильич лихо отплясывал.

Егоров подошел к Блюхеру, который в этот вечер среди военных был одним из самых «иконостасных»; на его груди блестели семь высших наград страны: орден Ленина, ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды. Александр Ильич картинным жестом привлек внимание окружающих к наградам Блюхера и предложил ему посостязаться, произнеся на весь зал: «Давай спляшем. Кто кого из будущих маршалов перепляшет: ты — маршал Востока, или я — маршал Запада?»

Собравшиеся в зале аплодисментами подбадривали Александра Ильича и Василия Константиновича. Не аплодировали лишь Уборевич и Якир: они бросали на куражившегося Егорова снисходительные взгляды, а на Блюхера смотрели с холодной неприязнью.

За всей этой картиной внимательно наблюдал стоявший у стола, отдельно от других, Сталин. Улыбался...

Через 20 лет А.В. Хрулев (в 1935 году он был начальником Главвоенстроя РККА) в справке, адресованной Генеральному прокурору Р.А. Руденко, объяснит причину холодного к Блюхеру отношения Якира и Уборевича: «Блюхер жил изолированно от таких людей, как Тухачевский, Якир, Уборевич и другие высокопоставленые командующие войсками. Тем не менее, звание Маршала Блюхеру было при-

своено, причем по личному предложению Сталина... Уборевич и Якир обиделись, естественно, завидовали Блюхеру — отсюда и их неприязнь к нему...»

Официально маршальское звание было присвоено пяти известным в стране военачальникам — Буденному, Ворошилову, Егорову, Тухачевскому, Блюхеру через пять дней -— 20 ноября 1935 года.

Блюхеру посыпались поздравления от руководства страны, от коллег по работе, от сослуживцев, друзей, знакомых и незнакомых. Тысячи поздравлений! Это подогревало в нем тщеславие. Он — один из пяти самых «выдающихся и особо отличившихся» в стране военачальников!

Но прошло некоторое время, и в душе Василия Константиновича зашевелился червь...

Брошенная Егоровым на именинах Калинина фраза о Блюхере: «Маршал Востока» пристала к нему, и теперь нередко ее можно было услышать от разных людей.

«Местом постоянной службы отца был Дальний Восток, и я на каникулы ездил к нему. Иногда отец определял меня в попутчики кому-нибудь из друзей. Помнится, довелось както ехать даже с самим начальником Главного политического управления РККА Гамарником, и у Байкала произошел такой эпизод. Как только за окном вагона открылась необъятная водная гладь, Ян Борисович в полную силу своего красивого голоса запел: «Славное море, священный Байкал...»

Ехавшие с ним товарищи подхватили песню, а я молчал.

— Почему не поешь со всеми? — строго спросил армейский комиссар 1-го ранга.

— Слов не знаю...

— Да это ж одна из любимых песен твоего отца, — тряхнул черной окладистой бородой Гамарник. — А еще сын маршала Востока...

— Учи песню, повторяй за мной. Не осилишь — высажу в Улан-Удэ и отправлю обратно в Москву.

Я принял эти слова всерьез и, конечно, постарался, чтобы Ян Борисович не привел их в исполнение».

Этот рассказ принадлежит сыну Василия Константиновича Блюхера Василию Васильевичу. При встрече с ним в 1987 году он рассказывал мне, что в период, когда Блюхер командовал ОКДВА, Василий-младший не раз слышал, как дальневосточники называли его отца: «наш восточный маршал».

Произносившие эту фразу вовсе не хотели умалить значение заслуг Блюхера, но самого Василия Константиновича это задевало. Почему «маршал Востока»? Он — маршал всего Советского Союза! Как и Ворошилов, Буденный, Тухачевский... Выходит, он периферийный маршал.

Здесь, на восточном краю советской земли, ее жители считали Блюхера своим и. относились к нему с искренней любовью и неподдельным восхищением. После возвращения из столицы в маршальском звании Василий Константинович буквально утонул в море народного обожания. Его приглашали на заводы, стройки, в колхозы, в учебные заведения, в школы, в семьи простых людей.

Строители Комсомольска-на-Амуре, поздравляя Блюхера с маршальством, просили его приехать к ним на четвертую годовщину строительства города. Они писали: ««Мы, рабочая ударная бригада плотников, горячо поздравляем тебя, Василий Константинович, с получением военного звания Маршала Советского Союза. Все мы только что демобилизовались из рядов нашей славной ОКДВА и переживаем чувство гордости за вас. Сейчас мы сменили винтовки и пулеметы на топоры и фуганки — строим город Комсомольск, овладеваем техникой строительного дела. Но если партия и правительство призовут нас в час опасности к оружию, то мы под твоим водительством, наш Красный Маршал, беспощадно и быстро сломим хребет любому врагу».

11 июня 1936 года, за день до даты закладки города на Амуре (Блюхер 12 июня 1932 г. положил первый символический кирпич в новостройку), маршал прибыл в Комсомольск на боевом корабле Амурской военной флотилии.

В.В. Душенькин в книге «От солдата до маршала» так описывает пребывание Блюхера в Комсомольске-на-Амуре:

«Несколько дней осматривал Василий Константинович строительство ряда предприятий, побывал в цехах, общежитиях, детских садах и школах, беседовал с рабочими и руководителями строек.

Принимая первую продукцию одной новостройки, командарм сказал:

— Я хоть и не специалист в этом деле, но продукция производит на меня отрадное впечатление. Новостройка увеличивает ценности нашей страны, обогащает наш Дальний Восток. Главное же заключается в том, что новостройка воздвигнута в тайге быстро, культурно и уже дает продукцию.

В заключение Блюхер рекомендовал лучше использовать механизмы и больше заботиться о культурно-бытовых нуждах рабочих и служащих.

Уделяя большое внимание развитию производительных сил в крае, Василий Константинович в то же время непрерывно укреплял боевую мощь ОКДВА...»

Душенькин показывает маршала «принимающим продукцию новостроек», рекомендующим мастерам «лучше использовать механизмы». Блюхер здесь выглядит как руководитель Дальневосточного края, а вовсе не командующий армией. Правда, в конце автор спохватывается, говорит скороговоркой, что маршал «в то же время непрерывно укреплял боевую мощь ОКДВА».

Популярность маршала Блюхера нарастала. О нем писали газеты, рассказывалось по радио. Появились многочисленные плакаты, портреты: Блюхер в маршальской форме со звездами в петлицах и на рукавах. Их развешивали на улицах городов и сел, в государственных учреждениях, в войсках, с ними выходили трудящиеся на праздничные демонстрации. Складывался определенный образ Блюхера-маршала. Образ в ореоле непомерного восхваления.

Орган Хабаровского краевого комитета партии газета «Тихоокеанская звезда» с восторгом писала: «Красивый че-

ловек Василий Константинович Блюхер! Красива его жизнь! Он прекраснейшей души человек — чуткий, отзывчивый. Его образ для всех—пример для подражания».

Константин Паустовский:"«Имя Блюхера в последние годы неразрывно связано с Дальним Востоком; под его руководством наша дальневосточная граница превратилась в «границу из бетона». Блюхер охраняет границу зорко, охраняет сильной рукой. Страна спокойна за этот далекий и сказочно богатый край. Он расцветает на глазах. По словам Блюхера, карта Дальнего Востока меняется непрерывно... Когда Блюхер говорит, что дальневосточная тайга расступается перед волей большевиков, в этой фразе точно и коротко выражен грандиозный процесс изумительного культурного и хозяйственного роста края...

Маршал Советского Союза Блюхер — человек высокой революционной закалки, воспитанный ленинской и сталинской эпохой, человек громадного личного мужества и стойкости, прямоты и военного таланта, человек нового времени и новой, социалистической культуры».

Французский публицист Роллен по-своему нарисовал образ Блюхера: это маршал революции «с массивной и коренастой фигурой, с круглым и энергичным лицом, с квадратной и властной челюстью, с подвижными и пронизывающими глазами, с лицом, которому усы придают классический вид военного, немного грубого, хотя его жесты элегантны, и авторитетом, который обычно объясняют его исключительным личным магнетизмом, оказывающим влияние на лиц, соприкасающихся с ним...» И далее: «Блюхер непрестанно выступает в роли организатора»...

Конец 1935-го и весь 1936 год стали для Блюхера звездным часом. Как командующий ОКДВА он все меньше уделял внимания войскам, его увлекали поездки по краю, встречи с трудовыми массами.

ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ МОЛОХ

Не судите, да не судимы будете

В середине мая 1937 года Василий Константинович Блюхер получил из Москвы телеграмму за подписью Ворошилова. Без объяснения причины ему предлагалось срочно прибыть в Наркомат обороны.

Он приехал в столицу 24 мая по срочному вызову ЦК, и сразу же ему сказали здесь, что арестованы как враги народа Корк, Фельдман, Тухачевский, Эйдеман.

Блюхер знал, что под арестом уже находились (с августа 1936 года) известные военачальники Красной Армии — командующий войсками Ленинградского военного округа В.М. Примаков и военный атташе в Лондоне В.К. Путна. Им вменялось участие в «военной троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации».

И вот новые аресты контрреволюционных заговорщиков.

В Наркомате обороны царила суматоха — спешно собирались постоянные члены Военного совета при наркоме обороны СССР, начальствующий состав с мест и руководящие работники центрального аппарата НКО. Среди собравшихся ходил шепот: заговорщики готовили военный переворот в Кремле.

А 26 мая уже говорили вслух о постановлении ЦК, в котором указано, что на основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против

СССР в пользу фашистской Германии, они исключены из партии.

В коридоре Наркомата Блюхер встретился с командующим Тихоокеанским флотом М.В. Викторовым и членом Военного совета Тихоокеанского флота Г.С. Окуневым. Викторов спросил недоумевающе:

— Неужели это правда, Василий Константинович?

Блюхер в ответ неопределенно пожал плечами.

30 мая Блюхер намеревался зайти в Политуправление РККА, чтобы пообщаться с Гамарником и Аронштамом. Ему хотелось поговорить с Яном Борисовичем и Лазарем Наумовичем по душам, как бывало раньше, а сегодня, конкретно, о сегодняшних событиях. Но ни Гамарника, ни Аронштама на службе не оказалось. Ян Борисович, пояснил дежурный ПУРа, по болезни находится на постельном режиме у себя на квартире. Причина отсутствия Аронштама неизвестна. Дежурный еще не знал, что Политбюро приняло решение «отстранить Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного совета, как «работников, находившихся в тесной групповой связи с участниками военно-фашистского заговора».

Глафира Безверхова-Блюхер вспоминала: в майскую поездку 1937 года в Москву муж взял ее с собой. Поселились они в гостинице «Метрополь», в постоянно забронированном для Блюхера номере «387». 31 мая во второй половине дня к ним зашел Лаврентьев, первый секретарь Приморского крайкома, и предложил Василию Константиновичу навестить на квартире приболевшего Гамарника, с которым его связывали давние приятельские отношения.

Вернувшийся вечером от Гамарника Блюхер рассказал жене, что Ян Борисович болен несерьезно, опасного ничего нет.

На следующее утро Глафира, просматривая утреннюю почту, в одной из центральных газет, в «Правде» или «Известиях», увидела заметку о том, что застрелился махровый

враг народа Гамарник. С газетой в руках она влетела в комнату к мужу: «Прочти!». Сообщение шокировало Блюхера: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я.Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством»...

Чтобы успокоиться, Блюхер стал быстро ходить по комнате. Наконец, остановился, сказал: «Теперь я понимаю: когда мы с Лаврентьевым вышли от Гамарника, во дворе стояла машина НКВД, при нас они не могли его арестовать. Ян Борисович, по-видимому, уже все знал, решение покончить жизнь самоубийством было им принято, он только ждал нашего с Лаврентьевым ухода... Какая выдержка! Значит, в тот момент, когда мы отъехали, и энкавэдэвцы ринулись в дом, чтобы арестовать Яна Борисовича, он застрелился..: Успел...»

Потом, через день, Блюхеру рассказал заместитель начальника Политуправления РККА Булин, что 31 мая он и начальник управления делами НКО Смородинов по приказанию Ворошилова ездили на квартиру к Гамарнику и объявили ему приказ об увольнении его из РККА. После их ухода Гамарник покончил с собой...

1 июня в Кремле открылось расширенное заседание Военного совета[1] с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б). С докладом «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» выступил Ворошилов. Перед докладом наркома все участники заседания были ознакомлены с показаниями «заговорщиков»: Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путны. Это создало напряженную атмосферу в работе Военного совета.

Блюхер, слушал Ворошилова, а думал о чем-то своем. Может, он хотел понять: как же так случилось, что извест-

---

[1] На заседании Военного совета присутствовало 116 человек. К началу открытия заседания (к 1 июня 1937 г.) из 85 постоянных членов Военного совета — двадцать, то есть четверть его состава, уже были арестованы как «заговорщики».

ные стране, заслуженные люди, выходит, давно уже были иностранными шпионами. Все они имели огромные заслуги перед партией и правительством, им были присвоены высшие воинские звания: М.Н. Тухачевскому — Маршал Советского Союза, И.П. Уборевичу и И.Э. Якиру — командарм 1-го ранга, Я.Б. Гамарнику — армейский комиссар 1-го ранга, А.И. Корку— командарм 2-го ранга, Р.П. Эйдеману, Б.М. Фельдману, В.М. Примакову, В.К. Путне — комкор. Они неоднократно награждались орденами Красного Знамени, а Тухачевский и Гамарник — орденом Ленина.

Тухачевский, Гамарник, Уборевич, Якир избирались в состав ЦК ВКП(б), они, а также Корк, Эйдеман, Примаков являлись членами ЦИКа СССР. Тухачевский был заместителем наркома обороны СССР. Якир и Уборевич командовали Особыми военными округами — Киевским и Белорусским...

А может, Блюхер знал о заговоре?..

Ворошилов страстно утверждал:

— Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии.

Нарком призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек», заранее предупреждая, что в результате этой чистки «может быть, в количественном выражении мы понесем большой урон».

Далее Ворошилов заявил: как народный комиссар, он откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и других) уже начали разоблачать, он не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. «Моя вина в этом огромна, — каялся Ворошилов. — Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, что никто и

ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы».

На следующий день на Военном совете выступил Сталин. Сославшись на показания самих арестованных, он сделал вывод, что в стране давно уже существовал «военно-политический заговор против советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами». По его утверждению, руководителями этого заговора были Троцкий, Рыков, Бухарин, Рудзутак, Карахан, Енукидзе, Ягода, а по военной линии Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Гамарник.

«Это — ядро военно-политического заговора, — говорил Сталин,— ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером»..

Сталин уверял, что из 13 названных им руководителей заговора десять человек, то есть все, кроме Рыкова, Бухарина и Гамарника, являются шпионами немецкой, а некоторые и японской разведок. Так, говоря о Тухачевском и других арестованных военных, Сталин заявил: «Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых, передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион... Якир — систематически информировал немецкий штаб... Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал... Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион... Корк информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был военным атташе в Германии».

По словам Сталина, Рудзутак, Карахан, Енукидзе были завербованы немецкой разведчицей-датчанкой, состоявшей на службе у германского рейхсвера, Жозефиной Гензи (Ен¬сен), и она же «помогла завербовать Тухачевского».

Сталин сообщил, что по военной линии уже арестовано 300—400 человек. Он высказал обвинение в адрес чле-

нов ЦК и кандидатов в члены ЦК: дело о военном заговоре все-таки «прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных». Бросил упрек он и в адрес органов разведки — «по военной линии они плохи, слабы, засорены шпионажем. Внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа, работавшая на Германию, Японию и Польшу».

Выразив недовольство отсутствием разоблачающих сигналов с мест и требуя таких сигналов, Сталин выдвинул тезис: «Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб».

Блюхера лихорадило. Это же кошмар какой-то. Верить или не верить утверждениям Сталина и Ворошилова?..

В перерывах между заседаниями члены Военного совета обменивались мнениями, большинство из них склонялись к выводу: Тухачевский и К° — предатели.

В прениях по докладу Ворошилова приняло участие 42 человека. Все они резко осуждали «заговорщиков», заверяли о своей безграничной преданности партии и правительству. Первыми с горячими одобрениями своевременного раскрытия коварного «военно-политического заговора против советской власти» и беспощадной критикой «заговорщиков» выступили маршалы Семен Михайлович Буденный, Александр Ильич Егоров. За ними обличительную речь произнес и Василий Константинович.

Из сорока двух выступивших военачальников на этом заседании Военного совета тридцать четыре были впоследствии арестованы в качестве заговорщиков. В их числе: Алкснис Я.И., Блюхер В.К., Бокис Г. Г., Викторов М.В., Гайлит Я.П., Гринберг И.М., Грязнов И.К., Дубовой И.П., Душенов К.И., Дыбенко П.Е., Егоров А.И., Жильцов Л.И., Кожанов И.К., Криворучко И.Н., Кулик Г.П., Кучинский Д.Л., Левандовский М.К., Лудри И.М., Магер М.П., Мезис А.И., Мерецков К.М., Неронов И.Г., Окунев Г.С., Попов И.П., Седякин Л.И., Сипков Л.К., Славин И.Е., Смирнов П.А., Степанов М.О., Троянкер Б.У., Урицкий С.П., Федько И.Ф., Хрипин В.В., Шестаков В.Н. и др.

В прежние приезды на заседания Военного совета Блюхер нередко устраивал в своем номере-люксе радушные приемы многочисленных гостей; в этот раз никаких гостей не было. Раньше он и сам позволял себе шумно нагрянуть к кому-нибудь в гости, например, к сослуживцу по Сибири Е.А. Щаденко или к бывшей жене Галине Кольчугиной. Теперь идти никуда не хотелось.

К нему иногда заглядывали Викторов и Хаханьян, проживавшие неподалеку, в соседних номерах. Но — ненадолго. Длинных бесед не получалось; через полчаса, максимум час, они расходились в тревожном оцепенении, и он оставался один на один с мучившими его тяжелыми мыслями.

После завершения работы Военного совета началась подготовка судебного процесса по делу «о военном заговоре». Блюхер был в курсе всего происходящего. Ворошилов посвятил его: для рассмотрения дела «заговорщиков» планируется образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда. Нарком вел себя с ним дружески, называл, как всегда, по имени. «Учти, Василий, — сказал он многозначительно, — Сталин рекомендует включить тебя в это Специальное присутствие».

Следственная машина НКВД работала полным ходом.

7 июня Хозяин вызвал к себе в кабинет главных государственных законников: Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского и председателя Военной коллегии Верховного суда В.В. Ульриха. Армвоенюрист 2-го ранга Ульрих предложил расширить состав Верховного суда СССР, введя в него запасных членов из числа высших военных работников — Буденного, Шапошникова, Белова, Каширина и Дыбенко. Блюхера в этом списке не было.

9 июня Сталин еще дважды принимал Вышинского: в начале и в конце дня. Во время второго приема, состоявшегося поздно вечером, прокурор в присутствии Молотова и Ежова ознакомил вождя с обвинительным заключением по делу Тухачевского и К^{с}.

В обвинительном заключении говорилось, что в апреле — мае 1937 года органами НКВД в Москве раскрыт и ликвидирован военно-троцкистский заговор, которым руководили Тухачевский, Якир, Уборевич, Гамарник, Корк, Эйдеман и Фельдман. Военно-троцкистская организация была образована в 1932—1933 гг. по прямым указаниям германского Генштаба и Троцкого. Она была связана с троцкистским центром и группой правых Бухарина — Рыкова, занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации в СССР капитализма. Обвинение квалифицировалось по статьям 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

На следующий день чрезвычайный пленум Верховного суда СССР принял постановление, которым учреждалось для рассмотрения дела о военно-политическом заговоре против Советской власти Специальное судебное присутствие. В него вошли: председатель военной коллегии Верховного суда СССР В.В Ульрих, заместитель наркома обороны Я.И. Алкснис, командующий Дальневосточной армией В.К. Блюхер, командующий Московским военным округом С.М. Буденный, начальник Генштаба РККА Б.М. Шапошников, командующий Белорусским военным округом И.П. Белов, командующий Ленинградским военным округом П.Е. Дыбенко и командующий Северо-Кавказским военным округом Н. Д. Каширин, также Е.И. Горячев, И.И. Попов и еще несколько членов Военного совета при наркоме обороны СССР.

11 июня орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» на первой полосе поместила сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу Тухачевского и других, которые, как говорилось в сообщении, обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР и т. п.

По свидетельству бывшего члена военной коллегии Верхсуда СССР Зарянова, участвовавшего в судебном процессе в качестве секретаря суда, инициатива создания этого Специального присутствия и привлечения в его состав извест-

ных в стране высших военных руководителей принадлежала Хозяину. Выбор кандидатур был не случаен. Все они — участники Военного совета при наркоме обороны и выступали на июньском заседании совета в присутствии Сталина с резким осуждением «заговорщиков».

Вскоре состоялось подготовительное заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, где было вынесено определение об утверждении обвинительного заключения, представленного Вышинским, и о предании заговорщиков суду.

В голове Блюхера все время крутилось библейское: «не судите, да не судимы будете». Он сказал об этом своему давнему боевому товарищу Николаю Дмитриевичу Каширину, который ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул. Пройдет чуть более двух месяцев, и Каширин будет арестован за участие в «заговоре Тухачевского». В августе 1937 года он признается наркому Ежову, что когда его утвердили членом Специального судебного присутствия, рассматривавшего дело о военно-политическом заговоре Тухачевского и других, то «чувствовал себя не судьей, а подсудимым». Через год Каширина расстреляли как «врага народа»...

Но тогда, в июне 37-го, ни Блюхер, ни Каширин, как и многие из присутствовавших на судебном заседании, не знали, что в эти дни заводятся досье для будущих судов и над ними. Тухачевский, Якир, Уборевич и другие обвиняемые уже дали показания о принадлежности к «военно-фашистскому заговору» еще многих руководящих военных работников РККА. Только Фельдман назвал имена более 40 командиров и политработников — участников военно-троцкистского заговора. Были названы также А.И. Егоров, В.К.Блюхер, П.Е. Дыбенко, Н.Д.Каширин, Н.В.Куйбышев и еще десятки других имен...

Судебное заседание проходило в закрытом режиме. После зачтения обвинительного заключения все подсудимые, отвечая на вопрос председателя суда, признают ли они себя виновными, заявляли — признают. Они подтвердили в

суде в основном все те показания, которые давали на следствии.

Блюхер слушал их с болью, Принимал ли их показания за чистую монету или как наговор на себя?

Вот выступление на судебном процессе Якира. Блюхер хорошо знал Иону Эммануиловича по совместной работе в 1928—1929 годах в Украинском военном округе, будучи его помощником. Это был честный человек, беспредельно преданный Родине. А сейчас он страстно «разоблачал» происки Троцкого и фашистских государств, и свою контрреволюционную деятельность, при этом всячески подчеркивая пагубность влияния на него Тухачевского, занимавшего главенствующую роль в заговоре. Якир утверждал, что Тухачевский был автором плана подготовки поражения Красной Армии в будущей войне с Германией. Однако, когда Блюхер, пытаясь конкретизировать подготовку поражения Красной Армии в будущей войне, задал об этом вопрос, то Якир растерялся, проговорил: «Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написал следствию».

Сегодня многие историки-исследователи, изучающие 30-е годы — годы репрессий, приходят к выводу, что на судебных процессах «заговорщики» давали на суде те показания, которые им велели давать следователи.

Да, зачастую действительно было так. Накануне судебного процесса над группой Тухачевского и К° начальник Особого отдела НКВД Г.М. Леплевский провел оперативное совещание, где указал следователям еще раз «поработать» с подследственными, чтобы в суде они точно повторили свои показания, что зафиксированы в протоколах допросов. «Постарайтесь заверить подсудимых, — наставлял начальник Особого отдела, — что «признание» облегчит их участь».

Затем всем следователям было приказано сопровождать своих обвиняемых в суд. Следователи находились с ними в комнатах ожидания и в зале суда, когда приглашали туда их подопечных.

Во время допроса на суде Тухачевского с резким осуждением его концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию выступил Буденный. Пытались изобличить Тухачевского, Уборевича в предательстве интересов Красной Армии и некоторые другие члены Судебного присутствия. Но больше других задавали вопросы Блюхер, Белов, и, в особенности, Алкснис. Они упорно добивались от Корка ответа по поводу передачи сведений представителям немецкого Генерального штаба о войсках Московского военного округа. Корк отвечал, что неоднократно встречался с немцами на дипломатических приемах и во время бесед с ними сообщал только те сведения, которые не являлись секретными и были общеизвестны.

Произнося последнее слово в суде, все подсудимые продолжали клеветать на себя. И, вместе с тем, клялись в любви и преданности Родине, партии и лично Сталину.

Тем временем в республики, края и области страны летели срочные телеграммы со следующими указаниями: «Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня. 11.VI. 1937 г. Секретарь ЦК Сталин».

И суд, как и предполагал Хозяин, закончился ночью 11 июня. В 23 часа 35 минут председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Ульрих огласил приговор о расстреле всех восьми осужденных (Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова и Путны) с конфискацией принадлежавшего им имущества и лишением воинских званий.

В ночь на 12 июня Ульрих вручил коменданту Военной коллегии Верховного суда СССР Игнатьеву предписание — немедленно привести в исполнение приговор о расстреле Тухачевского и других осужденных, — которое без задержки было выполнено. Акт о расстреле подписали присутствовавшие при исполнении приговора Вышинский, Ульрих, Цесарский, а также Игнатьев и комендант НКВД Блохин.

Утром во всех газетах, по радио было сообщено о приведении приговора в исполнение. Это сообщение было объявлено и в приказе наркома Ворошилова по армии и флоту.

По указанию Сталина повсеместно прошли собрания и митинги, на которых трудящиеся заклеймили позором «подлых заговорщиков».

На следующий день в среде высших военных работников Москвы кто-то пустил слух, что расстрелом осужденных заговорщиков якобы командовал маршал Блюхер. Дошел ли он до Василия Константиновича? Неизвестно. Во всяком случае, Блюхер никогда и нигде об этом не говорил. Думается, слух запустили те, в чьих интересах было бросить порочащую тень на очередного (вслед за Тухачевским) советского маршала...

В 1953 году в Германии вышла книга мемуаров Вальтера Хагена «Секретный фронт». (Вальтер Хаген — псевдоним Вильгельма Хеттля, бывшего офицера 6-го управления РСХА — управления внешней разведки.) В главе «Как фальшивомонетчики убили советского маршала» он писал: «11 июня 1937 года советское информационное агентство ТАСС вызвало мировую сенсацию, сообщив, что по приказу наркома внутренних дел восемь старших генералов Красной Армии, среди которых бывший заместитель наркома обороны маршал Советского Союза. Тухачевский, арестованы и предстали перед военным судом. Судебный процесс никаких сюрпризов не принес. Советская юридическая система была уже хорошо знакома миру, и пародия на юстицию, фарсовые судебные процессы против троцкистской оппозиции в 1936 году, вместе с обилием не вызывающих доверия

признаний обвиняемых, были еще свежи в людской памяти. Никто потом не удивился, когда утверждалось, что Тухачевский и его товарищи признались, что они организовали подпольное оппозиционное движение, что они были в связи с верховным военным командованием враждебной СССР державы и передавали сведения о Красной Армии…

Процесс против них открылся в 10 часов утра 10 июня... Через двенадцать часов после вынесения заговорщикам смертного приговора они были казнены. Взводом, осуществлявшим расстрел, как говорят, командовал, по приказу Сталина, маршал Блюхер...»

Спустя три года, в 1956 году, вышли воспоминания начальника 6-го отдела РСХА бригаденфюрера СС и генерал-майора полиции Вальтера Шелленберга (шефа Вальтера Хагена—Вильгельма Хеттля). Шелленберг рассказал о деле Тухачевского почти теми же словами, что и Хеттль. В июне 1937 года заместитель наркома обороны СССР маршал Тухачевский и группа высших военачальников были арестованы. Им предъявлено обвинение: измена родине в результате связей с военными кругами одного государства, враждебного СССР. Как сообщил ТАСС, Тухачевский и остальные подсудимые во всем сознались. По требованию генерального прокурора Андрея Вышинского они приговорены к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение вечером того же дня. Расстрелом командовал, по приказу Сталина, маршал Блюхер, впоследствии сам павший жертвой очередной чистки.

Можно ли верить рассказу Хеттля (затем рассказу, повторенному Шелленбергом) о расстреле маршала Тухачевского и других осужденных военачальников взводом под командованием Блюхера? Думается, что это — легенда. Придумана она, возможно, чтобы сделать мемуары более похожими на детективный роман и привлечь внимание читателей. Но нельзя исключить, что германская разведка, создавая эту легенду, преследовала какую-то иную, свою цель, оставшуюся для нас тайной…

Как уже говорилось выше, акт о расстреле «заговорщиков» был подписан присутствовавшими при исполнении приговора Вышинским, Ульрихом, Цесарским, Игнатьевым и Блохиным. Первые трое по своему служебному положению сомнительно, чтобы выступали в роли палачей. Два последних — комендант Военной коллегии Верховного суда и комендант НКВД, скорее всего, и были непосредственными исполнителями приговора.

Как производился расстрел: взводом или отделением солдат? В НКВД, по установившимся неписаным правилам, это делали мастера-одиночки. Казни совершались в тюрьмах, в специальных камерах. Расстреливали приговоренных к высшей мере обычно из винтовки или револьвера, с близкого расстояния — в упор, в затылок...

Блюхер возвращался в Хабаровск в удручающем состоянии. Он редко выходил из своего купе. Купе довольно просторное, однако Василию Константиновичу было в нем душно. Все время в глазах стояла картина суда над бывшими его сослуживцами. Смертный приговор им подписало подавляющее большинство членов Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, лишь трое — Алкснис, Попов и он, Блюхер, воздержались.

Но он все равно причастен к осуждению...

Горела душа, Блюхер заливал ее коньяком.

Порученцы, как могли, отвлекали его от тяжких дум: завалили стол газетами — будет читать их, на время забудется; предлагали сыграть в карты...

В карты играть маршал отказывался, а газеты изредка просматривал. Их страницы пестрели информацией о единодушном одобрении рабочими, колхозниками, интеллигенцией справедливого суда над двурушниками, предателями Страны Советов. Среди одобрявших были артисты Художественного театра Леонид Леонидов и Николай Хмелев, братья-академики Сергей и Николай Вавиловы, писатели Александр Фадеев, Александр Серафимович, Всеволод Вишневский, Алексей Толстой...

Под рукой Блюхера оказался «Московский рабочий» за 6 июня 1937 года с выступлением на целую полосу первого секретаря Мосгоркома партии Н.С. Хрущева на Московской областной конференции. Он поливал грязью троцкистского предателя, изменника Родины, врага народа Гамарника, который был членом городского комитета ВКП(б). «Это наша вина, мы проглядели, — негодовал Никита Сергеевич. — В результате этот подло маскировавшийся враг попал в состав ГК».

Следующим был номер «Правды». Взгляд упал на стихотворение. Его автор — великий акын Казахстана Джамбул Джабаев. Имя народного казахского певца широко было известно в стране. Его стихи прославляли социализм, братскую дружбу народов, ВКП(б), Сталина, других вождей партии и правительства. Вот, например, строчки из его оды о сталинской Конституции — Основного закона СССР: «...Закон, по которому солнце восходит, Закон, по которому степь плодородит, Закон, по которому все мы равны в созвездии братских народов страны!».

Помещенное в «Правде» стихотворение, на которое упал взгляд маршала, называлось: «Уничтожить!».

Василий Константинович начал читать:

Попались в капканы кровавые псы,
Кто волка лютей и хитрее лисы,
Кто яды смертельные сеял вокруг,
Чья кровь холодна, как у серых гадюк...

Презренная падаль, гниющая мразь!
Зараза от них, как от трупов, лилась.
С собакой сравнить их, злодеев лихих?
Собака, завыв, отшатнется от них...

Сравнить со змеею предателей злых?
Змея, зашипев, отречется от них...
Ни с чем не сравнить их, кровавых наймитов,
Фашистских ублюдков, убийц и бандитов.

Скорей эту черную сволочь казнить.
И чумные трупы, как падаль, зарыть!..

Маршал отбросил газету в сторону.

Черная страница

Блюхер вернулся в Хабаровск с суда над Тухачевским и другими его товарищами по «военному цеху» с тяжелым камнем на сердце. Не только терзала совесть. Саднила боль за случившееся и вообще за все, что происходило и происходит в стране в этом году.

А ведь вступали в 1937-й с верой в прекрасное будущее. Ничто не предвещало недоброго.

Встретили Новый год, вспоминала Глафира Лукинична, весело. Для малышей и старших детей устроили новогоднюю елку дома. Собралось много ребятишек — нарядных, восторженных, с радостным блеском в глазах. Накрыли стол, всем были приготовлены подарки.

Василий Константинович приехал домой «перекусить», поел, устроившись на углу стола, и снова собрался в штаб. Вокруг был веселый детский гвалт. Уходя, уже у двери, он спросил у маленькой девочки, знает ли она стихи и песни. Девчушка потянула его за руку, усадила на диван, сама пристроилась рядом и, не спуская глаз с Василия Константиновича, стала читать один стишок за другим. Василий Константинович терпеливо, не прерывая, слушал ребенка, хоть и спешил...

В Доме Красной Армии был праздничный концерт, затем бал-маскарад. Играл духовой оркестр. Блюхер танцевал с женщиной в маске, что не очень понравилось Глафире, назло мужу пошла танцевать с кем-то из ярких мужчин и она — это не понравилось Василию Константиновичу. Потом разобрались, самим были смешны эти маленькие обиды.

Но начало 37-го года обмануло ожидания...

С первых его месяцев произошли события, потрясшие страну.

Январь. Громкий процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», в который входили Пятаков, Радек, Серебряков, Сокольников, Муралов. Общество волновалось, людей охватили тревога и страх перед «замаскированными террористами». Суд был скорым и суровым: «изменники Родины» понесли заслуженную кару — расстрел...

Февраль. За пять дней до открытия февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) уходит из жизни пятидесятилетний «железный» нарком Серго Орджоникидзе.

Блюхер узнал от Дерибаса, что Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством — застрелился. В официальном же сообщении о смерти говорилось, что он умер от разрыва сердца. Доктора Плетнев и Левин, которые составляли акт о смерти Орджоникидзе, вскоре были расстреляны. Они оказались в числе подсудимых по делу «правотроцкистско-бухаринского блока».

Май — июнь. Раскрытие органами НКВД нового контрреволюционного заговора. На сей раз это — контрреволюционная фашистская организация в армии, во главе с высокопоставленными военачальниками: Тухачевским, Уборевичем, Якиром, Корком, Эйдеманом, Фельдманом, Примаковым, Путной...

Василий Константинович видел, чувствовал: надвигаются «темные тучи», все ближе и ближе «раскаты грома» и «удары молнии».

На Пленуме ЦК Сталин выдвинул тезис: по мере успехов социалистического строительства сопротивление врагов нашей страны будет усиливаться, а классовая борьба — обостряться. Поэтому от «врагов» нужно очищаться.

Из окружения Блюхера один за другим стали выпадать соратники. Как вредители, шпионы были арестованы начальник штаба ОКДВА М.В. Сангурский;. начальник ВВС А.Я. Лапин; начальник Хабаровского гарнизона М.В. Кал-

мыков; начальник бронетанковых войск армии И.И. Деревцов; командир корпуса Я.З. Покус; военный прокурор ОКДВА В.И. Малкис; помощник командующего ОКДВА по материальному обеспечению Г.А. Дзыза; редактор газеты ОКДВА «Тревога» И.С. Мирин; секретарь парторганизации штаба И.И. Садовников. Снят с поста командующего Тихоокеанским флотом флагман 1-го ранга М.В. Викторов...

Зачищалось и руководство края. Первый секретарь краевого комитета ВКП(б) Л.И. Лаврентьев был переведен в Крым и вскоре там арестован. Прошло совсем немного времени, и занявший его место И.М. Варейкис также попал под арест. Не избежал этой участи и Г.М. Крутов — председатель крайисполкома.

Блюхер еще не знал и даже не догадывался, что Москва начала разматывать дальневосточный клубок широкой сети террористических организаций, давно уже созданных и работающих для отторжения Дальнего Востока от СССР и передачи его Японии. В Наркомате внутренних дел накапливались «сведения» о том, что к этим террористическим организациям причастны некоторые партийные и советские руководители края, должностные лица ОКДВА и УНКВД по ДВК.

Тухачевский, во время судебного процесса над ним и другими «заговорщиками» в письменном признании показал: «Дальним Востоком специально занимался Гамарник. Он почти ежегодно ездил в ОКДВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы.

Мне известно, что Путна и Горбачев в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления в ОКДВА. В дальнейшем эту работу проводил Лапин. Эти работники стремились расшатать субординацию в ОКДВА путем дискредитации командования. Лапин усиленно пропагандировал в ОКДВА теорию о том, что действия крупно организованными массами... для ОКДВА не годятся. На Дальнем Востоке нужна, мол, особая горно-таежная тактика, которая тянула боевую подготовку армии в

сторону тактических форм малой войны. Лапину удалось в этом отношении кое-что протащить в жизнь».

Признательные показания дали Сангурский, Лапин, Калмыков. Они подтвердили, что являлись членами правотроцкистской организации и вели подрывную деятельность.

Блюхера дважды приглашали на очную ставку с Сангурским, где бывший заместитель командарма при маршале решительно отвергал все, в чем его обвиняли. Через несколько дней после этих очных ставок Блюхеру передали короткое письмо от Сангурского: «Василий Константинович! Я дважды виделся с вами и дважды сдвурушничал. Прощайте, Сангурский».

В конце июля в Хабаровск прибыл комиссар государственной безопасности 3-го ранга Г.С. Люшков. Он сменял Дерибаса; Терентий Дмитриевич переводился на другую работу.

Для представления маршалу Люшков приехал в штаб ОКДВА лишь на третьи сутки.

Тридцатисемилетний чекистский генерал произвел на Василия Константиновича вполне приличное впечатление. На груди его гимнастерки сверкали ордена и знак почетного работника ВЧК-ГПУ Он был приветливо улыбчив, с маршалом держался с почтительной вежливостью. Подал себя достойно:

— Назначен начальником Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю, командующим Дальневосточной погранохраны. Рекомендован в члены Военного совета вверенной вам армии.

О Люшкове Блюхер узнал за неделю до его появления на Дальнем Востоке. Терентий Дмитриевич Дерибас по своим каналам был «осведомлен», что в ближайшее время ему предложат новое место службы, а вместо него будет назначен Генрих Самойлович Люшков. Дерибас рассказал Василию Константиновичу краткую биографию своего сменщика.

Люшков родился в Одессе, в семье еврея-портного. Образование — несколько классов начальной школы. С двадцати лет в органах. При наркоме Ягоде занимал в ГПУ пост заместителя начальника секретно-политического отдела. Принимал активное участие в расследовании убийства Кирова, в работе по делам ленинградского террористического центра и троцкистско-зиновьевского центра в августе .1935 года. В начале 1936 года стал начальником УНКВД Азовско-Чер¬номорского края, куда входил город Сочи — постоянное место отдыха Сталина. Будучи на глазах Хозяина, зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Вскоре его взяли в Москву, где он был назначен начальником Управления пограничных войск НКВД. Люшков — член ЦК партии, депутат Верховного Совета СССР...

Беседа Блюхера с Люшковым длилась больше часа. Под конец Василий Константинович осторожно поинтересовался дальнейшей судьбой Дерибаса (Блюхер, конечно, утаил от нового начальника УНКВД Дальневосточного края, что с Терентием Дмитриевичем он в большой дружбе). Люшков на вопрос маршала ответил уклончиво:

— Судьбу комиссара государственной безопасности первого ранга Дерибаса будет решать Николай Иванович Ежов. — Чуть помедлив, добавил: — В согласовании с товарищем Сталиным.

Вечером того же дня в кабинет Блюхера зашел начальник политуправления, член РВС ОКДВА Г.Д. Хаханьян. Григорий Давидович сообщил, что все руководство местного НКВД во главе с Дерибасом и Западным арестовано. Василий Константинович ужаснулся. Он тотчас позвонил Люшкову:

— Генрих Самойлович, мне доложили, что по вашему распоряжению взяты под арест Дерибас и Западный. Это правда?

— Правда. У меня имеются полномочия, — сухо ответил маршалу Люшков.

— Как же так? Дерибаса я знаю давно, как преданного партии большевика... Я так не оставлю... Я выйду на Москву. ..

И опять Люшков сухо:

— С Москвой согласовано. — Голос его напрягся: — Хотел бы просить вас, Василий Константинович, впредь в данное дело не вмешиваться... Мы ведем расследование об антигосударственном заговоре...

И связь прервалась.

Блюхер был поражен. Значит, это решение сверху. Значит, можно считать: Дерибаса больше нет. Как нет больше Кирова, Орджоникидзе, Якира, Гамарника и многих других;..

Наутро — новое сообщение, теперь начальника штаба:

— Люшков арестовал почти весь руководящий состав УГБ пограничной службы.

Командарм вышел на связь с Ворошиловым, пожаловался на произвол нового начальника УНКВД. Ответ наркома охладил Блюхера: не следует мешать Люшкову. Генрих Самойлович действует в интересах обеспечения безопасности на Дальнем Востоке и в целом страны. Он действует по указанию Ежова.

Люшков продолжал бросать в тюрьму «заговорщиков»; теперь уже и рядовых работников погранслужбы. За пограничниками пошли представители местной власти и просто граждане. Начались аресты среди военнослужащих ОКДВА, и Блюхеру пришлось выдавать свое «добро» на их арест.

«Тройки»[1] выносили «врагам народа» сотни расстрельных приговоров и осуждений к десяти- двадцатипятилетним срокам заключения. В состав этих «троек» в большин-

---

[1] «Тройка» — так называемое Особое совещание, орган по применению внесудебных репрессий при НКВД. В 1937 году Особое совещание стало действовать в связи с большим числом дел на лиц, привлекавшихся к ответственности по политическим обвинениям, не в полном составе, как предусмотрено законом, а в виде «тройки» — трех человек; обычно, руководителя НКВД, прокурора и партийного или советского высокопоставленного работника. Особенно широкое распространение «тройки» получили на местах.

стве случаев входили секретарь крайкома Анисимов, прокурор Хитрово и Люшков. Председательствовал на них, как правило, Генрих Самойлович.

Однажды Люшков в доверительной обстановке ознакомил Блюхера с показаниями Дерибаса и Полозовой, непосредственно касающимися маршала.

Дерибас Т.Д.: «Между мною, Западным, Гамарником, Лаврентьевым, Крутовым, Аронштамом рассматривался вопрос об убийстве Блюхера. Убить его было нетрудно, т.к. охрана находилась в руках Западного. Теракт по отношению Блюхера должен был организовать Благовещенский — прокурор Дальневосточной железной дороги, который специально выслеживал Блюхера. Непосредственно совершить теракт было поручено Барминскому С.А. (сотрудник НКВД, доверенный Дерибаса. — *Н.В.)*».

Полозова В.Ф.: «Я участвовала в подготовке покушения на Блюхера по поручению Дерибаса. Дерибас хотел убить Блюхера из-за личной злости и ненависти к Блюхеру за его несговорчивость по части оценки линии Сталина и приближенных генсека».

— Видите, какой сюрприз вам готовил ваш друг, — сказал маршалу Люшков, выделив особой интонацией «ваш друг», подчеркивая этим, что хорошо осведомлен о близких отношениях Василия Константиновича с Терентием Дмитриевичем.

Изумленный Блюхер не находил слов. Неужели Дерибас хотел его уничтожить?.. А Гамарник, Лаврентьев, Крутое, Аронштам?.. Столько лет душа в душу с Блюхером, и вдруг оказалось, что они давно готовились к покушению на его... Нет, это невозможно... Это ложь, ложь, ложь... Люшков состряпал протоколы допроса и специально показал их Блюхеру с целью войти в доверие.

В 1988 году в деле Дерибаса были обнаружены подлинные протоколы допросов, датированные 5 ноября 1937 года, именно с этими показаниями Дерибаса и Полозовой...

Зачем понадобилось Терентию Дмитриевичу рассказывать о подготовке покушения на жизнь маршала? Или он и его единомышленники действительно хотели устранить Блюхера, стоявшего на стороне Сталина, или это имитация. Возможно, Дерибас обелял своего давнего товарища, чтобы отвести подозрение от его участия в заговоре. Правду мы никогда не узнаем. Т.Д. Дерибас унес ее с собой в могилу; он был расстрелян как «враг народа»...

На глазах Блюхера резко поднимались роль и значение НКВД. После преобразования ОГПУ[1] в Народный комиссариат внутренних дел, в последнем сосредоточились все правоохранительные структуры. В один кулак собраны органы госбезопасности, милиция, внутренние и пограничные войска, исправительно-трудовые лагеря. Численность аппарата НКВД значительно увеличилась. Комиссариат внутренних дел сравнялся с комиссариатом обороны по статусу званий работников и по материальному положению, а по полномочиям несравнимо превзошел его.

Блюхер видел, как ускоренными темпами создавалась широкая сеть лагерей для «врагов народа». С запада, юга и центра Советского Союза непрерывно шли поезда в Сибирь, на Дальний Восток со спецпереселенцами.

По стране катился огромный каток «очистительного молоха». Его движению никто не мог помешать, а уж остановить тем более. Это было под силу лишь одному человеку — Сталину.

По долгу командующего Дальневосточной армией Блюхер был причастен ко всему происходящему и, естественно, вносил свою лепту в раскручивание процесса репрессий...

Он не знал, что судьба ему уготовила. Хотя предчувствие подсказывало: ничего хорошего для него не будет. Но гром еще не грянул.

---

[1] ОГПУ - Особое государственное политическое управление.

В 1990 году, работая в архивном фонде ЦК КПСС, я обнаружил документ: «Записка С.Г. Гендина[1] И.В. Сталину». На документе резолюция: «Мой архив. И. Сталин».

«Сов. Секретно.
ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Представляю донесение нашего источника, близкого к немецким кругам в Токио. Источник не пользуется полным нашим доверием, однако некоторые его данные заслуживают внимания.

— «Военно-политическая обстановка в Японии, по личному мнению и по ряду данных, полученных в иностранных и местных кругах, позволяет прийти к заключению, что выступление Японии против СССР может последовать в непродолжительном будущем, хотя общие затруднения Японии, весьма значительные уже в настоящее время, в этом случае возрастут еще более.

Основаниями для такого заключения являлись:

а) Сообщение японского Генштаба германскому военному атташе полковнику Отту о том, что необходимо скорейшее окончание войны с Китаем и заключение мира на приемлемых условиях с тем, чтобы сосредоточенные на континенте военные силы Японии могли быть брошены против СССР...

По окончании войны с Китаем Япония без большого труда захватит внезапным нападением Владивосток и Приморье...

б) По имеющимся у Отта сведениям... руководящие круги понимают, что нападение на СССР с каждым годом становится все опаснее, и, тем не менее, создается впечатление, что в данное время более чем когда-либо они начинают верить в легкомысленные заверения военщины о срав-

[1] Гендин С.Г. был заместителем начальника разведывательного управления РККА.

нительной легкости осуществления внезапного нападения на Владивосток и Приморье и возможности ввиду «неблагоприятности положения в СССР» ограничить японо-советскую войну этой территорией и Сахалином.

в) Несомненно, что установка «теперь или никогда» в отношении войны с СССР значительно популяризируется. Либеральный внук князя Сайондзи в разговоре со мной с сожалением констатировал наличие этой тенденции в кабинетских и капиталистических кругах. Он считает, что эта тенденция принимает часто характер политики катастроф. Он также говорил о смехотворной недооценке мощи СССР (об этом же говорил и Отт). Ведутся, например, серьезные разговоры о том, что есть основание рассчитывать на сепаратистские настроения маршала Блюхера, а поэтому в результате первого решительного удара можно будет достигнуть с ним мира на благоприятных для Японии условиях. (Отт с возмущением слушал сообщение высланного из Владивостока германского консула, который несколько месяцев тому назад со всей серьезностью рассказал группе офицеров из Генштаба, что при первом серьезном ударе японцев красноармейцы Владивостока и Приморья сдадутся в плен, чему японцы, видимо, абсолютно верят, находя в этом подтверждение широко распространенного, хотя и не всеобщего мнения по этому вопросу.)

Британский морской атташе капитан Роулинг также констатировал наличие этой тенденции, вызывающей у него недоумение, так как и его круги не знают ничего определенного по поводу последствий истории Тухачевского для мощи Красной Армии...

Ст. майор государственной безопасности *Гендин*.

14 декабря 1937 г.»[1].

---

[1] Записка дается в сокращении.

В показаниях Дерибаса и в записке Гендина Блюхеру даются прямо противоположные характеристики. Одна отражает его преданность. Сталину, другая — его сепаратистские настроения. К какой из них власть была больше склонна? Наверное, к первой.

Есть еще одна характеристика Блюхера — в показаниях Тухачевского, сделанных им 1 июня 1937 года. «Во время разговора Якир сказал, что он совместно с Гамарником и Осепяном ведет работу по вовлечению в заговор политических работников армии. Тут же Якир спросил, что я думаю о настроениях Блюхера. Я ответил, что у него есть основания быть недовольным центральным аппаратом и армейским руководством, но что отношение к нему Сталина очень хорошее. Якир сказал, что он хорошо знает Блюхера и при первой возможности прозондирует его настроение. Был ли такой зондаж — я не знаю».

Неизвестно, как «сработала» эта характеристика. Вполне вероятно, она вообще никак не сработала.

НАКАНУНЕ БУРИ

Царек Дальнего Востока

10 декабря 1937 года на стол Сталина легла темно-серая кожаная папка со стопкой листов машинописного текста с грифом «Совершенно секретно». Первый лист — сопроводительная записка:

«Направляю полученный нами агентурным путем японский документальный материал — доклад бывшего японского военного атташе в Москве капитана Коотани — «Внутреннее положение СССР (Анализ дела Тухачевского)», сделанный им на заседании японской дипломатической ассоциации в июле 1937 года.

Докладу Коотани предшествует вступительное слово начальника советской секции 2-го отдела японского Генштаба полковника Касахара.

Членами японской дипломатической ассоциации являются виднейшие политические и военные деятели Японии. Заседания ассоциации секретны.

Народный комиссар внутренних дел *Ежов*.

10.12.1937 г.».

Первые абзацы доклада капитана Коотани с предисловием полковника Касахара о положении дел в Советском Союзе, который он сделал на 99-м заседании японской дипломатической ассоциации, заинтересовали Сталина. Из материала следовало, что в Японии не верят в реальность «военно-фашистского заговора» в СССР. И бывший помощник

японского военного атташе в Москве, и генштабист утверждали, что неправильно рассматривать расстрел Тухачевского и нескольких других руководителей Красной Армии как результат вспыхнувшего в армии антисталинского движения. Правильно будет видеть в этом продолжение масштабных чисток, пронизывающих всю страну. Подобного рода процессы, надо полагать, будут иметь место и в дальнейшем.

В докладе подчеркивалось, что Сталин стремится достичь политического укрепления внутри страны и обеспечить себе свободу действий для проведения в жизнь своих планов. Он уже провел первый этап политического укрепления — урезание коммунистической партии...

Сталин с нарастающим интересом углублялся в чтение доклада капитана Коотани: «Ленин говорил, что партия будет непрерывно расти, но если предоставить ее рост самотеку, она начнет загнивать, ввиду чего необходимо в подходящие моменты устраивать чистки для изгнания всех чуждых элементов. Чистки неоднократно проводились в прошлом, но чистка, Начатая в позапрошлом году, была первым шагом в задуманной Сталиным общей чистке внутри государства. Эта большая чистка была проведена под именем обмена партдокументов. Все партийные билеты были забраны, и всем тем, за кем было что-нибудь в прошлом, кто не оправдывал звания члена партии и кто представлял собой пассивный элемент, новые документы не выдавались... За период до середины прошлого года было, таким образом, исключено несколько сот тысяч человек...

Вслед за этой большой чисткой, в августе прошлого года имел место процесс так называемого объединенного центра, с Зиновьевым и Каменевым во главе. На этом процессе были, по указанию Сталина, опубликованы во всеобщее сведение показания подсудимых, которые уже привлекались по делу об убийстве Кирова и находились под надзором. 16 подсудимых было расстреляно. Это было второй стадией работы Сталина по чистке внутри страны. На процессе объединенного центра было названо имя расстрелянного

сейчас Путны, и уже во время процесса или непосредственно после него Путна был арестован. Он занимал должность атташе в Лондоне и, как говорят, был под каким-то предлогом отозван и арестован на границе.

Не помню, кто именно дал показания на процессе Зиновьева — Каменева о том, что в Красной Армии были созданы ячейки, замышлявшие убийство Ворошилова и других руководителей армии (может быть, и Сталина). С этого времени начались аресты и в армии...».

С особым вниманием, с карандашом в руках (Сталин любил во время чтения делать на тексте пометки синим стеклографом), он прошелся по четвертому разделу доклада капитана Коотани «Отношения между Сталиным, Ворошиловым и Блюхером»: «Газеты пишут о напряженных отношениях между Сталиным и Ворошиловым либо между Ворошиловым и Блюхером, якобы возникших в результате дела Тухачевского. На эту тему ведется много разговоров. Я хочу высказать свое мнение по этому поводу.

И Сталин, и Ворошилов, как я уже говорил, представляют собой две руководящие фигуры в Политбюро. Если начать перебирать всех руководящих деятелей Политбюро или правительства, как Молотов, Калинин, Межлаук, Микоян, Каганович и т.д., то ни один из них не обладает такой популярностью и энергией, как Ворошилов. Часто говорят о Кагановиче, но он принадлежит к еврейской нации, которую не любит большая часть 170-миллионного населения СССР, и не обладает данными, чтобы вести за собой государство. В конечном счете, остается один Ворошилов. Прежде всего, он — руководитель армии численностью в 1 800 000. Даже Сталин со всей своей смелостью не может игнорировать эту громадную силу и вонзать в нее свой нож. Проводя такие решительные мероприятия, Сталин, несомненно, действует рука об руку с Ворошиловым, а кроме того, ему, кроме Ворошилова, в данный момент не на кого опираться. Молотов — тип школьного учителя, Калинин — просто деревенщина, среди остальных нет крупных людей. Однако, учитывая растущую подозрительность Сталина, ни в коем случае

нельзя поручиться, что Сталин в будущем не подведет Ворошилова, тем более принимая во внимание быстрые темпы перемен в России, о которых говорил полковник Касахара. Быть может, пока я здесь выступаю, в вечерних газетах уже появилось сообщение из Москвы: «Расстрел Ворошилова» (хотя, конечно, если судить по сегодняшней обстановке, это еще невозможно).

Но вот на кого нужно обратить внимание — это на Ежова из ГПУ Не он ли? Ежов еще молод и во многом напоминает погибшего Кирова. Благодаря нынешнему процессу он еще более вырос, и если его популярность в дальнейшем возрастет, то он, быть может, сможет стать опорой Сталина...

Далее, об отношениях между Блюхером и центром. Если бы со стороны Блюхера имели место выступления против власти, его ни в коем случае не держали бы на изолированном Дальнем Востоке, во главе 300-тысячной армии с 1200 самолетами и 1200 танками, против Маньчжурии и Японии, которые внушают им такие большие опасения. Это — доказательство того, что нынешняя власть и особенно Сталин доверяют Блюхеру. Если бы имелись хотя бы малейшие симптомы враждебности, которую, якобы, питает Блюхер, то ведь он и в прошлом, и в позапрошлом году несколько раз ездил в Москву и от него в любой момент можно было избавиться. Это, однако, не делалось. С точки зрения самого Блюхера, на отдаленном Дальнем Востоке он ничего не может сделать, что бы ни предпринимало центральное правительство, но зато, без лишнего честолюбия, в нынешнем положении он царек Дальнего Востока. Если же все будет идти гладко, то, может быть, придет момент, когда и на его долю выпадет лакомый кусочек, и нет никакой необходимости идти на рожон против власти.

Поэтому я утверждаю, что все слухи об оппозиции Блюхера к комбинации Сталин—Ворошилов, о существовании каких-то осложнений или разногласий основаны также на надеждах, а не на фактах. Однако какие изменения это может претерпеть в будущем — неизвестно».

В этом разделе Сталин сделал несколько, одному ему известных, пометок — подчеркивания, вопросительные и восклицательные знаки, закавычивания. Место, где Коотани называет Блюхера царьком Дальнего Востока, он выделил жирной чертой...

Что думалось Сталину во время чтения доклада бывшего помощника японского военного атташе в Москве?

Может, в его цепкой памяти всплыли строки из немецкого военного журнала «Дейче Вер», где в июне, в связи с делом Тухачевского, в статье «Счастье и гибель Тухачевского» (Эту статью специально перевели для Хозяина на русский язык.) было написано: «История когда-нибудь скажет нам, какую роль он (Тухачевский. — *Н.В.)* играл в действительности... Тухачевский хотел быть «русским Наполеоном», который, однако, слишком рано раскрыл карты, либо же, как всегда, его предали в последний момент».

Немцы увидели в маршале Тухачевском «русского Наполеона», теперь японцы в маршале Блюхере — «царька Дальнего Востока»...

Возможно, именно в этот момент у Сталина возникло первое подозрение: а вдруг все-таки Блюхер причастен к «военно-фашистскому заговору»?..

Отношения Блюхера с Ворошиловым внешне были ровными и даже товарищескими. Однако командующий ОКДВА внутренне испытывал неприязнь к наркому. Он не раз делился с женой своими трудностями и сложностями в работе с высшим начальством. Как-то, в раздумье, сказал Глафире: «Если б не Главный Хозяин, Клим бы не в ковше, а в ложке воды утопил меня...» В другой раз: «Клим хочет показать, что он заботится об ОКДВА... а на самом деле хочет подчеркнуть, выпятить мою якобы некомпетентность в теоретических военных вопросах». Между прочим, сам Ворошилов, по свидетельству Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, в роли наркома обороны был «человеком малокомпетентным, и так до конца и остался дилетантом в военных вопросах, никогда не знал их глубоко и серьезно».

После июня 1937 года, когда устранены были Тухачевский и Гамарник и их места заняли верные Сталину люди: Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис, Е.А. Щаденко, Блюхер ощутил, как усиливается на него давление. Прежде всего, со стороны нового начальника Политического управления РККА Мехлиса. Лев Захарович, по всей видимости, не забыл ни «совместную» с Блюхером службу в 20-м году на Врангелевском фронте, когда он был «энергичным» комиссаром Правобережной группы войск, а командующим «морально угнетенный», «безынициативный» Блюхер, ни пятнадцатилетний юбилей победы над Врангелем...

История с юбилеем победы над Врангелем такова. В ноябре 1935 года отмечалась пятнадцатилетняя дата штурма Перекопа. Блюхер в это время отдыхал с семьей в санатории «Барвиха». К нему приехали журналисты записать воспоминания. Корреспонденты газеты «Правда» (главным редактором «Правды» был в это время Л.З. Мехлис) с машинисткой разместились на первом этаже в свободной комнате. Несколько позже, по договоренности с Блюхером главного редактора «Известий» Н.И. Бухарина, приехали «известинцы», тоже со своей машинисткой.

Глафира Лукинична вспоминала: «Бухаринцев» разместили, в секрете от «правдинцев», в нашей спальне, которая сообщалась с гостиной через ванную комнату. Блюхер ходил по гостиной и диктовал, я сидела за столом и записывала. Порученец Василия Константиновича Некрасов брал у меня исписанные листки, относил «правдинцам», у них забирал уже отпечатанный текст, клал мне на стол. Василий Константинович, ходя по комнате, перекладывал эти отпечатанные листки на стул, их брали «известинцы»... «Конспирация» удалась, «правдинцы», работая на первом этаже, подвоха не заметили.

Прочитав опубликованные в «Правде» и «Известиях» статьи, посвященные 15-летию Перекопа, Василий Константинович сказал: «Когда-нибудь я расплачусь за это, Мехлис мне этого не забудет». «Известия» напечатали воспоминания Блюхера почти в полном объеме, в «Правде» ста-

тья была значительно сокращена. Василий Константинович считал, что Мехлис (в будущем, после ухода из жизни Я.Б. Гамарника, начальник политуправления РККА) не простит ему того обстоятельства, что Блюхер не возвел его, Мехлиса, в ранг одной из центральных фигур, сыгравших важную роль во взятии Перекопа, и при малейшей возможности будет мстить».

И теперь он мстил. Продолжалось разрушение командно-политического ядра ОКДВА. Накануне 1938 года Мехлис вызвал в Москву начальника политуправления Г.Д. Хаханьяна для решения вопроса о его дальнейшей работе. Но никакого предложения по повышению по службе от начальника ПУРа не поступило, Хаханьян был объявлен «врагом народа».

Был ли Блюхер, по утверждению японского военного дипломата, на самом деле царьком Дальнего Востока?

Конечно, Блюхер чувствовал себя здесь хозяином, непререкаемым авторитетом. Это чувство в нем породило и постепенно упрочило многолетнее положение главного военачальника мощной вооруженной силы на огромном пространстве отдаленного от центра восточного края страны. И, безусловно, оно подогревалось славой героя Гражданской войны, победителя под Волочаевкой и на КВЖД.

А еще — Блюхер очень любил Дальний Восток, с которым у него многое связано. По словам Глафиры Лукиничны, Василий Константинович хотел умереть здесь и быть захороненным вместе с героями-волочаевцами. Он никогда не высказывал желания жить и работать в центральной части Союза. Хотя однажды, будучи в Москве (при поездке с женой в Одинцово в гости к Т.Д. Дерибасу), у него вырвалось: может, уйти со службы, стать в Подмосковье или в другом месте директором завода, совхоза?.. Колол бы дрова, дети учились бы в столице... И тут же отверг — нет, он ни за что не оставит Дальний Восток.

Блюхер нередко роптал в адрес центра: «Не понимают они там наших трудностей, тяжелых дорог и их отсутствие,

оторванности от цивилизации, не знают условий жизни военнослужащих, да и вообще наших дальневосточников».

Но эти трудности не затмевали Блюхеру прелести любимого им края. Бывая по весне в Приморье, он каждый раз восторгался увиденными в Сучанской долине поражающими своей красотой живыми коврами из саранок, подобных лилиям. Окрестности Волочаевки, район вокруг сопки Июнь-Корань, где в 22-м шли ожесточенные бои за советский Дальний Восток, он называл «дальневосточной Швейцарией».

Василий Константинович был неподдельным патриотом Дальнего Востока. Во всех публичных выступлениях, в личных беседах всегда называл Дальний Восток «прекрасным», «замечательным», «родным», «нашим», «моим». И непременно подчеркивал: «мы никому никогда его не отдадим».

В последнем своем выступлении по краевому радио он страстно говорил о Дальнем Востоке: «...Наш большевистский Дальний Восток — это поистине один из богатейших краев Страны Советов. Он огромен и полон неисчислимых богатств. Сердце радуется, когда видишь, как по-новому, по-советски шумит тайга, как люди осваивают необозримые пространства от Амура до Охотского моря, раскрывают тайны дальневосточных недр.

На Дальнем Востоке, как и по всей Советской стране, жить становится все лучше и все веселее. Это, в частности, сказывается в том, что очень многие рабочие, техники, инженеры, прибывающие в край на временную работу, оседают в нем на долгие годы. Их захватывает наш родной Дальний Восток своей героикой, своими замечательными перспективами.

Но все же мало, слишком мало строителей в нашем крае. И мне кажется, это является следствием того, что трудящиеся Советского Союза мало знают о Дальневосточном крае. В художественной литературе, на киноэкране до сих пор по-настоящему еще не показан новый большевистский Дальний Восток, пришедший на смену «дебрям Уссурийского края», о которых в свое время писал Арсеньев...

Мы, дальневосточники, хотим, чтобы нашу нынешнюю жизнь знали все трудящиеся нашей страны...

Мы горячо любим наш край, и никому его не отдадим. Мы будем бдительно и прочно охранять его от всякого нашествия со стороны врагов. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия, Тихоокеанский флот, Краснознаменная погранохрана никогда и никому не позволят топтать советский цветущий большевистский дальневосточный огород. Мы это доказывали не раз».

Как вел себя «царек»? С коллегами по работе, с друзьями, близкими? Каким был в быту? Если судить по публикациям в периодической печати, по книгам-воспоминаниям соратников Блюхера, по свидетельствам родственников, современников — то отзывы разные, но, в основном, положительные:

Генерал армии А.В. Хрулев: «Блюхер много пил... Но это не мешало ему оставаться порядочным человеком. С товарищами по работе вел себя достойно. Был требовательным, но не унижал людей».

А.З. Кушешвили, бывший кинооператор Дальневосточной студии кинохроники, который однажды на первомайской демонстрации сфотографировал Блюхера с Дерибасом и Западным: «...Парад и демонстрация закончились, я подошел к Блюхеру и попросил разрешения сфотографировать. Только начал прицеливаться, появились Терентий Дмитриевич Дерибас и Семен Израилевич Западный. «Давайте, давайте, — позвал их Василий Константинович, — пристраивайтесь, сфотографируемся все вместе...» Он подтрунивал над Семеном Израилевичем, который был высокого роста. «Задал ты хлопот фотокорреспонденту. Как вот стать нам, чтобы все вышли в кадре... Ты хоть присядь, что ли».

Раньше я не знал: каков он, легендарный Блюхер-человек в жизни, а не на «иконе». И увидел — веселый, общительный, с людьми, ниже себя рангом, держится просто, как товарищ с товарищем.

Потом еще несколько раз мне посчастливилось общаться с Блюхером. И я навсегда сделал для себя о нем вывод: чудесный человек, чуткий, отзывчивый».

Военный корреспондент В.П. Гольцев: «Писать портрет маршала Блюхера одной розовой краской нельзя. Он был человек очень сложный: одновременно и могучий и слабый. Он был сын своего времени — бурного, стремительного, революционного. Оно в своем захватывающем вихре несло и большие корабли, и разный строительный мусор. Блюхер был властолюбивой натурой, его поведение порой граничило с деспотизмом».

Дочь Зоя: «Отец был натура могучая, неуемная, подчас противоречивая. В нем уживались железная воля, твердая решительность, порой жесткость с удивительной мягкостью, чуткостью, сентиментальностью...»

Секретарь военното совета Дальневосточного фронта И.М. Крысько: «Я относился к Блюхеру с большим уважением. Он был очень требовательным, в то же время, заботливым о подчиненных. Но был у него один «штрих», к которому я относился неодобрительно, — злоупотребление спиртными напитками».

Порученец Блюхера С.А. Попов: «Блюхер был склонен к роскоши, нескромен в быту. Он построил на Амуре дорогую дачу, имел персональные моторные лодки. Устраивал вечера с выпивками, на которые приглашались женщины... Ко мне Блюхер относился справедливо».

В своих воспоминаниях вдова маршала Глафира Лукинична просто и живо описывает образ мужа с разных сторон. От Блюхера веяло спокойным мужеством. Облик его был красивый и строгий. Глаза синие, в последние годы сине-стальные. Он был гостеприимным хозяином. Пел и танцевал со всеми, любил острое словцо. Курил. Отдавал предпочтение папиросам «Аллегро» и «Строминг». Умел быть сдержанным, скромным. Как-то они пошли с Глафирой Лукиничной в ресторан. Когда появились в зале, все немедленно обернулись к ним, стали аплодировать. Официант церемонно провел «знаменитую пару» в кабину: «Что желаете?» Василий Константинович заказал себе пиво со льдом, а жене (она в то время была кормящая мать) — молоко. Офи-

циант был удивлен до крайности: «Маршал... Такой большой начальник! И так скромно?..»

Особенностью Блюхера была исключительная аккуратность во всем. Возьмем одежду: гимнастерка со свежим подкрахмаленным подворотничком, брюки-полубриджи строгого покроя, тщательно выглаженые. Летом ходил в сапогах, индивидуально сшитых в военной мастерской, зимой в фетровых бурках. Ремень носил широкий с крупной металлической пряжкой. Портупея у него до конца жизни была одна, еще с Гражданской войны.

На отдыхе одевался, как правило, в штатское, особенно любил русскую косоворотку.

Жил Блюхер с семьей не во дворце — в небольшом благоустроенном особняке с круглосуточной охраной и прислугой. Имел дачу на берегу Амура в 12 километрах от города в селе Богдановке.

В моей памяти запечатлелась последняя встреча в конце девяностых годов ушедшего века с вдовой маршала Глафирой Лукиничной Безверховой-Блюхер. Она к тому времени была тяжело больна. Сидела в уголочке дивана — старуха-старухой: седая, сухая, сгорбленная, с потухшими глазами. Говорила, естественно, о Блюхере.

«Шикарно он жил. Любил жизнь. Впадал во все тяжкие... Было... Всякое было... В последние годы сильно напивался. Ужасен бывал в эти моменты. Я даже уйти от него хотела...».

А через минуту говорила о нем по-другому: «Необыкновенной человек! В нем было все прекрасно: внешний вид, предупредительность в отношении с людьми... Он называл меня родной, любимой Рафушкой... Таким, как он, не гордиться нельзя...»

Легендарного маршала обычно представляют исключительной личностью, ни в чем непогрешимым, чуть ли не святым. А он ведь был обыкновенным, таким, как все. И человеческих слабостей, пороков в нем было предостаточно.

Предательство чекистского *генерала*

На Дальнем Востоке все предвещало скорую военную бурю. Япония день ото дня нагнетала напряженность на советско-маньчжурской границе.

К середине лета 1938 года на восточной границе сложилась угрожающая для СССР обстановка. Японская военщина изготовилась к прыжку на советский Дальний Восток.

В тридцатые годы среди азиатских стран Япония была, пожалуй, единственной страной, которая шла вровень с перворазрядными капиталистическими государствами в области территориальных захватов. В 1931 году она напала на северо-восточные провинции Китая (Маньчжурию) и образовала на оккупированной территории марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с императором Пу И. Япония планировала после захвата Маньчжурии прибрать к рукам Монголию и Китай и затем, овладев всеми ресурсами Китая, перейти к завоеванию Индии, стран южных морей, Малой Азии, Центральной Азии... Война против Советского Союза считалась логической неизбежностью.

В последующие годы Япония спешным порядком строила в Маньчжурии военные заводы и арсеналы, аэродромы и казармы, прокладывала стратегические коммуникации. И все это вблизи советской границы. В Маньчжоу-Го разместилась 130-тысячная Квантунская армия, почти треть всех вооруженных сил Японии того времени. Кроме того, там находилось более ста тысяч войск императора Пу И.

Был принят закон о всеобщей мобилизации, который, как признал позднее бывший премьер-министр Японии Окада, служил целям подготовки к войне с СССР.

Генштаб Японии решил опробовать свою военную силу в противоборстве с Советским Союзом. На первом этапе предусматривался захват Владивостока, Уссурийска, Имана, а затем Хабаровска и Благовещенска.

Начиналось все, как это было характерно для тогдашней Японии, с провокаций. За три года (1936—1938 гг.) на

границе СССР было зафиксировано 231 нарушение, из них 35 крупных боевых столкновений. В советских территориальных водах процветал хищнический лов рыбы. Японцы захватывали советские судна: «Терек», «Кузнецкстрой», «Рефрижератор № I», катер «Отважный». Участились вооруженные инциденты на участках Турий Рог и у озера Ханка, Полтавского и Гродековского укрепленных районов.

Блюхер понимал: его армию ожидают серьезные испытания.

В начале июня особенно участились провокации в районе озера Хасан. Японский Генеральный штаб устроил демонстрационную рекогносцировку сопки Заозерной, на которую были приглашены представители иностранных миссий, в частности, высокопоставленные чины германской армии.

Блюхер в это время на Дальнем Востоке отсутствовал, был в Москве, где проходило награждение группы командиров ОКДВА. Василий Константинович получил второй орден Ленина, носить который ему, к сожалению, не пришлось; в архивах нет ни одной его фотографии с двумя орденами Ленина.

Вернувшись из столицы, Блюхер узнает невероятную новость: пропал начальник УНКВД Дальневосточного края комиссар Люшков.

Комиссар НКВД выехал на проверку состояния границы с Маньчжурией. Трое суток инспектировал пограничные подразделения, объявлял тревоги, проверял бдительность пограничников в нарядах. С особой тщательностью он изучил участок 59-го Посьетского погранотряда. Ночью 13 июня Люшков вместе с начальником отряда К. Гребенником и заместителем начальника разведотдела краевого управления лейтенантом госбезопасности К. Стрелковым вышли к запретной зоне границы. Здесь Стрелкову было приказано подождать в условленном месте, а с начальником заставы Люшков двинулся непосредственно в зону. Начальник УНКВД сказал Гребеннику, что он намерен встретить-

ся в «окне» с нелегальным агентом из Маньчжурии. По инструкции никто не должен видеть агента. Поэтому Люшков велел пограничнику подвести его к «окну», а затем отойти на полкилометра и ждать дальнейших распоряжений.

Начальник погранзаставы ждал час, два — Люшков не возвращался. Заподозрив недоброе, рискуя за нарушение инструкций попасть под «тройку», он решился подойти вплотную к «окну» — комиссара НКВД нигде не было видно. Страшное подозрение пронзило пограничника, он бросился к скрытой телефонной розетке, отдал команду поднять заставу в ружье...

О пропаже начальника УНКВД Дальневосточного края, командующего Дальневосточной погранохраной и члена Военного совета Дальневосточной армии немедленно доложили в Москву. Были подняты по тревоге близлежащие воинские части. В короткий срок тысячи людей прочесали весь участок местности в районе 59-го погранотряда. Но Люшков как в воду канул.

Сталин сделал вывод: начальника УНКВД Дальневосточного края похитила японская контрразведка.

Зарубежная советская агентура получила грозное задание любой ценой установить местонахождение чекистского генерала. Ежов приказал всех причастных к исчезновению Люшкова арестовать.

Из агентурных источников поступили первые сведения о том, что высокопоставленный чекист бежал из СССР, сознательно перешел границу и сдался японским властям. Из Кремля пошла новая команда: уничтожить Люшкова в любом месте, где только он будет обнаружен...

В 2004 году мне попалась публикация С. Николаева «Комиссар, перебежчик, предатель». В ней по всем законам детективного жанра увлекательно рассказывалось о таинственном исчезновении чекистского генерала.

...Южная окраина Приморской области. Утро 13 июня 1938 года.

Полицейские Ханчунского погранполицейского отряда Катосима и Танобин не спеша обходили свой участок.

Вдруг они уловили, что кто-то идет. Оба присели: в густом тумане показались очертания человека. Когда тот подошел на 40—50 метров, полицейские окликнули его. Человек мгновенно остановился, вытащил из-за пазухи два револьвера и бросил их на землю, а потом высоко поднял руки...

Нарушитель границы был одет в серый комбинезон.

Полицейские отвели его в с. Тойсон. Там он отдал свое удостоверение. С большим трудом записали они так, как поняли, фамилию и имя задержанного: Юсиков Енириф (т. е. Люшков Генрих).

Уведомленный своими подчиненными о задержании беглеца, в Тойсон немедленно выехал Суэки Хифуми, командир подразделения Ханчунского пограничного отряда, Там он увидел Люшкова. Под его комбинезоном — гимнастерка военного образца, черные брюки-галифе с красным кантом. На гимнастерке прикреплено три ордена. Полицейские доложили, что, кроме двух револьверов, у Люшкова обнаружено 4000 маньчжурских гоби и 300 рублей.

После краткого допроса комиссара советской госбезопасности переодели в гражданское и отвезли в город Ханчун. Здесь по разрешению местной японской военной миссии он дал в отеле «Аконта Ямато» первое интервью.

Как писали позднее журналисты, он «безжалостно разоблачал сталинскую безумную деятельность, направленную на борьбу с политическими противниками...».

Командование Квантунской армии предложило доставленному в Харбин Люшкову опубликовать в эмигрантских газетах и журналах открытое письмо о причинах своего бегства из СССР, что он и сделал. Наряду с заявлением и автобиографией Люшкова были помещены его фотография в военной форме, фотокопии партийного билета, удостоверения личности и депутата Верховного Совета СССР, пропуск на XVII партсъезд.

Неизвестно, какие документы унес Люшков в Маньчжурию и передал японским властям. Но в эмигрантской прессе указывалось, что он — большое приобретение для Японии,

оказал японскому командованию значительную помощь в выявлении действительной мощи советских войск, расположенных на советско-маньчжурской границе...

Но не только за выдачу секретов государственной важности японские власти хорошо приняли Люшкова. Они знали: Люшков, прибыв на Дальний Восток, развязал невиданный и откровенный террор, им было скомпрометировано значительное число командно-политического состава войск, дислоцировавшихся по периметру советско-маньчжурской границы...

Из стенограммы допроса Люшкова в штабе разведки Квантунской армии полковником Танаки:

«Танаки: Почему вы решили бежать и получить здесь политическое убежище?

Люшков: Я почувствовал, что мне грозит опасность.

Танаки: Какая именно опасность вам грозила?

Люшков: В конце мая я получил известие от ближайшего друга в НКВД, что Сталин приказал арестовать меня. Я узнал также, что Ежов откомандировывает в Хабаровск, где находится Дальневосточное управление НКВД, Мехлиса и Фриновского.

Танаки: Назовите вашего друга в НКВД.

Люшков: Прошу не требовать от меня этого. Скажу только, что этот человек — один из тех, кто занимает в НКВД положение сразу вслед за Ежовым. («Ближайшим другом» Люшкова был заместитель наркома внутренних дел Абрам Левин (Вельский Л.Н.).

Танаки: Кто такие Мехлис и Фриновский?

Люшков: Мехлис — начальник Политуправления Красной Армии. Фриновский — заместитель Ежова. Оба пользуются большим доверием Сталина. Мехлис отвечает за чистку в Красной Армии, Фриновский отвечает за это в НКВД. Перед прибытием в Хабаровск я решил бежать.

Танаки: Чем вы вызвали гнев Сталина?

Люшков: До августа прошлого года я являлся начальником Управления пограничных войск НКВД. (Люшков умол-

чал, что в 1936-1937 годах был начальником УНКВД Азово-Черноморского края и одновременно председателем «тройки», где уничтожил тысячи ни в чем не повинных граждан). Ежов направил меня на Дальний Восток наблюдать за действиями штаба Особой Дальневосточной армии. Сталин занимался тогда чисткой правых элементов. Мне было поручено выявлять их, в частности, недовольных чисткой в штабе Особой Дальневосточной армии, которой командует Блюхер. О положении в штабе и в армии я был обязан докладывать непосредственно Сталину и Ежову. Но отыскать порочащие Блюхера факты я не смог, и мне было нечего сообщать в Москву. Поэтому Сталин и Ежов решили, что я заодно с недовольными элементами. Они задумали подвергнуть чистке вместе с Блюхером и меня».

Люшкова днями допрашивали сотрудники японской контрразведки. Предателя заставили выступить в печати. Люшков заявлял: его измена обусловлена тем, что «ленинские принципы перестали быть основой политики партии». Раньше, когда чекистский генерал одним росчерком пера отправлял на казнь тысячи невиновных, «ленинские принципы» его устраивали. Теперь, когда машина репрессий стала работать и против ее создателей, угрожала лично ему, Люшкову, и некоторым его соратникам, уже нет.

То, что предатель сливал японцам важные секреты, волновало многих работников НКВД и штаб ОКДВА. Наряду с государственными тайнами на поверхность могли всплыть неприятные моменты из деятельности отдельных должностных лиц. Блюхер за себя не беспокоился: ему, как он считал, бояться нечего — Люшков не располагал компроматом на маршала. Это не то, что было в марте...

В марте проходил крупный судебный процесс по делу «правотроцкистского блока», где главными обвиняемыми были бывший член Политбюро ЦК Н.И. Бухарин, бывший член Политбюро ЦК и председатель Совнаркома СССР А.И. Рыков, бывшие члены ЦК и наркомы Крестинский, Розен-

гольц, Гринько, Чернов. Тогда Василий Константинович со страхом ждал своего «разоблачения». Он боялся, что Бухарин и Рыков расскажут на суде об их контактах с командующим ОКДВА на XVI и XVII съездах ВКП(б). Особенно опасался, если Александр Иванович упомянет о письме, посланном им Блюхеру с предложением, в случае смены руководства страны, занять пост Ворошилова.

К счастью, тогда пронесло: ни Бухарин, ни Рыков, ни. другие подсудимые о маршале Блюхере не сказали ни слова. Но через полгода о его связях с «правыми» и о злосчастном письме расскажет Берии Гулин, помощник командарма по связи, близкий Василию Константиновичу человек. Приведем отдельные фрагменты из протокол допроса арестованного Гулина Сергея Фаддеевича от 28 октября 1938 года:

«Вопрос: В 1930 году вы учились на курсах в Ленинграде и в середине учебы были отозваны Блюхером. Расскажите, чем вызывалась необходимость вашей поездки в Хабаровск?

Ответ: Телеграмму от Блюхера с предложением немедленно прибыть в Хабаровск я получил в начале мая 1930 года. В конце мая я приехал в Хабаровск и сразу пошел к Блюхеру на квартиру, где и застал его собирающимся в Москву. Я спросил Блюхера, почему он меня вызвал, может быть, на границе есть какие-нибудь неприятности? На это он мне ответил: «Ничего подобного. Я еду в Москву вместе с женой и в Москве, может быть, останусь. Я полуГил предложение Рыкова занять пост наркома по военно-морским делам, в Хабаровске нужен свой человек, который бы информировал о положении в ОКДВА...

Вопрос: Что произошло после возвращения Блюхера из Москвы?

Ответ: Когда Блюхер был еще в Москве, в газетах я прочитал его выступление на съезде против «правых» и, в частности, против Рыкова. Зная о том, что Блюхер полностью солидарен с Рыковым и получил от него даже приглашение занять пост наркома, выступление Блюхера на съезде меня очень удивило.

Когда Блюхер вернулся в Хабаровск, я пришел к нему на квартиру и спросил, что произошло с ним и почему он выступил на съезде против Рыкова и «правых», тогда как сам полностью разделяет их взгляды? Блюхер ответил, что в Москве обстоятельства заставили его переориентироваться, и рассказал следующий эпизод.

В Москве Блюхер остановился в гостинице. Порученцы Блюхера, прибывшие вместе с ним — Попов и Крысько, — пропустили представителей Промпартии[1], которые предлагали Блюхеру занять пост военного министра в случае, если они придут к власти.

Вопрос: Кто это — они?

Ответ: Промпартия. Блюхер, якобы, не дал им, т.е. представителям Промпартии, прямого ответа на их предложение.

О факте посещения Блюхера представителями Промпартии каким-то путем узнал Сталин и вызвал Блюхера к себе и имел специальный разговор. «Я, — говорил мне Блюхер, — на это Сталину ответил: прости, я был выпивши, мои порученцы пропустили их ко мне, поэтому я не помню, какие переговоры с ними вел». Всю вину свалил на порученцев и на свое нетрезвое состояние. «Ты же понимаешь, — говорил мне Блюхер, — что после этого мне ничего не оставалось делать, как выступить на съезде против «правых» и хоть как-то реабилитировать себя. Я это сделал, а в разговоре со Сталиным заявил ему, что я предан партии, что буду поддерживать партию и предан лично Сталину.

Вопрос: У Блюхера с Рыковым были встречи перед партсъездом?

Ответ: Да, перед тем, как выступить на съезде, Блюхер встречался с Рыковым. Выступление Блюхера на партийном

---

[1] П р о м п а р т и я — антисоветская подпольная организация (1925—1930 гг.), куда входили представители инженерно-технической интеллигенции, несогласные с проводимой правительством политикой в промышленности и на транспорте. Ее руководители Л.Е. Рамзин, В.А. Ларичев и др. были осуждены к различным срокам заключения; в 1936 году амнистированы.

съезде против «правых» было санкционировано Рыковым. Это делалось с целью маскировки, так как другого выхода в сложившейся обстановке, в связи с приемом представителей Промпартии, не было. Тогда же, как мне рассказывал Блюхер, он дал согласие Рыкову принять пост наркомвоенмора при победе «правых».

Еще об истории одного письма, полученного Блюхером от Рыкова...

Вопрос: Хотите рассказать?

Ответ: Примерно полгода спустя после партсъезда (конец 1930 г.) в армии было совещание высшего командного состава. После совещания Блюхер устроил у себя на квартире банкет для командиров дивизий и корпусов. На этом банкете был и я. В середине банкета Блюхер стал сильно волноваться, вызвал к себе в кабинет жену, Галину Александровну (это вторая жена — Кольчугина), порученца Попова и начал их ругать. Я спросил Попова о причине этого волнения. Попов мне ответил, что комиссар дивизии Двинский и другие смотрели альбом, а в альбоме, по предположению Блюхера, лежало письмо, полученное от Рыкова. Я спросил, что это за письмо? Попов мне сказал, что письмо получено давно и передал его содержание. Я думаю, что и сейчас смогу почти в точности воспроизвести его: «Дорогой Василий Константинович, в ближайшее время должна произойти перемена в правительстве, и я рад вас видеть на посту главы всех вооруженных сил РККА. Рыков».

Когда я сопоставил дату получения письма и разговор с Блюхером, я понял, что это и есть то письменное предложение, о котором говорил мне Блюхер в конце мая 1930 года, когда он отправлялся в Москву...

Вопрос: Что еще вы можете сообщить о Блюхере?

Ответ: Блюхер очень много пил. Особенно в последние годы. Он лечился в Москве от пьянства. В пьяном виде бил молодую жену Рафу. Я часто общался с Блюхером и его семьей. Почти ежедневно бывал в их доме. Поэтому могу сказать, что образ жизни Блюхера был тяжелый. Он так пил,

что на конференции даже доклад не мог сделать. Пил ночью и днем... Все это знали, и все это скрывали. Например, он в вагон садился с утра, а вечером вылезал из него, так никуда и не поехав, пропьянствовав весь день...

Допросили: *Берия, Иванов.*
Протокол вел *оперуполномоченный ОО ГУГБ НКВД СССР мл. л-т гос. безопасности Головлев*».

Это — серьезный компромат на маршала. Но он появится у НКВД только через полгода.

А сейчас от предателя Люшкова лихорадило многих высоких начальников, прежде всего, в столице. Он выдал японцам все, что знал. По линии НКВД выдал организацию советской агентурной сети в Японии, Китае и других тихоокеанских государствах, раскрыл всех перевербованных чекистами агентов, снабжавших японцев ложной информацией. Японские спецслужбы получили данные о том, как передаются в СССР шифровки от резидентов советской разведки, узнали их имена — Као и Лео. К счастью, кроме псевдонимов, Люшков об этих людях больше ничего не знал, поскольку с резидентами напрямую работал Центр.

Чекистский генерал-предатель был хорошо осведомлен о расположении военных объектов, аэродромов, складов боеприпасов, образцах оружия, уровне подготовки личного состава частей и соединений Особой Дальневосточной армии.

Все эти важные сведения об обороноспособности советского Дальнего Востока, полученные от Люшкова, сыграют свою роль в подготовке японского правительства и его Генштаба к ближайшему военному нападению на Советский Союз.

Побег Люшкова окончательно, можно сказать, под самый корень подкосил авторитет Ежова в глазах Сталина. Хозяин больше не полагался на него в борьбе с врагами народа. Он делал теперь ставку на Лаврентия Павловича Берию, который в это время был назначен заместителем нар-

кома внутренних дел. Блюхер хорошо знал Берию, который десять лет, с 1921 по 1931 год был в руководстве ЧК — ГПУ Закавказья, жестоко расправляясь с партийным инакомыслием, потом стал 1-м секретарем ЦК КП(б) Грузии, Заккрайкома ВКП(б). Прочитав в газете о назначении Берии заместителем главы НКВД, Глафира Лукинична спросила Василия Константиновича: хорошо это или плохо? Он ответил твердо: «Плохо. Очень плохо».

Как ни бился Ежов и его люди, а найти и доставить в СССР или уничтожить на месте беглеца-изменника, они не смогли. О дальнейшей судьбе Люшкова мало что известно. По разным слухам, до 1945 года он будто бы обитал где-то в Маньчжурии, продолжал работать на японскую разведку. После 45-го Генрих Самойлович словно канул в воду.

В публикации С. Николаева говорится, что в конце июля 1945 года Люшкова видели в Дайрене, он работал в интересах Квантунской армии под фамилией Ямогучи Хасигюто. С разгромом Квантунской армии японцы решили устранить Люшкова.

«19 августа, вечером, начальник Дайренской японской военной миссии Такеока предложил Люшкову зайти для переговоров по его делу.

«Я имел намерение отравить Люшкова в кабинете, — давал потом показания Такеока, — для чего имел при себе в маленьком флакончике 5 граммов цианистого калия в кристаллах... Я предложил ему чай, рассчитывая незаметно положить в него яд... Однако Люшков пить чай не стал. Я стал вести разговор о том, чтобы он покончил самоубийством. Но Люшков отказался... Я предложил пойти в порт, подыскать судно, на котором он мог бы уплыть в Китай. На ступеньках к выходу во двор я быстро зашел вперед и внезапно из браунинга выстрелил ему в левую сторону груди. Он упал».

Далее — фрагмент допроса начальника разведывательного отделения этой миссии Аримица Кадзуо: «Такеока при-

казал нам отнести труп в заднюю часть двора. Когда мы стали поднимать его, человек застонал. Такеока приказал мне задушить этого человека, но я отказался. Тогда Такеока приказал его застрелить. Я взял пистолет и выстрелил в висок. Труп мы завернули в одеяло, отнесли его на задний двор, бросили на кучу угля...»

Той же ночью Такеока предложил труп кремировать как японского военнослужащего Ямогучи, покончившего жизнь самоубийством...»

В двадцатых числах июня 1938 года из Новосибирска в Хабаровск на место Люшкова был переведен начальник УНКВД старший майор госбезопасности Г.Ф Горбач. Новый начальник УНКВД арестовал заместителя Люшкова, верного подельника Генриха Самойловича еще со времен их совместной работы в Азово-Черноморском крае, Г.М. Осинина. Его должность занял майор госбезопасности М.С. Ямницкий.

Между Блюхером, Горбачем и Ямницким сложились неплохие деловые отношения, но они не стали дружескими и особо доверительными, как были с Дерибасом и Западным.

Тучи все гуще и гуще...

Генерал армии И.Н. Шкадов, участник боевых событий у озера Хасан, в своей книге «Озеро Хасан. Год 1938-й» обстоятельно описал обстановку накануне нападения японцев.

Что представлял собой район крупной военной провокации Японии против советского Дальнего Востока?

Посьетский район, самая южная оконечность дальневосточного Приморья, имел весьма важное значение: здесь сходились границы СССР, марионеточного государства Маньчжоу-Го и Кореи. Граница Советского Союза с юга на север проходила по реке Тумэнь-ула (Туманган), отделяя советскую территорию от Кореи. Протянувшись около 20 километров, граница с Кореей переходила в границу с Севе-

ро-Восточным Китаем (Маньчжурией) и отступала от реки. В этом месте между СССР и Кореей длинным узким языком вклинивалась территория Маньчжурии.

Почему японская военщина избрала для вооруженной авантюры район озера Хасан?

Ответ на этот вопрос следует искать в характере местности и особенностях топографии Посьетского района.

Озеро Хасан и расположенная около него гряда высот, или, как их называют в нашем Приморье, сопок, находится всего в 10 километрах от берегов Тихого океана, а по прямой — в 130 километрах от Владивостока.

Если у Владивостока граница отстоит от побережья еще сравнительно далеко, километрах в 60—70, то, чем дальше на юг, тем все ближе и ближе она подходит к побережью. Здесь местность представляет собой узкую прибрежную полосу, сплошь болотистую и низменную, где движение возможно лишь по немногим тропам и проселочным дорогам. И только немногочисленные сопки возвышаются над болотистой равниной.

Такими сопками, открывающими обзор на Посьетский залив, являются высоты Заозерная и ее соседка с севера — Безымянная. Обе сопки являются частями одного и того же скалистого кряжа, спускающегося на нашу сторону прямо в озеро Хасан.

Если бы японцам удалось захватить эти высоты, то у них появилась бы возможность держать под постоянным наблюдением и прямым огнем артиллерии весь участок нашей территории к югу и западу от залива Посьета, угрожать всему побережью в направлении на Владивосток.

Конечно же, планируя свою авантюру, японская военщина рассчитывала на гарантированный успех. Ее убеждал в том очень трудный для организации нашей обороны характер местности. Если идти от границы в глубь советской территории, сразу же за сопками Заозерная и Безымянная лежит озеро Хасан. Его северный и восточный берега находятся на расстоянии 150—200 метров от границы. Словом,

обе сопки отделены от остальной советской территории довольно-таки широкой водной преградой, которую можно обойти только в непосредственной близости от границы по двум очень узким проходам. Болотистая местность и ограниченное количество дорог не позволяли нашему командованию в короткий срок подвести в этот район тяжелую артиллерию, широко использовать бронетанковую технику.

К форсированной подготовке крупного вооруженного конфликта в Приморье японцы приступили с начала 1937 года. Особое внимание они сосредоточили на участке, охраняемом Посьетским пограничным отрядом. Как свидетельствуют факты, участок обстоятельно изучался с суши, моря и воздуха.

Помимо явных провокационных выпадов на границе японцы вели тайную подготовку к военным действиям. В начале июня бойцы Посьетского погранотряда задержали на территории СССР группу японских диверсантов из 29 человек. Они намеревались провести ряд террористических актов и поджогов в приграничных районах, чтобы посеять панику среди местного населения.

Свои агрессивные намерения японцы подкрепляли крупным сосредоточением войск в Маньчжурии в непосредственной близости от нашей границы. Буквально накануне хасанских событий на участке Посьетского пограничного отряда (здесь 13 июня бывший начальник УНКВД Дальневосточного края предатель Люшков перебежал к японцам. — *Н.В.)* была сосредоточена пехотная Ранамская императорская дивизия со средствами усиления — артиллерией, танками.

В своих планах военных авантюр японский Генеральный штаб отводил значительное место белоэмигрантам, окопавшимся в Маньчжурии. На переговоры к атаману Семенову был направлен офицер штаба Ямаока. Как выяснилось уже позднее, Семенов получил указание в случае удачного развития операции в районе озера Хасан действовать без промедления «для закрепления тактического успеха».

В районе предполагаемых боевых действий японцы неоднократно организовывали с провокационной целью разнообразные учения, которые, как правило, заканчивались у самой линии государственной границы. Подобные демонстрации могущества и силы Страны восходящего солнца были не чем иным, как попыткой запугать нас.

3 июля 1938 года к высоте Заозерная, на которой находился пограничный наряд из двух бойцов, выдвинулось около роты японских солдат и офицеров... Но наши пограничники вели себя хладнокровно и сдержанно, внимательно наблюдая за действиями непрошеных гостей...

Несколько ранее, в мае 1938 года, за два месяца до начала боев у озера Хасан, с целью проверки готовности войск к войне против Советского Союза японцы произвели инспекторскую проверку, в которой приняли участие командующий Квантунской армией генерал Уэда и так называемый военный министр Маньчжоу-Го Юй Чжишань.

После завершения инспектирования начальник штаба Квантунской армии сообщил заместителю военного министра Тодзио в Токио о готовности войск и о том, что местность, прилегающая к границе Советского Союза, всесторонне изучена.

Однако возведенный японцами за короткий срок оперативно-тактический пояс оставался, если можно так выразиться, «без застежки» — господствующей высоты, каковой являлась сопка Заозерная.

В июле в поселок Хомоку, расположенный на китайской стороне между рекой Туманган и озером Хасан, прибыл взвод японских солдат, который сразу же приступил к сооружению различных служебных построек вблизи Заозерной и установке воздушной линии связи. Это было еще одним доказательством того, что японцы ведут методическую, хорошо продуманную подготовку к захвату высоты.

Вот что сообщал в те дни командованию округа начальник Посьетского пограничного отряда К.Е. Гребенник: «...наблюдением с высоты Заозерной установлено: 20.7.38 г. с 11

часов 15 минут до 11 часов 40 минут в озере, у поселка Хомоку, купалось 50 человек. В составе этой группы было двое человек в белых костюмах и шляпах, которые стояли на берегу и вели наблюдение в сторону Заозерной. Купающиеся расквартированы в поселке Хомоку. До 20.7.38 г. указанные лица в поселке Хомоку не наблюдались...»

Надо отметить, что сопки Заозерная и Безымянная (они невысоки, Заозерная, например,— 150 метров) вызывали интерес японцев еще и тем, что с них можно без каких-либо оптических приборов детально просматривать побережье, железные дороги, тоннели, другие сооружения, прилегающие к границе. Имея в своих руках эти высоты, японцы могли бы держать под наблюдением, а в случае развязывания военных действий и под уничтожающим огнем весь участок нашей территории к югу и западу от Посьетского залива...

О происходящем на границе юга дальневосточного Приморья Блюхер регулярно докладывал Ворошилову. Но Москва и так знала о критическом положении на Дальнем Востоке. Нарком обороны требовал от командующего ОКДВА форсированно укреплять оборону на наиболее угрожаемых направлениях.

1 июля 1938 года приказом Ворошилова Особая Краснознаменная Дальневосточная армия преобразовывалась в Дальневосточный фронт, командующим фронтом был утвержден маршал Блюхер.

Преобразовать ОКДВА во фронтовое объединение было не так просто. «На скоростях» формировались две армии: 1-я Приморская (командующий комбриг К.П. Подлас) и 2-я Отдельная Краснознаменная (командующий комкор И.С. Конев). Из-за чистки в войсках ощущался большой некомплект командно-политического состава. Несмотря на увеличение войск фронта более чем на 100 тысяч человек, этой мощной силы не чувствовалось; части были распылены на огромных пространствах, пополнение личного соста-

ва осуществлялось медленно, не хватало вооружения. В районе озера Хасан в пожарном порядке сосредоточивалась 40-я стрелковая дивизия, Штаб работал неслаженно, так как укомплектовывался впопыхах.

20 июля японский посол Момору Сигемицу предъявил советскому правительству ультиматум о передаче Японии части территории СССР у озера Хасан, конкретно — высоты Безымянная и Заозерная. Японский дипломат угрожал: если сопки не будет переданы добровольно, императорская армия применит силу. На что нарком иностранных дел М.М. Литвинов ответил: «Если господин Сигемицу считает веским аргументом запугивание с позиции силы, перед которым отдельные государства действительно пасуют, то должен напомнить вам, что он не найдет успешного применения в Москве».

Ультиматум был отвергнут, и тогда японцы срочно передислоцировали в район озера Хасан ряд отборных соединений своей армии. Эти соединения и части были вооружены новейшей техникой и укомплектованы по штатам военного времени. Группировку поддерживал авиационный полк в составе семидесяти самолетов.

В свою очередь, 24 июля в ответ на сосредоточение японских войск, военный совет Дальневосточного фронта отдает 1-й Приморской армии директиву немедленно подтянуть батальоны 118-го, 119-го стрелковых полков 40-й стрелковой дивизии и эскадрон 121-го кавалерийского полка в район Заречья. Всем сухопутным войскам, авиации, системе ПВО предписывалось перейти на положение полной боевой готовности. Пограничники по своей линии получили указание соблюдать спокойствие и выдержку, не поддаваться на провокации, применять оружие только в случае прямого нападения японцев.

ХАСАН

«Смести и уничтожить!»

29 июля пограничная служба доложила: японские войска захватили Безымянную и Заозерную сопки.

Как развивались события?

29 июля, 16 часов 40 минут. Сопку Безымянная, где находились 11 пограничников во главе с лейтенантом Махалиным, атаковала японская рота пехотинцев. Потеряв пять человек убитыми, советские пограничники оставили сопку.

29 июля, 18 часов 00 минут. На помощь пограничникам Махалина прибыла из Пакшекори пограничная застава и рота поддержки. Наши подразделения ворвались на высоту, отбросив японцев, нанеся им чувствительные потери.

30 июля. На высотах между сопками Безымянная и Заозерная занял оборону батальон 118-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии.

31 июля, 09 часов 25 минут. Сильным артиллерийским огнем обстреляна сопка Заозерная, и после этого три батальона японской пехоты напали одновременно на Заозерную и Безымянную. Превосходство в силах было на стороне японцев. К тому же японская артиллерия непрерывно обстреливала советские подразделения, в то время как нашим артиллеристам было запрещено вести огонь по объектам на территории противника. Под натиском превосходящих сил противника наши стрелковые подразделения и пограничники, неся потери, отошли вдоль южного и северного берегов озера в глубь советской территории.

31 июля, 18 часов 10 минут. Советские войска разрозненными действиями отдельных рот и батальонов пытались вновь овладеть высотами, однако, не поддержанные в должной мере артиллерией и танками, они не добились успеха.

1 августа. Получен приказ наркома обороны, в котором Ворошилов категорически потребовал «в пределах нашей границы смести и уничтожить интервентов, занявших высоты Заозерная и Безымянная, применив в дело боевую авиацию и артиллерию».

Из воспоминаний (по книге «Накануне») командующего Тихоокеанским флотом Н.Г. Кузнецова: «1 августа 1938 года Василий Константинович позвонил мне. Он спешно направлялся к месту боев и просил доставить его туда морем. К назначенному часу был приготовлен эсминец. Я выехал на аэродром встречать маршала. Было совсем рано, когда самолет совершил посадку. В.К. Блюхер прибыл с членом Военного совета П.И. Мазеповым. Маршал выглядел озабоченным и утомленным. «Как с перевозками? Много ли прибывает раненых?» — поинтересовался он, едва мы отъехали от аэродрома. Я ответил, что грузы доставляются без задержки, а раненых немного, всех их разместили в морском госпитале.

Нигде не задерживаясь, мы подъехали к причалу, возле которого стояли корабли. На мостике эсминца маршал спросил, когда мы будем на месте, потом все всматривался в даль, часто задумывался и не сразу отвечал на вопросы.

Район боевых действий был тяжелым. Подходы к месту боев для крупных подразделений затруднялись узким, труднопроходимым ущельем, к тому же туда вела единственная плохая дорога. Все это я знал. Может, это беспокоило маршала?..»

Блюхера беспокоило другое. В отличие от доклада погранслужбы, что на Безымянную первыми напали японцы, он располагал иной информацией — сначала наши нарушили границу. Выходило, что конфликт развязала советская

сторона. Свое мнение он доложил в Москву и потребовал наказания виновных.

В ответной телеграмме нарком обороны Ворошилов назвал утверждения Блюхера чепухой.

В этот период в Хабаровске находились приехавшие на днях из Москвы начальник Политического управления РККА Л.З. Мехлис и заместитель наркома внутренних дел М.П. Фриновский.

Из воспоминаний Глафиры Лукиничны: «Они были у нас дома вместе с членом Военного совета КДФ Мазеповым. Собрались в кабинете Василия Константиновича.

После разговора муж пришел в спальню за папиросами, внутренне взвинченный, попросил принести ему коньяк. Я стала возражать, просила его ни в коем случае не пить. Василий Константинович сказал, дословно: «Ты знаешь, сейчас мне крайне необходимо это: приехали акулы, которые хотят меня сожрать. Они меня сожрут или я их, не знаю — второе маловероятно».

Приказ наркома обороны Ворошилова: «Смести и уничтожить интервентов» выполнен не был.

Противник к этому времени успел прочно укрепиться на занятых высотах. Японская артиллерия в основном располагалась на южном берегу реки Тумень-Ула и простреливала подходы к высотам с юга и с севера. Тем не менее, командир 40-й дивизии докладывал в штаб Приморской армии: «Приказ выполнен, в 9.00 дивизия перешла в наступление». Но он не доложил, вернее, побоялся доложить, что дивизия перешла в наступление, совершенно к нему не подготовленная. Совершив 200-километровый марш и, не закончив сосредоточение, без предварительной рекогносцировки местности, не имея полных данных об обороне и огневых средствах противника, 40-я вслепую двинулась на японцев. Из-за отсутствия должного взаимодействия артиллерии с пехотой стрелковые подразделения не имели огневой поддержки и в ходе наступления несли большие потери от артобстрелов противника. Все атаки были безрезультатны.

Итог наступления Москвой был оценен отрицательно. Как писал в «Красной звезде» к 60-й годовщине конфликта на Хасане В. Золотарев в статье «Перед бурей», оно с треском провалилось. «Из пяти артиллерийских дивизионов к полю боя успели подойти лишь несколько батарей. Из-за тумана стрелковые войска действовали без авиационной поддержки. Танки, экипажи которых не знали местности, застревали в болотах и канавах. Управление боем было крайне плохо организовано, к тому же множество начальников вмешивались в действия войск. В разговоре по прямому проводу на вопрос начальника Генерального штаба, какова боевая задача 40-й стрелковой дивизии, ее командир ответил, что получил три задачи — от фронта, армии и корпуса.

4 августа Главный военный совет направил на Дальний Восток директиву, в которой маршал Блюхер и комкор Штерн предостерегались от повторения ошибки, совершенной 2—3 августа 40-й стрелковой дивизией. Директива обязывала организовать атаку высоты Заозерная с обоих флангов, имея фронт наступления на протяжении от озера Хасан до реки Тумень-Ула.

Для решения поставленных задач по освобождению советской территории к району озера Хасан был подтянут 39-й стрелковый корпус в составе которого кроме 40-й дивизии была еще 32-я стрелковая дивизия, 2-я механизированная бригада, а также ряд отдельных частей и подразделений. Войска 39-го стрелкового корпуса имели на вооружении 673 ручных пулемета и 341 станковый, 58 орудий калибра 45 мм, 179 орудий калибра 76 мм, 285 танков и шесть бронемашин и насчитывали около 23 тысяч человек личного состава, командовать которыми было приказано начальнику штаба Дальневосточного фронта Г.М. Штерну...»

В один из приездов с Хасана в Хабаровск, отмечала Глафира Лукинична, Василий Константинович был в состоянии крайнего возбуждения, на грани срыва. Вместе с ним в маршальском салон-вагоне приехали Мехлис и Фриновский. На выходе из тамбура Блюхер в сердцах несколько раз повторил: «Все предали, все предали». Успокаивая его, Глафира

Лукинична просила не говорить так громко, в салоне все слышно... Из его рассказа она поняла, что Мехлис во время пребывания в районе боевых действий во все вмешивался, отдавал свои распоряжения, пытаясь подменить командующего. Он, Блюхер, был вынужден отменить один приказ Мехлиса 40-й дивизии. Говорил, что если б этот приказ был выполнен, то дивизия была бы оскальпирована японцами.

Между Блюхером и Мехлисом непрерывно происходили стычки. Начальник Политуправления РККА все время вмешивался в оперативную деятельность штаба фронта. По свидетельству Крысько, он часто слышал, как в кабинете маршала происходили ссоры Блюхера с Мехлисом и Фриновским, нередко доходило до крика. Чтобы прохожие на улице не слышали этих перепалок, порученцы командующего приказывали шоферам машин, стоявшим у штаба, «прогревать» моторы...

Мехлис в каждом разговоре по телефону с Москвой подогревал руководство Наркомата обороны и лично Сталина своими сообщениями о нерешительности командования Дальневосточной армии и, в частности, о бездеятельности лично Блюхера.

Как-то Ворошилов позвонил по прямому проводу члену военного совета ДКфронта Мазепову. «Что там у вас происходит?» Мазепов ответил, что ничего особенного. «А с Блюхером что?» Мазепов сообщил, что командующий заболел. «Товарищ Мазепов, — спросил нарком, — болезнь маршала проходит без участия Бахуса или же это имеет место?» Мазепов: «Отвечаю, что на протяжении последних трех дней у меня не сложилось оснований к тому, чтобы утверждать, что этот процесс болезни проходит с участием Бахуса. Было два случая во время обедов, когда он просил к столу коньяк и выпивал только две рюмки, большего не было».

Войска фронта продолжали вести ожесточенные, но пока безуспешные бои. Приказ наркома обороны все еще не был выполнен.

«Товарищ Блюхер, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами?»

Из воспоминаний участника боев у озера Хасан В.Ф. Заржецкого. Он был младшим командиром 2-го батальона связи, обслуживал в штабе телеграфные аппараты и непосредственно проводил переговоры с Москвой, Хабаровском, Краскином, где располагался полевой штаб фронта.

«В одну из ночей хасанских событий, в мое присутствие на узле связи, оперативный дежурный из Москвы запросил наш штаб: что происходит на Хасане и есть ли связь до сопок Заозерной, Пулеметной и Безымянной? До Краскино связь существовала, а дальше была нарушена.

Вскоре стало известно, что японцы заняли нашу территорию: сопки Заозерную, Пулеметную и Безымянную... Наши войска пытаются отбить их, но японцы, имея выгодные условия боя, с высот не уходят.

Рано утром вели переговоры с товарищем Ворошиловым командующий армией Подлас и начальник штаба армии Полковников, которые доложили об истинном положении в районе боевых действий.

...Мне несколько раз приходилось обеспечивать переговоры товарищей Блюхера, Рычагова, Штерна и Мехлиса с Москвой, с товарищем Сталиным, Ворошиловым... Помню хорошо приглушенный голос маршала Блюхера...»

Истинное положение в районе озера Хасан все еще не радовало.

Блюхер был вызван к прямому проводу для разговора со Сталиным. Диалог был недолгим, но красноречивым.

«Сталин: Скажите-ка, Блюхер, почему приказ Наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?

Блюхер: Докладываю. Авиация готова к вылету. Задерживается вылет по неблагоприятной метеорологической обстановке. Сию минуту Рычагову[1] приказал, не считаясь ни с чем, поднять авиацию в воздух и атаковать... Авиация сейчас поднимается в воздух, но боюсь, что в этой бомбардировке мы, видимо, неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки.

Сталин: Скажите, товарищ Блюхер, честно: есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, я бы считал, что Вам следовало бы выехать на место немедля.

Мне непонятна Ваша боязнь задеть бомбежкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это вам запретил в условиях военной стычки с японцами не задевать корейское население? Какое вам дело до корейцев, если наших людей бьют пачками японцы! Что значит какая-то облачность для большевистской авиации, если она хочет действительно отстоять честь своей Родины? Жду ответа.

Блюхер: Авиации приказано подняться, и первая группа поднимется в воздух в 11.20 — истребители. Рычагов обещает в 13 часов иметь авиацию атакующей. Я и Мазепов через полтора часа, если Бряндинский[2] полетит раньше, вместе вылетим в Ворошилов. Ваши указания принимаем к исполнению и выполним их с большевистской точностью».

Мехлис после разговора Сталина с Блюхером по прямому проводу четко уловил дух отношения Хозяина с маршалом и тут же в нужном для Кремля русле стал разбираться в подлинных обстоятельствах неудачных действий ДКфронта на Хасане. Прежде всего, он «увидел» в позиции маршала двурушничество. «Порой трудно отличить, когда перед то-

---

[1] *Рычагов П. В.* — командующий ВВС Приморской группы войск Дальневосточного фронта.

[2] *Бряндинский А. М.* — летчик самолета «Москва», обслуживавшего командование фронта.

бой выступает командующий или человек в маске», «Блюхер льет воду на мельницу японцев», — докладывал он в телеграммах Сталину и Ворошилову.

Бывший связист Заржецкий запомнил, как на завершающем этапе Хасанской операции Мехлис вел со Сталиным диалог. На вопрос Сталина: «Где товарищ Блюхер и что он говорит?» — Мехлис ответил: «Блюхер у себя в вагоне, никого не принимает. Морально больной и все время повторяет: «Мою армию ошельмовали» и «Не считайте меня больше командующим».

5 августа началось решительное наступление на японцев.

Под руководством Штерна 32-я и 40-я стрелковые дивизии совместно со 2-й механизированной бригадой нанесли с юга и с севера удары по всей группировке противника западнее озера Хасан. Нанесение ударов по противнику происходило в невыгодных для него погодных условиях: стоял сильный туман, который не позволил обороняющимся японцам эффективно использовать авиацию и артиллерию.

После полудня 6 августа погода улучшилась. Воспользовавшись этим, наши бомбардировщики совершили массированный налет на японские боевые позиции. На противника были сброшены 1592 бомбы. Но японцы не понесли большого урона, так как бомбометание производилось не прицельно — по площади.

40-я дивизия вела ожесточенный бой за сопку Пулеметную, которая находилась на пути к высоте Заозерной, однако овладеть ею не смогла. Не оказали пехотинцам нужной помощи наши танки. Их метко поражали противотанковые орудия японцев, они тонули в непроходимых болотах. К 7 августа части 40-й дивизии, несмотря на потери, все же овладели вражескими позициями у поселка Дигашели и высоты Пулеметная.

32-я стрелковая дивизия действовала более успешно. Ее части вышли к северным скатам высот Черная и Безымянная.

Несмотря на некоторые тактические успехи, в целом группа Штерна не добилась выполнения поставленной задачи. Причины?

1. Плохая разведка.

2. Слабое огневое подавление обороны противника.

3. Неудовлетворительное взаимодействие пехоты, танков, артиллерии, авиации.

Еще четыре дня у озера Хасан шли кровопролитные сражения. И только к полудню 11 августа высоты Заозерная и Безымянная наконец были освобождены...

Посол Японии в Москве запросил прекращения огня и предложил начать переговоры по урегулированию конфликта.

По всей стране было оповещено, что масштабное вооруженное столкновение на Хасане закончилось полной победой Красной Армии над зарвавшимися самураями. Но ни в печати, ни по Всесоюзному радио не было сказано, какой ценой досталась эта победа. А цена была немалая. Наши войска потеряли (по уточненным ныне последним данным) убитыми 792 человека, ранеными 3279. Потери японцев составили — 500 человек убитыми, 900 ранеными. В приказе наркома обороны СССР № 0040 от 4 сентября 1938 года число потерь давалось значительно ниже: 408 человек убитыми и 2307 ранеными, потери японцев — втрое больше.

Блюхер вернулся в Хабаровск из района боевых действий к исходу дня 11 августа. Зоя Васильевна Блюхер рассказывала: «Когда нам стало известно, что инцидент на Хасане завершился поражением японцев, мы приготовились к торжественной встрече отца, нарядились во все лучшее, сочинили речь… Отец скорой походкой вошел в дом и вроде бы даже не заметил наши наряды, наши приготовления. Сухо поздоровался и сразу проследовал в кабинет. Мы растерянно смотрели друг на друга, не решаясь вслух высказать недоумение... И за ужином, который обычно проходил шумно, весело, стояла непривычная тишина. Переговаривались ме-

жду собой шепотом. Мы все ждали, что вот-вот отец улыбнется, заговорит в обычной веселой манере, шуткой развеет гнетущую атмосферу. Но этого не случилось».

Победа была отмечена массовыми награждениями за мужество и отвагу соединений, частей, отдельных командиров и красноармейцев. Ордена Ленина была удостоена 40-я стрелковая дивизия. Ордена Красного Знамени — 32-я стрелковая дивизия и Посьетский погранотряд. 26 участников боев за Хасан стали Героями Советского Союза. Почти 6500 бойцов и командиров получили различные ордена и медали.

Блюхер ни к какой награде представлен не был. Мехлис и Фриновский прозрачно намекнули маршалу, что ему придется держать серьезный ответ перед Сталиным и наркомом обороны.

В Хабаровске по поводу победы под Хасаном и восьмой годовщины ОКДВА состоялась праздничная демонстрация. Трудящиеся несли портреты руководителей партии и правительства, героев Гражданской войны, как тогда было принято, но портрета Блюхера в колоннах видно не было. В своем выступлении на митинге первый секретарь крайкома ВКП(б) С.М. Соболев торжественно называл отличившихся в боях на Хасане, имени маршала Блюхера не упомянул...

Вскоре Ворошилов вызвал Блюхера в Москву на заседание Главного военного совета РККА.

Отбыли в Москву и Мехлис с Фриновским. Они везли «дело Блюхера», сфабрикованное ими здесь, на Дальнем Востоке, которое ляжет в основу рассмотрения событий на Хасане Главным военным советом РККА.

«ОТ ДОЛЖНОСТИ ОТСТРАНИТЬ...»

Приказ № 0040

Блюхер приехал в столицу 21 августа. А 23-го состоялось заседание Главного военного совета РККА, где были подведены итоги боев в районе озера Хасан. Через 11 дней нарком обороны СССР издал приказ № 0040.

«Совершенно секретно»
Приказ Народного комиссара обороны
Союза ССР № 0040
4 сентября 1938 г. г. Москва

31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА в составе членов военного совета: т.т. Сталина, Щаденко, Буденного, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова, с участием председателя СНК СССР тов. Молотова и зам. Народного комиссара внутренних дел тов. Фриновского. Главный военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта тов. Блюхера и зам. члена Военного совета ДКфронта тов. Мазепова, пришел к следующим выводам:

1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и. всех без исключения войск ДКфронта.

События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии ДКфронта. Военная подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказа-

лись на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны, снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

Хранение, содержание и учет мобилизационных и неприкосновенных запасов, как фронтовых складов, так и в войсковых частях оказалось в хаотическом состоянии.

Ко всему этому обнаружилось, что важнейшие директивы Главного военного совета и Народного комиссара обороны командованием фронта на протяжении долгого времени преступно не выполнялись. В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери — 408 чел. убитыми и 2307 чел. ранеными. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев.

Количество наших войск, участие в операции наших авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери в боях могли бы быть намного меньшими.

И только из-за расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковым, мы имеем сотни убитых и свыше тысячи раненых командиров, политработников и бойцов. Причем процент потерь командно-политического состава неестественно велик — около 40%, что лишний раз подтверждает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму наших бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность территории своей социалистической Родины, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев тов. Штерна и правильному руководству тов. Рычагова действиями нашей авиации.

Таким образом, основная задача, поставленная Правительством и Главным военным советом войскам ДКфронта — обеспечить на ДВ полную и постоянную мобилизационную и боевую готовность войск фронта — оказалась невыполненной.

Основными недочетами в подготовке и устройстве войск, выявленными боевыми действиями у озера Хасан, являются:

а) Недопустимо преступное растаскивание из боевых подразделений бойцов на всевозможные посторонние работы.

Главный военный совет, зная об этих фактах, еще в мае с.г. своим постановлением (протокол №8) категорически запретил разбазаривать красноармейцев на разного рода хозяйственные работы и потребовал возвращения в части к 1-му июля с.г. всех бойцов, находящихся в таких откомандировках. Несмотря на это, командование фронта ничего не сделало для возвращения в свои части бойцов и командиров, и в частях продолжал существовать громадный некомплект в личном составе, части были дезорганизованы. В таком состоянии они и выступили по боевой тревоге к границе. В результате этого, в период боевых действий пришлось прибегать к сколачиванию из разных подразделений и отдельных бойцов частей, допуская вредную организационную импровизацию, создавая невозможную путаницу, что не могло не сказаться на действиях наших войск;

б) Войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно не подготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальники управлений фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снаряжение имеются. Во многих случаях целые арт. батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были по-

догнаны, винтовки выдавались не пристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий;

в) Все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях ДВ, изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск.

Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

Виновными в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней ДКфронта и, в первую очередь, командующий ДКФ маршал Блюхер.

Вместо того, чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации последствий вредительства и боевой подготовке ДКфронта и правдиво информировать наркома и Главный военный совет о недочетах в жизни войск фронта, — т. Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28—31 мая 1938 г., в котором он скрыл истинное состояние войск ДКФ и утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск ДКфронта.

Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа. Под предлогом особой бдительности он оставил вопреки указаниям Главного военного совета и Наркома незамещенными сотни должностей командиров и начальников частей и соединений, лишая, таким образом, войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников... Такое положение т. Блюхер объяснял отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командно-начальствующим кадрам ДКфронта.

Руководство командующего ДКфронта маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством. Все его поведение за время, предшествующее боевым действиям, и во время самих боев явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории. Заранее зная о готовящейся японской провокации и о решениях Правительства по этому поводу, объявленных тов. Литвиновым послу Сигемицу, получив еще 22 июля директиву Народного комиссара обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, — тов. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпора врагу и не принял действенных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. В тайне от члена Военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. Наркома обороны т. Мехлиса и зам. Наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила «нарушение» на-

шими пограничниками Маньчжурской границы на три метра и, следовательно, «установила» нашу «виновность» в возникновении конфликта на оз. Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму Наркому об этом мнимом нарушении нами Маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и др. «виновников в провокации конфликта» с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также в тайне от перечисленных выше товарищей.

Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского Правительства и приказов Наркома, т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам. Дело дошло до того, что 1-го августа с.г. при разговоре по прямому проводу т.т. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером тов. Сталин вынужден был задать ему вопрос: «Скажите, т. Блюхер, честно — есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание — я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедля».

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта тов. Штерна в район боевых действий без всяких определенных задач и полномочий. Лишь после неоднократных указаний Правительства и Народного комиссара обороны о прекращении преступной неразберихи и устранении дезорганизации в управлении войсками и только после того, как Нарком назначил тов. Штерна командиром корпуса, действующего у озера Хасан, специального многократного требования применения авиации, от введения в бой которой т. Блюхер отказывался под предлогом опасения поражений корейского населения, только после приказания т. Блюхеру выехать на место событий, — т. Блюхер берется за оперативное руководство. Но при этом более чем

странном руководстве он не ставит войскам ясных задач на уничтожение противника, мешает боевой работе подчиненных ему командиров, в частности, командование 1-й армии фактически отстраняется от руководства своими войсками без всяких к тому оснований; дезорганизует работу фронтового управления и тормозит разгром находящихся на нашей территории японских войск. Вместе с тем т. Блюхер, выехав к месту событий, всячески уклоняется от установления непрерывной связи с Москвой, несмотря на бесконечные вызовы его к прямому проводу Народным комиссаром обороны. Целых трое суток, при наличии нормально работающей телеграфной связи, нельзя было добиться разговоров с т. Блюхером.

Вся эта оперативная «деятельность» маршала Блюхера; была завершена отдачей им 10 августа приказа о призыве в 1-ю армию 12-ти возрастов. Этот незаконный акт явился тем непонятней, что Главный военный совет в мае с.г., с участием т. Блюхера и по его же предложению, решил призвать в военное время на ДВ всего лишь 6 возрастов. Этот приказ т. Блюхера провоцировал японцев на объявление ими своей мобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией. Приказ был немедля отменен Наркомом.

На основании указаний Главного военного совета приказываю:

В целях скорейшей ликвидации всех выявленных крупных недочетов в боевой подготовке и состоянии войсковых частей ДКФ, замены негодного и дискредитировавшего себя в военном и политическом отношении командования и улучшения условий руководства, в смысле приближения его к войсковым частям, а также усиления мероприятий по оборонной подготовке Дальневосточного театра в целом, — управление Дальневосточного Краснознаменного фронта расформировать.

Маршала т. Блюхера от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта отстранить и оставить его в распоряжении Главного военного совета РККА.

Создать из войск Дальневосточного фронта две отдельных армии, с непосредственным подчинением Народному комиссару обороны:

а) 1-ю Отдельную Краснознаменную Армию в составе войск, согласно приложению № 1, подчинив Военному совету 1-й Армии в оперативном отношении Тихоокеанский флот.

Управление Армией дислоцировать — г. Ворошилов. В состав Армии включить полностью Уссурийскую область и часть областей Хабаровской и Приморской. Разграничительная линия со 2-й Армией — по р. Бикин;

б) 2-ю Отдельную Краснознаменную Армию в составе войск, согласно приложению № 2, подчинив Военному совету 2-й Армии в оперативном отношении Амурскую Краснознаменную флотилию.

Управление Армии дислоцировать — г. Хабаровск. В состав Армии включить Нижне-Амурскую, Хабаровскую, Приморскую, Сахалинскую, Камчатскую области, Еврейскую автономную область, Корякский, Чукотский национальные округа;

в) Личный состав расформировываемого фронтового управления обратить на укомплектование управлений 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных Армий.

Утвердить:

а) Командующим 1-й Отдельной Краснознаменной Армией — комкора тов. Штерна Г.М., членом Военного совета Армии дивизионного комиссара тов. Семеновского Ф.А., начальником штаба — комбрига тов. Попова М.М.;

б) Командующим 2-й Отдельной Краснознаменной Армией — комкора Конева И.С., членом Военного совета Армии бригадного комиссара тов. Бирюкова Н.И., начальником штаба — комбрига тов. Мельника К.С.

Вновь назначенным командующим Армиями сформировать управления Армий по прилагаемому проекту штатов.

До прибытия в Хабаровск командующего 2-й Отдельной Краснознаменной Армией комкора тов. Конева И.С. во

временное командование вступить комдиву тов. Романовскому.

К формированию Армий приступить немедленно и закончить к 15-му сентября 1938 года.

Начальнику управления по комначсоставу РККА личный состав расформировываемого управления Дальневосточного Краснознаменного фронта использовать для комплектования управлений 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных Армий.

Начальнику Генерального штаба дать соответствующее указание командующим 1-й и 2-й Армий о распределении между Армиями складов, баз и прочего фронтового имущества. Иметь в виду при этом возможность использования начальников родов войск РККА и их представителей, находящихся в данное время на Дальнем Востоке, для быстрого выполнения этой работы.

Военному совету 2-й Отдельной Краснознаменной Армии к 1-му октября с.г. восстановить управления 18 и 20 стрелковых корпусов, с дислокацией: 18 с.к. — Куйбышевка и 20 с.к. — Биробиджан.

На восстановление этих корпусных управлений обратить расформировываемые управления Хабаровской оперативной группы и 2-й Армии ДКфронта.

Военным советам 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных Армий:

а) немедля приступить к наведению порядка в войсках и обеспечить в кратчайший срок их полную мобилизационную готовность. О принятых мероприятиях и проведении их в жизнь Военным советам Армий доносить Народному комиссару обороны один раз в пятидневку;

б) обеспечить полное выполнение приказов Народного комиссара обороны № 071 и 0165 — 1938 года. О ходе выполнения этих приказов доносить через каждые три дня, начиная с 7-го сентября 1938 года;

в) категорически запрещается растаскивание бойцов, командиров и политработников на различного вида работы.

В случаях крайней необходимости Военным советам Армий разрешается, только с утверждения Народного комиссара обороны, привлекать к работам войсковые части, при условии использования их только организованно, чтобы на работах были целые подразделения, во главе со своими командирами, политработниками, сохраняя всегда полную их боевую готовность, для чего подразделения должны своевременно сменяться другими.

12. О ходе формирования управлений командующим 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных Армий доносить мне по телеграфу шифром 8, 12 и 15 сентября.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза *К. Ворошилов*.
Начальник Генерального штаба РККА
командарм 1-го ранга *Б. Шапошников*».

«*Тебе,* Василий, надо отдохнуть»

1 сентября Глафира Лукинична получила от мужа телеграмму: «В Хабаровск больше не вернусь. Срочно приезжайте всей семьей в Москву. Со здоровьем очень плохо...»

Она собрала детей: Всеволода, Нину (Зои в Хабаровске уже не было, она раньше уехала к матери в Ленинград), нянечка Анастасия Черноземцева — маленького Василина и Ваиру; и 7 сентября все отправились в Москву.

Василий Константинович жил в гостинице «Метрополь». Встретил семью мрачным. С порога сказал Глафире: «Теперь я никто. Не при делах. Отправлен в резерв... До особого распоряжения».

Потом он рассказывал жене, как его здесь в Кремле, потом в Наркомате обороны, его, Маршала Советского Союза, «раздевали, как капусту».

Сначала состоялось заседание Политбюро ЦК, тон на нем задавал нарком Ворошилов, постоянно нападая на Блюхера. Другие тоже старались брызнуть грязной клеветой. От пре-

доставленного слова Василий Константинович отказался. Было уже ни к чему оправдываться. И унизительно...

В кремлевском кабинете, где проходило заседание Политбюро, на стене висела карта. Сталин, показывая на намеченное строительство железной дороги стратегического назначения в Приморье, спросил, согласен ли он, Блюхер, с этим? «Не согласен», — ответил Василий Константинович и показал, где, по его мнению, должна быть проложена дорога. Главный Хозяин жестом подозвал Поскребышева и сказал, чтобы тот внес поправку в план строительства дороги, где указал товарищ Блюхер.

— А протоколы Политбюро вы получаете? — вдруг спросил Сталин Василия Константиновича.

Нет, протоколов заседаний Политбюро ЦК Блюхер давно уже не получал.

31 августа проходило заседание Главного военного совета РККА. Блюхер выступил на нем с многочасовым докладом, в котором доказывал, что войска на Дальнем Востоке хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Затем началось развенчание доклада. Все заседание было посвящено разносу командующего ДКфронта. Блюхер тяжело переносил это. И когда Ворошилов сказал в заключение, что в Главном военном совете есть мнение расформировать Дальневосточный фронт на две отдельные армии, Василий Константинович не выдержал, выкрикнул: «Войска фронта показали на Хасане себя с положительной стороны...» Нарком оборвал его: «Ты, Василий Константинович, снимаешься с должности командующего фронтом как не справившийся с его руководством...»

«По приезде тогда с военного совета в гостиницу, — признался Василий Константинович Глафире, — меня от самоубийства удержало только то, что ты с детьми была в дороге, — что будет с вами? Как вас оставить?»

Блюхер, пожалуй, сказал жене только половину правды. Он не последовал примеру Гамарника, не застрелился, чтобы не принести страдания жене и детям. А вторая полови-

на правды заключалась в том, что Василий Константинович все еще верил Главному Хозяину: в последний момент Сталин простит его. Теплилась надежда, что ему найдут в Наркомате обороны какую-то невысокую должность.

После заседания Главного военного совета Блюхер несколько раз ездил в наркомат. Е.А. Щаденко, заместитель наркома обороны, начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА, сказал ему: «Вы, Василий Константинович, выведены в резерв до особого распоряжения». В наркомате Блюхера встречали кто доброжелательно, кто сочувствуя, но бывало и так, когда некоторые вчерашние хорошие друзья руку для приветствия подавали пугливо, озираясь по сторонам. В таких случаях Блюхер своей руки не подавал.

В кулуарах Наркомата обороны только и говорили о Хасанских событиях, о решениях Главного военного совета, о Блюхере. «Командующий фронтом маршал Блюхер вел себя на Хасане весьма странно. Зачем он 24 июля направил на сопку Заозерную комиссию, которая подвергла сомнению законность действий наших пограничников? Лучше бы вместо этого принял меры для их поддержки полевыми войсками». «А вот это как вам: в разгар событий, оказывается, комфронта вообще исчез из поля зрения подчиненных...».

Иван Степанович Конев, назначенный 4 сентября 1938 года приказом наркома обороны № 0040 командующим 2-й Отдельной Краснознаменной армией, спустя шесть лет, будучи в положении Маршала Советского Союза, нелестно выскажется о Блюхере как о военачальнике: «Василий Константинович действовал на Хасане неудачно. К 1937 году маршал Блюхер был человеком, который по уровню своих знаний, представлений недалеко ушел от времен Гражданской войны. Во всяком случае, такую небольшую операцию, как хасанская, Блюхер провалил». В то же время предъявленные ему на заседании Главного военного совета РККА претензии, Конев считает, носили, прежде всего, не военный, а политический характер. Командующего Дальне-

восточным фронтом обвинили в «сознательном пораженчестве», в неумении или нежелании «по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа», в «двуличии, недисциплинированности и саботировании вооруженного отпора японским войскам».

В Хабаровск Блюхер и его семья больше никогда не вернутся. Ему было приказано остаться в столице. Василий Константинович заболел и был вынужден обратиться в поликлинику кремлевского Лечсанупра. Врачи констатировали серьезное расстройство здоровья и заключили: необходимо стационарное лечение. Но маршал от него отказался.

Ему дали квартиру в печально известном многострадальном Доме правительства № 2 на улице Серафимовича. Но прожила его семья там всего три дня.

Ворошилов, высказывавший в последнее время явную неприязнь Блюхеру, тем не менее, проявлял внимание и даже заботу об опальном маршале. Справлялся в Лечебно-санитарном управлении Кремля, к которому был прикреплен Блюхер, о его здоровье, морально-психологическом состоянии. Несколько раз звонил тыловикам, чтобы они обеспечивали Блюхера всем необходимым. Интересовался он и в Наркомате внутренних дел: что у них есть на бывшего командующего Дальневосточным фронтом?

НКВД дело свое делал исправно. Лаврентий Павлович Берия, набиравший с каждым днем силу в роли заместителя наркома внутренних дел, накопил уже «неплохой» компромат на своего давнего недоброжелателя. В специальной красной папке с наклеенной на ней бумажкой с двумя буквами «В. Б.» («В» — Василий, «Б» — Блюхер. Берия любил ставить на документах такие нехитрые зашифровки, возможно, видя в них какой-то тайный смысл) аккуратно были подшиты справки, копии протоколов допросов ранее арестованных, некоторых уже осужденных, других — еще ожидающих суда врагов народа. В частности, касающиеся Блюхера показания Тухачевского и его компании. Выпис-

ки из собственноручных признаний и протоколов допросов арестованных в 1937-м и в первой половине 1938 годов Сангурского, Гулина, Хаханьяна, Сазонтова, Федько, Винокурова, Кассина и других командиров-дальневосточников. Во всех материалах Блюхер просматривается, как «враг народа».

25 сентября нарком Ворошилов пригласил к себе Блюхера. На этот раз он встретил Василия Константиновича, как бывало раньше, по-дружески. Поздоровался за руку, улыбался: «Лекари на тебя жалуются, Василий. Не подчиняется им маршал Блюхер... А тебе ведь серьезно лечиться надо. Они рекомендуют юг. Поезжай в Сочи в наш пансионат «Бочаров ручей». Поживи с семьей на моей даче. Отдохнешь, наберешься сил. Мы за это время подыщем тебе должность, которая соответствовала бы твоему высокому званию. Не беспокойся, устроим маршала, как надо».

Через три дня Блюхер со всеми своими домочадцами отправился из Москвы в Сочи пока в своем еще служебном салон-вагоне.

И УСТРОИЛИ МАРШАЛА, «КАК НАДО»...

Сочи. Пансионат «Бочаров ручей»

На Сочинском побережье осень еще не наступила. Хотя по календарю подходил к концу ее первый месяц.

Безоблачное небо. Ярко светит солнце. Теплынь. Настоящий бархатный сезон.

В последний сентябрьский день 1938 года на Адлерский вокзал из Москвы прибыл поезд, в составе которого находился служебный салон-вагон маршала Блюхера. У перрона в ожидании поезда стояли правительственные легковые «ЗИСы». За несколько минут машины вместили в себя маршала с его семейством, прислугой, охраной и стремительно направились по серпантину живописной курортной дороги к чудному местечку, где находился пансионат «Бочаров ручей».

Пансионат располагался на берегу моря, был обнесен высоким забором. В центре — большой, старой постройки дом, рядом еще один: новый, двухэтажный, четырехквартирный. Большой дом был дачей наркома Ворошилова, квартиры в новом предназначались для остальных четырех маршалов, но никто из них там никогда не жил.

Как вспоминает Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер, они разместились на первом этаже, где много было комнат для жилья, а также две спальни, гостиная, столовая, холл с бильярдом и другие служебные помещения. Взрослые дети: Всеволод, племянница Нина заняли по отдельной неболь-

шой комнате, Ваире, Василину с няней выделили самую большую спальню, в остальных комнатах поселились повара, уборщики, охрана.

Работники пансионата встретили высокого гостя и его спутников радушно. Живописный уголок сочинского побережья широко распахнул перед ними все свои прелести. Радовали глаз пестрые цветники, тенистые аллеи, чистый песчаный пляж и великолепные апартаменты наркомовской дачи.

Московское подавленное настроение с приездом в Сочи сменилось на приподнятое. Уже с первых часов пребывания в «Бочаровом ручье» семья маршала активно включилась в курортную жизнь. Едва распаковав вещи, Глафира объявила, не допуская возражений мужа: «Будем знакомиться с территорией». Дети были в восторге. Несколько ободрился и Василий Константинович.

Послеобеденное время до самых сумерек было полностью, отдано изучению окрестностей пансионата и прогулкам у моря. Вечером, уставшие, возбужденные от массы необыкновенных впечатлений, Блюхеры увлеченно обсуждали план отдыха на завтра, 1 октября, и на последующие ближайшие дни. Пылкая двадцатидвухлетняя Глафира хотела сразу же объять необъятное. Она загибала пальцы: «Поедем на озеро Рица, в Гагры, в горы...» Василий Константинович убедил, что для лучшей акклиматизации целесообразнее всего начать с поездки по Черноморскому побережью.

Солнечным утром они отправились на машине по побережью в Абхазию. Это было незабываемое путешествие. Затем — экскурсии по гагринским достопримечательностям, обед в экзотическом кафе. На обратном пути Блюхер заехал в дом отдыха СНК СССР, где не раз гостил в прошлые годы.

Через день — в горы. Для сочинских отдыхающих восхождение на гору Ахун считалось непременным ритуалом. Чета Блюхеров с удовольствием исполнила этот ритуал (не без опеки, конечно, проводников и охраны).

Потом были поездки на озеро Рица, посещения других знаменитых мест главного курортного края страны.

Блюхера никто не беспокоил. Никаких ни от кого телеграмм, никто не звонил, только однажды пришло письмо от заведующего гаражом Перепелицина о том, что он ждет маршала и машину его поставил на капитальный ремонт...

По воспоминаниям Глафиры Лукиничны, погода стояла чудесная: солнечная, теплая, сухая. Дети были счастливы — много купались в море, играли на открытом воздухе. Всеволод и Нина ходили на индивидуальные занятия к местному частному учителю (в школу их не определили из-за полной неясности будущего местожительства), но это нисколько не влияло на их активный отдых.

Как-то Блюхеров навестил Павел Сергеевич Аллилуев, брат Надежды Сергеевны Аллилуевой, который отдыхал в это время в Сочи. Блюхер и Аллилуев долго беседовали наедине в гостиной. Проводив гостя, Василий Константинович многозначительно сказал жене: «Это — разведка!» В своих воспоминаниях Глафира Лукинична напишет: через десятилетия она узнает, что Аллилуев приезжал к Василию Константиновичу с добрыми намерениями и в Москве потом ставил вопрос о снятии опалы с Блюхера перед самим Хозяином...

Кроме экскурсий Блюхер проходил предписанные врачами лечебные курсы. Он строго соблюдал режим по лечению фотодерматита, которым сильно страдал в последнее время, принимал мацестовские ванны, другие оздоровительные процедуры.

В середине октября в «Бочаров ручей» приехал брат Блюхера Павел Константинович. Он недавно получил повышение, и перед отъездом на новое место службы в Пермь ему дали месячный отпуск. 2 октября с женой Лидией и дочерью Валей они уехали из Хабаровска в Москву; у Лидии Фоминичны в столице была своя квартира. Проведя с семьей две недели, Павел решил по пути в Пермь сделать крюк: заехать в Сочи, чтобы провести несколько дней с братом.

Павел рассказал: после отъезда в Москву Глафиры с детьми хабаровскую квартиру маршала ночами посещали какие-то люди, вероятно из НКВД, что-то искали. В Хабаровске распространяются слухи о том, что Блюхер оказался японским шпионом и что, якобы, он, Павел — брат Василия Константиновича, успел своевременно уведомить органы безопасности о вылете маршала-шпиона в Токио...

После рассказа брата Василий Константинович, по словам Глафиры Лукиничны, долго ходил по гостиной, холлу в глубоком раздумье, потом остановился у края бильярдного стола, развел руки в стороны, как бы охватывая этим жестом весь дом и все, в нем происходящее, и произнес: «Ведь это же — изощреннейшее издевательство...» Выражение лица его при этом было горькое, глаза холодные, синестальные.

По истечении некоторого времени он обрел свое обычное состояние; внешне старался демонстрировать хорошее настроение. Но что происходило в его душе? Надо полагать, в полном спокойствии он вряд ли теперь пребывал. Наверное, на него нередко накатывала тревога.

Тревожиться было от чего. Он не мог не испытывать мрачных опасений после того, что случилось с ним в связи с хасанскими событиями. А тут еще Крысько пропал. Секретарь Военного совета фронта, а проще сказать, порученец маршала, Иустим Максимович Крысько должен был ехать с Блюхером в Сочи, но в дороге потерялся. Возможно, захлопотался и в спешке сел в другой вагон? Возможно, опоздал к поезду? Во всяком случае, в Сочи он не появился, и в течение нескольких дней вестей от него никаких не было. Глафира Лукинична послала телеграмму в Москву на имя Иу¬стима Максимовича с просьбой сообщить, где он и что с ним. Пришел ответ: «Крысько арестован»...

Как ни старался Василий Константинович скрывать свои думы и чувства, они все же прорывались наружу. Время от времени он говорил жене: «Абсолютно смелых людей не существует, начнут выламывать руки и ноги, никто не

выдержит — подпишет...», или: «Если со мною что-нибудь случится — меня оправдает история», или: «Со мною что-нибудь случится — тебя не тронут...»

В последнем он ошибся. 22 октября, когда его арестовали, Глафиру тронули. И детей тронули. И брата Павла...

Глафира Лукинична вспоминает: «21 октября нашему сыну Василину исполнилось восемь месяцев, он был такой славный синеглазый бутуз! В этот день мы семьей до сумерек играли в волейбол. После ужина собрались в холле, расставаться не хотелось — не заметили, как пришла ночь. Позже я пошла посмотреть, все ли в порядке у ребят, и... нашла Севу и Нину, играющими в карамболь. Вира спала тут же на диване. Ребята попросили не уносить ее: «Нам с ней лучше, уютнее».

Утром Сева с Ниной ушли заниматься к учителю. Муж еще спал. В детской я кормила сына, дверь в холл была открыта. Вдруг вихрем мимо двери к спальне пронеслись четверо мужчин в темных гражданских костюмах, и, словно тень, вырос на пороге наш охранник Лемешко; встал, преградив выход из комнаты. Пронзила ужасная догадка...

Отняв от груди сына Василина, я положила его на кровать (в комнате была нянечка Настенька), подошла к двери и в этом своем ужасе и страхе впилась взглядом в глаза Лемешко. Он отстранился. Я быстро вошла в нашу спальню, успела дойти до середины комнаты. Мгновенно двое схватили меня под руки, вывели. Помню сидящего на постели мужа, в белье, опершегося обеими руками о край кровати, ноги скрещены, голова опущена... Двое других, стоявших слева от кровати, обыскивали верхнюю одежду мужа... И опять в. проеме двери детской возник Лемешко».

Блюхер понял: это — конец. Для полной убежденности спросил хозяйничавших в спальне двоих работников НКВД: кто они и что им от него надо? Один назвался комбригом госбезопасности Федоровым, другой старшим майором госбезопасности Радованским. Федоров предъявил ордер на арест. «Ордер № 1901.19 октября 1938 года, — пробежал гла-

зами бумагу маршал, — выдан комбригу госбезопасности Федорову на производство ареста и обыска Блюхера Василия Константиновича. Народный комиссар внутренних дел СССР Ежов»...

Обыск в комнатах длился больше часа. В результате его были изъяты личные вещи маршала, документы, письма, ордена, оружие...

Всех, кто находился в доме, выводили во двор по отдельности.

Пять черных машин ждали у подъезда. Для детей и прислуги в отдалении стоял длинноносый автобус.

Глафира Лукинична продолжает вспоминать: «Первым вывели Василия Константиновича. Он был одет в форменные брюки, на ногах сапоги, в нижней белой рубашке с подтяжками. Шел нетвердым шагом. Потом арестовали меня. Наша пятилетняя дочь Ваира взяла меня за руку и, весело припрыгивая, напевала песенку... Вдруг, уже у выхода, ребенка словно ударило током. Она дико закричала, обняла мои колени, вцепилась в них, мои слезы лились на ее головку. Оторвать ее от себя у меня не хватало сил, оторвали они. Меня посадили в машину, стоявшую у подъезда, подогнав ее к впереди стоящей, в которой уже был муж. Последним вывели Павла».

Через час кортеж автомобилей помчался к железнодорожному вокзалу, где работники НКВД подготовили для отправки в Москву Блюхера, его жены и брата служебный вагон маршала. Василия Константиновича, Павла и Глафиру рассадили по разным купе. Об этих часах и минутах начинавшегося дня — 22 октября 1938 года — Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер напишет по прошествии многих лет: «Там (на Адлерском вокзале. — *Н.В.)* мы расстались навсегда. Последнее, что я слышала, это покашливание мужа, доносившееся из соседнего купе».

А детей отправили в сочинский приемник милиции, откуда потом их распределят по детским домам.

Легенда о побеге

Как уже говорилось в предыдущих главах, о Блюхере много ходило всяких легенд и загадочных историй. И вот — очередная, еще одна недавно появилась. Она как раз связана с доставкой арестованного маршала Блюхера из Сочи в Москву.

В 2005 году журнал «За семью печатями» (№ 7) напечатал любопытный материал, под заголовком «Один, решившийся бежать...». Бросалось в глаза пояснение под заголовком: «Из десятков высших военачальников, арестованных в середине тридцатых годов прошлого века, попытался бежать только один — Василий Блюхер!». Оставлю в стороне первую часть материала, где излагается предыстория ареста маршал. Приведу лишь вторую часть:

«...Ночью в вагоне, в котором везли арестованных в Сочи людей, произошли экстраординарные события, о которых поведал миру Главный маршал артиллерии Николай Воронов.

В 1943 году Николаю Николаевичу с группой военачальников довелось обедать ночью на ближней даче Сталина. Под конец трапезы разговор зашел о причинах временных неудач советских войск в начале войны. В ответ на какую-то реплику Г.К. Жукова Сталин заметил:

— Из рядов РККА мы перед войной изъяли много внедрившихся, затесавшихся туда врагов. Великое дело сделали, спасли ее от разгрома! А как они маскировались! Возьмите хотя бы того же Блюхера, в его преданности нашему делу я всегда был не до конца уверен.

Затем, повернувшись в сторону Берии, Иосиф Виссарионович закончил свою мысль:

— По-моему, он оказался единственным, кто пытался ускользнуть из наших рук. Или я не прав, Лаврентий?

И в наступившей тишине всесильный шеф НКВД поведал собравшимся историю, которая повергла тогда их всех в изумление.

Оказывается, после ареста на даче Ворошилова маршала Блюхера и его брата везли в Москву в вагоне обычного пассажирского поезда. Но в разных купе. По непонятной причине проводник врубил отопление на полную катушку, и вскоре пассажирам стало нечем дышать.

Блюхер, выждав, пока один из двух его конвоиров, находившихся с ним в купе, вышел в тамбур покурить, довольно искусно изобразил обморок от духоты. Второй не нашел ничего лучше, как настежь распахнуть окно. И в то время, когда охранник на доли секунды повернулся спиной к мнимому больному, тот ударил его бутылкой по голове и, не мешкая, через окно выпрыгнул из идущего полным ходом поезда.

Вернувшийся через несколько минут второй чекист обнаружил, что дверь купе закрыта изнутри. Выломав ее, он увидел своего товарища на полу, без сознания, с пробитой головой. Распахнутое настежь окно сразу все объяснило. Кто-то сорвал стоп-кран, началась стрельба...

Ротозеев-чекистов заперли в соседнем купе под усиленной охраной. Павла Блюхера связали по рукам и ногам и положили на пол лицом вниз. Правда, поиски беглеца начать не удалось — слишком темной была ночь. Тогда приняли решение доехать до ближайшей станции, связаться с Москвой и получить указание, как действовать дальше.

Под утро из столицы пришел приказ: весь конвой арестовать; по тревоге поднять все воинские части в округе и прочесать местность, поиски не прекращать, пока беглец не будет пойман.

Блюхера нашли через двое суток. Оказалось, что при падении из окна вагона он сломал ногу, но сумел проковылять четыре километра до небольшого степного озерца. Здесь на мелководье он пролежал целые сутки, дыша через тростинку. На следующий день легендарный герой дополз до ближайшей деревни, через которую уже успели пройти цепи красноармейцев, прочесывавшие местность. Через час местные жители сдали Блюхера в районный отдел НКВД.

Рассказав эту историю, Берия не преминул снабдить ее своими комментариями:

— Видимо, еще на Дальнем Востоке почувствовав, что мы, чекисты, уже висим у него на хвосте, матерый враг советской власти Блюхер-старший решил бежать в Турцию со всеми нашими стратегическими планами. Для того чтобы перебраться туда через Черное море, воспользовавшись приглашением Ворошилова отдохнуть на его даче, он решил воспользоваться аэропланом, благо, его младший брат Павел был пилотом-профессионалом. А самолет, необходимый для побега, они собирались захватить в местном аэроклубе, куда намечали нагрянуть под предлогом инспекторской проверки. Во всяком случае, в этом признался Павел Блюхер на допросах...

Казалось бы, словам Берии о причинах побега Блюхера едва ли стоит верить. Однако сам факт побега в некоторой степени опровергает утвердившуюся ныне версию о том, что Василий Константинович — безвинная жертва репрессий. Если он не чувствовал за собой никакой вины, зачем бежал? Что собирался делать, если бы сумел уйти от погони? Уж, наверное, он не остался бы в СССР, где его непременно нашли бы, а попытался бы перебраться за границу, а значит, имел за кордоном связи. Так что вполне возможно, что у легендарного героя Гражданской войны все-таки были какие-то грешки перед советской властью».

Мне, работавшему с архивными материалами по делу Блюхера, трудно было поверить в эту сенсационную историю. О попытке побега Блюхера ничего не сказано в его уголовном деле. На этот счет ни протокола, ни показаний свидетелей нет. Вдова маршала Глафира Лукинична ни в своих публикациях, ни в беседах со мной (а я встречался с ней неоднократно) ни разу об этом не обмолвилась. И еще одна нестыковка: документально установлено, что Блюхер был арестован в Сочи в пансионате «Бочаров ручей» на даче Ворошилова 22 октября и доставлен в Москву 24 октября. Двухдневная задержка на его якобы поиски никак не укладывается в эти надежно документированные сроки.

Я выступил в журнале «За семью печатями» с публикацией, опровергающей несостоятельность истории о попытке побега маршала Блюхера из-под стражи.

«Взять всех родственников»

В то время, когда в Сочи комбригом Федоровым был арестован маршал Блюхер, в Москве Берия отдал начальнику отделения особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД старшему лейтенанту госбезопасности Н.А. Иванову распоряжение: «Взять всех родственников Блюхера».

К Берии была вызвана «команда» Иванова — оперуполномоченные Васильев, Головнев, Кащеев, Щербаков, Филиппов и другие. Комиссар государственной безопасности 1-го ранга лично инструктировал каждого, как следует действовать при аресте опасных государственных преступников.

У Блюхера к этому времени родственников было немного: родители и обе сестры — Александра и Елизавета давно умерли.

Ежов подписал ордера на арест Покровской, Кольчугиной, Багуцкой. Ордера на уже арестованных, но пока еще не доставленных из Сочи на Лубянку Павла Блюхера и Глафиру Безверхову были оформлены раньше. Санкции прокурора на все аресты отсутствовали, в том числе и на самого маршала, но заместителя наркома внутренних дел СССР это не смущало.

Брать родственников Блюхера люди Иванова, в первую очередь, начали в Москве.

22 октября, на исходе дня, в квартиру № 4 в доме № 12 на Чистых Прудах, где проживала Галина Кольчугина с десятилетним сыном Василием, пришла группа оперативных работников НКВД во главе с лейтенантом госбезопасности Н.Р. Васильевым. Лейтенант предъявил Кольчугиной ордер на ее арест. Через час она оказалась во внутренней тюрьме на Лубянке, а ее сын помещен в детский приют.

Всю ночь Галину Кольчугину допрашивал начальник отделения особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Иванов. А утром Иванов представил Берии протокол допроса. При этом доложил, что Кольчугиной, как шпионке и участнице контрреволюционной организации, предъявлено обвинение по статье 58-1,58-10, 58-11. Она во всем созналась...

Кольчугина показала: «Я полностью признаю себя виновной в тех обвинениях, которые мне предъявлены следствием.

Контрреволюционную работу я начала проводить с 1926 года. В то время я работала в советском консульстве в Китае в отделе, который возглавлялся троцкистом Мусиным... Постепенно Мусин прививал мне троцкистские контрреволюционные взгляды и вовлек в антисоветскую работу... В конце 26-го года я познакомилась в Ханькоу с Таировым, а он познакомил меня, в свою очередь, с Блюхером, за которого в январе 1927 года вышла замуж. Блюхера я уже знала как двурушника, как человека чуждого и враждебного интересам советской Родины по его связям и деятельности в Китае...

Возвратившись в Советский Союз вместе с Блюхером, я прожила с ним до 1932 года, фактически же моя связь продолжалась до самых последних дней...

Со всей откровенностью заявляю следствию, что Блюхер на всем протяжении нашего совместного проживания вел активную подрывную работу против партии и Советского правительства. Он изменник своей Родины, что я докажу фактами в своих подробных показаниях...».

По свидетельству заключенных Розенблюм А.А. и Ариной-Русаковской С.А., находившихся с Галиной Кольчугиной в одной камере, она все время была в очень подавленном состоянии. По словам Ариной-Русаковской Кольчугина плохо отзывалась о Блюхере за то, что он ее бросил, сильно переживала за сына. Все время твердила: ей надеяться не на что...

Через несколько дней Военная коллегия СССР приговорила Галину Александровну Кольчугину к высшей мере — расстрелу...

22 октября, примерно в то же вечернее время, в которое люди Иванова нанесли «визит» Кольчугиной, на улице Большая Спасская, в доме № 41/2, у квартиры № 25, где жила Лидия Богуцкая — жена Павла Блюхера; появилась группа оперативных работников во главе с сержантом госбезопасности Филипповым. Арест хозяйки квартиры группа провела с помощью домоуправа Михайловой, благодаря которой Богуцкая открыла дверь. Опера произвели в комнатах тщательный обыск. Были изъяты обширная личная переписка, фотографии, две сберегательные книжки на имя Богуцкой Лидии Фоминичны общим вкладом 2800 рублей, часы, маузер в коробке, пистолет в кобуре, охотничьи ружья, шашки, кинжалы, бинокли. Многое из этого принадлежало маршалу Блюхеру.

Вскоре Богуцкая оказалась во внутренней тюрьме на Лубянке...

23 октября Берия вызвал к себе старшего лейтенанта Иванова: в красной папке «В.Б.» нет справки об антисоветской деятельности капитана-летчика Блюхера Павла Константиновича — основания для уже произведенного ареста брата маршала; она давно должна была лежать там, как лежат уже там справки на Безверхову Г.Л. и Богуцкую Л.Ф. Старший лейтенант тут же протянул шефу лист: вот она, справка. Берия углубился в чтение. Это была «сфабриковка» с грифом «Совершенно секретно» на Блюхера П.К., составленная и подписанная Ивановым. В ней сообщалось, что Блюхер П.К. является активным участником антисоветского военного заговора, в который вовлечен своим братом, бывшим командующим Дальневосточным фронтом Блюхером В.К. Являясь командиром авиационного звена при штабе ВВС фронта, Павел Блюхер подготавливал перелет к японцам своему брату Блюхеру В.К. Вывод: Блюхер П.К. подле-

жит аресту. Лаврентий Павлович осенил Иванова одобрительным взглядом и поставил на справку резолюцию: «Арестовать. Л.Б. 23.Х-38 г.».

Берия спросил Иванова: «В Ленинград прошла команда на арест Покровской?» — «Вчера утром», — доложил старший лейтенант.

На второй день после ареста Блюхера, 24 октября, в Ленинграде работниками УНКВД по Ленинградской области была арестована и этапирована в Москву Галина Покровская. Мотиваций у НКВД на ее арест не было: никаких материалов, свидетельствовавших о ее преступной деятельности, к моменту ее задержания не имелось. К тому же, более десяти лет она находилась в разводе с Блюхером. Тем не менее, Покровской предъявили обвинение по статьям УК РСФСР 17,58 пп. 8, 11.

Следствие велось более четырех месяцев. На допросах Галина Павловна дала признательные показания, что помогала бывшему мужу в его антисоветской, шпионской деятельности в пользу Японии. 10 марта 1939 года Военная коллегия СССР приговорит ее, как и Кольчугину, к расстрелу. Приговор будет приведен в исполнение.

24 октября в 17 часов 10 минут сочинский курьер прибыл на Курский вокзал. Арестованных В.К. Блюхера, П.К. Блюхера и ГЛ. Безверхову-Блюхер везли с вокзала в разных «черных воронках». Доставили во внутреннюю тюрьму НКВД СССР. Поместили в отдельные камеры.

С арестованными работали разные следователи. С Глафирой Лукиничной — молодой оперуполномоченный из отделения Иванова младший лейтенант госбезопасности И.И. Головлев. Он сразу же выписал бумагу, где говорилось: «Рассмотрев следственный материал по делу... и приняв во внимание, что гр. Безверхова-Блюхер Глафира Лукинична достаточно изобличается в том, что, являясь женой бывшего командующего Дальневосточным фронтом Блюхера В.К., была осведомлена о проводимой им антисоветской заговорщиче-

ской деятельности и содействовала ему в ней, постановил: признать гр. Безверхову-Блюхер Г.Л. в качестве обвиняемой по ст. 58-12 УК. В целях исключения уклонения от следствия и суда избрать меру пресечения — содержание под стражей во внутренней тюрьме НКВД СССР».

Первый допрос ее состоялся в кабинете Берии. «Он стоял за столом, — вспоминала спустя пятьдесят лет Глафира Лукинична, — среднего роста, в пенсне, мне показался полным, рыхлым, глаза светлые, навыкате, выражение лица брезгливое. Кричал, спрашивал, насмехаясь, о муже, требовал рассказов, начиная с нашего знакомства с Василием Константиновичем».

Через день еще допрос.

«*Вопрос:* Вы арестованы и обвиняетесь в антисоветской деятельности. Признаете ли себя виновной?

Ответ: Я себя виновной в антисоветской деятельности не признаю. Никогда никаких преступлений против советской власти я не совершала, и мне неизвестно, чтобы их совершал мой муж, вами арестованный. Больше показать ничего не могу».

(Из протокола допроса обвиняемой Г.Л. Безверховой-Блюхер, от 28.10.38 г.).

В тюрьме на Лубянке Глафира Лукинична пробыла семь месяцев, в течение этого времени на допросы ее вызывали не часто. Затем объявили решение Особого совещания: за недонесение об антисоветской деятельности мужа она приговаривалась к восьми годам лишения свободы.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

Арестованный №11

1988 год. Передо мною — дело из Особого фонда Центрального архива МГБ СССР Р-23800. Оно пролежало на архивных полках за семью печатями полвека. И лишь после снятия с него грифа «совершенно секретно» мне, как сказал работник Комитета государственной безопасности, одному из первых представителей военной прессы была дана возможность ознакомиться с ним в полном объеме.

Начинается оно с ордера № 1901 от 19 октября 1938 года, выданного комбригу государственной безопасности Федорову на производство ареста и обыска Блюхера Василия Константиновича. И здесь же расписка, приколотая к ордеру: «Арестованного — одного, принял. Начальник приема арестованных... Подпись (неразборчиво)». Далее — протоколы обысков в Сочи в пансионате «Бочаров ручей» и в Москве, в квартире, где жил Блюхер с семьей последние три дня.

«Протокол от 22 октября 1938 года.

На основании ордера № 1901 от 19. 10. 1938 г. произведен обыск у гр. Блюхера В.К. в г. Сочи, пансионат «Бочаров ручей».

Взято для доставления в Главное управление государственной безопасности НКВД СССР:

1. Ордена Ленина № 48, 3698 — 2 шт.
2. Ордена Красного Знамени № 45, 10, 1 и 11 — 4 шт.
3. Орден Красной Звезды № 1 — 1 шт.
4. Медаль 20 лет РККА № 5657 — 1 шт.
5. Чекистский значок № 773 — 1 шт.

6. Значок депутата Верховного Совета СССР № 61 — 1 шт.

7. Значок Осоавиахима — 1 шт.

8. Звездочка красная именная — 1 шт.

9. Часы металлические наручные №№ 618, 562272 — 2 шт.

10. Часы карманные из желтого металла № 7417 — 1 шт.

11. Часы наручные из желтого металла № 996737 — 1 шт.

1. Партийный билет ВКП(б) № 0000079 — 1 шт.

2. Депутатский билет Верховного Совета СССР № 61 — 1 шт.

3. Членский билет ЦК ВКП(б) № 3 — 1 шт.

4. Членский билет ЦИК СССР № 86 — 1 шт.

5. Билет Тагильского городского совета № 6 — 1 шт.

6. Медкарточка № 103 — 1 шт.

7. Орденская книжка № 028642 — 1 шт.

8. Билеты проездные к орденской книжке № 028642 — 1 шт.

9. Купоны денежные к орденской книжке № 028642 — 1 шт.

1. Браунинг калибра 6,35, № 478833 — 1 шт.

2. Маузер калибра 7,65, № 755438 — 1 шт.

3. Патроны боевые калибра 6,35 и 7,65 — 15 шт.

Подписи есть (неразборчиво)».

«Протокол от 22 октября 1938 года.

На основании ордера № 1921 от 22. 10. 1938 г. Главного управления государственной безопасности НКВД СССР произведен обыск у гр. Блюхера В.К. в доме № 2, кв. № 102, ул. Серафимовича.

При обыске присутствовали: комендант Богатскова Ф.С.

Взято для доставления в Главное управление госбезопасности:

1. Маузер в деревянной кобуре № 2196 — 1 шт.

2. Пистолет с запасной обоймой № 12155 — 1 шт.

3. Обойма для парабеллума — 1 шт.

4. Патроны для маузера — 4 шт.

5. Диаптар за № 238 — 1 шт.

6. Ленты узкие — 6 шт.

7. Кинопленки — 4 куска.

8. Альбом с фотографиями — 1 шт.

9. Дневники на трех тетрадях.

10. Переписка разная — 1 пачка.

11. Катушки для фотопленки — 4 шт.

12. Документ на иностранном языке и записка Сангурского.

13. Справка «Совершенно секретно» — 1 шт.

14. Удостоверение на имя Блюхера В.К. за № 66.

15. Крест китайский за № 1551.

16. Брошка сломанная, желтого металла — 1 шт.

Обыск проводили сотрудники НКВД
Васильев, Голованов, Ванин, Ненахов».

До поры до времени мы ничего или почти ничего не знали о том, что было с маршалом Блюхером со дня ареста и до дня его смерти. И вот теперь с этих темных восемнадцати дней снята завеса неизвестности.

Итак, Блюхер был арестован 22 октября 1938 года в Сочи на даче Ворошилова в пансионате «Бочаров ручей». Специальным поездом доставлен в Москву. 24 октября в 17 часов 10 минут его с Курского вокзала привезли на Лубянку во внутреннюю тюрьму НКВД СССР. Поместили в камеру № 93 и. присвоили ему тюремный номер «11».

Первый допрос состоялся 25 октября в комнате № 418 на четвертом этаже тюрьмы с 11 часов 05 минут до 17 часов 20 минут. Вели его перекрестно заместитель народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссар государственной безопасности I ранга Л.П. Берия и начальник отделения особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР старший лейтенант И.А. Иванов.

За восемнадцать дней пребывания Блюхера в тюрьме НКВД, со дня ареста и до кончины, его допрашивали двадцать один раз. Семь допросов арестованного № 11 провел лично Берия, одиннадцать — начальник отделения ОО ГУГБ НКВД СССР старший лейтенант Иванов, три — оперуполномоченные ОО ГУГБ НКВД И.И. Головлев и Д.В. Кащеев.

Допросы велись длительные, изнурительные, нередко с истязаниями; в день по два, а то и по три раза, часто глубокой ночью.

Вот отдельные выписки из этого страшного календаря. Десять допросов официально зарегистрированы в особом реестре дела Р-23800 (по датам, времени суток, кто проводил допросы и в какой комнате), остальные одиннадцать только упомянуты.

«25. X. 1938 г. Допрос проводили Берия, Иванов. Комната № 418, время: 11 ч. 05 мин. — 17 ч. 20 мин.

«28. X. 1938 г. Допрос проводил Иванов. Комната № 422, время: 13 ч. 40 мин. — 15 ч. 50 мин.

28. X. 1938 г. Допрос проводил Берия. Комната № 418, время: 0 ч. 05 мин. — 4 ч. 20 мин. -

4. XI. 1938 г. Допрос дважды проводил Иванов. Комната № 422, время: 13 ч. 10 мин. — 14 ч. 15 мин., 2 ч. 35 мин. — 3 ч. 10 мин.

6. XI. 1938 г. Допрос дважды проводил Берия. Комната № 422, время: 11 ч. 25 мин. — 17 ч. 10 млн., 19 ч. 45 мин. — 22 ч. 35 мин.

9. XI. 1938 г. Допрос проводил Иванов. Комната № 422, время: 10 ч. 35 мин. — 16 ч. 10 мин. Допрос проводил Берия. Комната № 422, время: 18 ч. 45 мин. — 20 ч. 45 мин. Допрос проводил Головлев. Комната № 422, время: 20 ч. 45 мин. — 22 ч. 45 мин.».

Как проходили допросы?

«Мною лично из кабинета следователя приходилось забирать заключенных в шоковом состоянии, которые были избиты до неузнаваемости. Это — следующие заключен-

ные, которых я знала по фамилиям: Цвейк (из Коминтерна), Вейцер (бывший Нарком внешней торговли), Крестинский (из Наркоминдела), Беталло Калмыков (бывший секретарь ЦК Кабардино-Балкарской республики), Веншток (бывший нач. тюремного управления НКВД), Блат (бывший Нарком Белоруссии), Каминский (бывший Нарком здравоохранения), Блюхер и его жена, Берзин (бывший начальник Дальстроя)... Заключенных били пряжками поясных ремней, специальными ременными плетьми, им заливали в рот нашатырный спирт...».

(Из свидетельств бывшего врача Лефортовский тюрьмы Розенблюм А.А.).

«Это был один из выходных дней. Я явился в кабинет, где находился Блюхер. (Допрос до этого вел Иванов. — *Н.В.)* Кабинет этот был смежным с кабинетом Берии. Придя в кабинет, я увидел, что Блюхер находился в нем вместе с вахтером. Мне бросилось в глаза, что очевидно накануне Блюхер был избит, так как голова у него перевязана. Я сел за стол и пытался задать несколько вопросов о его службе на Дальнем Востоке. Он отвечал неохотно и резко. Видя, что Блюхер не расположен разговаривать, я взял газету и стал читать. Так, молча, мы просидели в кабинете около шести часов...»

(Из показаний бывшего работника ОО ГУГБ НКВД СССР Кащеева Д.В.)

«Со мною вместе в камере находилась арестованная Кольчугина-Блюхер... Из бесед с Кольчугиной-Блюхер я узнала об очной ставке ее с маршалом Блюхером. Кольчугина-Блюхер сказала, что Блюхер был до неузнаваемости избит и находился почти в невменяемом состоянии. Он наговаривал на себя чудовищные вещи. Блюхер был в растерзанном виде; он выглядел так, как будто побывал под танком...»

(Из свидетельств одной из узниц тюрьмы НКВД Ариной-Русаковской С.А.)

«Блюхера я не допрашивал, но один раз видел его в период пребывания под стражей... Иванов предложил мне привести арестованную Кольчугину-Блюхер к нему в кабинет для очной ставки с Блюхером. Я выполнил это приказание. Когда я привел Кольчугину-Блюхер в кабинет, где находился Блюхер, Иванов спросил ее, подтверждает ли она свои показания о письме Рыкова. Кольчугина-Блюхер ответила утвердительно, и я тут же по указанию Иванова увел ее в свой кабинет. Блюхер в связи с этими показаниями Кольчугиной-Блюхер ничего не ответил... Это был единственный случай, когда я видел Блюхера. Помню, что у Блюхера под глазом был синяк...»

(Из показаний бывшего работника 00 ГУГБ НКВД СССР Щербакова Л.К.)

«Помню очную ставку с Блюхером... На очной ставке он был с кровоподтеками под глазами и вид у него был изнуренный».

(Из свидетельств одного из заключенных тюрьмы НКВД, бывшего офицера для поручений маршала Блюхера Попова С.А.)

О чем думал Блюхер в эти адские восемнадцать дней? Об этом никто никогда не узнает. Как вел он себя на допросах? Об этом можно судить по его ответам на вопросы следователей и из собственноручных показаний. В деле есть лишь один протокол допроса от 28, октября 1938 года на двадцати шести страницах, подписанный Берией и Ивановым и засвидетельствованный постранично Блюхером и Федько (Федько расписался на тех страницах, где речь идет о его очной ставке с Блюхером. — *Н.В.)*. Остальные протоколы то ли не велись, то ли уничтожены.

«*Вопрос:* Когда и кто впервые втянул вас в правотроцкистскую организацию?

Ответ: Разговоров об организации «правых» я не помню. Правда, между мной и Лаврентьевым — участником

«правой» контрреволюционной организации — существовала дружба. Это было, кажется, в начале 1932 года.

Вопрос: А письмо от Рыкова вы получали?

Ответ: Я уже говорил, как это было. В 1934 году я получил письмо от Рыкова; оно было адресовано всем командующим, *копия которого была у меня и мною переписана.* (Текст курсивом дописан рукою Блюхера. — *Н.В.)*

Вопрос: Нет, было еще письмо от Рыкова в 1930 году.

Ответ: Такого письма не было, не помню.

Вопрос: Не было или не помните письма от Рыкова в 1930 году?

Ответ: Не было».

(Из протокола допроса В. К. Блюхера от 28.X.1938 г.).

«Мое вступление в связь с «правыми» произошло в 1930 году. Этому предшествовал целый ряд имевшихся у меня колебаний по основным принципиальным вопросам политики партии, как следствие моей политической неустойчивости и плохой партийности.

Эти антипартийные суждения находили себе выражение при введении нэпа, во время профсоюзной дискуссии, в период коллективизации. Были колебания в вопросе политики в Китае в 1925—1926 годах и частным практическим вопросам...

Эти мои настроения, естественно, приводили меня к дружбе и связям с людьми, становившимися на путь открытой борьбы с партией. Таким, наиболее отчетливым выражением моего отхода от линии партии была сначала дружба по возвращении из Китая с Ламинадзе, а затем и прямая связь с ним в 1930 году, когда он предложил мне поехать на Кавказ в качестве командующего отдельной Кавказской армией.

Эти же мои политические колебания и неустойчивость, ставшие известными Рыкову, позволили Рыкову в 1930 году написать мне антипартийное и антисоветское письмо, которое я от партии скрыл, в котором говорилось о его желании видеть меня во главе вооруженных сил...

По возвращении в 1930 году на ДВосток со мной пытался установить дружбу, связь Перепечко, 1-й секретарь ДВкрайкома... В том, же году, с приездом Дерибаса на ДВосток в качестве начальника управления ОГПУ по ДВостоку, я вскоре сдружился с ним, поделился с ним своими настроениями... Постепенно связи эти расширились. Сначала с Крутовым, председателем крайисполкома, потом в 1931 году с приехавшим на ДВосток Бергавиновым, с которым у меня установились особенно тесные связи... После Бергавинова на ДВосток первым секретарем приезжает Лаврентьев, с которым у меня сразу же восстанавливается завязавшаяся дружба еще на Украине в 1929 году, когда он был членом РВС округа и начальником политического управления округа...

Дерибас, Крутов, Бергавинов, Лаврентьев и Илья Слинкин привязывали меня к себе еще и тем, что широко использовали мое честолюбие, подчеркивая всюду (на заседаниях, конференциях, съездах) мою исключительную роль на ДВостоке и в гражданской войне, создавая этим мне широкий авторитет в рабоче-крестьянских массах и в армии. Они же спустя рукава смотрели на мое бытовое и моральное разложение, и не только смотрели, но и скрывали от Цека и Наркома обороны, информируя центр не как о моем моральном разложении, а как о временных пьяных срывах...»

(Из собственных показаний В.К. Блюхера, записанных его рукой, от 6 ноября 1938 г.)

Нам сейчас трудно представить себе, чего стоили Блюхеру его собственные показания. Он признает свое вступление в связь с «правыми» еще в 1930 году, признает, что скрыл от партии полученное от Рыкова антисоветское письмо. Но «вступление в связь» с «правыми» называет не иначе, как установление дружбы с людьми, становившимися на путь борьбы с партией, которые привязывали его к себе, используя его честолюбие и подчеркивая всюду его исключительную роль на Дальнем Востоке и в Гражданской войне...

Против Блюхера, как врага народа, свидетельствовали родные, близкие, друзья, единомышленники.

«Вопрос: Что вы можете сказать о вашем бывшем муже В.К. Блюхере?

Ответ: Во время нашей супружеской жизни я видела, что хотя Блюхер был коммунистом, но коммунистических взглядов он не разделял... Он часто хвалил Троцкого, и летом в 1923 году в Ленинграде спорил с моим двоюродным братом Вознесенским Михаилом Александровичем, отстаивая свои троцкистские позиции... Еще в 22-м году в Чите он резко отрицательно говорил о военном командовании в Москве, заявляя: «Посмотрю-посмотрю, возьму и плюну на все, и поеду в Харбин». Я говорила: «И что ты там будешь делать?» Отвечал: «Была б голова, а работа всегда найдется. За границей меня ценят правильнее, чем в СССР...»

(Из протокола допроса Покровской Г.П. от 24 октября 1938 г.

Допрос вели старший лейтенант госбезопасности Иванов, лейтенант госбезопасности Щербаков.)

«Вопрос: Вы арестованы и обвиняетесь в антисоветской деятельности. На предыдущем допросе вы отрицали свою виновность. Будете ли вы и сегодня продолжать упорствовать?

Ответ: Нет, я твердо решил рассказать всю правду о своей антисоветской деятельности, но прежде, чем говорить о своих преступлениях против советской власти, я прошу разрешить начать показания об антисоветской деятельности моего брата, бывшего командующего Дальневосточным фронтом Маршала Советского Союза Блюхера Василия Константиновича... Блюхер В.К. состоит в заговоре «правых» с 1930 года, с тех пор, как связался с Ламинадзе и Шацким. В 1931 г. на ДВК создается руководящее ядро в составе Блюхера, Берговинова, Дерибаса, Мезиса. В 1934 году это уже Лаврентьев, Крутов, Дерибас, Аронштам, Лапин, Сангур-

ский, Слинкин, Федько... В 1937 году были арестованы Сан¬гурский, Крутов, Лаврентьев, Грязное, Лапин... К 1938 году сложилось новое ядро: Блюхер, Дерибас, Хаханьян, Покус, Левандовский, Гулин. С лета 1938 года начались аресты, одним из первых из руководящего ядра был арестован Дерибас. Потом аресты Покуса, Левандовского. В.К. Блюхер «гробанул», как он сам выразился, Левандовского и на этом нажил себе капитал, как разоблачитель врагов народа...»

(Из протокола допроса Блюхера П.К. от 28 октября 1938 г.

Допрос вел капитан госбезопасности Кащеев.)

«Вопрос: Вы сделали заявление, что вам известно об участии Блюхера В.К. в контрреволюционной организации. Расскажите об этом подробно.

Ответ: Впервые я узнал о Блюхере, как участнике военного заговора, в начале 1935 года от Гамарника...».

(Из протокола допроса Егорова А.И. от 28 октября 1938 г.

Допрос вели: Берия, Иванов.)

Допросы, допросы... Сколько бы еще их могло быть? Но на двадцать первом они оборвались.

Смерть пришла неожиданно

9 ноября в 18 часов 45 минут старший лейтенант Иванов вызвал Блюхера на очередной допрос. После утомительной двухчасовой «беседы» с бывшим маршалом Иванов сделал себе перерыв для отдыха. Оставив с арестованным младшего лейтенанта Головлева, он удалился из кабинета. По показаниям в 1956 году Головлева, в тот вечер, где-то около 22 часов, они пили с Блюхером чай, и Блюхер сказал ему, что писать свои собственноручные показания он на

сегодня закончил. В 22 часа 35 минут Блюхер пожаловался на усталость. Головлев вызвал тюремный конвой. Через несколько минут прибыли два конвоира и увели Блюхера.

Головлев уже собрался уходить в свою рабочую комнату, как позвонил телефон. Звонили из санчасти — в 22 часа 50 минут скоропостижно умер арестованный № 11...

В это же время настойчивый телефонный звонок раздался и в кабинете Берии. Своему грозному шефу звонил Иванов.

— Что-то срочное? — недовольно поднял трубку Берия.

— Срочное, товарищ комиссар государственной безопасности 1-го ранга.

Берия встревожился.

— Ну, говори, говори, Иван Алексеевич, что там у вас стряслось, — с раздражением потребовал шеф.

Иванов боялся произнести слово.

— Умер...

— Кто?! — закричал Берия.

— Блюхер...

В трубке — тишина.

— Ты что... что говоришь? А врачи? Пусть оживят, поднимут... Где он сейчас?

— В санчасти.

И снова Берия минуту молчит — остывает. Наконец, произносит:

— Что Хозяину[1] скажем... — Приказывает: — Рапорты мне. Ото всех, кто имел отношение к случившемуся. И экспертизу вскрытия...

---

[1] В архиве Ежова Н.И. есть проект письма наркома внутренних дел СССР Сталину об обстоятельствах смерти Блюхера. Вместо Ежова стоит подпись Берии, но росписи нет. Неизвестно, несостоявшийся это оригинал или простой черновик. Так же неизвестно, был ли подлинник послан Хозяину. Во всяком случае, в личном архиве Сталина такого письма не обнаружено.

Первым рапорт на имя заместителя народного комиссара внутренних дел СССР подал оперуполномоченный младший лейтенант госбезопасности Головлев. Затем — надзиратели Демин, Носенко, Шинкаркин, Биба, дежурный врач внутренней тюрьмы Шакина. В 4 часа утра 10 ноября судмедэксперты Семеновский и Смолтуев представили Берии акт судебно-медицинского исследования трупа заключенного № 11.

«Зам. народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
комиссару гос. безоп. I ранга тов. Берия.

Рапорт

Сегодня в 22 часа 50 минут в кабинете врача внутренней тюрьмы скоропостижно умер арестованный №11.

Смерть последовала при следующих обстоятельствах: в 22 часа 35 минут арестованный № 11 после допроса был взят в кабинете № 422 тюремным надзором для помещения его в камеру.

Арестованный № 11, как обычно, спокойно встал и направился в сопровождении тюремного надзора по коридору. Я собрал документы, осмотрел комнату и направился к себе.

В это время в приемной секретариата мне сообщил дежурный, что меня ищут, что-то случилось с арестованным.

Я направился по коридору 4-го этажа и напротив комнаты № 411 увидел арестованного № 11, сидящего на стуле. Тут же находился тюремный надзор.

Я подошел к арестованному № 11 и спросил, что с ним: арестованный ответил, что ему очень тяжело.

Я приказал немедленно вызвать врача, пришли сразу два вахтера, расстегнули пиджак и рубашку и на руках здесь же 4 вахтера понесли его во врачебный кабинет внутренней тюрьмы.

Арестованный № 11 был положен на койку, был еще жив, и когда ему хотели расстегнуть брюки, он сказал: «Не надо расстегивать»...

Тут же тюремный врач сделал вливание, но арестованный № 11 уже отходил и умер.

Последние дни работа с арестованным протекала следующим образом:

7 ноября арестованный № 11 совершенно не допрашивался.

8 ноября арестованный № 11 в следственном кабинете находился всего 3—4 часа — писал собственноручные показания.

Сегодня, 9-го ноября, арестованный был на допросе днем от 11 до 16 часов, затем последовал перерыв на обед. Вторично был вызван на допрос примерно в 19 часов вечера.

Арестованный все время писал, изредка мы вместе пили чай.

До обеда на допросе был начальник отделения ст. лейтенант гос. безопасности т. Иванов. Он, просматривая все написанное арестованным, делал ему замечания, на что арестованный отвечал, что записи, которые он делает сегодня, являются только набросками схемы, что он их исправит и прокорректирует в полном соответствии со своим местом, которое он занимал в заговоре.

Допрос арестованного № 11 был прекращен в связи с тем, что он закончил один раздел своих показаний, их нужно было корректировать. Что мы договорились сделать на следующий день, то есть 10-го ноября.

Настроение и самочувствие арестованного за весь день и вечер 9-го ноября было обычным.

Один или два раза на день арестованный мне сказал, что в эти дни (он подразумевал Октябрьскую годовщину) ему стало не по себе, слышал музыку, шум.

Арестованный № 11 поставил дату, расписался и до прихода тюремного надзора спросил, когда он будет вызван

на допрос завтра, вспомнил ряд фамилий проходящих по показаниям. Жаловался на свою память

Никаких отклонений от нормы за арестованным № 11 за сегодняшний день я не заметил.

Оперуполном. ОО ГУГБ. НКВД
мл. лейтенант гос. безоп.. *Головлев*.

9 ноября 1938 г.»[1].

«Начальнику внутренней тюрьмы
НКВД т. Миронову.
Рапорт ст. надзирателя младшего командира
Демина Дмитрия Павловича.

Нас, Демина Д.П. и Носенко С.А., деж. по тюрьме послал конвоировать арестованного. Мы взяли его из 422 комнаты, довели до дежурного по наркомату в хорошем состоянии. Он сказал: мне плохо. Мы взяли его под руки и повели. Он ноги не переставлял. Мы посадили его на стул. Дежурный по наркомату вызвал еще двух конвоиров. Мы вчетвером донесли его до амбулатории внутренней тюрьмы в живом состоянии. Следователь арестованного шел за нами.

Демин»[2].

« 9.11.1938 г.».

«Начальнику санчасти внутренней тюрьмы
военврачу II ранга т. Семельцову.

Рапорт

В 22 часа 45 мин. в амбулаторию доставили арестованного № 11 без пульса и с прерывистым дыханием. Ему были

---

[1] Копия этого рапорта и все последующие копии сделаны с материалов дела по обвинению Блюхера Василия Константиновича № Р-23800, т. 1, 2 (Особый фонд Центрального архива МГБ СССР).

[2] В деле имеются аналогичные рапорта на имя начальника внутренней тюрьмы НКВД от надзирателей Носенко С.А., Шинкаркина М.С. и Бибы Д.Я.

введены кофеин и камфорное масло. Через 3—4 минуты арестованный скончался.

Деж. врач внутренней тюрьмы *Е. Шакина.*

9.11.1938 года».

«Вскрытие произведено 10 ноября 1938 г. судмедэкспертом Семеновским и военным врачом 2 ранга т. Смолтуевым А.Л. в присутствии ст. лейтенантов ГУГБ т. Иванова и т. Миронова и мл. лейтенанта ГУГБ т. Головлева...

Труп мужчины на вид около 50 лет, правильного сложения, хорошего питания... На спине и боках, на голове и лице ничего не обнаружено... Кожа и кости черепа всюду целы, кровоподтеков нет... Органы шеи целы, кровоподтеков нет... Грудина и ребра целы, кровоподтеков в грудных мышцах нет...

Заключение: Смерть наступила внезапно от болезненных причин: от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза. Тромб этот образовался в результате недостаточной деятельности сердца на почве общего атеросклероза...»

(Из акта судебно-медицинского исследования трупа заключенного № 11.)

Через 17 лет бывший начальник внутренней тюрьмы НКВД старший лейтенант государственной безопасности, а в 1955 году пенсионер Миронов дал следующие показания по факту смерти Блюхера.

«9 ноября Блюхер был вызван на допрос. Вечером позвонили по телефону из кабинета, где допрашивался Блюхер, дежурному по тюрьме и сообщили, что Блюхеру стало плохо. Мой кабинет в тюрьме находился по соседству с кабинетом дежурного по тюрьме, поэтому через открытую дверь я услышал, что речь идет об арестованном № 11. Я тут же приказал дежурному послать за Блюхером двоих конвоиров

Демина и Носенко. Однако вскоре дежурному по тюрьме позвонил дежурный по НКВД и потребовал прислать еще двоих конвоиров, так как арестованный сам не мог перемещаться. Я послал еще двоих конвоиров Шинкаркина и Бибу, а сам пошел к подъезду, через который должны были доставить Блюхера. Через несколько минут Блюхера на руках принесли в тюрьму в санчасть. Я вслед направился в санчасть. Там Блюхера положили на кровать. Я спросил его: что с ним случилось? Блюхер ответил, что ему плохо. Дежурный врач оказала ему помощь, но это пользы не принесло. Минут через пять Блюхер умер. Вскоре после его смерти в санчасть явились Меркулов и следователь Головлев. Спустя два часа Меркулов приказал мне отправить труп Блюхера в морг Бутырской тюрьмы для судебно-медицинского вскрытия. Труп отправили на грузовой машине. В ту же ночь в присутствии меня и следователей Иванова и Головлева эксперт Семеновский произвел вскрытие трупа Блюхера...

Рано утром труп Блюхера был перевезен в крематорий и предан кремации».

(Из показаний бывшего начальника внутренней тюрьмы НКВД ст. лейтенанта гос. безопасности Миронова А.Н., от 11.11.1955 г.)

11 ноября 1938 года постановлением Народного комиссариата внутренних дел СССР дело по обвинению Блюхера В.К. за смертью обвиняемого было отменено.

По документам дела (рапорты оперуполномоченного ОО ГУГБ НКВД СССР младшего лейтенанта госбезопасности Головлева И.И., старших надзирателей младшего командира Демина Д.П., рядовых Носенко С.А., Шинкаркина М.С. и Бибы Д.Я., дежурного врача внутренней тюрьмы Шакиной Е., протокол допроса бывшего начальника внутренней тюрьмы НКВД старшего лейтенанта госбезопасности Миронова А.Н., акт судебно-медицинского исследования тру-

па арестованного № 11 и другие) мы знаем теперь, как ушел из жизни маршал Василий Константинович Блюхер. Но во всем ли объективны эти документы?..

О последних днях жизни Блюхера во время пребывания в застенках НКВД и о его смерти написано немало. Однако многие публикации, даже отдельные официальные материалы, нередко допускают различные неточности, вольно трактуют те или иные факты, а некоторые выдают за документальную правду наскоро придуманные примитивные фантазии.

Например, в книге «Воспоминания» Н.С. Хрущева о смерти В.К. Блюхера сказано: «Кто такой Блюхер? Блюхер — это герой Гражданской войны, военный самородок. Рабочий, слесарь, он во время Гражданской войны сформировался как крупнейший полководец. Он получил орден Красного Знамени № 1. Одно это говорит о том, кем был Блюхер. Блюхер как один из лучших советских военачальников, был послан в Китай советником. И вдруг его расстреляли. Нельзя говорить о Сталине и Блюхере и умалчивать о причинах гибели Блюхера».

Уж кому-кому, а Хрущеву, руководителю государства, его спичрайтеры вполне могли бы, основываясь на исторических материалах, написать, что Блюхера не расстреляли, что он в результате жестоких избиений скончался в тюрьме НКВД от закупорки артерии тромбом.

Журнал «Известия ЦК КПСС» в четвертом номере за 1989 год писал, что В.К. Блюхер умер во время следствия в Лефортовской тюрьме. Но это ведь не так. Блюхер не содержался в Лефортовской тюрьме; все шестнадцать дней заключения он провел во внутренней тюрьме НКВД СССР на Лубянской площади.

В «Лесной газете» за 1 декабря 1990 года доктор исторических наук, профессор Ю. Краснов в корреспонденции

«Для него не было преград» к столетию со дня рождения В.К. Блюхера писал: «...Судьба маршала очень трагична. Он был объявлен «врагом народа». Истязали его четверо следователей — по очереди и все вместе. Палачи вырвали у Блюхера глаз, положили на ладонь: «Будешь запираться, вырвем второй». Этот эпизод отражен в документах прокуратуры... Блюхер набросился на палача Берия, и был застрелен на месте. Так оборвалась жизнь кавалера четырех орденов Красного Знамени, героя штурма Перекопа, одного из первых маршалов».

Как видим, фантазия у профессора богатая; он зримо нарисовал ужасную картину того, как оборвалась жизнь Блюхера. Вот только не следовало бы ему ссылаться на некие документы прокуратуры, в которых якобы отражен этот эпизод, — их просто не существует.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

В сентябре 1955 года в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС обратился с заявлением М.И. Губельман, бывший член Военного совета ДВР (в 1921 году), который возглавлял В.К. Блюхер. Он просил КПК разобраться в деле Блюхера, считая, что легендарный маршал был необоснованно репрессирован. Такое же заявление подал Генеральному прокурору СССР заместитель министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР генерал армии А.В. Хрулев.

В октябре Главная военная прокуратура и следственный отдел КГБ при Совете министров СССР занялись, по решению ЦК КПСС, проверкой «дела» Блюхера. Группа во главе с заместителем Главного военного прокурора полковником юстиции Я.П. Тереховым провела комплекс следственных мероприятий: были допрошены несколько десятков людей, проанализирована масса уголовных дел, различных документов из центральных и местных архивов.

Рассмотрев материалы этой дополнительной проверки и архивно-следственного дела на Блюхера, руководствуясь ст. 221 УПК РСФСР, Терехов 9 марта 1956 года постановил: «Решение НКВД СССР от 11 ноября 1938 года о прекращении дела по обвинению Блюхера Василия Константиновича за смертью обвиняемого отменить. Дело по обвинению В.К. Блюхера прекратить по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР, т. е. за отсутствием в его действиях состава преступления».

В констатирующей части постановления заместитель Главного военного прокурора пространно мотивировал свое решение.

«...В деле по обвинению Блюхера имеется лишь один протокол его допроса, датированный 28 октября 1938 г. В этом протоколе заготовлены подписи Берии и бывшего работника Особого отдела Иванова, однако протокол, кроме Блюхера, никем не подписан. В ходе этого допроса Блюхера были даны очные ставки с арестованными Федько и Хаханьяном, которые изобличали Блюхера в принадлежности к антисоветскому заговору, однако Блюхер виновным себя не признал и показания Федько и Хаханьяна категорически отрицал.

Вслед за этим протоколом в деле по обвинению Блюхера подшиты его собственноручные показания, которые он писал на протяжении 6—9 ноября 1938 года. В этих собственноручных показаниях Блюхер признал себя виновным в том, что был участником антисоветской организации правых и военного заговора.

9 ноября 1938 года, т.е. спустя 18 дней после ареста, Блюхер, находясь во внутренней тюрьме НКВД СССР, умер...

11 ноября 1938 года дело по обвинению Блюхера было прекращено за смертью обвиняемого.

Проведенной в настоящее время дополнительной проверкой бесспорно установлено, что дело по обвинению Блюхера было сфальсифицировано, а показания о проводившейся якобы им контрреволюционной деятельности были получены от Блюхера путем жестоких истязаний.

Так, бывший следователь НКВД СССР Головлев на допросе 12 ноября 1955 года показал, что когда он 5 и 6 ноября 1938 года впервые увидел арестованного Блюхера, то сразу же обратил внимание на то, что Блюхер накануне был сильно избит.

Бывший врач Лефортовской тюрьмы Розенблюм на допросе 30-го декабря 1955 года показала о том, что она ока-

зывала медицинскую помощь арестованному Блюхеру и при этом заявила: «На лице у Блюхера около глаз был огромный синяк».

О том, что Блюхера жестоко истязали, видно из показаний Ариной-Русаковской...

Из оперативных материалов по делу Блюхера видно, что в камеру тюрьмы, где содержался Блюхер, был подсажен агент, который, спаивая Блюхера коньяком, уговаривал его признать себя виновным в участии в антисоветской организации, и подсказывал Блюхеру, чтобы он дал показания о том, что был завербован Рыковым.

В силу изложенного, собственноручные показания Блюхера, в которых он признал свою вину, не могут рассматриваться как доказательства, так как они были получены от Блюхера провокационным путем, а также путем пыток и истязаний.

В оперативных материалах по делу Блюхера обнаружен рукописный антисоветский документ, написанный рукой Блюхера и никем не подписанный, адресованный всем командующим округов и армий.

Обращает на себя внимание то, что в ходе следствия Блюхер не был допрошен по поводу этого документа.

На допросе 28 октября 1938 года Блюхер пытался сказать о том, что получил письмо от Рыкова, адресованное всем командующим округов и армий, однако следствие почему-то не придало этому заявлению Блюхера внимания и перешло к другому вопросу.

Дополнительной проверкой установлено, что указанный антисоветский документ был изъят в городе Хабаровске из сейфа, принадлежавшего Блюхеру, оперуполномоченным Кайдаловым при секретном осмотре сейфа, еще до ареста Блюхера.

Допрошенный в ходе проверки Кайдалов показал, что он немедленно доложил руководству УНКВД об обнаружении в сейфе у Блюхера написанного им антисоветского документа, однако бывший начальник УНКВД по Дальнево-

сточному краю Горбач и его заместитель Ямницкий (оба осуждены к ВМН) не проявили к этому интереса.

Из оперативных материалов известно, что Блюхер, находясь в камере внутренней тюрьмы НКВД, говорил своему сокамернику о том, что получил от Рыкова письмо и копию этого письма он передал бывшему начальнику УНКВД по Дальневосточному краю Дерибасу (осужден к ВМН).

Из материалов дела и оперативных материалов видно, что в отношении Блюхера проводились наряду с оперативными мероприятиями и провокационные комбинации, направленные на компрометацию Блюхера.

Подтверждением этого являются показания бывшего порученца Блюхера — Попова, который на допросе 8 августа 1938 года показал, что видел письмо от Рыкова в квартире Блюхера... Но это ни о чем не говорит. Не исключена возможность того, что этот документ является легендированным письмом от имени Рыкова и направленным Блюхеру в ходе оперативных комбинаций.

Поэтому указанный документ не может рассматриваться как доказательство по делу Блюхера и не может служить основанием для обвинения Блюхера в антисоветских связях с Рыковым.

К делу Блюхера в качестве доказательств его причастности к антисоветской организации и военному заговору приобщены копии протоколов допросов арестованных Егорова А.И., Хаханьяна Г.Д., Гулина С.Ф., Федько И.Ф., Блюхера П.К., Покровской Г.П., Кольчугиной Г.А., Крысько И.М., Булавко М.С. и других.

Как установлено проверкой, Блюхер П.К. и Богуцкая-Блюхер Л.Ф. при рассмотрении их дел в суде от данных на предварительном следствии показаний отказались и виновными себя не признали.

Булавко М.С, Крысько И.М. и Покровская Г.П. впоследствии также отказались от своих показаний.

Дело в отношении Егорова А.И., как это теперь установлено, было сфальсифицировано, и в настоящее время

это дело представлено в Верховный суд СССР на предмет его прекращения по ст. 4, п. 5 УПК РСФСР.

Что касается показаний Хаханьяна Г.Д., Федько И.Ф., Гулина С.Ф., Остроумовой В.П., Кассина Г.И. и Винокурова В.П., то эти показания не могут быть приняты во внимание, так как указанные лица на следствии давали явно вымышленные показания, оговаривая в совершении тягчайших государственных преступлений видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства и ответственных партийных работников...

Таким образом, при дополнительной проверке установлено, что Блюхер был арестован и обвинен в тягчайших государственных преступлениях необоснованно, дело в отношении его сфальсифицировано и поэтому подлежит прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления...

Известно, что Блюхер В.К. являлся членом КПСС с 1916 года, на XVII съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, с 1917 года находился на командных должностях в Советской Армии, был легендарным полководцем Гражданской войны, одним из первых Маршалов Советского Союза, неоднократно награждался орденами СССР...

На основании изложенного и руководствуясь ст. 221 УПК РСФСР ПОСТАНОВИЛ...».

Так была поставлена точка в деле по обвинению Блюхера Василия Константиновича в антисоветской деятельности и участии в военном заговоре.

СУДЬБЫ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

Как сложились судьбы родных и близких Блюхера: жен, детей и брата Павла?

Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер отбывала заключение в исправительно-трудовом лагере в Казахстане. По окончании срока ее определили на поселение. Там она встретила Федора Ивановича Кузьмина, который работал заведующим фермой Кара-Тала (Черная могила). У них завязались близкие отношения. По ее словам, она тогда не могла и предположить, что этот человек войдет в ее жизнь надолго.

Что сталось с детьми: пятилетней Ваирой и восьмимесячным Василином после ареста родителей? Об этом Глафира Лукинична узнала из письма Анастасии Черноземцевой, бывшей няни Лина (так в семье Блюхера называли Василина). «Дорогая Рафа, я сдала Линушку в Краснодаре. Меня на вокзале встретили сотрудники, которые вас взяли в Сочи. Виру (Ваиру. — *Н.В.)* я оставила с лицами, сопровождавшими меня от Сочи до Краснодара. В Сочи у меня взяли подписку не упоминать нигде фамилии Блюхер... Поэтому в НКВД я сдавала Лина под вашей фамилией — Безверхов Василии Васильевич, а также и Виру... Думаю, что Лина кто-то усыновил. Думаю так потому, что он был хороший и спокойный мальчик...»

Ваира нашлась в 1946 году. Восемь лет она прожила в доме для детей репрессированных в «Курсавке» под Новороссийском. А Василии потерялся навсегда.

После реабилитации Глафира Лукинична, Ваира и Федор Иванович Кузьмин приехали в Москву. Ваира закончила институт, вышла замуж. Брак оказался непрочным, и она растила дочь Ирину одна.

Глафира Лукинична умерла в 1999 году.

С Ваирой Васильевной я последний раз встречался в 2006 году в ее загородном доме под Москвой...

О судьбе брата Василия Константиновича — Павла — почти ничего не известно. Есть только данные, что он был также осужден на длительный срок заключения и умер в мае 1943 года в одном из лагерей на Урале.

Следы племянницы Блюхера Нины после 22 октября 1938 года затерялись.

Галина Александровна Кольчугина, как мы уже знаем, была приговорена Военной коллегией к расстрелу. Ее сын Василий попал в спецдетдом под Пензой. Учился в поселковой Беднодемьянской семилетней школе. Потом поступил в техникум цветной металлургии. По окончании техникума его распределили в Ревду на Среднеуральский медеплавильный завод. Работал бригадиром в ремонтной мастерской, мастером, механиком обогатительной фабрики, техническим руководителем ремонтно-механического цеха. Те годы, позже вспоминал Василий, для него, сына «врага народа», были самыми трудными в жизни...

Наступил 1956 год, маршала В.К. Блюхера реабилитировали, и с Василия было снято клеймо сына «врага народа». Теперь он смог поступить на высшие инженерные курсы при Свердловском горном институте, его приняли в КПСС. Перед ним открылись двери Среднеуральского совета народного хозяйства, затем Министерства цветной металлургии СССР. В 1971 году он вернулся в Свердловск уже генеральным директором производственного объединения Урал¬электротяжмаш. Затем, спустя некоторое время, возглавил

самый молодой вуз Урала — Свердловский инженерно-педагогический институт.

Сегодня Василий Васильевич Блюхер на заслуженном отдыхе.

Галину Павловну Покровскую, как и Кольчугину, расстреляли.

Мать Галины Павловны, Людмилу Петровну — больную старушку, с внучкой Зоей работники НКВД оставили в покое, переселили лишь из хорошей квартиры в «Доме Советов» (теперь это гостиница «Астория») — в маломерку. Жить было трудно, существовали за счет помощи Леонида Васильевича Покровского; благодаря этому Зоя закончила школу. Потом была война, блокадный Ленинград...

Всеволод после ареста отца был распределен в Армавирский сиротский дом. В 1940 году его, уже восемнадцатилетнего парня, отправили из Армавира в Свердловск, в школу киномехаников. Он мечтал поступить в военное училище, пойти путем отца, но этот путь для сына «врага народа» был заказан. В августе 41-го его призвали на фронт, где пробыл он почти четыре года. За проявленные героизм и мужество был представлен к ордену Боевого Красного Знамени, однако получил его только спустя 20 лет.

Вернувшись в Армавир в 45-м, места для нормальной работы сын «врага народа» не нашел. Уехал в Луганскую область, стал шахтером в Коммунарске под Луганском, женился на Марии Дегтяревой.

Умер Всеволод Васильевич в 1977 году после тяжелой болезни в возрасте 55 лет.

А Зоя после войны вышла замуж за Белова Михаила Петровича, у нее родился сын Михаил. Но долго пожить счастливой семьей ей не пришлось. В 1951 году о ней вспомнил НКВД. В то время по городу прокатилась волна преследований по «ленинградскому делу». Питерские чекисты были убеждены, что дочь репрессированного маршала не могла стоять в стороне от якобы готовившегося контрре-

волюционного переворота. И Зоя Васильевна, мать грудного ребенка, была арестована. Несколько месяцев следователи силились доказать мнимую вину Зои Васильевны — не доказали. И все равно, решением «Особого совещания» она были объявлена «социально опасным элементом» и выслана на поселение в Кзыл-Орду сроком на пять лет без права возвращения в Ленинград.

В 53-м, после смерти Сталина, ее амнистировали, разрешили вернуться в Ленинград. Она была счастлива. Она плакала от радости и боли. Радости — за восстановленную правду. Боли — за поруганную судьбу родителей, за ее и брата судьбы.

Зоя Васильевна по сей день живет в родном для нее Ленинграде — Санкт-Петербурге. Она заслуженный пенсионер: ветеран труда, блокадница, жертва политических репрессий. Живет одна: все родные и близкие ушли из жизни. Давно умер Михаил Петрович Белов. Покинули этот мир и второй муж, Муравьев Владлен Александрович, и единственный сын — Михаил.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛУ МОЛЧАНОВУ 23 ФЕВРАЛЯ 1922 г.

Я еще раз, теперь уже в последний, призываю Вас, генерал, к честному благоразумию и искреннему отказу от той жестокой роли, которую чужая воля навязала Вам в последней кровавой затее интервентов и чужеземных капиталистов.

Вы не ответили на мое первое письмо, потому ли, что Ваши руки разучились писать искренние русские слова без диктовки закулисных суфлеров, или потому, что Вы еще верите в торжество реакционной приморской кривды над русской революционной правдой, меня это интересует мало.

Но любовь к моему великому народу, поднявшемуся, как один, за свою Республику, и нежелание проливать его драгоценную кровь властно диктуют мне обязанность, как революционера и гражданина великой революционной России, сделать еще попытку обратиться к Вашим уже разбитым нами рядам с братским напоминанием Ваших обязанностей перед Родиной.

Попытайтесь, генерал, воскресить в своей душе действительную любовь к своей Родине, найти солдатское мужество сознаться в ошибках перед русским делом Дальнего Востока и сделать из этого честный вывод.

В своем письме, отправленном Вам перед боем под Во¬лочаевкой, я указывал Вам на закулисную дипломатическую

работу интервентов, которая идет теперь за Вашей спиной, на ненужность Вашего сопротивления.

Теперь боями под Волочаевкой и Казакевичево Народно-революционная армия доказала Вам безумие дальнейшей борьбы против народной воли.

Сделайте из этого честный вывод и покоритесь воле трудового русского народа без дальнейшей упорной игры человеческими головами, которые доверили Вам свою судьбу.

Вся Ваша авантюра — марионеточная затея тех чужих, продающих Россию рук, о которых Вы осведомлены не хуже меня и которые продадут Вас в ту минуту, когда им понадобится уходить под крыло японских и других империалистов.

Как всякая Марионеточная авантюра, она обречена на скорый крах, и Вы уже почувствовали это по тем могучим ударам, которые нанесла Вам, кадровому офицерству, Рабо¬че-Крестьянская, сермяжная Народно-революционная сила. Не пора ли подумать о дальнейшем?

Мне хотелось бы знать, какое же количество жертв, какое число русских трупов необходимо еще, чтобы убедить Вас в бесполезности и бесплодности Вашей последней попытки бороться с силою революционного русского народа, на пепле хозяйственной разрухи воздвигающего свою новую государственность?

Какое число русских мучеников приказано Вам бросить к подножию японского и другого чужеземного капитала?

Сколько русских страдальческих костей необходимо, чтобы устроить мостовую для более удобного проезда интервентских автомобилей по русскому Дальнему Востоку?

Нет, генерал, мы этого не позволим. Мы, мужики, защищающие свое родное достояние, свою родную революционную русскую землю, впервые в течение столетий увидевшие свою истинно народную власть.

Понятно ли Вам теперь то упорство, с которым бьются под Красным знаменем наши стойкие революционные пол-

ки за свою великую новую Красную Русь? Мы победим, ибо мы боремся за прогрессивные начала в истории, за новую в мире государственность, за право русского народа строить свою жизнь так, как подсказывают ему его пробужденные от векового оцепенения силы.

Вы погибнете, ибо Вы продали шпагу для защиты чужеземных интересов кучке глупых и жадных коммерсантов, на чужие деньги купившей ваши русские души для достижения целей, не имеющих ничего общего с историческими задачами национального возрождения, но зато имеющих тесную связь с интересами иностранного кошелька, пытающегося за дешевую цену по вашим телам проникнуть к использованию наших русских богатств на Дальнем Востоке.

Оглянитесь назад, и Вы увидите наглые физиономии этих торгашей народной кровью, этих людей, потерявших всякое национальное чувство и срамящих низкопоклонством перед чужеземцами самое имя русского человека ради ничтожных подачек и животного страха. Неужели Вы будете продолжать помогать им в их вредной для великого русского дела продажной работе? Среди ваших рядов во время боев под Волочаевкой и Казакевичево я заметил много дельных людей, необходимых в настоящую минуту для государственной работы в России и Дальневосточной республике. Не губите их в угоду чужеземному золоту, и грядущая история нашей страны скажет Вам за это спасибо.

Их технические знания необходимы для дела возрождения хозяйственной жизни нашей Родины — не делайте из них наемных кондотьеров иностранного капитала, а возвратите их родине, которая их ждет, как заблудших сыновей.

Единственный выход для Вас, и выход почетный, при теперешнем Вашем положении — это сложить братоубийственное оружие и закончить последнюю вспышку гражданской войны честным солдатским признанием в своем

заблуждении и отказом от дальнейшей службы чужеземным штабам.

Наши силы и наши исторические цели слишком велики для того, чтобы в данный момент заниматься мелкою местью по отношению к Вам и к тем, кто идет за Вами.

Слова: «Свободный народ не мстит» — есть голая историческая правда, и Ваши офицеры, которые находятся у нас в плену, могут Вам засвидетельствовать ее, равно как и те многочисленные колчаковцы, которые доблестно бьются в наших рядах за свое родное русское дело, свою молодую Дальневосточную республику.

А что они честно и доблестно бьются, в этом Вы, генерал, уже имели не один случай убедиться!

Еще раз подтверждаю Вам мое твердое решение не дать Вас в обиду в случае добровольной сдачи оружия, но прошу не обижаться, если при продолжении борьбы это оружие будет вырвано из Ваших рук тем жестоким способом, который диктуется всей исторической обстановкой.

Для того чтобы облегчить Ваше положение, я предлагаю Вам следующее:

1. Не допуская каких-либо обид и оскорблений, я гарантирую полную неприкосновенность личности и свободное возвращение на родину всем подчиненным вам войскам.

2. Командному составу я предлагаю в случае нежелания возвратиться в Советскую Россию занять соответствующие места в рядах Народно-революционной армии.

3. Вам лично с группой лучших ваших офицеров предлагаю соответствующую должность в рядах Народно-революционной армии, так как такие люди нам необходимы.

4. Ваш ответ будет ожидаться мною в срочном порядке через подателя этого письма.

Председатель Военного совета и Военный министр,
Главнокомандующий *БЛЮХЕР*.

А. Роллен

МАРШАЛ С ЖЕЛЕЗНОЙ МАСКОЙ
ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БЛЮХЕР

(Статья из французского журнала «ТАН», 10.08.1938 г.)

В последние дни внимание всего мира сосредоточено на одном человеке, который отделен от своего правительства расстоянием в 7600 км и чувствует на своих плечах бремя ужасной ответственности. В ночь с 30 на 31.07, когда японские войска неожиданно атаковали неизвестный до того времени холм, всеобщий мир зависел, возможно, от хладнокровия, которое сумел сохранить маршал Блюхер. Какой был масштаб японской атаки, какие контрмеры нужно принять, какие приказы нужно отдать на завтрашний день — вот вопросы, которые возникли бы перед любым другим командующим армией. К этому нужно прибавить еще вопрос, что подумает, что скажет и чего хочет Москва?

Однако до сих пор всегда казалось, что Блюхер может справиться с любым неожиданным положением. Это человек, созданный для исключительных положений. Он обладает даром импровизаций. В трудные моменты он всегда умел находить решение, а Богу одному известно, сколько авантюр было в его жизни. Их было столько, что даже самое богатое воображение не могло бы выдумать их.

Откуда появился этот маршал революции с массивной и коренастой фигурой, с круглым и энергичным лицом, с квадратной и властной челюстью, с подвижными и пронизывающими глазами, с лицом, которому усы придают классический вид военного, немного грубого, хотя его жесты элегантны, и авторитетом, который обычно объясняют его исключительным личным магнетизмом, оказывающим влияние на лиц, соприкасающихся с ним в критические моменты?

Ему приписывали самые странные происхождения. Этим объясняются прозвища, которые часто давались ему: «загадочный капитан», «генерал Немо», «таинственный маршал», «человек с железной маской», «советский». Для одних он был «гениальный иностранный кондотьер» неизвестного происхождения, для других он был майор Тиц из бывшего австрийского Генштаба, или же бывший гвардейский офицер Германской империи, потомок Блюхера, участвовавшего в сражении под Ватерлоо, или же бывший офицер царской армии, служивший Советской России под вымышленным именем.

По мнению некоторых, он человек с плохим прошлым, преступник, освобожденный революцией, возможно даже, человек, руки которого обагрены кровью, и такой кровью, пролитие которой не может быть оправдано никакой теорией.

Вполне понятно упорство, с которым держатся подобнее легенды вокруг такого человека, имя и отчество которого не мог указать в свое время председатель ЦИКа Свердлов, когда ЦИК постановил на заседании 4.09.18 года наградить орденом Красного Знамени командира Южно-Уральского отряда Блюхера, призрака, исчезнувшего уже несколько месяцев тому назад.

В действительности Василий Константинович Блюхер простой русский крестьянин, внезапно выдвинувшийся милостью революции из бесчисленной массы неведомых мужиков. Этим объясняются незнание, проявленное Свердловым, и противоречия, встречающиеся в официальной биографии Блюхера.

В одной из последних официальных биографий этого маршала, опубликованной по поводу его избрания в Вер¬ховный Совет Союза в качестве депутата от Ворошиловска (бывший Никольск-Уссурийский), говорится, что он родился около Пошехонии в 1889 году, следовательно, ему скоро минет 50 лет.

Как и многие другие, он пытался заработать на жизнь в городе. Он был ловким и сделался рабочим-металлистом. В ту эпоху, когда право на занятия высших должностей

определялось революционным, особенно партийным, ста-жем, его восхваляли за то, что он подготовил забастовку в 1910 году, за что в свое время был приговорен к двум годам тюремного заключения. Однако эти факты серьезно оспариваются, точно так же, как и то, что он старый большевик. По-видимому, он принадлежал к числу тех многих рабочих, которые присоединились к партии в революцию.

Впрочем, он заслужил свою репутацию ценой совсем других подвигов.

Война временно вырвала его с завода. В 1916 году, будучи в чине унтер-офицера, он был ранен разрывом снаряда и уволен со службы по болезни. Он работал в Казани, в Сормове и, наконец, в арсенале Самары. Когда вспыхнула революция, он, как говорят, участвовал в революционном движении, а потом в восстании, в результате которого была установлена советская власть. Он незаметно проявил свои главные качества: смелость, упорство, организаторский талант, точность и исключительный авторитет.

Атаман оренбургских казаков Дутов один из первых восстает против нового строя. Для борьбы с ним был сформирован в Оренбурге отряд партизан. Рабочие, воодушевленные идеей диктатуры пролетариата; молодые казаки, опьяненные перспективой раздела земли; калмыки, увлеченные этим движением; германские и австрийские военнопленные, стремящиеся к свободе и к новым авантюрам, — вот разнородные элементы, которые были подчинены Блюхеру его авторитетом. Он организует их, обеспечивает снабжение их оружием, вводит строгую дисциплину и во главе этих отрядов разбивает казаков Дутова.

Это были эпические бои, ужасная борьба: «раненые продолжали борьбу между собой, выворачивая друг другу отдельные члены тела, откусывая и вырывая другу другу носы».

В декабре 1917 года Оренбург был взят, и Дутов, спасаясь от Блюхера, уходит в киргизские степи.

Внезапно Блюхер узнает, что чехословацкие военнопленные опрокинули советскую власть в Челябинске, Са-

маре, Оренбурге и занимают сибирский железнодорожный путь. Отступление отрезано.

В течение многих месяцев ничего не слышно о Блюхере и о его отряде. Полагают, что он умер, а его отряд уничтожен. Вдруг в сентябре 1918 года он, неожиданно для всех, присоединяется к 3-й красной армии на Пермском фронте.

Во время изумительного похода его отряд сильно вырос, так как к нему присоединились мужчины, женщины и дети, бежавшие от белых. Несмотря на все слабости, несмотря даже на измены (как, например, измена одного из его лейтенантов, Н. Енборисова, бежавшего к белым, чтобы вымолить прощение у своего отца, который был начальником штаба у Дутова, но немедленно приказал расстрелять сына), Блюхер провел через линии противника свой отряд, представлявший собой настоящую орду в лохмотьях.

Как только Блюхер присоединился к авангардам красных войск, он с гордостью телеграфировал Ленину:

«После марша в 1500 верст через Уральские горы, ведя частые стычки с казаками и с белыми, мы продолжали борьбу, глубоко убежденные, что недалек тот день, когда Красное знамя будет развеваться над Уралом».

В Кремле были поражены. Тогда, чтобы выразить свое восхищение этой чрезвычайной эпопеей, Свердлов впервые наградил Блюхера орденом Красного Знамени.

Однако Блюхер был еще чем-то вроде вождя партизан наподобие Чапаева. Новый подвиг утверждает его военную репутацию. Ему было поручено организовать на Урале 51-ю дивизию, которая была немедленно брошена в Сибирь для преследования Колчака.

Когда Колчак был ликвидирован и оставался Врангель, Блюхер опять принимает участие в борьбе. Врангель рассчитывает удержать Крым за укреплениями, построенными на Перекопе, который защищался Кутеповым. Подобно своим товарищам, Блюхер и его 51-я дивизия натолкнулись на проволочные заграждения, на пулеметные гнезда и на тяжелые батареи, которые воздвигались белыми в течение шести

месяцев. Приближалась зима, и наступили сильные холода. По-видимому, это требовало прекращения операций.

Врангель получил мощную моральную поддержку:

Франция признала его, и 7 октября бывший верховный комиссар при адмирале Колчаке Мартель вручил ему свои верительные грамоты. 26 октября Кутепов телеграфировал, что разгром неизбежен. Оборонительные линии на Перекопе неожиданно были взяты с тыла. Воспользовавшись тем, что мороз сковал тинистые воды Сиваша, рискуя погибнуть или быть унесенным водой в случае ветра, Блюхер неожиданно бросился туда ночью со своей дивизией. Это был тщательно подготовленный безумно смелый удар. Ему нужно было вступить на сушу раньше, чем белые заметят его маневр. В противном случае он не мог бы развернуть свои силы и использовать свою артиллерию, и это было бы разгромом.

Заря начала заниматься, и берега Азовского моря побелели, поднялся ветер, и колеса последних пушек начали вязнуть в промерзшей тине, когда 51-я дивизия внезапно обрушилась на застигнутого врасплох противника. Позади этой дивизии воды моря. Паника охватила всю территорию от Перекопа до Севастополя. Кутепов покинул перешеек. С саблями наголо Конная армия Буденного врывается туда, как ураган. В этот же вечер Врангель решает оставить Крым.

Вторично Блюхер награждается орденом Красного Знамени.

Теперь его карьера начинает развиваться в Азии. Чтобы добиться от Соединенных Штатов, чтобы они заставили японцев покинуть занятые ими территории вокруг Владивостока и в Приморской провинции, Кремль выдумал создать Дальневосточную демократическую республику, нечто вроде буферного государства, якобы независимого, в котором не применяются коммунистические законодательства и организации.

Блюхер избирается командующим вооруженными силами этой странной республики, которая отвергает принципы Москвы, но выполняет ее приказы. Одной из первых задач, воз-

ложенных на будущего советского маршала, была ликвидация знаменитого барона фон Унгерн-Штернберга, этого маньяка необычной жестокости, этого бывшего казачьего есаула, обращенного в буддизм и представляющего собой смесь германской, венгерской и русской крови, создавшего себе в Монголии нечто вроде деспотического государства. Блюхер бросает против него войска, закаленные в тяжелой партизанской войне. Барон был захвачен в плен около Кяхты. Его судили и казнили в Верхне-Удинске. Внешняя Монголия — главный опорный пункт Забайкалья — подпадает под влияние Москвы.

Под нажимом США японцы вынуждены обещать, что они оставят Владивосток и Приморье. Блюхер ускоряет это движение и очищает этот район от последних остатков белых армий.

14 февраля 1922 года он занимает Хабаровск; 25 октября 1922 года он достигает Тихого океана и вступает во Владивосток, который японцы покидают в тот же день.

В 1924 году Блюхер исчезает. Но в Китае появляются генералы Галин и Бородин. Бородин — его настоящая фамилия Грузенберг — американизированный русский еврей, который хорошо был знаком с Сунь Ятсеном в США и помог ему распространить на Северный Китай власть кантонского правительства.

В 1929 году при советском посольстве в Берлине появился новый военный атташе генерал Блюхер. Весьма скоро замечают, что это также и генерал Галин. Начинают выражать беспокойство, и Блюхер-Галин снова возвращается в Азию. После ухода японцев Дальневосточная демократическая республика преобразуется в Дальневосточную область, которая была включена в Союз Советских Социалистических Республик.

Блюхер был назначен на пост командующего войсками, находящимися между Байкалом и Тихим океаном. В том же 1929 году генерал Чжан Цзолинь, который господствовал в Маньчжурии, решился путем конфискации КВЖД устранить здесь советское правление. Были произведены набе-

ги эмигрантов, аресты советских граждан на маньчжурской территории, что подчеркивало это намерение.

18 ноября 1929 года, после двух предупреждений московского правительства, Блюхер начинает действовать. Наступлению его войск предшествуют воздушные бомбардировки, взрывы складов боеприпасов, крушения, организованные секретными агентами. Это наступление было ужасно. Белогвардейцы и китайские войска бегут в беспорядке, бросив 10 000 пленных, в том числе 500 офицеров. Прибыв в Хайлар, Блюхер прекращает эту операцию, носящую характер несколько суровой полицейской меры. Чжан Цзолинь понял этот урок, а СССР не стремился подвергаться риску осложнений с Японией.

СССР удовлетворился предъявлением Китаю требования восстановить положение на КВЖД в том виде, в каком оно было до этого конфликта.

С этого времени в течение 10 лет Блюхер непрестанно выступает в роли организатора. Он создает оборону Дальневосточной области. Он увлекается идеей создания автономной сухопутной, морской и воздушной армии, способной жить, питаться и бороться, не прибегая к помощи остального Советского Союза.

Он проводит такую организацию с целью не допустить, чтобы военные действия на востоке России отражались на западе страны и наоборот.

Но акт, заключенный между Берлином и Токио, допускает ли такую независимость запада и востока?

Вот тревожный вопрос, в котором заключается главная тяжесть ужасной ответственности, которую должен принять на себя этот отдаленный проконсул, нетерпеливый или беспокойный жест которого может вызвать пожар во всем мире.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авксентьевский К.А. (1890—1941) — активный участник Гражданской войны. Был Вологодским губвоенкомом, комиссаром Ярославского ВО. Затем — командующий 4А, член РВС Южной группы Восточного фронта, 1А, заместитель командующего Туркестанским фронтом, командующий войсками военного округа, 2-й Трудовой армией, помощник командующего Южным фронтом, командующий 6А. После Гражданской войны заместитель командующего ВС Украины и Крыма, главком и военный министр ДВР, командир стрелкового корпуса, командующий Туркестанским фронтом (с 1926 Среднеазиатский ВО). В 1928—1931 гг. командующий Краснознаменной Кавказской армией.

Аронштам Л.Н. (1896—1938) — в партии большевиков и в Красной Армии с 1918 года. В Гражданскую войну — комиссар отряда, полка, дивизии. После войны на различных военно-политических должностях. Был членом Военного совета Приволжского военного округа, начальником политуправления ОКДВА. Затем работал в Политуправлении РККА — заместитель начальника ПУРа. Армейский комиссар 2-го ранга.

Берзин (Берзинь) Р.И. (1888—1939) — член большевистской партии с 1905 года. Участник 1-й мировой войны. В 1918—1919 гг. командовал войсками в борьбе с Центральной радой и мятежом Довбор-Мусницкого, главком Западного фронта, командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом, затем 3-й армией. В 1919—1924 гг. член РВС Западного, Южного, Юго-Западного, 1-го Туркестанского фронтов.

Берия Л.П. (1899—1953) — член партии большевиков с 1917 года. С 1921 г. на руководящих постах в ЧК—ГПУ Закавка-

зья. В 1931—1938 гг. — 1-й секретарь ЦК КП (б)Грузии, Заккрай¬кома ВКП(б). В 1938—1945 гг. — заместитель наркома, нарком, в 1953-м министр внутренних дел СССР. В 1941—1953 годах — зам. председателя СНК (СМ) СССР, 1-й зам. председателя СМ СССР. В 1953 г. исключен из партии и по приговору Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР расстрелян.

Благодатов А.В. — офицер-артиллерист русской армии, перешедший на сторону революции. Принимал участие в операциях на Восточном и Южном фронтах; проявил себя на Каховском плацдарме и при штурме Перекопа. В 1925 г. окончил Военную академию РККА и с группой военных советников был направлен в Китай. По возвращении служил на командных должностях в частях и соединениях Красной Армии, преподавал в Академии Генерального штаба. В Великую Отечественную войну командовал корпусами на 2-м и 3-м Украинских фронтах, был заместителем командующего армией, комендантом г. Вена. Генерал-лейтенант в отставке.

Блюхер Гебхард Леберехт (1742—1819) — прусский генерал-фельдмаршал, герой войн с Наполеоном.

Бородин М.М. (Грузенберг) (1884—1951) — член РСДРП с 1903 года. С 1923 по 1927 годы работал в Китае по приглашению Сунь Ятсена главным политическим советником ЦИК Гоминьдана. С 1932 г. главный редактор газеты «Москоу ньюс». Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Булин А.С. (1894—1938) — в Красной Армии с 1918 года. С 1928 г. заместитель начальника Политуправления РККА, в 1935—1936 гг. начальник политуправления Белорусского военного округа, в 1937 г. — начальник Управления по начальствующему составу Красной Армии Наркомата обороны СССР. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

Вацетис И.И. (1873—1938) — участник 1-й мировой войны, командир полка, полковник. В дни Октябрьской революции вместе с полком перешел на сторону советской власти. В январе 1918 г. руководил подавлением мятежа Довбор-Мусницкого, с апреля командовал Латышской стрелковой дивизией, в июле — сентябре — командующий Восточным фронтом, затем главком ВС Республики, с 1919 года — член РВСР.

Викторов М.В. (1893—1938) — участник 1-й мировой и Гражданской войн. В 1921—1932 гг. был в разное время начальником морских сил Черного, Азовского и Балтийского морей. В 1932—1937 гг. — начальник морских сил Дальнего Востока. С 1937 года начальник морских сил РККА. Флагман флота 1-го ранга. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Воронов Н.Н. (1899—1968) — в Красной Армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. Был командиром артиллерийской батареи, артполка. Окончил Высшую артиллерийскую школу комсостава (1924 г.), Военную академию им. М.В.Фрунзе (1930 г.). В 1936—1937 гг. — в Испании. В 1937—1940 гг. начальник артиллерии Красной Армии. В Великую Отечественную войну начальник Главного управления ПВО страны, начальник артиллерии — зам. наркома обороны СССР. После войны начальник Военно-артиллерийской командной академии. Главный маршал артиллерии. Герой Советского Союза.

Ворошилов К.Е. (1881—1969) — советский государственный и военный деятель. Участник трех революций в России. С ноября 1917 г. комиссар Петрограда, вместе с Ф.Э. Дзержинским вел работу по организации ВЧК. В 1918 г. возглавлял царицынскую группу войск, был членом Военного совета Южного фронта, командующим 10А, с 1919-го —14А. В 1919 г. был одним из организаторов 1-й Конной армии. В 1921 г. участвовал в ликвидации Кронштадтского мятежа. В 1921—1925 гг. командовал войсками СКВО и МВО. В 1925—1934 гг. — нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР, в 1934—1940 годы — нарком обороны СССР. С мая 1940 г. заместитель Председателя СНК СССР и Председатель Комитета Обороны при СНК СССР. В Великую Отечественную войну — член ГКО и Ставки ВГК, главнокомандующий войсками Северо-Западного направления, командующий Ленинградским фронтом. После войны председатель Союзной контрольной комиссии в Венгрии, в 1946—1953 гг. зам. председателя СМ СССР, в 1953—1960 годы — председатель Президиума Верховного Совета СССР. Маршал Советского Союза. Дважды Герой Советского Союза. Герой Социалистического Труда. Герой МНР.

Вострецов С.С. (1883—1932) — участник 1-й мировой войны. В Красной Армии с 1918 года. В Гражданскую войну командовал полками на Восточном и Западном фронтах, с 1921 года в войсках ВЧК по охране границ Сибири, в 1922 г. командовал группой войск НРА ДВР. С 1924 г. командир стрелковой дивизии, корпуса. В 1929-м во время советско-китайского конфликта на КВЖД возглавлял Забайкальскую группу войск.

Врангель П.Н. (1878—1928) — участник Русско-японской и 1-й мировой войн, генерал-майор (1917 г.). С августа 1918 года в Добровольческой армии, командовал конной дивизией, конным корпусом. Генерал-лейтенант (1918 г.). С декабря 1918 года командующий Добровольческой армией, с января 1919 года— Кавказской Добровольческой армией. С марта 1920 года — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. С мая 1920 года — главнокомандующий Русской армией в Крыму. В ноябре того же года после разгрома армии эвакуировался с остатками своих войск в Турцию. В 1924 году создал и возглавил Русский общевоинский союз (РОВС), военную организацию российских воинов-эмигрантов, образовавшуюся после официального роспуска армии. Умер в Брюсселе.

Гайда Радола (1892—1948) — чешский офицер, один из организаторов контрреволюционного мятежа Чехословацкого корпуса. В последующем возглавил Екатеринбургскую группу белых войск, затем поступил на службу к Колчаку, получил генеральское звание, стал командующим Сибирской армией. С середины 20-х годов был в числе руководителей фашистских организаций в Чехословакии, сотрудничал с гитлеровцами. Казнен в 1948 году по приговору чешского суда.

Галактионов А.П. (1886—1922) — старейший большевик, участник революций 1905—1917 гг. Вел революционную работу в Ташкенте, Челябинске, Самаре. После Октября вошел в руководящие органы Самарского Совета рабочих депутатов, губкома партии. В период обороны Самары от белочехов — член Военного революционного комитета, член штаба обороны. После освобождения Самары был избран председателем Самарского губисполкома.

Гамарник Я.Б. (1894—1937) — видный партийный и военный работник. Активный участник Гражданской войны. В период оккупации Украины немецкими войсками работал в подполье, был одним из руководителей Одесской, Харьковской и Крымской подпольных организаций. В 1919 г. состоял членом РВС южной группы 12-й армии, был военным комиссаром 58-й дивизии. После окончания Гражданской войны находился на партийной работе на Украине, Дальнем Востоке и в Белоруссии. На XIV партсъезде был избран кандидатом, а на XV, XVI и XVII съездах избирался членом ЦК партии. Последние годы занимал пост заместителя Народного комиссара обороны СССР и начальника Главного политического управления Красной Армии. Армейский комиссар 1-го ранга. В 1937 году застрелился.

Губельман М.И. (1883/84—1968) — член КПСС с 1902 г., секретарь Дальбюро ЦК РКП(б). В качестве руководителя Дальневосточной партийной организации и члена Военного совета Народно-революционной армии сыграл большую роль в деле мобилизации сил и средств республики на разгром белогвардейцев и в строительстве Народно-революционной армии.

Гусев СИ. (Драбкин Я.Д.) (1874—1933) — член РСДРП с 1896 г. Профессиональный революционер. В Октябрьские дни 1917 года — секретарь Петроградского ВРК, затем член РВС 5-й и 2-й армий, РВС Восточного, Юго-Западного и Южного фронтов. В 1918—1925 гг. член Революционного военного совета республики (РВСР), председатель Высшей военно-морской инспекции и начальник Главного политического управления РККА. Кандидат в члены ЦК ВКП(б), член Президиума ИККИ.

Деникин А.И. (1872—1947) — участник Русско-японской и Первой мировой войн, генерал-лейтенант (1916 г.). С мая 1917 года — главнокомандующий войсками Западного фронта, с июля — Юго-Западного фронта. Участник Корниловского мятежа. Бежал на Дон, где активно участвовал в создании Добровольческой армии. С апреля 1918 года — командующий, с октября — главком Доброармии. С января 1919 года — главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР). После разгрома армии и эвакуации в Крым сдал в апреле 1920 года командование генералу П.Н. Врангелю и выехал за границу. Умер в США.

Дерибас Т.Д. (1883—1939) — участник революции 1905—1907 гг. В 1917 г. один из руководителей борьбы за советскую власть в Оренбургской губернии. С 1920 г. в ВЧК (ОГПУ), с 1929 года полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю, с 1931 года член коллегии ОГПУ Кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ВЦИК, ЦИК СССР, комиссар государственной безопасности 1-го ранга. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

Дутов А.И. (1879—1921) — один из руководителей контрреволюции на Южном Урале в Гражданскую войну, генерал-лейтенант (1919 г.). В ноябре 1917 года поднял антисоветский мятеж в Оренбурге. Командовал отдельной Оренбургской армией в войсках Колчака, после разгрома которых бежал в Китай, где был убит.

Дыбенко П.Е. (1889—1938) — в революционном движения с 1907 года. С 1911-го матрос Балтийского флота. В 1917 г. — председатель Центробалта, член Петроградского ВРК и коллегии Наркомата по военным и морским делам, в 1918 г. нарком по морским делам. В Гражданскую войну командовал группой войск на Украине, Крымской армией. Окончил Военную академию РККА (1922 г.). С 1928 года — командующий войсками ряда военных округов. Член РВС СССР, ЦИК СССР. Командарм 2-го ранга.

Егоров А.И. (1883—1939) — в Гражданскую войну командовал армиями, в 1919—1920 гг. — войсками Южного фронта при разгроме войск генерала Деникина и Юго-Западного фронта в войне против Польши. В 1931-35 гг. — начальник штаба РККА, в 1935-37 гг. — начальник Генштаба, в 1937-38 гг. — 1-й заместитель наркома обороны СССР. Маршал Советского Союза. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

Ежов Н.И. (1895—1940) — член партии большевиков с 1917 г. С 1934 г. член ЦК ВКП(б), заместитель председателя, председатель КПК при ЦК, член Оргбюро ЦК, с 1937-го кандидат в члены Политбюро ЦК. В 1936—1938 гг. нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности. С 1938 года — нарком водного транспорта СССР. В 1940 году был арестован и приговорен к расстрелу.

Елькин С.Я. (1888—1918) — активный участник революции 1905—1907 гг. В дни Октября 1917 года был в числе руководите-

лей Челябинской большевистской организации и Совета рабочих и солдатских депутатов. Устанавливал Советскую власть в Челябинске, Златоусте и других городах Урала. В качестве политического комиссара и командира отряда Красной гвардии участвовал в боях с дутовцами. Погиб в бою с белочехами.

Енукидзе А.С. (1877—1937)— советский государственный, партийный деятель. Один из создателей организации РСДРП(б) в Баку (1900 г.). Участник Октябрьской революции в Петрограде. С 1918 года секретарь Президиума ВЦИК, с 1922-го секретарь Президиума ЦИК СССР. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

Жуков Г.К. (1896—1974) — в Красной Армии с 1918 года. В Гражданскую войну командир взвода, эскадрона. С 1923 г. командир кавполка. Участник боев на р. Халхин-Гол (1939 г.). С 1940-го командующий войсками Киевского Особого военного округа. В январе — июле 1941 года начальник Генштаба — зам. наркома обороны СССР. В Великую Отечественную войну — 1-й зам. наркома обороны и зам. Верховного Главнокомандующего, командующий 1-м Белорусским фронтом. После войны— главнокомандующий Группой советских войск в Германии и главноначальствующий Советской военной администрации, главнокомандующий Сухопутными войсками и зам. министра ВС СССР, командующий войсками ОдВО и УрВО, 1-й зам. министра, министр обороны СССР. Маршал Советского Союза. Четырежды Герой Советского Союза. Дважды награжден высшим военным орденом «Победа».

Зиновьев Г.В. (1887—1934) — участник 1-й мировой войны, активный участник революции и Гражданской войны. В 1918 г. главком войск Туркестана, командующий 1-й Туркестанской армией, командующий Оренбургской группой войск. После окончания Гражданской войны находился на военной работе. С 1934 г. — начальник Военно-инженерной академии.

Зиновьев Г.Е. (Радомысльский) (1883—1936) — видный деятель РКП(б) и международного коммунистического движения. Участник революции 1905—1907 годов. Член ЦК партии в 1907—1927 годах. В 1917 году вместе с В.И. Лениным — делегат Апрельской конференции РСДРП(б), I и II Всероссийских съездов Сове-

тов, член ВЦИК и Исполкома Петросовета. В период подготовки Октябрьского вооруженного восстания вместе с Л.Б. Каменевым выступил против вооруженного восстания. После Октябрьской революции занимал видные посты на партийной и советской работе. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Калинин М.И. (1875—1946) — советский государственный деятель, член партии с 1898 года. Участник революций 1905—1907 годов, Февральской и Октябрьской 1917 года. С 1926 года член Политбюро ЦК ВКП(б), с 1922 г. председатель ЦИК СССР, с 1938 г. председатель Верховного Совета СССР.

Калмыков М.В. (1888—1939) — рабочий, старший унтер-офицер русской армии. Активный участник Гражданской войны. В период борьбы с Дутовым командовал Богоявленским отрядом. Гражданскую войну закончил в должности командира дивизии. После окончания Гражданской войны находился на военной работе. С 1930 г. по 1938 г. служил в ОКДВА. Командир Приморского корпуса, помощник командующего ОКДВА.

Каменев С.С. (1881—1936) — участник 1-й мировой войны, полковник. После Октябрьской революции избирается начальником штаба 3-й армии. В апреле 1918 года вступил в Красную Армию, с сентября 1918 года — командующий Южным фронтом. С июля 1919 года по апрель 1924 года—Главнокомандующий Вооруженными силами Республики и член Реввоенсовета РСФСР. С 1924 года — член Реввоенсовета СССР, начальник Штаба РККА, заместитель наркома по военным и морским делам. Командарм 1-го ранга.

Карахан (Караханян) Л.М. (1889—1937) — советский государственный деятель. Член РСДРП с 1904 года. Участник Октябрьской революции (в 1917 г. был секретарем Петросовета, членом ВРК). В 1922—1923 гг.— заместитель наркома иностранных дел. С 1923 по 1926 г. — полпред СССР в Китае. Чл. ЦИК СССР. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

Карбышев Д.М. (1880—1945), военный инженер, генерал-лейтенант инженерных войск (1940 г.), Герой Советского Союза (1946 г., посмертно). В Красной Армии с 1918 г. В Гражданскую войну участвовал в разгроме Врангеля. Затем на военно-препода-

вательской работе. В начале Великой Отечественной войны тяжело контуженный попал в фашистский плен. Замучен гитлеровцами в лагере Маутхаузен.

Каширин Н.Д. (1888—1938) — окончил юнкерское училище, после Октябрьской революции порвал с офицерской средой и перешел на сторону советской власти. Один из организаторов и руководителей красногвардейских отрядов на Южном Урале. Летом и осенью 1918 г. вместе с В.К. Блюхером участвовал в организации и проведении легендарного похода Сводного отряда южноуральских партизан. После окончания Гражданской воины находился на ответственной военной работе. Командарм 2-го ранга.

Керенский А.Ф. (1881—1970) — политический деятель. Адвокат. Лидер фракции трудовиков в 4-й Государственной думе. С марта 1917 года эсер; во Временном правительстве министр юстиции, военный и морской министр, верховный главнокомандующий, председатель правительства. После Октябрьской революции организатор антисоветского мятежа. Белоэмигрант.

Киров С.М. (Костриков) (1886—1934) — советский государственный, партийный деятель. Участник трех русских революций. Возглавлял борьбу за советскую власть на Кавказе. С 1926 года — 1-й секретарь Ленинградского губкома (обкома) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), одновременно с 1934 г. секретарь ЦК партии.

Кобозев П.А. (1878—1941) — активный участник революции и Гражданской войны. В ноябре 1917 г. был назначен чрезвычайным комиссаром по борьбе с Дутовым по Оренбургской — Тургайской области. В 1918 г. чрезвычайный комиссар Средней Азии, член Реввоенсовета Восточного фронта. В 1922—1923 гг. — председатель Совета министров ДВЕ Последующие годы занимался научно-педагогической работой.

Колчак А.В. (1873—1920) — участник Русско-японской и Первой мировой войн, вице-адмирал (1916 г.), командующий Черноморским флотом. При Временном правительстве находился в заграничной командировке. Позднее — член контрреволюционной Уфимской директории, после переворота, произведенного в Сибири в ноябре 1918 года, стал военным диктатором, приняв титул «Верховного правителя Российского государства». После разгрома

колчаковщины 7 февраля 1920 года был расстрелян по постановлению Иркутского Военно-революционного комитета.

Конев И.С. (1897—1973) — участник 1-й мировой войны. В Красной Армии с 1918 года. В Гражданскую войну — комиссар бронепоезда, стрелковой бригады, дивизии, штаба НРА ДВР. После войны на различных командных должностях. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1934 г.). В 1938 г. возглавил на ДВ (после расформирование ОКДВА) 2-ю Отдельную Краснознаменную армию. В 1940—1941 гг. командовал войсками ЗабВО и СКВО. В Великую Отечественную войну — командующий 19А, Западным, Калининским, Северо-Западным, Степным, 2-м, 1-м Украинскими фронтами. С 1945 г. — главнокомандующий Центральной группой войск. Затем был главнокомандующим Сухопутными войсками, 1-м заместителем министра обороны СССР, одновременно главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора. Маршал Советского Союза. Дважды Герой Советского Союза. Герой ЧССР, Герой МНР. Награжден высшим военным орденом «Победа».

Корк А.И. (1887—1937) — советский военачальник. В 1914 г. окончил Николаевскую военную академию, участник 1-й мировой войны 1914—1918 гг., подполковник. В рядах Красной Армии с 1918 г. В годы Гражданской войны последовательно командовал армиями: Эстляндской, 6-й и 15-й. После окончания Гражданской войны занимал видные командные должности. С 1935 по 1937 гг. — начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе. Командарм 2-го ранга.

Коротаев Я.Е. — Один из руководителей партизанского движения Восточного Забайкалья. Активный участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1920 г. — командир Забайкальского партизанского корпуса. В 1921 г. командовал Забайкальской дивизией НРА в Дальневосточной республике.

Крылов Н.И. (1903—1972) — участник Гражданской войны, был командиром взвода, роты. После войны на командных должностях в войсках на Дальнем Востоке в НРА ДВР, ОКДВА. В Великую Отечественную войну командовал армиями, после войны рядом военных округов. С 1963 года — главнокомандующий Ракет-

ными войсками стратегического назначения. Маршал Советского Союза. Дважды Герой Советского Союза.

Кузнецов Н.Г. (1902—1974) — в ВМФ с 1919 года. Участник Гражданской войны. С 1932 г. помощник командира и командир крейсера. В 1936—1937 гг.— в Испании, с 1937-го — зам. командующего и командующий Тихоокеанским флотом. В 1939—1946 гг. нарком ВМФ СССР, главком ВМФ. С 1947-го на различных должностях в ВМФ, с 1950 г. командующий Тихоокеанским флотом, в 1951—1953 гг. — военно-морской министр, в 1953—1956 гг. — 1-й зам. министра обороны СССР — главком ВМС (в 1955—1956 гг. — Адмирал Флота Советского Союза). Затем попал в опалу (1956 г.) и был понижен в звании до вице-адмирала.

Куйбышев В.В. (1888—1935) — видный деятель партии большевиков и Советского государства. Член РСДРП с 1905 г. В Октябрьские дни 1917 года был руководителем самарских большевиков и непосредственным организатором вооруженного восстания в Самаре. В начальный период Гражданской войны Куйбышев принимал самое непосредственное участие в организации разгрома дутовщины, своевременно ликвидировал левоэсеровский мятеж в Самаре, поднятый в мае 1918 г. Муравьевым. В 1919—1920 гг. — член РВС Южной группы войск Восточного фронта. С 1922 г. секретарь ЦК и председатель ЦКК партии, нарком РКИ, зам. председателя СНК и Совета труда и обороны.

Литвинов М.М. (Баллах Макс) (1876—1951) — член РСДРП с 1898 года. В 1918—1921 гг. — член коллегии Наркомата иностранных дел РСФСР. С осени 1919 г. в Копенгагене вел переговоры с английским представителем об обмене военнопленными. Затем заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР, нарком иностранных дел СССР.

Ламинадзе В.В. — 1-й секретарь Закавказского крайкома партии, участник «право-троцкистского уклона» (конец 1930 г.). Ламинадзе принадлежал к группе, которой руководил С.И. Сырцов — председатель Совнаркома РСФСР, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б).

Меженинов С.А. (1890—1937) — выпускник академии Генштаба (1914 г.), школы летнабов (1916 г.). Участник 1-й мировой войны.

В Гражданскую войну — начальник штаба 4-й армии, с 1919 года — командующий 3-й, 12-й и 15-й армиями. С 1921 г. — начальник штаба Западного фронта, УкрВО, затем помощник и заместитель начальника ВВС, начальник штаба Управления ВВС. Комкор.

Мерецков К.А. (1897—1968) — в Красной Армии с 1918 года. Окончил Воен. акад. РККА (1921). В Гражданскую войну помощник начальника штаба бригады и дивизии. С 1922 г. — начальник штаба кавдивизии, пом. начальника штаба стрелкового корпуса, с 1931 г. начальник штаба военного округа, с 1935 года — ОКДВА. С 1937 заместитель начальника Генштаба, с сентября 1938 г. — командующий войсками ПриВО, затем ЛВО, во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг. одновременно — командующий 7А. С 1940 года начальник Генштаба, с 1941 г. зам. наркома обороны СССР. В Великую Отечественную войну командовал 7А и 4А, Волховским, Карельским фронтами, а в войне с Японией — 1-м Дальневосточным фронтом. После войны командовал войсками ряда военных округов, был начальником курсов «Выстрел», помощником министра обороны СССР. Маршал Советского Союза. Герой Советского Союза. Награжден высшим военным орденом «Победа».

Мехлис Л.З. (1889—1953) — участник 1-й мировой войны. В Гражданскую войну военком бригады, дивизии, Правобережной группы советских войск на Южном фронте. В 1921—1936 гг. на советской и партийной работе, в том числе — редактор газеты «Правда». В 1937—1940 гг. начальник Политуправления РККА и заместитель наркома обороны СССР. В последующие гады занимал различные государственные посты в правительстве.

Ольдерогге В.А. (1873—1931), генерал русской армии, с марта 1918 г. в Красной Армии, в 1919 году командовал Восточным фронтом.

Орджоникидзе ПК. (Серго) (1886—1937) — видный партийный и государственный деятель. Участник революции 1905—4907 годов и Октябрьской революции в Петрограде. В Гражданскую войну — один из организаторов обороны Царицына, возглавлял борьбу за Советскую власть на Северном Кавказе и в Закавказье, был членом РВС 16А и 14А, членом РВС Кавказского фронта.

В 1920—1926 гг. — председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б), 1-й секретарь Закавказского крайкома партии, в 1924—1927 гг. — член РВС СССР. С 1926 г. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ, зам. председателя СНК и СТО СССР. С 1930-го — председатель ВСНХ. С 1932 года нарком тяжелой промышленности. В 1937 году покончил жизнь самоубийством.

Павлов С.Д. (1897—1946) — мичман, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В 1917 г. в боях под Пулковом и Гатчиной командовал отрядом революционных матросов, принимал участие в аресте в Могилеве главнокомандующего царской армией Духонина. В декабре 1917 г. во главе Северного экспедиционного летучего отряда прибыл в Челябинск. Отряд под его командованием сыграл большую роль в разгроме дутовцев.

Подвойский Н.И. (1880—1948) — один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, член Коммунистической партии с 1901 года. В 1917 году депутат Петросовета, руководитель Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б), редактор газет «Солдатская правда», «Солдат», «Рабочий солдат», председатель Военной организации при ЦК большевиков. С ноября 1917 года по март 1918 года — нарком но военным делам. В 1918—1919 годах был членом РВС ряда армий и РВС Республики. С 1919 года начальник Всевобуча, а затем— на историко-партийной работе. Член ЦКК партии в 1924—1930 годах. Член ВЦИК.

Позерн Б.П. (1882—1939), член партии большевиков с 1902 года. После Февральской революции 1917 г.— председатель Минского Совета. С июля 1917 г. работал в Петрограде. В июне-июле 1919 г. — член РВС Западного фронта, в августе 1919 г. — январе 1920 г. — Восточного фронта.

Постышев П.П. (1888—1940) — видный партийный и государственный деятель. В тяжелые годы оккупации интервентами Дальневосточного края находился на руководящей подпольной работе и был одним из основных руководителей партизанской борьбы. В 1920 г. сыграл важную роль в НРА. В 1921—1922 гг. — член Военного совета Восточного фронта. После окончания Гражданской войны работал с 1923 по 1930 гг. на Украине первым

секретарем Киевского губкома. С 1933 г. — секретарь ЦК КП(б) Украины.

Радек К.Б. (Софельсон) (1883—1941) — старейший деятель международного коммунистического движения. С начала 1900-Х годов принимал участие в социал-демократическом движении Галиции, Польши и Германии. В 1917 году работал в Стокгольме по установлению связей ЦК большевиков с зарубежными революционными интернационалистами. Член ЦК РКП (б) и секретарь Коминтерна в 1919—1923 годах. За принадлежность к троцкистской оппозиции дважды исключался из партии, в 1927 году (восстановлен в 1930 году) и в 1936 году. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

Рокоссовский К.К. (1896—1968) — в Красной Армии с 1918 года. Участник 1-й мировой войны. В Гражданскую войну — командир кавалерийского эскадрона и полка. После войны командир кавалерийского полка, бригады, дивизии, с 1936 — корпуса. Закончил кавалерийские курсы (1925 г.), курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1929 г.). В Великую Отечественную войну — командир мехкорпуса, командующий 16А, Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами. После войны — главнокомандующий Северной группой войск. С 1949 года — министр Национальной обороны и зам. председателя Совета министров ПНР. Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза.

Русяев В.С. (1898—1960) — активный участник Гражданской войны, В период борьбы с Дутовым был помощником начальника штаба Троицкого отряда, затем находился на различных командных должностях. В 1920 г. — военком штаба 51-й стрелковой дивизии. В 1921—1922 гг.— начальник штаба Забайкальской группы войск НРА. Участник боев за Волочаевку и Хабаровск. Соратник В.К. Блюхера.

Рыков А.И. (1881—1938) — советский партийный и государственный деятель. В партии большевиков с 1899 года. Участник революций 1905—1907 и 1917 годов. Нарком внутренних дел (ноябрь 1917 г.) в первом советском правительстве. В 1918—1921

и 1923-24 гг. возглавлял ВСНХ. В 1924—1930 гг. — председатель СНК СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) (1922—1930 гг.). В конце 20-х годов выступил против свертывания новой экономической политики (нэпа), резкого форсирования коллективизации и индустриализации страны, что было объявлено «правым уклоном ВКП(б)». В 1931 — 1936 гг. — нарком связи. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Серышев С.М. (1889—1928) — участник 1-й мировой войны. Офицер русской армии. В 1917 г. перешел на сторону революции. Один из организаторов партизанского движения и борьбы за освобождение Дальнего Востока. До реорганизации Народно-революционной армии ДВР (1921 г.) командовал 2-й Приморской армией. После реорганизации — член Военного совета и замглавкома НРА. С декабря 1921 года — командующий Приамурским военным округом и командующий Восточным фронтом Народно-революционной армии. После окончания Гражданской войны учился в Военной академии РККА, затем работал военным атташе в Японии. В 1928 г. — начальник Центрального дома Красной Армии.

Склянский Э.М. (1892—1925)— член РСДРП(б) с 1913 г. В 1917 г. вел большую партийную работу в 5-й армии Северного фронта, был избран председателем армейского комитета. Делегат 2-го съезда Советов, член Петроградского ВРК. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомвоена. С конца 1918 до 1924 г. — заместитель председателя РВСР.

Сталин И.В. (Джугашвили) (1879—1953) — один из руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Активный участник подготовки и проведения Октябрьской революции. В 1917—1922 гг. — нарком по делам национальностей, одновременно нарком государственного контроля (с 1919 г.), реорганизованного в 1920 г. в РКИ. Во время Гражданской войны выполнял ответственные поручения ЦК РКП(б) и Советского правительства; был членом РВС Республики, членом РВС Южного, Западного и Юго-Западного фронтов. С 1922 года — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), с 1941-го и Председатель СНК (Совета Министров) СССР. В Великую Отечественную войну Председатель ГКО, нарком обороны, Верховный Главнокомандующий, возглав-

лял Ставку Верховного Главнокомандования, один из организаторов антигитлеровской коалиции. Сыграл видную роль в построении социализма в СССР. Вместе с тем допускал теоретические и политические ошибки, грубые нарушения социалистической законности. Генералиссимус Советского Союза. Герой Социалистического Труда. Герой Советского Союза. Дважды награжден высшим военным орденом «Победа».

Сунь Ятсен (1866—1925), китайский революционер-демократ. Вел революционную борьбу против правившей в Китае маньчжурской династии Цин. Вождь Синьхайской революции. В 1912 году основал партию Гоминьдан. В 1917—1925 гг. возглавлял революционное правительство Южного Китая, установил связь с СССР.

Телегин К.Ф. (1899—1981) — в Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны, помощник военкома стрелкового полка. Окончил Военно-политическую академию (1931 г.). С 1936 г. на политработе в войсках НКВД. В Великую Отечественную войну — член Военного совета МВО и Московской зоны обороны, Донского, Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского фронтов. После войны — член Военного совета Группы советских войск в Германии (ГСВГ). В 1955—1956 гг. — заместитель начальника курсов «Выстрел». Генерал-лейтенант.

Томин Н.Д. (4887—1924) — после Февральской революции был председателем казачьего комитета 1-й Оренбургской казачьей дивизии. С февраля 1918 г. принимал активное участие в борьбе с дутовщиной, командовал Троицким отрядом. На фронтах Гражданской войны проявил себя талантливым военачальником. Сыграл большую роль в решающих боях по освобождению Дальнего Востока в 1921—1922 гг. В 1924 году руководил борьбой с басмачеством в Восточной Бухаре.

Троцкий (Бронштейн) Л.Д. (1879—1940)— в социал-демократическом движении с 1897 года. Член партии большевиков с 1917-го по 1927-й гг. Один из организаторов Красной Армии и обороны страны в годы Гражданской войны. В 1918—1924 гг. нар¬комвоенмор и председатель РВСР. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1919-го по 1926 год. В 1929 г. обвинен в антисоветской деятельности и выслан из СССР.

Тухачевский М.Н. (1893—1937)— в Красной Армии с 1918 года. Окончил Александровское военное училище (1914 г.). Участник 1-й мировой войны. В Гражданскую войну военный комиссар обороны Московского района, командующий 1А, помощник командующего Южным фронтом, командующий 8А и 5А, в 1920—1921 гг.— Кавказским, Западным фронтами, 7А при подавлении Кронштадтского мятежа, войсками Тамбовского района при ликвидации антоновщины. После войны начальник Военной академии РККА. В 1925—1928 гг. — начальник Штаба РККА. С 1928 года командующий войсками ЛВО. С 1931 г/заместитель наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА, с 1936-го 1-й зам. наркома обороны и начальник управления боевой подготовки. В 1937-м — командующий войсками ПриВО. Маршал Советского Союза. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

Уборевич И.П. (1896—1937) — организатор Красной гвардии на Румынском фронте. В 1918 году — командир батареи, затем бригады и 18-й дивизии на Северном фронте. В 1919—1920 гг. командующий 9-й, 13-й и 14-й армиями. В 1922 г. — командующий Народно-революционной армией, военный министр ДВР. С 1925 г. — командующий войсками СКВО, с 1928 г. — МВО. В 1930—1931 гг. зам. председателя РВС СССР и начальник вооружений РККА, в 1931 —1937 гг. — командующий войсками БВО. Командарм 1-го ранга. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

Фабрициус Я.Ф. (1877—1929) — член большевистской партии с 1903 г., за революционную деятельность отбывал тюремное заключение, каторгу и ссылку. В гражданскую войну командовал бригадой и дивизией. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. После гражданской войны командовал дивизией и стрелковым корпусом. Погиб при авиационной катастрофе.

Федько И.Ф. (1897—1943) — видный советский военачальник, герой Гражданской войны. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. Принимал участие в ликвидации Кронштадтского мятежа. В 1922 г. закончил Военную академию РККА. Был командующим Приморской группой войск в ОКДВА. В 1938 г. — заместитель народного комиссара обороны СССР. Командарм 2-го ранга. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

Фрунзе М.В. (1885—1925) — активный участник Октябрьской революции. В Гражданскую войну — командующий армией, Южной группой войск Восточного фронта. В 1919—1920 гг. командующий Туркестанским фронтом. В 1920 году возглавил Южный фронт против армии Врангеля. В 1924—1925 гг.— заместитель председателя и председатель РВС СССР, заместитель наркома и нарком по военным и морским делам. С 1921 года член ЦК РКП(б), с 1924 г. кандидат в члены Политбюро ЦК. Член ВЦИК и Президиума ЦИК СССР.

Хетагуров Г.И. (1903—1975) — в Красной Армии с 1920 года. Участник Гражданской войны. Был командиром артиллерийской батареи, дивизиона. С 1937-го командир артполка, начальник артиллерии стрелковой дивизии и механизированного корпуса. В Великую Отечественную войну начальник артиллерии корпуса, начальник штаба ряда армий, командир дивизии, корпуса. После войны командир корпуса, командующий армией, Северной группой войск, войсками ПрибВО. Генерал армии. Герой Советского Союза.

Хаханьян Г.Д. (1895—1937) — офицер русской армии, член большевистской партии с 1917 г. В Гражданскую войну — военком Псковской стрелковой дивизии, командир бригады и помощник начальника 27-й стрелковой дивизии. После войны на политработе. Окончил военно-академические курсы высшего комсостава РККА (1924 г.). В 1929 г. начальник политуправления и член Военного совета УВО, с 1936 года начальник политуправления ОКДВА. Комкор. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

Хрулев А.В. (1892—1962) — в Красной Армии с 1918 г. В Гражданскую войну помощник начальника и начальник политотдела, военком кавдивизии 1-й Конной армии. После войны на разных командных должностях, с 1939 г. начальник управления снабжения РККА, с 1940-го главный интендант Красной Армии. В Великую Отечественную войну — зам. наркома обороны СССР, начальник Главного управления тыла Красной Армии, одновременно (в 1942—1943 гг.) нарком путей сообщения СССР. В 1951—1958 гг. — зам. министра ряда министерств СССР. Генерал армии.

Чан Кайши (Цзян Цзеши) (1887—1975) — глава (с 1927) реакционного гоминьдановского режима, свергнутого в результате революции в Китае в 1949 году. В первой половине 20-х годов под личиной «левого» гоминьдановца выступил на стороне Сунь Ятсена. В 1927 г. совершил контрреволюционный переворот, установил в стране реакционно-диктаторский режим. В 1930—1934 гг. организовывал походы против СССР на Дальнем Востоке. После разгрома гоминьдановцев коммунистическими силами Китая бежал на остров Тайвань, где возглавил правительство под эгидой США.

Черепанов А.И. — в Красной Армии с 1918 года. В Гражданскую войну — командир стрелкового полка, начальник штаба и командир стрелковой бригады. В 1923—1927 гг. и 1938—1939 гг. военный советник в Китае. С 1927 года на различных командных должностях. В Великую Отечественную войну командовал 23-й армией. В 1948—1955 гг. — заместитель начальника Управления военных вузов. Генерал-лейтенант.

Чичерин Г. В. (1872—1936) — в революционном движении с 1904 года. С 1918 года член коллегии по иностранным делам Советской республики. В разные годы с 1918-го по 1930-й — народный комиссар иностранных дел РСФСР, СССР.

Шевчук И.П. — один из руководителей партизанского движения на Дальнем Востоке. Командир Тунгусского партизанского отряда. После Гражданской войны находился на военной работе. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. Генерал-майор. В 1942 году погиб на Северо-Западном фронте.

Шкадов И.Н. (1913—1991) — в 1938 году участвовал в боях у озера Хасан. Был командиром танкового взвода, роты, начальником штаба отдельного танкового батальона. В Великую Отечественную войну находился на различных командных должностях. После войны командующий войсками военного округа и Северной группы войск. Затем — начальник Главного управления военно-учебных заведений, Главного управления кадров МО СССР. Герой Советского Союза.

Штерн Г.М. (1900—1941) — участник Гражданской войны, комиссар полка, бригады. С 1921 г.— военком стрелкового полка, дивизии, кавкорпуса. В 1923—1925 гг. на Туркестанском фронте,

командир частей особого назначения Хорезмской группы войск. С 1925 г. начальник политотдела кавалерийской дивизии, затем в аппарате НКО. В 1937—1938 гг.— главный воен. советник при республиканском правительстве в Испании. С 1938 года начальник штаба Дальневосточного фронта, командующий 1-й отдельной Краснознаменной армией. Участник боев на озере Хасан, реке Халхин-Гол и советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Герой Советского Союза. Генерал-полковник.

Эйдеман Р.П. (1895—1937) — военачальник Красной Армии. Активный участник Гражданской войны. В 1919 году командовал 16-й, 41-й и 46-й стрелковыми дивизиями. В 1920 году возглавлял 13-ю и 14-ю армии, затем войска Правобережной группы Юго-Западного фронта, действовавшие против Врангеля. В 1921—1922 гг.— член РВС НРА Дальневосточной республики. После окончания Гражданской войны находился на руководящей военной работе. В 1925—1932 гг. — начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе. С 1932 г. — председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Д. Один год из жизни Блюхера. Челябинск, 1980.

Алексеев Д.Г., Голубых М.,Д., Калмыков Е.М., Комкор Калмыков. Уфа, 1988.

Блюхер В.В. По военным дорогам отца. Свердловск, 1984.

Блюхер В.К. Статьи и речи. М., 1963.

Блюхер Г. Воспоминания о муже — Маршале В.К. Блюхере. Тюмень, 1996.

Блюхер Г. Л. С Василием Константиновичем Блюхером — шесть лет. Военно-исторический журнал. 2001 г., № 3-4-5.

Будберг А. Дневник. М., 1991.

Буденный СМ., Пройденный путь. М., 1973.

Вишняк М.,В. На Родине. «Современные записки». М., 1928.

Волкогонов Д.А. Сталин. Триумф и трагедия. М., 1995.

Врангель П. Записки. Белое дело, т. 6. Берлин, 1929.

Государственный переворот адмирала Колчака в Омске, 18 ноября 1918 г. Сост. В. Зензинов. (Перевод с французского) Париж, 1919,

Гребенник К.Д., Ушев А.Т. Хасанский дневник. Владивосток, 1978.

Гуль Р. Красные маршалы. Тухачевский. Ворошилов. Блюхер. Котовский. М., 1990.

Душенькин В.В. От солдата до маршала. М., 1966.

Душенькин В.В. Пролетарский маршал. М., 1973.

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. М.,1992.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1995.

Зенькович Н.А. Маршалы и генсеки. Смоленск, 1996.

Известия ЦК КПСС. 1989 г.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

Иссерсон Г.С. Записки современника о М.Н. Тухачевском., М., 1963.

Казанин М. И. В штабе Блюхера. Воспоминания о Китайской революции 1925—1927 годов. М., 1966.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990.

Каменев СС Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963.

«Каховка — Перекоп». Сборник воспоминаний. Одесса. 1932.

Кондратьев Н.Д. Маршал Блюхер. М., 1965.

Короткое И.С. Разгром Врангеля. М., 1955.

Коршунова А.И. В.К. Блюхер в Китае 1924—1927 гг. Документированный очерк. М., 1979.

Коршунова А.И. Василий Блюхер. Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970.

Кулагин В., Яковлев Н. Подвиг Особой Дальневосточной. М., 1970.

Легендарный рейд. Сборник воспоминаний о походе южноуральских партизан под командованием В.К. Блюхера. М., 1959.

Ленин В.И. ПСС. М., 1970.

Листов В. Комиссар Дерибас. М., 1985.

Лучевников П. Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958.

Мерецков К.А. На службе народу. М., 1969.

Опишня И. Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства. Возрождение, Париж, 1955, № 39.

От Зимнего до Перекопа. Сборник воспоминаний. М., 1966.

Павленко Н.Г. Была война. Размышления военного историка. М., 1994.

Паустовский К. Василий Блюхер. М., 1960.

Перекоп. Сборник воспоминаний. М., 1941.

Перекопские бои. Воспоминания участников. Симферополь. 1936.

Плотников И.Ф. Десять тысяч героев: Легендарный рейд уральских партизан во главе с В.К. Блюхером., М., 1967.

Последние дни колчаковщины. Сборник документов. М.,—Л. 1926.

«Пятьдесят первая Перекопская дивизия». История боевой и мирной жизни за пять лет. (1919—1924). Омск, 1925.

Разгром Колчака. Воспоминания. М., 1969.

Рубцов Ю. Alter ego Сталина. М., 1999.

Смирнов Г. Очищение армии. М., 2007.

Созвездие полководцев. Сборник воспоминаний. Хабаровск, 1972.

Слово о военачальниках Советской Армии — дальневосточниках. Благовещенск. 1972.

Соколов Б.В. Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала». М., 2003.

Устрялов Н. «В борьбе за Россию». Сборника статей. Харбин. 1920.

Фелоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1940.

Форпост на Востоке. Иркутск, 1985.

Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. М., 1976.

Шелленберг В. Мемуары. (Перевод с немецкого). М., 1991.

Шкадов И.Н. Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988.

Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. М., 1962.

XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1935.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Тимофеевич Великанов

ИЗМЕНА МАРШАЛОВ

Редактор *С. В. Маршков*
Художественный редактор С. *В. Курбатов*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *В. Л. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-08-25
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
ООО «БСК»: 380-0028
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1 -й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Книги издательства «Алгоритм» можно приобрести в
интернет-магазине: http://www.politkniga.ru

Подписано в печать 04.04.2008.
Формат 84x108 1/32 Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4831012

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.